

Кающаяся / Penitent (роман)

Сторонний перевод

Этот перевод был выполнен за пределами Гильдии.

Кающаяся / Penitent (роман)

Автор	Дэн Абнетт / Dan Abnett
Переводчик	Ри, Alkenex, Elijah
Издательство	Black Library
Предыдущая книга	Пария / Pariah (роман)
Год издания	2021
Экспортировать	PDF , EPUB

Сюжетные связи

Предыдущая книга	Пария / Pariah Лепидоптерофобия (Освобожденная Медея) / Lepidopterophobia (Medea Unbound)
Следующая книга	Pandemonium

Вот уже более ста веков Император неподвижно восседает на Золотом Троне Земли. Он — Повелитель Человечества. Благодаря мощи его несметных армий миллион миров противостоят

тьме.

Однако сам он — гниющий полутруп, разлагающийся властелин Империиума. Жизнь в нем продлевают чудеса из Темной эры технологий, и каждый день ему в жертву приносят по тысяче душ.

Быть человеком в такие времена — значит быть одним из бесчисленных миллиардов. Жить при самом жестоком и кровавом режиме, какой только можно вообразить, посреди вечных битв и кровопролития. Слышать, как крики боли и стенания заглушаются алчным смехом темных божеств.

Это беспросветная и ужасная эпоха, где вы найдете мало утешения или надежды. Забудьте о силе технологий и науке. Забудьте о предсказанном прогрессе и развитии. Забудьте о человечности и сострадании.

Нет мира среди звезд, ибо во мраке далекого будущего есть только война.

Первая часть истории, которая называется

□

Содержание

КОРОЛЕВСКИЙ СТВОР

ГЛАВА 1

ГЛАВА 2

ГЛАВА 3

ГЛАВА 4

ГЛАВА 5

ГЛАВА 6

ГЛАВА 7

ГЛАВА 8

ГЛАВА 9

ГЛАВА 10

ГЛАВА 11

МОЙ ОТРЯД

ГЛАВА 12

ГЛАВА 13

ГЛАВА 14

ГЛАВА 15

ГЛАВА 16

ГЛАВА 17

ГЛАВА 18

ГЛАВА 19

НАСТОЯЩЕЕ ЗНАНИЕ

ГЛАВА 20

ГЛАВА 21

ГЛАВА 22

ГЛАВА 23
ГЛАВА 24
ГЛАВА 25
ГЛАВА 26
ГЛАВА 27
ГЛАВА 28
ГЛАВА 29
ГЛАВА 30
ГЛАВА 31

КОРОЛЕВСКИЙ СТОР

ГЛАВА 1

Об обществе, которое содержат

и об обществах, которым служат

Мои сны стали липкими и черными с тех пор, как я повстречала демона.

Прошло два месяца с того времени, когда он впервые посетил меня. Нематериальное присутствие демона просочилось в мои сны, подобно смоле, и склеило все мысли. Как итог, их невозможно стало разобрать и отделить друг от друга. Был лишь единый слипшийся комок черной путаницы, в котором мои мысли извивались и постепенно угасали, не в силах вырваться на свободу или обрести четкую форму.

Я надеялась на ясность. Верила, что она — это то, что я искала всю жизнь. И жалела, что не встретила ангела, чья сущность наполнила бы мой разум янтарем. Конечно, это всего лишь фантазия. Я никогда не встречала ангелов и не знала об их существовании, но именно такую картину себе и представляла. Если прикосновение демона топит сны в темной трясине, касание ангела должно заливать их золотой смолой — так, чтобы каждая мысль сохранялась отдельной и нетронутой, совершенно ясно представленной. Я смогла бы постичь смысл каждой. Смысл всех.

Я видела янтарь на рыночных прилавках за Вратами Мытарств. Именно там и узнала о нем: полированные камешки оттенков охры, гамбожа и орпимента, напоминающие стекло, каждый из них украшен силуэтом мухи или отдающего блеском жука, заключенного внутри на века.

Таким я хотела бы видеть и свой разум. Вот если бы каждая мысль была представлена подобным образом: доступная свету со всех сторон настолько ясно, что можно рассмотреть каждую мельчайшую деталь через увеличительное стекло.

Но ворвался демон, и все стало черным.

Я говорю «демон», но мне сказали, что более правильное название — «демонхост». Его звали Черубаэль. Звучало как имя ангела, словно по правилам Королевы Мэб — города, где названия не согласуются с предметами. Они неизбежно превращаются в шифры друг для друга. Прорвавшись сквозь свои липкие черные сны, я поняла, что Королева Мэб — город глубоких противоречий. Наполовину мертвое место

или, по крайней мере, наполовину иное. Тут все на самом деле является чем-то противоположным себе. Правда и ложь переплетаются, люди — не те, кем кажутся, даже дверям нельзя доверять. Слишком часто они открываются между местами, которые не должны пересекаться.

Королева Мэб — мертвое внутри живого, или наоборот. Город, преследуемый своим же призраком, и мало кто обладает способностью к спиритизму, чтобы вести переговоры. Мертвые и живые расспрашивали друг друга, но не слышали или не могли услышать ответов. И те немногие, кто шел по тёмной черте, осознавая границу, отделявшую физическое от отбрасываемой им тени, казалось, больше заботились о том, чтобы переправлять души с одной стороны на другую, посылать кричащих живых на смерть или возвращать к жизни слепых мертвецов.

В этом мы с Королевой Мэб похожи. И во мне есть мертвая половина, тишина внутри, делавшая из меня парию. Я была истинной уроженкой Королевы Мэб из-за своей противоречивой природы. Все сторонились сироты-изгнанницы, непригодной для общества, но искали меня, как своего рода приз.

Меня зовут Бета Биквин. Ализебет — мое настоящее имя, но никто не называет меня так. Бета — это уменьшительное. Оно произносится как Бе-та, с долгим гласным звуком, но не как Бэта или Бита. Я всегда думала, что это нужно, чтобы различать его от эленикской буквы, обычно используемой в научных порядковых обозначениях. Но теперь, полагаю, это именно то, чем оно является. Я была Бета-версией, второй в списке, второй версией, второй по рангу, менее значимой из двух, копией.

А может, и нет. Возможно, просто следующей. Вероятно, я была альфой (хотя, конечно, не той Альфой, которая находилась рядом со мной тогда).

Возможно, возможно... многое. Мое имя не определяло меня. Это, по крайней мере, я усвоила от Черубаэля, несмотря на липкую темноту снов, которую он создал. Мое имя не подходило мне, как и его — ему. Мы оба, как и Королева Мэб — противоречия с самого начала. Имена, как мы увидим далее, бесконечно ненадежны, но в то же время бесконечно важны.

Я стала очень чувствительна к различиям между тем, как что-то называется, и тем, чем оно является на самом деле. Таким стал мой путь. Этому я училась у Эйзенхорна, который к тому времени, полагаю, стал моим наставником. Практика не судить ничего по внешности была самым смыслом его существования. Эйзенхорн ничему не верил, но в этой привычке содержалась некая ценность, потому как благодаря ей, несомненно, ему удалось прожить очень долгую жизнь. Весьма долгую.

Это определяло и его самого, потому что я знала о нем не больше, чем о себе. Он сказал, что он инквизитор Святых Ордосов, но другой человек, который с такой же настойчивостью претендовал на этот титул, поведал мне, что Эйзенхорн на самом деле ренегат. Хуже того — еретик. Хуже того — Extremis Diabolus. Но, быть может, тот самый человек, что говорил со мной, Рейвенор — так звучало его имя — возможно он и был лжецом.

Я знала ничтожно мало. Даже представления не имела, понимает ли сам Эйзенхорн, кто он такой. Меня терзал вопрос, похож ли он на меня тем, что так же сбит с толку изменчивой правдой мира. Я думала, что я — сирота, воспитанная в школе Мейз Андю^[1], чтобы служить агентом Ордосов. Но теперь казалось, что я... генетическая копия, совсем не сирота. У меня нет, вернее, не было родителей. Покойных матери и отца, которых можно оплакать, не существовало. Тем не менее, я оплакивала их и скучала по ним всю жизнь, потому что они — выдумка, как и история с их надгробием на болотном кладбище.

Говорили, что Мейз Андю — это не просто школа Ордо, а своего рода академия, управляемая герметическим обществом под названием «Когнитэ», имеющим древнее происхождение и служащим

теневым близнецом Инквизиции.

Ожидали, что вопрос о моей верности наконец решится. Служить ли Когнитэ, которая взрастила меня, или же Святым Ордосам, частью которых я всегда себя считала? Связать судьбу с Эйзенхорном, который мог быть слугой Священного Трона или трижды проклятым еретиком? Или же мне обратиться к Рейвенору, претенденту на власть Империиума, но возможно также величайшему лжецу?

А как же другие участники этой игры? Среди них Король в Желтом. Должна ли я быть на его стороне?

На тот момент меня больше прельщала перспектива идти бок о бок с Грегором Эйзенхорном. И это несмотря на то, что он общался с демонхостами и одним из воинов Легионов-предателей, а также негласно был объявлен еретиком.

Почему я выбрала этот путь? Причина уже названа. Я никому не верила. Даже Грегору Эйзенхорну. Но мы неплохо ладили, а он, казалось, был весьма открыт ко мне.

Конечно, у меня были свои принципы. Даже если их навязала Когнитэ, где меня взрастили с верой в то, что моя судьба — это служба Трону. По крайней мере, тогда все казалось правильным. Я знала, что предпочту Бога нашего Императора всем остальным силам и фракциям. Но, куда приведет все это, я предвидеть не могла, ведь, как уже говорилось, на тот момент я еще не определилась, на какую из истин положиться. В компании Эйзенхорна, по крайней мере, я бы могла усвоить кое-какие знания, которыми можно воспользоваться, даже если бы мне в конце пришлось уйти и перебежать на другую сторону.

Я хотела учиться по-настоящему, а не получать лживое образование в Мейз Андю. Я желала узнать правду о себе и о том, какая роль мне отведена в плане большой игры. Более того, мне не терпелось разгадать тайны Королевы Мэб и вынести их на свет, ибо в тени таилась реальная угроза, и разоблачить ее было бы величайшим долгом, который следовало исполнить во имя Бога-Императора.

Таковы были мои устремления, хотя, как потом стало ясно, нужно быть осторожной в своих желаниях. Тем не менее, раскрытие правды во всей ясности и полноте было целью, которую я тайно поклялась достичь. Вот почему в ту холодную ночь меня звали Виолеттой Флайд, шедшей рядом с Эйзенхорном по улицам квартала Волшебных врат на встречу в Салоне Ланмюра.

Да, я знаю. Виолетта Флайд была еще одной маской, фальшивым именем, фальшивой мной, ролью, которую наставники Мейз Андю называли «функцией». Но озарения можно было достичь лишь через актерскую игру, так что я направлялась в салон, и покамест — рядом с Эйзенхорном.

Кроме того, мне нравился его демон.

Черубаэль был душевным. Он называл меня «малюткой», и, хотя демон очернял сны, казалось, был самым честным из моих товарищей. Можно подумать, что ему нечего терять, значит, ничего не стоило быть честным со мной. Кроме этого, для демона не существовало каких-либо сторон.

Не все могли легко переносить его присутствие. Лукрея, девушка, с которой я перешла под попечительство Эйзенхорна, вскоре покинула нас. Однажды ночью она выскользнула на улицу, даже не попрощавшись. Вне всяких сомнений, именно компания демонхоста в конце концов явилась тому причиной, и это несмотря на всё, что ей уже довелось увидеть. Лукрея никогда не участвовала в интригах, а лишь наблюдала со стороны. Я не могла винить её за желание уйти.

Черубаэль являлся демоном, существом из имматериума, заточенным в человеческое тело, давным-давно мертвое. Казалось, его истинное «я» пыталось выбраться наружу, растягивая оболочку. Рога

выпирали из-под кожи бровей, будто бы лесной олень или горный баран пытался вырваться из человеческой оболочки. Бескровная плоть лица растянулась в неестественной усмешке, нос вздернулся, а глаза странно и слишком редко моргали. Иногда мне казалось, что если бы в один прекрасный день он лопнул, то не осталось бы ничего, кроме торчащих рогов и ухмыляющегося черепа.

Черубаэль выглядел довольно страшно, но сам факт его существования меня успокаивал. Если есть демоны, то существуют и другие явления подобного рода. И Королева Мэб постоянно доказывала, что во всем есть симметрия: в жизни и смерти, в материи и имматерии, в истине и лжи, в имени и ложном имени, в вере и неверии, в свете и тьме, во внутреннем и внешнем. Значит, если он — демон, то наверняка должны быть и ангелы? Черубаэль, проклятый и несчастный, представлялся мне доказательством существования ангелов.

И, быть может, когда-нибудь меня навестит ангел и наполнит сны янтарным соком, раскрыв суть предметов, позолотив и прояснив их.

— Город можно измерить, — заметил Эйзенхорн, когда мы шли, — количеством метафизических обществ, которые он укрывает.

— Круг можно измерять, — подхватила я, — начиная с любого места.

Он озадаченно посмотрел на меня.

— Ты так думаешь?

— Это все еще круг, — ответила я. — Ни начала, ни конца. Бесконечность.

— Да. И это все еще город.

— Неужели? — спросила я.

Я пребывала в игривом расположении духа, но Эйзенхорну было все равно. Он имел в виду, конечно, нравы и здоровье города. Город в упадке, склонный к моральному разложению и духовному тлену, становится пристанищем для странных верований. Растет интерес к иному. Это основы учения Ордо. Мода на оккультное и эзотерическое, преобладание маргинальных направлений — вот опасные симптомы деградации культуры.

Если вы не знаете города, салон Ланмюра можно найти в котловине старых улиц под облупившимся шпилем церкви Святой Селестины квартала Волшебных врат, колокола которой звонят по нечетным часам. В эту ночь на широких ступенях перед храмом слонялось множество побирающихся бродяг, известных как Проклятые. Я не могла удержаться от того, чтобы посмотреть, был ли среди них Реннер Лайтберн. В течение нескольких месяцев, с тех пор как мы расстались, я часто думала о нем и о его судьбе, потому что нигде не могла найти следов.

Не было их и тут. Эйзенхорн заметил мой взгляд, но ничего не сказал. Несмотря на его храбрость и самоотверженность, во времена, когда Лайтберн был рядом со мной, агенты Рейвенора стерли ему разум и выбросили, сломленного, на улицу. Эйзенхорн считал, что мне лучше без него, и, конечно же, Лайтберну лучше без меня.

И все же жаль, что у меня не было возможности поблагодарить его.

Повсюду в этом маленьком запутанном квартале Волшебных врат разбросаны салоны, столовые и дома собраний — популярные места для любителей метафизики. Рекламы на стенах и объявления в витринах

кричали о духовных лекциях, спиритических сеансах с зеркалом и наклоняющимся столом или с возможностью услышать выступления известных ораторов по многим эзотерическим вопросам, таким как: «Место человека в космосе», или «Тайная архитектура храмов Королевы Мэб», или «Скрытая сила чисел и букв». Некоторые заведения рекламировали чтение тароше по предварительной записи, а другие обещали духовное исцеление и откровение из прошлой жизни — услуги, предоставляемые опытными практикующими.

Среди всех перечисленных заведений Салон Ланмюра, чьи старые окна светились золотом в сгущающихся сумерках, стоял на первом месте. Салон был местом встреч родственных душ, увлекавшихся искусством и мистикой. Говорили, что знаменитый поэт Крукли регулярно обедал здесь и часто пропускал по стаканчику с гравером Аулаем или прекрасной оперной певицей Коеной Ден Сале. Это место славилось своими лекциями, как формальными, так и неформальными, чтениями и публичными мероприятиями, а также провокационными диалогами, ведшимися среди разношерстной публики.

— Будь этот мир другим, — пробормотал Эйзенхорн, придерживая для меня дверь, — Магистратум и Ордосы тут же прикрыли бы такое место. Весь этот район.

Я считаю, что существует тонкая грань между тем, что допустимо, а что нет. Империи любят свои легенды и тайны, но людей всегда притягивает то, что можно считать крайними идеями. А от веселых безобидных развлечений до откровенной ереси всего один шаг. Королева Мэб и заведения, подобные этому салону, балансировали на грани. В нем улавливался дух оккультизма, под чем я подразумеваю старое определение слова — что-то потаенное и невидимое. Казалось, здесь сокрыты истинные секреты и обсуждаются настоящие загадки — тайны, выходящие за рамки безобидной мишуры и пустяков, допустимых в вышестоящих мирах.

Королева Мэб, да и весь мир Санкура, скатилась в неразумный, богемный упадок, выпав из-под строгого и сурового контроля Империиума в состояние распада конца времен, который закончится лишь его декадентской кончиной или поспешной запоздалой чисткой властями иных миров.

Но, ах! Каким местом был этот салон! На улицу выходили окна знаменитого обеденного зала — большой светлой комнаты, наполненной звоном столовых приборов и неспешной болтовней посетителей. Заведение было набито битком, и люди выстраивались в длинную очередь, чтобы дождаться свободного места за обеденным столом.

За холлом и кухнями располагался сам салон — задняя часть бара, куда можно попасть через двери в боковых переулках или занавешенную арку в задней части обеденного зала. Это сердце заведения. Если вы никогда не бывали здесь раньше, то посчитали бы его старомодным. Помещение освещено старыми люменовыми шарами в тонированных стеклянных колпаках, стены оклеены роскошным узором из черных листьев папоротника на фиолетовом поле. Сзади располагается длинная барная стойка, тяжелое дерево которой выкрашено в темно-зеленый цвет и скреплено медными лентами. Основное пространство заставлено столами, а по бокам можно заметить кабинки с черными шторами для частных свиданий.

Заведение было заполнено посетителями, многие из которых приходили из обеденного зала, чтобы выпить горячительного после ужина. Воздух здесь полон голосов и дыма обскуры, но, несмотря на это, салон не настолько оживлен, как городская таверна или кипящий обеденный зал снаружи. В помещении царил какая-то сдержанность, томность, а разговоры велись неспешно, будто касались лишь вопросов философии. Беседы не были пустой болтовней пьяниц, ищущих вечерних развлечений. Медные сервиторы, одетые в зеленое, пробирались сквозь толпу, разнося подносы с напитками и блюда с едой.

Мы заняли кабинку в стороне, откуда могли наблюдать большую часть зала. Слуга принес нам джойлик в маленьких узорчатых стаканчиках и тарелочки с жареным ганнеком, приправленным горчицей, и мякотью подсоленного кетфрута.

Мы наблюдали.

Меня заинтриговали здешние посетители и их пьяные разговоры.

— Это и есть Крукли? — спросила я, разглядывая грузного мужчину, сидящего под картиной с Тетрактисом и оживленно беседующего с маленькой женщиной в сером.

— Нет, — ответил Эйзенхорн. — Крукли выше ростом, и он не такой полный.

Я умею наблюдать. Это было частью моего обучения. Стараясь сохранить роль чопорной юной леди Виолетты Флайд, я оглядывала толпу, отмечая то одно, то другое лицо, обдумывая, кого я могла бы узнать и кого было бы полезно запомнить на будущее. Я увидела бородатого караванщика из Геррата, выступившего вперед с тремя мужчинами — один из них, казалось, был кротким мастером схолы, другой, судя по его испачканным чернилами рукам — скромным рубрикаторм, а третий, возможно, как раз походил на роль главы банды убийц прихода Гекати.

За другим столиком молча сидели три сестры-сиделки из Лазарета квартала Волшебных врат, распивая бутылку мятного вина, одинаковые в своих туго подпоясанных серых саржевых одеяниях и белых шапочках. Они не разговаривали и не смотрели друг на друга, их усталые лица ничего не выражали. Я предположила, что сестры попали сюда по ошибке, или же это просто ближайший бар, и каждый вечер они молча терпят декадентское общество ради освежающего напитка.

За барной стойкой стоял пожилой мужчина с самыми длинными руками и ногами, какие я когда-либо видела. Он ими неуклюже болтал, словно так и не сумел до конца научиться управлять тощим телом. Посетитель был одет в темный фрак и брюки. Глядя сквозь серебряное пенсне, он что-то строчил в блокноте. Рядом с ним за стойкой сидел маленький печальный старичок, очевидно слепой. За все время оба не обменялись ни единым словом, отчего я решила, что мужчины не знакомы. Старичок потягивал напитки, которые бармен подавал ему прямо в руку.

Я запоминала многих других и старалась отмечать любые признаки оружия по внешнему виду: выпуклый карман здесь, пояс там, жесткость позы, намекавшая на скрытый ножевой пояс или замаскированную кобуру. Вечер не обещал обернуться чем-то неприятным, но если бы это произошло, то я уже засекала потенциально опасных посетителей и знала, с чьей стороны будут исходить вероятные угрозы.

Как раз перед тем, как зажегся свет, я заметила двух оживленно говорящих людей у боковой двери. Одним из них был молодой состоятельный джентльмен в костюме в тонкую полоску и халате. Рядом с ним стояла женщина в платье цвета ржавчины. Меня привлек тихий, но оживленный разговор. Хотя я не могла расслышать слов, их манера поведения выглядела несколько взволнованной, как будто обсуждалось какое-то серьезное личное дело. Разговор незнакомцев выделялся из гущи бессвязной болтовни в остальной части салона.

Женщина сделала отрицательный жест и повернулась, чтобы уйти через боковую дверь. Мужчина мягко взял даму за руку, чтобы отговорить, но та резким движением высвободилась и вышла. Когда посетительница проходила под низкой лампой боковой двери, я разглядела профиль и сразу почувствовала, что откуда-то знаю ее.

Но потом женщина выскользнула на улицу и исчезла, а свет в салоне начал мигать.

Гурлан Ланмюр, хозяин заведения, поднялся на небольшую сцену и кивнул бармену, чтобы тот перестал щелкать выключателями. Воцарилась тишина, все устремили свой взгляд на эстраду.

— Друзья мои, — начал Ланмюр мягким масляным голосом, — добро пожаловать на наше вечернее шоу.

Это был человек невысокого роста, утонченный и хорошо одетый, но в остальном довольно неприметный на вид. Вероятно, это беспокоило Ланмюра, поэтому его темные волосы были уложены по последней светской моде: выбриты с правой стороны и зачесаны на макушку по всей длине в огромную, смазанную маслом прядь. Я чувствовала, что хозяин салона использовал этот современный стиль не как дань моде, а скорее потому, что это придавало его личности какую-то особую привлекательность.

— Позже, в задней комнате, вашему вниманию будет представлено тароше, — сказал он, — а затем мастер Эдварк Надрич прочитает лекцию о значении Уреона и Лабирина в древнеангеликанских катакомбах. Те из вас, кто уже слышал лекции мастера Надрича, знают, что их ждет захватывающая и познавательная лекция, а затем — открытая дискуссия. Однако, для начала, на этой маленькой сцене Мамзель Глена Тонтелл, прославленный оратор, продемонстрирует нам свои навыки медиума.

В знак одобрения раздался гром аплодисментов и звон ножей для масла по ободкам посуды. Ланмюр, отступив назад и слегка наклонив голову в приветствии, помог подняться на сцену неряшливой женщине в жемчужно-сером шелковом платье, вышедшем из моды несколько десятилетий назад.

Её пухлое лицо выглядело осунувшимся. Я прикинула, что женщине где-то лет пятьдесят. Она ответила на любезные аплодисменты кивком и легким взмахом руки.

— Её платье, — прошептал Эйзенхорн, — специально стилизовано под старину, чтобы напоминать нам об ушедших поколениях. Обычная уловка.

Я кивнула. Мамзель Тонтелл действительно выглядела как светская дама из сверкающих бальных залов прошлого века — времени былого величия Королевы Мэб. Такие сюжеты можно увидеть в пикт-книгах. Даже в её манерах угадывалось что-то старомодное. Нам представляли актерскую игру, постановку, а у меня возникал большой интерес к хорошим исполнителям. По-моему, она нанесла на свою кожу и платье какую-то костюмную пудру.

— Напудренная как привидение, — проворчал Эйзенхорн. — Ораторы называют это «фантомизмом» — еще один избитый образ.

Макияж Мэм Тонтелл превращал её в скорбящего призрака: легкая пудра создавала впечатление, будто женщина стояла, не двигаясь, в течение десятилетий, пока пыль слоем оседала на ней. Это был элегантный прием, и я, со своей стороны, сочла его довольно забавным.

Она прижала одну руку к груди, а пальцами другой провела по лбу, сосредоточенно нахмурившись.

— Здесь есть мальчик, — сказала она. — Маленький мальчик. Я вижу букву «Х».

В толпе некоторые закачали головами.

— Это определенно мальчик, — продолжала Мамзель Тонтелл. Её голос был тонким и бесцветным. — И буква «Х». Или, может быть, «Т».

— Холодное чтение, — пробормотал Эйзенхорн. — Самый старый трюк из всех. Ловит на прием.

Конечно, так оно и было. Я видела этот фокус насквозь и разделяла скептицизм Эйзенхорна, но не его презрение. Подобные развлечения всегда очаровывали. Я получала большое удовольствие, наблюдая за работой актера, представлявшегося кем-то Большим. Он превращался в мастера трюков, способного создать с помощью спектакля нечто из пустоты.

Мэм Тонтелл попробовала назвать еще одну букву, «Г», насколько я помню, и какой-то человек в глубине зала ухватился за неё. Вскоре мужчина убедился, что получил послание от своего крестника, давно умершего. Он был ошарашен, хотя сам же предоставил все факты в подтверждение уловке. Мужчина простодушно выложил их в ответ на ловкий жест Мэм Тонтелл.

— Он ушел из жизни совсем ребенком. Всего в десять лет.

— Восемь, — ответил мужчина, блестя влажными глазами.

— Да, я вижу. В восемь лет. Мальчик утонул, бедняжка.

— Он попал под телегу, — вздохнул мужчина.

— Ах, да, телега! Я слышу её скрип. А с губ бедного ребенка струится не вода, а кровь. Он так любил домашнее животное, собаку или...

— Птичку, — пробормотал мужчина, — маленького трицепфинча в серебряной клетке. Она могла исполнять мелодию звонницы церкви Святого Мученика.

— Я вижу серебряные прутья, а еще — яркие перья, — сказала Мэм Тонтелл, прижимая руку к голове, словно испытывая сильную мигрень, — и как поет...

Диалог продолжался в том же духе. Мужчина был вне себя от эмоций, что также произвело большое впечатление на зрителей. Я заметила, что Эйзенхорн быстро терял терпение. Но мы пришли не для того, чтобы смотреть, как оратор показывает свои фокусы, и не для того, чтобы слушать лекцию или читать тароше.

Целью нашего визита было найти астронома, либо сошедшего с ума, либо увидевшего великую тайну, за которую многие в городе готовы были убить.

А может, с ним произошло и то и другое.

ГЛАВА 2

О визите

Его звали Фредрик Дэнс. В течение многих лет благодаря своим поразительным способностям мага математики этот человек путешествовал по всему сектору Скарус, читая лекции в лучших академических институтах и публикуя серию важных работ по прикладной астроматематике. В конце концов он удалился в Санкур, где, будучи научным гением, Фредрик стал почетным астрономом при дворе префекта, барона Гекубы, дворец которого располагался в северной части города. Некоторое время спустя ученый покинул свой пост при неясных обстоятельствах и вскоре опубликовал работу «О небесных светилах» (с эфемеридами).

Эта книга была издана в частном порядке и не нашла своего читателя. Медея Бетанкур случайно обнаружила экземпляр на рыночном прилавке у Врат Мытарств среди нераспроданных остатков изданий. Она-то и обратила внимание Эйзенхорна на данный труд. Вы, должно быть, помните, что небольшая команда Эйзенхорна на тот момент находилась в Королеве Мэб уже более двадцати лет, проводя кропотливое расследование. За это время всевозможные мелкие улики обнаруживались, исследовались, а затем отбрасывались.

Но книга оказалась необычной находкой. Написанная на низком готике с параллельным текстом на формальном энмабическом, она служила точным путеводителем по созвездиям, видимым из Санкура, как в Северном, так и в Южном полушариях. Однако детали, представленные в издании, имели очень мало общего с реальными фактами о ночном небе. Эйзенхорн сначала отмахивался от изучения книги как от работы сумасшедшего или невежи, пока Медея не указала на несколько любопытных деталей, немаловажными из которых были особые умения Денса как научного гения и способного эрудированного наблюдателя.

Говоря подробнее, наша работа на Санкуре была посвящена изучению нескольких явлений, главным образом Короля в Желтом, а также концепции «Пыльного Города» — теневого близнеца Королевы Мэб, невидимкой расположившегося рядом.

Я выросла, веря, что Пыльный Город — это миф. Если же он не был выдумкой, то представлял из себя древние руины, лежащие где-то за Багровой пустыней. И когда я оказалась втянутой в интригу между Когнитэ, Ордосами и какими бы то ни было еще фракциями, то осознала, что это не просто миф.

Эйзенхорн утверждал, что так называемый Пыльный Город — это «экстимное» пространство, то есть искусственно созданное не-место, вполне материальное, существующее вне нашей реальности и, так сказать, наслаивающееся на физическое. Итак, если вы можете это себе представить, Королева Мэб и ее близнец существовали одновременно, занимая одно и то же место, но были друг для друга лишь призраками. Как и я, вы найдете эту идею совершенно фантастической и не заслуживающей внимания, наряду с утверждением Эйзенхорна, что он когда-то бывал в Пыльном Городе, в мире под названием Гершом. Однако попрошу вас быть снисходительнее, ибо я тоже видела его. Сравнительно недолго, во время посещения трактира под названием «Лихорадочная Фуга», за унылым массивом городского района, известного как «Сточные воды», я вошла в экстимное пространство и убедилась в реальности Пыльного Города. Я была в Королеве Мэб и одновременно вне её.

Эта мысль все еще тревожит меня. Наша рабочая теория состояла в том, что Когнитэ построила Пыльный Город, точно так же, как они создали то место в Гершоме. Это оккультное убежище Желтого Короля, где он мог беспрепятственно заниматься своей дьявольской работой. Зачем нужно такое место, или чем занимался Желтый Король Орфей, еще предстоит узнать.

А пока позвольте мне сосредоточиться на Фредрике Дэнсе. Безумная книга предполагала, что он каким-то образом наблюдал другой небесный свод, а именно звездные поля, сиявшие над Пыльным Городом. Они совершенно отличались от тех, что мерцали над Королевой Мэб. Чем бы ни был Пыльный Город, его практически невозможно найти, а тем более проникнуть в него. Многие, включая ужасных отпрысков Легионов-предателей, пытались найти туда дорогу. Мой же собственный опыт казался чистой случайностью: спустя какое-то время, когда мы вернулись на заброшенные развалины «Лихорадочной Фуги», я так и не смогла повторить свой переход.

Поиск пути в Пыльный Город стал нашим приоритетом.

Итак, Фредрик Дэнс. Безумный ученый-астроном. Именно его мы собирались допросить, и именно его мы никак не могли найти. С тех пор как математик покинул двор барона, у Дэнса не было постоянного места жительства, и наши поиски каждый раз оканчивались ничем. Судя по всему, ученый жил у друзей и никогда не задерживался надолго в одном месте. У нас в руках был пикт-портрет Дэнса, копия с обложки одного из его самых солидных трудов. Харлон Нейл провел обширную уличную работу, дабы выследить математика. Во время поисков все время всплывала одна закономерность: его невозможно отыскать, где бы тот ни жил. Однако Дэнса регулярно видели в салоне Ланмюра. Возможно, ученого притягивало общество сторонников его крайних убеждений.

Представление Мэм Тонтелл было в самом разгаре, а я на тот момент уже трижды осмотрела помещение.

— Только один человек здесь подходит под его описание, — прошептала я Эйзенхорну. — Вон тот старик в баре.

Эйзенхорн нахмурился.

— Выходит, мы зря потратили вечер, еще и пришлось терпеть эту пантомиму. Попробуем завтра или послезавтра.

— Ты хочешь сказать, это не Дэнс?

Он посмотрел на меня и саркастически поднял брови. В нашу первую встречу Эйзенхорн утверждал, что его лицо не способно к выражению эмоций, что, как выяснилось, было блефом. Почти постоянное отсутствие мимических жестов — дело привычки и обусловленного желанием ничем не выдавать себя.

— Нет, Бета, — ответил Эйзенхорн.

— Почему?

— А я-то думал, у тебя острый ум, — сказал он. — Мы ведь ищем астронома.

— И ты отмечаешь этого человека, хотя он вполне соответствует описанию, только из-за того, что тот слепой?

— Это кажется разумным.

— Слепой астроном — далеко не самое невероятное явление, с которым мне приходилось сталкиваться с момента нашей встречи. Я своими глазами видела, как произнесенные слова ломают кости, а саму меня несли над крышами домов демоны. Это так, к слову.

Он вздохнул и снова бросил взгляд на невысокого мужчину за барной стойкой.

— Это не он, — повторил Эйзенхорн. — Я только что прочитал его мысли. Он пьян, и в прескверном настроении. В мыслях нет ни малейшего следа науки или учености, а единственное имя, которое кружит в голове, — это Анвенс.

— Бедняга Анвенс, — вздохнула я. — Он подавлен и одинок. Наверное, приходит сюда только для того, чтобы послушать других.

— Он приходит сюда выпить, — возразил Эйзенхорн. — Я слышу, как его одурманенный разум, выписывая кренделя, пытается сосчитать по памяти оставшиеся в карманах монеты, чтобы прикинуть,

сколько еще амасека он может купить.

Эйзенхорн собрался было встать и уйти, но я остановила его, положив руку на плечо.

— Ну, что теперь?

— Послушай её, — прошептала я в ответ.

Мэм Тонтелл снова обращалась к аудитории, начиная очередную ловлю.

— Никого нет? — спросила она. — Я четко вижу число. Один-один-девять. Сто девятнадцать. О, вижу ясно как днем. Буква тоже есть. Это «Л».

Никто не ответил.

— Пошли, — рявкнул Эйзенхорн.

— Сто девятнадцать, — снова прошептала я.

Он помедлил.

— Нет, она просто шарлатанка, — отмахнулся Эйзенхорн.

— Её состояние изменилось. Взгляни на неё, — настояла я.

Мэм Тонтелл была легкая дрожь, она смотрела на толпу с какой-то тревожной надеждой. Тон голоса изменился. Если это все еще было представление, то оно неожиданно переменялось в лучшую сторону и приняло странный волнующий оборот, который, однако, вряд ли нравился публике.

— Там есть еще одна буква, мэм? — крикнула я и услышала, как Эйзенхорн недовольно зарычал.

Мэм Тонтелл повернулась и посмотрела на меня.

— Ты знаешь? — спросила она.

Она не смогла бы одурачить меня своим холодным чтением.

— Там есть еще одна буква, мэм? — повторила я.

— Да, — сказала она. Женщина с трудом сглотнула. — Буква «Ч». Эта буква — «Ч».

Со мной была книга, записная книжка. Я одолжила её в торговом центре Блэкуордс... Хотя, не «одолжила», а «украла» — вот более подходящее слово. Она находилась у меня, пока я не попала под опеку Рейвенора. Это была маленькая, в синем переплете, книжица, исписанная от руки на зашифрованном языке, который никто не мог прочитать. На внутренней стороне обложки была указана цифра «119». Казалось, это обычная книга, принадлежавшая Лилеан Чейз, еретичке Когнитэ, которую Эйзенхорн начал преследовать еще до моего рождения.

Ни взломать шифр, ни понять значение номера «119», который, как я предполагала, мог быть ключом к расшифровке, так и не удалось.

И вот, — кто бы мог подумать, — Мэм Тонтелл, салонная актриса и фальшивый медиум, связывает этот номер с инициалами Лилиан Чейз.

Я взглянула на Эйзенхорна и увидела, как тот с хмурым видом откинулся назад. Была тут уловка или

нет, но дело приняло важный оборот. Он заметил мой взгляд и ответил легким предупреждающим кивком, словно говорящим: «Продолжай, но будь осторожна».

— У вас есть полное имя, мэм? — спросила я.

Мэм Тонтелл покачала головой.

— Ты должна выкладывать всё мне, дорогая, — возразила она. Актриса выглядела крайне смущенной. Она продолжала облизывать губы, как будто её мучала жажда.

— Я не люблю фокусы. Чтобы участвовать в этом вашем спектакле, мне нужно имя. Приметы.

Уродливая ухмылка исказила её лицо, женщина покраснела от гнева. Однако у меня было ощущение, что это делала не актриса. Лицо Мэм Тонтелл реагировало на некие чужеродные эмоции, овладевшие ею.

— Приметы? — прошипела женщина. — У тебя достаточно примет! Буквы! Цифры! И вот еще... Цвет. Синий. Обычный цвет, думаю, ты согласишься. Что еще нужно? Имя я назвать не могу. Не здесь и не при всех этих людях.

Теперь у меня были четыре зацепки, которые не могли быть совпадением. Цвет, ударение на слове «обычный».

— Хорошо, мэм, — продолжила я. — Так что же это за сообщение, которое вы должны передать?

— По-моему, Мамзель Тонтелл устала, — вмешался Гурлан Ланмюр, делая шаг вперед. Все это время он следил за толпой и видел, как в его благородном заведении нарастает беспокойство. — Чувствую, этот сеанс подошел к концу.

— Я бы хотела сначала выслушать сообщение, сэр, — возразила я.

Ланмюр одарил меня ядовитым взглядом.

— В нашем заведении действует кодекс приличия, юная леди, — вспыхнул он. — Мэм Тонтелл становится нехорошо.

Я посмотрела мимо него на актрису. Она ухватилась за меня взглядом. В тех глазах было пусто, ни одной мысли. На меня смотрела не Глена Тонтелл.

— Послание простое, — пролепетала она. — Во имя всего, что есть и что будет, помогите мне. Помогите мне, прежде чем они обнаружат эту попытку...

В этот миг произошло сразу две вещи. Мэм Тонтелл оборвала себя на полуслове, как будто у неё перехватило дыхание или ей заткнули рот. Женщина замолчала и, шатаясь, поковыляла боком, прямо в распахнутые объятия Ланмюра.

Затем салон залило светом. Он исходил снаружи, с обеих сторон здания, проникая сквозь окна, выходящие в боковые переулки. Слева свет был бледно-зеленым, справа — насыщенным оранжевым, будто догорала старая звезда. Обе вспышки плыли снаружи, двигаясь вдоль окон, как бы пытаясь заглянуть внутрь.

Комнату охватило волнение. Люди вскакивали на ноги, слышался звон опрокинутых стаканов. Гул голосов нарастал. Цветные призрачные огни яростно горели, оглядывая нас, будто глаза чудовища.

Большинство присутствующих были ошеломлены и объаты страхом. Но я сразу почувствовала, что знаю, с чем мы имеем дело. Эйзенхорн схватил меня за запястье. Он тоже знал.

Огни снаружи были граэлями, отвратительными силами Восьми, слугами Желтого Короля. Мне уже доводилось сталкиваться с одним из них, и из той встречи я узнала, насколько ужасающа варп-сила граэля.

Но здесь против нас их было уже двое.

ГЛАВА 3

Неожиданные возможности

— Граждане! — закричал Гурлан Ланмюр. — Немедленно покиньте заведение через обеденный зал, все на выход!

Мало кому из присутствующих нужно было напоминать, где выход. Воздух стал холодным, как зимним утром, и на столешницах замерцал иней. С нарастающим тревожным шумом посетители рванули прочь из обеденного зала, в спешке натыкаясь друг на друга.

— Всем стоять! — приказал Эйзенхорн, поднимаясь на ноги.

Движение и паника могли привлечь граэлей и усугубить положение, однако никто не обращал на него внимания. Усилием воли Эйзенхорн мог бы удержать всю толпу, но не стал этого делать. Я знала, что подобная демонстрация могла еще больше раззадорить граэлей. Он пробился сквозь поток посетителей, чтобы вырвать из рук Ланмюра Мэм Тонтелл, которая уже теряла сознание.

Прежде чем Эйзенхорн успел до них дотянуться, в комнату молнией влетел крошечный шарик оранжевого света. Он прошел сквозь стену и закружился по салону, будто светлячок, залетевший внутрь и лихорадочно искавший выход. Он устремился к сраженной Мэм Тонтелл, ударил ее между глаз и исчез.

Актриса громко вскрикнула. Она вырвалась из рук Ланмюра, упала головой вперед на подножку сцены и забилась в конвульсиях. Жемчужные нити лопнули, и бусины разлетелись во все стороны, катясь, подпрыгивая и звонко ударяясь об пол.

Женщина издала ужасный предсмертный хрип, испустив дух. Она лежала в нелепой, унижительной позе на самом краю сцены, небрежно раскинув руки и ноги. Ланмюр отчаянно вскрикнул. Я вскочила, держа руку на манжете ограничителя, готовая в любой момент выключить его. Не было уверенности даже в том, сможет ли моя пустота уничтожить этого граэля, не говоря уже о втором. Несмотря ни на что, я была готова попробовать, если до этого дойдет.

Однако огни снаружи, дрогнув, погасли. Граэли окончили свою работу и удалились.

— Я хотел бы знать Ваше имя, мэм, — заявил Гурлан Ланмюр. — И Ваше тоже, сэр.

Он накрыл столовой скатертью тело бедной Мэм Тонтелл. Большая часть клиентов салона сбежала, а оставшиеся, до сих пор пребывая в шоке, пили спиртное, чтобы укрепить нервы.

— Виолетта Флайд, сэр, — ответила я.

— Что это такое было? — спросил он. — Эта злоба ...

— Я ничего об этом не знаю, сэр, — покачала головой я.

— Она вещала вам, и вы знали, о чем она говорит!

— Я ничего не знала, — отрицала я. — Просто наслаждалась представлением и решила поучаствовать в спектакле. Ведь вы постоянно призываете посетителей это делать.

— Вы притворяетесь! — рявкнул он. Модная укладка растрепалась, и Ланмюр резким движением смахнул с лица непослушные пряди.

— Вы знаете, о чем речь...

Эйзенхорн навис над хозяином салона.

— Она ничего не знает. Никто из нас не знает. Шоу показалось забавным, и мы решили поучаствовать, вот и всё.

Ланмюр сердито глянул на Эйзенхорна и проговорил:

— Я никогда не видел, чтобы Мэм Тонтелл так работала. Она указала настолько точные детали. И лишь вы знали о них.

— Холодным чтением можно выудить что угодно, — возразил Эйзенхорн. — Моя жена решила, что буквы совпадают с инициалами её незамужней тетки, которая умерла в сто девятнадцать лет.

— Вот видите? Эта вспышка злобы действительно связана с вами, — воскликнул Ланмюр.

— Отнюдь, — возразила я. — Мой... дорогой муж ошибается. Тетка умерла в возрасте ста восемнадцати лет. Мы надеялись, что она доживет до своего следующего дня рождения, но та скончалась. Признаюсь, на мгновение мной овладели слова бедной леди, но, к сожалению, она оказалась далека от истины.

— Оставь девушку в покое, Гурлан, — сказал мужчина, подошедший к нам. Это был тот самый коренастый человек, которого я заметила ранее возле картины с Тетрактисом. Грузный, дряблый мужчина с припухшими глазами, говорящими о том, что он пил с раннего утра.

— Ты же видишь, она потрясена, — продолжил посетитель. — И участвовала она в этом спектакле не больше любого другого в салоне. У меня, например, был друг с такими же инициалами, и он когда-то жил на Парнасе 119. Хочу сказать, что подобные обвинения можно было бы легко предъявить и мне.

— Но ты же ничего не сказал, Озтин, — воскликнул Ланмюр.

— Все потому, что я видел представление Глены дюжину раз, да убережет душу ее Император, и знаю, что все это фарс, — ответил грузный мужчина. Он посмотрел на покрытое тканью тело и вздохнул, нерешительно сделав знак аквилы. — Бедная старушка. Она была всего лишь простой салонной актрисой.

— Только не сегодня, — Ланмюр пожал плечами. — Это конец. Репутация салона разбита вдребезги...

— На самом деле, наоборот, — вставила я. — Сегодня ваши клиенты разбежались, но наступит завтра...

— О чем ты говоришь?

— Я имею в виду, сэр, что люди посещают этот квартал и ваше прекрасное заведение, чтобы вкусить тайн мира теней. Пока, по большей части, я полагаю, о вас едва говорили. Спектакли и развлечения — вот всё, чем вы занимались. И вот произошло трагическое событие, благодаря которому поползут слухи. Салон Ланмюра будет известен как место, хранящее настоящие тайны и воспоминания о сверхъестественных событиях. Страх не прогонит клиентов. По крайней мере, не тех клиентов, которые вам по нраву. Это событие наоборот привлечет публику, несмотря ни на что, и ваша репутация укрепитя.

Ланмюр уставился на меня.

— Я бы посоветовала сказать вашим поставщикам, чтобы они привезли завтра еды и вина в большем количестве, чем обычно, — продолжила я, — для того, чтобы удовлетворить потребителя. Вы могли бы также продавать апотропейные амулеты на входе, чтобы успокоить робких и приправить репутацию заведения перспективами знакомства с истинными проявлениями мистического.

Ланмюр вытаращил глаза. Грузный мужчина громко расхохотался.

— Мне нравится эта юная леди, — усмехнулся толстяк. — Она не ошибается, и вдобавок хорошо разбирается в ваших делах. Апотропейные амулеты! Это стиль мышления настоящего промоутера. Сделать страшные деньги на страшном убийстве, не так ли?

Он снова расхохотался густым раскатистым смехом. Ланмюр нахмурился.

— Ты, как всегда, несносен, Озтин, — сказал он. — Я могу запретить впускать тебя сюда.

— Опять? — сострил толстяк.

Ланмюр резко повернулся и зашагал прочь.

— Магистратум вызван, — бросил он через плечо. — Я должен дождаться их прибытия.

— Что ж, это сигнал к отступлению, — объявил здоровяк. — У меня нет никаких дел с Магистратумом. Мы можем потерять ночь, отвечая на вопросы.

— Особенно с вашей репутацией, — заметила я.

Толстяк ухмыльнулся и протянул руку.

— Моя слава опережает меня, не так ли?

— Да, мистер Крукли, — ответила я, пожимая руку.

Догадка пришла в тот момент, когда Ланмюр произнес имя Озтин. Это действительно был печально известный поэт-повеса. Мое предыдущее опознание было верным.

— Я знаю одно местечко дальше по улице, — сказал он. — Не хотите ли составить компанию и избежать всей этой неуместной суеты?

Я посмотрела на Эйзенхорна.

— Прошу прощения, сэр, — сказал Крукли, протягивая руку Грегору. — Я имел в виду вас обоих. Озтин Крукли.

— Дэзум Флайд, — ответил Эйзенхорн, принимая рукопожатие.

— Вы составите мне компанию? — спросил Крукли.

Эйзенхорн кивнул.

— Я больше не хочу здесь оставаться, — заключил поэт.

Я была уверена, что Крукли хотел остаться, но неминуемое прибытие Магистратума доставило бы ему неудобств.

Отлично, — заявил Крукли. — Пойдем все вместе. Он повернулся и громко обратился к ближайшим посетителям: — Мы переходим в «Двух Гогов». — Вы с нами? Аулай? Анвенс?

— Пойду, если заплатите за меня, — сказал человек с руками в чернильных пятнах, которого я ранее приняла за рубрикатора.

— Анвенс? — крикнул Крукли.

Пожилой мужчина с длинными руками и ногами встал и кивнул. Мы с Эйзенхорном быстро переглянулись.

— Это и есть Анвенс? — поинтересовалась я.

— Да, — подтвердил Крукли. — Лайнел Анвенс. Ты его знаешь?

— Нет. Но я подумала, что Анвенс — это слепой, сидящий рядом с ним.

Крукли отрицательно покачал головой.

— Тот, что ли? — спросил поэт. — Нет, это его сумасшедший друг Фредди. Фредди Дэнс.

ГЛАВА 4

Разговор

Итак, мой наставник и я достигли поставленной цели на вечер — найти пропавшего астронома. Я подумала, что пора снова залечь на дно, но Эйзенхорн намеревался продолжить. Он верил, что тем вечером еще многое может открыться.

Пока мы следовали за бандой Крукли вниз по улице к «Двум Гогам», Эйзенхорн посылал быстрые псайканические сообщения остальным членам команды, которые следили за нами, двигаясь чуть ли не на расстоянии вытянутой руки. Нейлу, Медее и притаившемуся Дэтроу он приказал остаться с нами и опознать Фредрика Дэнса, шедшего рядом с Анвенсом в компании Крукли. С этого момента за ним должны были наблюдать, чтобы отследить местонахождение для дальнейшего допроса. Демонхосту Эйзенхорн отдал приказ о сборе, суть которого раскроется мне позже.

Мы продолжили путь, следуя за гуляками Крукли, но держась поодаль, чтобы нас не подслушали.

— Нужно ли мне усвоить еще что-то? — поинтересовалась я.

— Сомневаюсь, но мы останемся с Дэнсом, пока Нейл и остальные не подтвердят захват цели, — ответил Эйзенхорн. — Думаю, будет полезно подружиться с Крукли. Он знает всех в этих кругах и может открыть двери, ранее запертые для нас.

— Ты имеешь в виду именно «подружиться»? — удивилась я.

— Эвфемистически выражаясь.

— А, ясно. Потому что я не думала, что ты из тех, кто умеет дружить.

— Я довольно легко завожу друзей, — заметил Эйзенхорн, — но, кажется, я просто не в состоянии их удержать. Следи за Крукли. Он отвратителен и распутен. Его разум — трясина похоти. Но он может оказаться полезен.

— Он что-нибудь знает о Короле? — спросила я.

Не больше, чем любой из них, — ответил Эйзенхорн. — Я прочитал это имя в его мыслях и в мыслях его окружения, однако Король в Желтом, Король Орфей — местный миф. Сомневаюсь, что в городе найдется кто-то, кто не слышал одного из этих имен. Местные жители считают Короля выдумкой, ибо он всего лишь часть фольклора. Крукли и его прихлебатели гораздо больше интересуются поверхностной эзотерикой, которую обсуждают, воображая себя просвещенными адептами тайных знаний.

— Как насчет Анвенса с Дэнсом? Как так получилось, что ты неверно прочитал их мысли?

— Я не могу этого объяснить, — пробормотал Эйзенхорн. — Возможно, мое сознание было затуманено и запутано неким пси-полем, перед самым появлением граэлей.

— А вот это настоящая проблема, — продолжила я. — Два граэля. Прямо перед нами. Как они нас нашли?

— Не нас. Они нашли актрису и не дали ей договорить. Мы не были их целью, вот почему мы все еще целы.

— Но она же была мистификатором. Несомненно...

— Согласен, в Мэм Тонтелл почти не было псайканы, либо она напрочь отсутствовала.

На лице Эйзенхорна читалась озадаченность, граничащая с тревогой. Его глаза вспыхнули фиолетовым огнем:

— И этого вполне достаточно, чтобы построить карьеру на трюкачестве. Но нет, Бета, мы стали свидетелями одержимости. Что-то вселилось в нее. Оно воспользовалось податливым сознанием женщины, чтобы поговорить с нами.

— С нами? — повторила я.

— Ланмюр был прав насчет деталей, названных актрисой. Лишь немногие знали о них. Ты — больше всех. Их озвучили как своего рода доказательство правдивости дальнейшего сообщения.

— Которое так и не передали.

— Граэли заставили ее замолчать, — согласился он, — но это сообщение было для нас.

— Просьба о помощи? От кого?

— Не знаю, — задумался Эйзенхорн.

— Лилеан Чейз?

— Не говори глупостей.

— Тогда это Балтус Блэкуордс, если он еще жив? Или, может быть, его семья? Он знал некоторые подробности о книге.

— Возможно.

— Но почему? — продолжила я. — Он мне не друг.

— Если только ты не имеешь в виду эвфемизм, здесь нет друзей, — сказал Эйзенхорн. — Явных врагов тоже нет. Каждый человек — ни то ни другое.

— Как раз это я осознала в полной мере, находясь в твоём обществе.

Он посмотрел на меня так, словно его отругали или чем-то обидели. Если вы не встречались с Грегором Эйзенхорном, а я не вижу разумной причины, по которой это могло бы произойти, то вам, должно быть, трудно представить его себе. Речь не идет о внешности, описать которую проще простого: поразительно высокий мужчина могучего телосложения, изрядно потрепанный временем и стычками с врагом. Обычно, как и в тот вечер, он носил тяжелое долгополое пальто. Аугментические рамки на спине и ногах, равно как и нейронные провода, тянувшиеся из-под воротника к основанию черепа, красноречиво свидетельствовали о перенесенных злоключениях. Эйзенхорн никогда не рассказывал, как получил эти травмы: все сразу в один страшный миг, или же они накапливались годами, как своеобразные последствия выбора темного жизненного пути. Подозреваю, что второй вариант более вероятен.

Я говорю скорее о его поведении. Грегор Эйзенхорн пугает и устрашает своими размерами, но в то же время довольно часто его мрачную, навязчивую манеру вести себя окутывает меланхолия. Не раз я чувствовала жалость и сожаление по поводу того, что этому человеку пришлось стать тем, кто он есть. То ли по собственному выбору, то ли по случайности Эйзенхорн посвятил себя жизни, не ведущей к освобождению.

Я видела, как он смеется, обычно в компании Нейла или Медеи. Такое случалось, редко, но случалось. Медея рассказала мне по секрету, что с тех пор, как окончилась миссия на Гершоме двадцать лет назад, он мог иногда улыбнуться, чего не делал уже много лет. Она намекала, что это связано с коррекцией какого-то неврологического паралича, но я чувствовала, что дело не только в этом. Что-то случилось с ним на Гершоме, в том далеком мире. Что-то, отчего его глаза теперь светятся тем странным фиолетовым огнем.

Я не знаю, что это было такое. Опять же, правда скрывалась и сообщалась лишь намеками. Понятно, что это событие заставило Эйзенхорна направиться в Санкур. К тому времени он уже много лет гонялся за Когнитэ, но Гершом сконцентрировал его внимание на себе. Что бы там ни случилось, это событие вскрыло точное местоположение тайного укрытия Короля в Желтом и связало воедино разрозненные элементы, о которых мы знали: Короля, Пыльный Город, эвдемонические силы граэлей, служивших Королю в качестве фамильяров, известных как Восемь; энунцию и связи с Чейзом, Когнитэ с его

адскими работами по экстиматической инженерии.

Это также привело его ко мне. К тому времени стало ясно, что силы, настроенные против нас, считали парий, подобных мне (то есть неприкасаемых или «пустых», пси-инертных по природе), жизненно важными инструментами в любой Великой Работе, которой они занимались. Действительно, Когнитэ, под прикрытием Мейз Андю, вырастила целую их школу.

Но я явно представляла собой нечто большее, чем просто один из таких инструментов. Эйзенхорн узнал обо мне на Гершоме еще до моего рождения и прибыл, чтобы найти и, вероятно, защитить. Как потом подтвердилось, я являлась клоном или клонированной дочерью умершей женщины, также звавшейся Ализебет Биквин. Та тоже была парией и служила вместе с Эйзенхорном. Медея намекала, что оба были очень близки, возможно, даже любили друг друга, если это чувство имело хоть какой-то смысл для настолько бесчеловечного и замкнутого человека, как он. Эйзенхорн прибыл с последней и самой значимой миссией на Санкур. Я была не только частью этой миссии, но и другой, отдельной его миссией. Эйзенхорн намеревался присматривать за мной, но не потому, что я была частью Великой Работы. Он это делал ради меня.

Ранее в этом повествовании я уже говорила, почему решила встать на его сторону, несмотря на множество веских причин не делать этого, не последней из которых была компания из демонов и предателя Астартес, в команде Эйзенхорна. Основная причина — в его заботе обо мне. Да, это делали и другие: Медея, бедный Лайтберн, возможно, Нейл. Однако Эйзенхорна никто не волновал и ничто не заботило, кроме долга. Именно поэтому проблеск искры человечности в нем казался более значимым, более искренним.

Причиной также может быть то, что я напоминала ему потерянную Ализебет, ведь многие замечали нашу схожесть. Порой даже казалось, что Эйзенхорн считает меня кем-то вроде суррогатной дочери. Никакой другой привязанности между нами не было. Ясно как день, он не видел во мне замену своей потерянной любви, своей Ализебет, чудесным образом возродившейся и вернувшейся к нему. Ни о чем подобном не было речи. Наверное, какое-то время он был мне так же близок как родной отец, хотя ему до настоящего отца было чуть дальше, чем от Санкура до Терры

Моя короткая встреча с Рейвенором добавила еще одну недостающую деталь к головоломке Санкура. Он утверждал, что Король в Желтом пытается восстановить утраченный язык власти, известный как «энунция». Рейвенор посвятил поискам этого языка большую часть своей карьеры. Король стремился заполучить энунцию, чтобы управлять самой работой Вселенской реальности. И, самое главное, он хотел узнать одно слово, которое даровало бы непревзойденную силу: единственное, истинное имя Бога-Императора Человечества.

Иногда я задавалась вопросом, не является ли загадочный текст, написанный от руки в обычной книге, о которой упоминала покойная мэм Тонтелл, неким глифическим изображением энунции, хотя он не похож ни на какие другие письменные следы этого языка, известные нам. Я задумалась, не является ли тот текст зашифрованной формой энунции и не скрывает ли в себе единственное подлинное имя Императорского Величества.

— О чем ты думаешь? — вырвал меня из размышлений Эйзенхорн.

— Да так, праздные мысли, — ответила я.

— Им не должно быть места. Тот, кто так жестоко использовал Мэм Тонтелл, был псайкером или имел псайкера на службе. Мы ...

— А как же Рейвенор? — перебила я. — Ты говорил, что он псайкер почти непревзойденной силы и что он охотится за тобой.

— Только не он.

— А если Рейвенор хотел выманить тебя? В его распоряжении книга Чейза. Он отлично знаком с деталями и мог бы их использовать. Он ...

— Значит, ты думаешь, это была уловка? Попытка выманить меня?

— А разве нет?

— Нет, — твердо ответил Эйзенхорн. — Такие интриги ниже его достоинства. Я хорошо знаю Рейвенора.

— Неужели настолько хорошо?

— Да. Он был моим учеником.

— А, — вздохнула я, и это единственное, что можно было ответить.

— Гидеон знает, что надо оставить меня в покое и держаться подальше, — продолжил Эйзенхорн, — потому что если наши пути пересекутся, наступит конец. Рейвенора заставили поклясться под присягой, что он сожжет меня, но я не отступлю. Если Гидеон уже решил... когда он решится... выступить против меня, его выпад станет прямым и кровавым. Не будет игр и трюков.

— Теперь понятно. Если граэлей послали, чтобы помешать Мэм Тонтелл передать сообщение, — добавила я, немного подумав, — это наводит на мысль, что послание было действительно важным. То была не уловка, чтобы обмануть нас, а правда. Они не хотели, чтобы мы услышали её.

— Или кто-то другой услышал, — дополнил Эйзенхорн.

— Но послание предназначалось нам, — ответила я, улыбаясь. — Ты сам так сказал.

— Виолетта! Дэсум! Поторопитесь! — крикнул нам Крукли сквозь смех. — Мы на месте!

Впереди показались «Два Гога».

ГЛАВА 5

Повествующая о числах

«Два Гога» — кабаk в двух кварталах от Салона Ланмюра, разместившийся в обшарпанном угловом здании, где улица Волшебных Врат перетекала в Маленькую Гекати. Возможно, вам доводилось там проходить, если вы бывали в Королеве Мэб.

Более точное название заведения — «Ягох и Магох». Они были мифическими демоническими гигантами, расколовшими начальную пустоту и отделившими материум от имматериума. Над входом в заведение красуются слитые воедино фигуры братьев-близнецов, застывших в грозном рыке. Украшение вырезано из фепенового дерева и представляет собой что-то вроде местной достопримечательности. Фигуры

регулярно перекрашиваются, чтобы защитить стареющую древесину от влияния стихии. Хотя зачастую для этого благого дела в ход идут излишки любой краски, оказавшейся под рукой. В тот вечер фигуры были в основном ярко-зеленого цвета, знакомого по больничным палатам, их конечности и клювы — тускло-синего цвета грунтовок корпуса баржи, а когти, зубы и застегнутая кольчуга — едкого желтого цвета. По правде говоря, тяжело придумать что-то, что можно было красить этим цветом, да еще и отложить остатки краски на потом.

Быть может, сойдет для короля безумцев?

Когда-то гиганты держали в руках оружие, чтобы бить им друг друга, или, по крайней мере, что-то заносили в воздух, но эти предметы давно утрачены вследствие упадка и вандализма. Теперь Ягох сжимал венки из увядших цветов, украденный с какого-то городского кенотафа, а Магох держал потрепанную шапку, которую, вероятно, забросили туда забавы ради. Это выглядело так, будто он приглашал нас заглянуть внутрь энергичным взмахом своей фуражки.

Мы вошли в полупустой зал, пропахший элем и невымытыми телами. Озтин Крукли, явно любивший быть в центре внимания, громко и более чем бесцеремонно поприветствовал персонал заведения, заказав прохладительные напитки для всей своей компании.

Мы сели за столики, и разговоры на улице стали громче и оживленнее. Как и в салоне Ланмюра, я воспользовалась моментом, чтобы изучить помещение. За барной стойкой сбоку сидел крупный мужчина, флиртовавший с двумя официантками. Хотя он был повернут ко мне спиной, я знала, что это Харлон Нейл, прибывший на место раньше и знавший о нашем появлении.

Мое внимание переключилось на остальную часть компании, «банду» Крукли — разношерстную группу почти из двадцати человек, которые, очевидно, болтались вокруг толстяка как фан-свита, наслаждаясь каждым его словом и купаясь в потускневших лучах былой славы поэта. Я не знаю, чем Крукли более знаменит: своими стихами, некоторые из которых, признаю, были прекрасны, или же своей скандальной репутацией распутника, спящего со всем, что движется, общающегося с сомнительными типами и провозглашающего себя мастером — магосом — оккультной практики, не меньше.

Озтин Крукли не был учеником Хаоса, хотя и гордился своей дурной репутацией харизматичного повесы. К тому времени он был близок к старческому маразму, страдал избыточным весом и алкоголизмом, а его разум и здоровье окончательно пошатнулись после десятилетий злоупотребления наркотиками. Озтин казался мне человеком, решившим доказать, что у него все еще есть силы для активной жизни, хотя на самом деле от жизни поэта уже давно остались одни воспоминания. Он цеплялся за идею о том, кем был раньше, боясь её отпустить.

В этом, стыдно признаться, Крукли напоминал мне Эйзенхорна.

Что касается остальных, то большинство из них не имели никакой ценности: подхалимы и прихлебатели или просто алкоголики-проходимцы, которые по опыту знали, что если Крукли будет рядом, выпивка потечет рекой.

Однако некоторые представляли интерес. Аулай, гравер с испачканными в чернилах руками, был тихой душой, работа сделала его очень знаменитым. Богатая одежда свидетельствовала об успешной карьере, но по трясущимся рукам было ясно, что он безнадежный пьяница. Роль Аулая состояла в том, чтобы быть соучастником во всех преступлениях развратного поэта, и он выполнял свою обязанность с благоразумным терпением. Я думаю, что Крукли держал гравера рядом потому, что старому поэту нравилось, когда его видели в компании знаменитых людей, а также потому, что гравер был

безгранично богат и мог оплачивать большинство посиделок из собственного кармана. Что касается самого Аулая, мне кажется, он просто не любил пить в одиночестве.

Также мне показался любопытным Тимурлин, как он сам сообщал каждому по несколько раз, «тот самый» Коннорт Тимурлин, выдающийся гастролирующий клавирист. Он перебирал пальцами по краю стола, будто по клавишам своего инструмента. Я вспомнила, что видела музыканта раньше в салоне Ланмюра. Это был именно тот молодой человек в костюме в тонкую полоску и халате, выяснявший отношения с женщиной в платье цвета ржавчины.

Рядом с клавиристом сидела Мэм Матичек, преподаватель и лингвист из Академии Гекула — суровая, коварная женщина, когда-то необыкновенная красавица, и на склоне лет сумевшая сохранить остатки былого очарования. То ли по собственному выбору, то ли из-за отсутствия дохода, она никогда не применяла технологию омоложения. Мне показалось, что ей не меньше шестидесяти лет, и ее выразительное лицо хорошо сохранило черты, в которых проглядывалась некогда ослепительная красота. Мэм Матичек не стала красить волосы и просто собрала их в длинный хвост цвета первого инея на увядшем мятлике. Она носила черный креп, кружевные перчатки и никогда не улыбалась. Женщина курила палочки лхо, зажимая их элегантными серебряными щипчиками, и любила без предупреждения влезать в чужой разговор с грамматическими исправлениями. Когда Крукли разглагольствовал о пути посвящения, который привел его к уровню магуса — по-видимому, долгое и полное покаяний паломничество в Багровую пустыню, где ему явились демоны-симурги Геррата и наградили дарами некуомантеи, фармаки, магии и готеи — Мэм Матичек упрекнула поэта, что симурги должны использовать эленикийские термины, а не энмабические слова, а также удивилась, почему они смешали это с халдейским термином «макус» вместо «маг». Кроме того, женщину озадачило, почему существа варпа так свободно владеют мертвыми языками Терры, которые были ничем еще до Старой Ночи.

— Разве у этих демонов не было собственных языков? — удивилась она.

— Конечно же были, мэм! — рассмеялся Крукли. — Но ни одного из тех, которые я знал! И у них не было желания учить меня, а у меня не было возможности говорить на них!

— Итак, Озтин, — заметила она, — ты бегло говорил по-эленийски и по-старохалдейски до того, как отправиться в пустыню?

— О, дорогая Эльса, — весело воскликнул Крукли, — неужели тебя не впечатлила моя история?

— Я восхищаюсь вашими рассказами, сэр, — ответила Мэм Матичек. — Я просто удивляюсь, почему Санкур так похож на риф, где лежит множество погибших кораблей. Мне кажется, что все больше обломков, кусков старой, древней Терры со всего необъятного Имперiums прибывает именно сюда, где все они перемешиваются. Мы будто находимся на особой отмели, куда течением времени приносит весь мусор прошлого, чтобы мы смогли в нем покопаться.

И, конечно, здесь был Фредрик Дэнс, объект нашего интереса. Он произносил очень мало, несмотря на шумные разговоры вокруг, и, казалось, спокойно пребывал в своих собственных мыслях, при условии, что в его руке была выпивка. Рядом с Дэнсом сидел пожилой человек с длинными, как у паука, конечностями. Это, как мы выяснили, был Лайнел Анвенс, старший клерк судоходной компании «Геликан». Я не знала, существовала ли еще эта компания, или отправлялось ли еще что-нибудь куда-либо через неё.

Сидя в салоне Ланмюра бок о бок за стойкой бара, они делали вид, что не знают друг друга, но в «Двух Гогах» между ними уже можно было заметить некий намек на отношения, даже если они не

соответствовали тому, что Крукли описывал как «дружбу». Анвенс похлопотал, чтобы Дэнсу принесли напитки, и даже, казалось, слушал его, хотя я не заметила, чтобы астроном вообще когда-нибудь говорил. Иногда Анвенс поправлял свое серебряное пенсне и даже что-то записывал в блокнот, как будто Дэнс произнес нечто стоящее.

+Интересно.+ - Эйзенхорн прошипел у меня в голове на самом конфиденциальном уровне псайканы. Я подняла брови.

+Этот Анвенс. Теперь мне ясно. Он псайкер. Низкого уровня и очень специфического типа.+

— Неужели? — прошептала я, поднимая свой надколотый бокал с джойликом, скрывая ответ.

+Тип Д-тета-Д, как обозначают его Ордосы по стандартной Гаумонической шкале. Пассивный и единичный.+

— Как одно из грамматических правил Мэм Матичек? — пробормотала я.

+Нет. Это означает, что он может читать, но не отправлять. И, в частности, только мысли одного человека за раз. Это редкость. Очень ограниченный вид. Например, сейчас он не слышит ни меня, ни других людей вокруг. Его внимание полностью сосредоточено на Дэнсе. Он прислушивается к его мыслям. Читает их. Отношения странные, почти симбиотические. Анвенс — это глаза и рот Дэнса. Он... записывает то, о чем думает Дэнс, как под диктовку. Я бы не удивился, если бы узнал, что Анвенс написал безумную книгу по астрономии под диктовку Дэнса.+

— А о чем сейчас думает слепой астроном? — спросила я очень тихо.

+Не могу сказать. Анвенс настолько слит с мыслями Дэнса, что они закрыты от меня. Там частный разговор. Это сильно для Д-тета-Д. Подобная связь предполагает долгое знакомство, почти зависимость.+

— Ладно, — прошептала я, — давай узнаем, о чем они говорят.

Эйзенхорн пристально посмотрел на меня.

— Я слышала, вы работаете в судоходстве, — начала я, подавшись вперед к Анвенсу.

Сидевшие за столом в основном обсуждали подробности последней непристойной истории Крукли, которую он собирался рассказать, встав со своего места.

— Да, мэм, — ответил Анвенс. — Это рутинная работа, я уверен, что такой прекрасной молодой леди, как вы, было бы на ней очень скучно.

— Я думаю, скачковые корабли способны вскружить голову, — ответила я. — Выйти за пределы этого мира, достичь других звезд...

— Видите ли, — перебил он, — моя работа касается заполнения грузовых деклараций. Это просто бумажная волокита. Сам я никогда не покидал Санкура, хотя видел скачковые корабли в доках и снятыми с якоря.

— Должно быть, это восхитительные картины, — ответила я.

— Вы та самая леди, которая говорила с ней, — вдруг произнес Фредрик Дэнс, склонив ко мне голову. Его глаза оставались такими же невидящими, как и всегда. — Вы говорили с Мэм Тонтелл во время

выступления.

— Говорила, — подтвердила я.

— Да, я помню ваш голос. Слышал, она умерла. Просто упала замертво.

— Печальная правда, сэр, — сказала я.

— Она зацепила вас номером, — продолжил Дэнс. — Один-один-девять. Сто девятнадцать. Интересное число. В тот момент я так и подумал. Натуральное число, конечно, полупростое, на удивление большой тотиент. Сумма пяти последовательных простых чисел.

— Неужели? — удивилась я.

— Да. Семнадцать плюс девятнадцать плюс двадцать три плюс двадцать девять плюс тридцать один. Это четвертое число в последовательности Шепралона и наименьшее составное число, которое на единицу меньше факториала. Оно...

— Ох, успокойся, Фредди, — вмешался Анвенс, заботливо положив руку на запястье Дэнса. Но Фредди Дэнс был в настроении поговорить.

— Сто девятнадцать — это порядок самой большой циклической подгруппы в Группе мастеров Бенчиана, — продолжал он, — а также середина шкалы Лейкамисса. Это число звезд в созвездии Антико и угол, в градусах, положения Сикакса на восходе в день зимнего солнцестояния. Это число ступеней в башне Святого Зороаста и количество железнодорожных столбов на западной стороне моста Парнас. Это бортовой номер «Молнии», запущенной на Ипрус Дефиле командером Дорианом Казло во время Пятого Орфеонического. Его ведомый, «Вив Ларатт», совершил сто девятнадцать убийств во время этой кампании. Это число приписано Фантасмагору в «Бестиарии всех демонов» Клинида. Это возраст, которого достигла бы ваша тетя, доживи она до очередного дня рождения. Так, значит, она мертва?

— Моя тетя? — очнулась я.

— Нет — Мэм Тонтелл.

— Боюсь, что да.

— «Л» и «Ч»... Эти буквы она назвала следом. Интересно...

— Мне тоже интересно, сэр. Вы — человек чисел. Как вы могли бы использовать один-один-девять в качестве ключа, скажем, к письменному шифру?

ГЛАВА 6

Частный вопрос

В течение следующей недели Королеву Мэб трепала сильная буря — она будто зверь неуклюже спустилась с гор и целыми днями обрушивала на город шквалы ветра, сотрясая ставни и вращая флюгеры. Мы скрывались в доме под названием «Бифросд», ставшим чем-то вроде нашего логова. Тогда в «Двух Годах» мы расстались с бандой Крукли в хороших отношениях, пообещав вернуться, а я установила связь с Фредди Дэнсом. Он, казалось, был заинтригован проблемой шифровального ключа и

пообещал подумать об этом, если я захочу вернуться и навестить его. Эта задумка насторожила Анвенса, но он признал, что увлечение головоломкой пойдет на пользу его другу. Несмотря на бурю, Эйзенхорн поставил Нейлу и Дэтроу задачу наблюдать за Дэнсом, изучать его привычки и часто повторяемые действия. Они не должны были выпускать его из виду.

«Бифросд» находился в районе Верхнего города, к западу от Волшебных врат, его некогда прекрасные особняки и жилые кварталы пришли в упадок от испарений близлежащих мануфактур Фарек Тан. Дом этот — прекрасное просторное здание, а платформа на крыше — отличное место для ганкатера Медеи. Я думаю, что когда-то это был многоквартирный дом для большого количества семей, но сейчас целые этажи с некогда прекрасными квартирами пустовали. Нейл сделал это место безопасным с помощью обширной системы ловушек, а Эйзенхорн поместил защитные гиперсигилы внутри и снаружи. Я нигде не чувствовала себя в такой безопасности, как в «Бифросде».

Однако о комфорте можно было только мечтать. Простому и надежному убежищу не хватало индивидуальности. Оно ни в коей мере не ощущалось домом. Скорее это был отель, который мы могли бы освободить в кратчайшие сроки без сожаления. Эйзенхорн, как я догадывалась, никогда и нигде не оставался надолго, он всегда был готов отступить с минимальными убытками.

Переживая бурю в унылом интерьере «Бифросда», я подумала о Мэм Матичек и ее замечании о том, что Санкур похож на мусорную свалку Старой Терры, на чердак, где скопилась такая любопытная смесь осколков культуры. Я никогда не бывала за пределами Санкура, но и Медея, и Эйзенхорн особо отмечали это качество. Здесь сохранились замечательные реликты, собранные воедино — как в памяти слов, так и в материальных артефактах — так много от Старой Земли и начала человечества! Будто Санкур — сточная канава, вокруг которой некогда кружилась и оседала грязь человеческой культуры. Я знала, что Бифросд — название из древних земных мифов, легенд Иггскандика, обозначающее мост, перекинувшийся через пустоту между материальным миром и божественным царством. Это сходство показалось мне любопытным, поскольку описывало именно то, что мы искали. Я думала, может ли «Бифросд», по странному совпадению, оказаться дверью или мостом в Пыльный Город? Я было попыталась разобраться, но быстро разочаровалась в этой возможности. Как все в Королеве Мэб, включая меня, ничто не соответствовало своему названию. Правда была написана облупившейся краской на погрузочной площадке за домом: «Би[охимическое] [про]ф[ессиональное] [сод]р[ужество Южно]о [Вы]с[окого горо]д[а]». Название было составлено из оставшихся различимыми букв на стене.

— Как ты собираешься проверить ключ мистера Дэнса, если он подберет его? — спросила меня Медея.

Она только что принесла завтрак — кофеин и сладкие печеные роды. На девушке была простая белая рубашка и штаны, но руки, как всегда, одеты в красные перчатки. Пятно сахарной пудры заметно выделялось на темной коже ее щеки. Дождь струился по высоким окнам, искажая свет, как будто мы находились за водопадом. Было очень рано, еще темно, всего три дня прошло после вечера в салоне Ланмюра и «Двух Гогах». Я спала мало и плохо: темные липкие сны не давали покоя.

Я показала ей записи, открыв блокнот, купленный накануне.

— Ты записала это по памяти? — спросила она, пробежав глазами по строчкам.

Это так. У меня хорошая память, почти не уступающая эйдетическому мастерству старого наставника Марлиса из Мейз Андю, обучившему меня приемам запоминания и перекомпоновки. Я тщательно изучила книгу, пока та была у меня, и воспроизвела точную копию первых нескольких страниц, хотя и

не знала ни одного из знаков, которые записывала. Я показала их Эйзенхорну, думая, что, возможно, он их узнает. Они, казалось, частично были числовыми, и я предположила, что они могут относиться к двоичному коду, используемому таинственными Адептус Механикус. Однако Эйзенхорн заверил меня, что они не похожи ни на двоичный шрифт, который он когда-либо видел, ни на какой-либо другой язык, который он знал.

— Я покажу их мистеру Дэнсу, — сказала я, — и посмотрю, сможет ли он разобраться в них.

Медея поджала губы и кивнула.

— А если он сможет? — вновь спросила она. — Если он найдет ключ, который сработает? Остальное ты напишешь по памяти?

— О нет, — ответила я. — Это выше моих способностей. Это все, что я могу сделать.

— Ну так что дальше?

— А дальше, если он сможет расшифровать их, нам понадобится оригинал.

Медея озорно посмотрела на меня.

— И как, моя дорогая Бета, мы сможем раздобыть его?

Я пожала плечами.

— Тем же способом, как я его достала: я его украду.

— У Гидеона?

Я кивнула.

— Думаю, ты способна на великие дела, Бета, но это звучит маловероятно.

— Не знаю, — ответила я. — Возможно, пришло время мне вырваться из лап жестокого еретика и его приспешников, которые держат меня здесь в заточении, и вернуться в безопасное место к храброму инквизитору, который предложил мне спасение.

Медея рассмеялась. Мне всегда нравился ее смех.

— Ты бы ускользнула от него? — спросила она. — Притворилась бы, что потеряла верность?

— Что значит верность в этом городе? Кроме того, это будет просто еще одна функция. Исполнение еще одной роли. Я уже много сыграла, и обучена этому.

Медея покачала головой.

— Гидеон раскусит тебя за секунду, — сказала она. — Он увидит.

— И в мыслях не было, что он этого не сделает.

Медея задумчиво помолчала. Я откусила кусочек от раскаленной рыбы.

— Не пытайся, — проговорила она, — сделать это, не посоветовавшись сначала со мной или с Грегором.

Когда Медея ушла, я подошла к стеллажу и сняла оружие — салинтер и кутро, — чтобы немного поупражняться.

— Ты так похожа на другую себя, малышка, — слышался голос.

Я обернулась и увидела Черубаэля. Думаю, он мог быть там все это время. Демонхост парил в углу комнаты, цепи свисали с его искривленных лодыжек. Он походил на воздушный шарик, потерянный ребенком. Черубаэль издал долгий тихий звук, слабое шипящее гудение, похожее на то, когда стартер флуоресцентной паровой лампочки начинает перегорать.

— Ты имеешь в виду мою мать?

— Я знаю, что имею в виду, — ответил демонхост. — Назови ее «мать», «другая», как хочешь. Ты такая же храбрая и безрассудная. Этим она вызывала симпатию.

Черубаэль смотрел на меня с усмешкой, как всегда. Сложно представить, чтобы его растянутое лицо могло когда-нибудь расслабиться.

— Ты ей понравился? — спросила я, делая тренировочные взмахи кутро в воздухе.

— Конечно, нет. Я никому не нравлюсь, — его висячие цепи слегка задрожали.

— Тебе что-нибудь нужно? — поинтересовалась я.

— Много чего, — задумчиво проговорил демон. — Вещи, которые никто не может мне дать. Свобода. Мир. Освобождение. Воля. Свежеиспеченная рода.

— Можешь взять роду, — сказала я, указывая на тарелку, оставленную Медеей.

Черубаэль похлопал когтистой рукой по своему татуированному, напоминающему стиральную доску, животу и покачал головой.

— Они мне не очень подходят, — проговорил он. — Только не моей... нынешней оболочке. Меня пучит от масла хлопьев в выпечке.

— Ну вот, если бы это произошло, ты стал бы по-настоящему ужасным, — сконфузилась я.

— Знаю.

— Так значит... ты сейчас свободен? — поинтересовалась я, ставя кутро на место и пробуя уже салинтер.

Да, — сказал он, слегка покачиваясь в воздухе. — Я жду. Всегда жду. Это мой жребий. Жду инструкций, заданий. Я жду, чтобы меня призвали и использовали. Между тем, я парю и размышляю.

— О чем?

— Тебе лучше не знать, малышка.

— Значит, ты хочешь сказать, тебе сейчас скучно? — предположила я.

— Всегда, — промурлыкал он. — Мне всегда было скучно. Я понятия не имею, как вы, люди, тратите так много времени, учитывая то, как мало вам отведено. Я же всегда занят, всегда делаю то да сё. Сейчас я говорю о тех годах, когда был свободен. Когда я сам распоряжался временем и устремлениями.

— Что ж, мне жаль это слышать, — ответила я ему.

— Знаю.

Цепи вновь задрожали на демоне, и он медленно развернулся, чтобы выплыть из комнаты, будто потерянный детский воздушный шарик, увлекаемый сквозняком.

— Тогда до свидания, — попрощалась я.

Он замолчал и снова посмотрел на меня. Я знала, что Черубаэль был бесконечно опасной сущностью, хотя в нашей компании его считали скорее странным домашним животным. И Медея, и Харлон намекали, что после миссии в Гершоме, власть Эйзенхорна над Черубаэлем стала абсолютной, как будто демонхоста полностью сковывала воля инквизитора. Его видимая робость позволяла легко забыть, каким воплощением ужаса был Черубаэль.

— Ах да, — сказал демон. — Я кое-что припоминаю. Я видел твоего знакомого.

— Моего знакомого?

— На днях, когда выполнял очередное поручение. Я видел его на ступеньках крипты Святого Ноденса в Роупберне.

— О ком ты говоришь, Черубаэль?

Он поднял правую руку и отвлеченно повел ею в воздухе.

— Этот человек. Твой знакомый. Я плохо запоминаю имена. Рендер, что ли?

— Реннер? Реннер Лайтберн?

— Точно, — ответил демон. — Проклятый мальчишка. Теперь он просит милостыню там. Это его участок. Бедняга, как же он несчастен! Я чувствую, он гораздо обреченнее, чем я.

Черубаэль посмотрел на меня, сверкнув глазами.

— Это была шутка, — заключил он.

— Поняла. Вижу, ты уже почти мастерски шутишь.

— Практика, — ответил Черубаэль. — У меня полно времени. В любом случае, я подумал, тебе будет полезно знать. Ты ведь искала Реннера, не так ли?

— Он все еще там? — поинтересовалась я.

— Ты имеешь в виду сейчас?

— Да, демонхост.

Он задумчиво наклонил голову и понюхал воздух.

— Да, — ответил Черубаэль.

Буря не утихла, и дождь все еще омывал улицы, когда я вышла из дома. Было еще рано. Я сказала

Медее, куда направляюсь: было необходимо установить контакт с Лайтберном.

Она вздохнула. Это могло означать, что Медея считала плохой идеей возобновить контакт, но она также знала, что я уже настроилась на выполнение задания. Медея велела мне вернуться к полуночи.

— Произойдет что-то интересное? — полюбопытствовала я.

— Если повезет, мы получим кое-какие ответы, — проговорила Медея.

Я дошла до Алохим-корта, радуясь в душе своему плащу с капюшоном. Дождь лил как из ведра, а ветер поднимал мусор в воздух и раскидывал его повсюду. Ставни стучали на петлях, и вывески торгового центра визжали, раскачиваясь на цепях взад и вперед. Лавки были закрыты, а улицы пусты. Час рассвета уже миновал, но буря окутала город, погрузив его в сумерки, и мрак отказывался рассеиваться. Обычно в это время город просыпался, торговые центры открывали свои двери, обеденные залы гремели от суеты официантов, спешащих к посетителям с завтраком, и люди, шаркая, шли на работу или утренний молебен. Мне казалось, еще один день бури задержит горожан дома, и большинство предприятий на это время будет закрыто.

Я надеялась поймать экипаж в Алохим-корте, но поблизости никого не было, а стоянка на западной стороне промокшей площади пустовала. Кебмены, теряя деньги из-за непогоды, удалились в парк со своими бричками и экипажами. Сидя вокруг жаровен, они варили кофеин и жаловались на потерянный доход.

Вместо этого я прошла под виадуком на Хартхилл-райз, отважилась пройти по узким улочкам, опустив голову, и добралась до вершины квартала Роупберн как раз вовремя, чтобы успеть на трамвай, спускающийся с холма по авеню. Он был такой же старый, как и любой другой в городе, выкрашенный в бело-голубой цвет и обшитый необработанной медью. Его шарнирный пантограф питался вольтовой энергией от воздушных линий и, плюясь, шипел под проливным дождем. Внутри было тепло и светло от люменовых колпаков над спинками сидений. Это должен был быть оживленный пригородный трамвай, но я была одним из двух-трех жалких промокших пассажиров, и сварливый кондуктор не произнес ни слова, когда взял мою монету и вытащил билет из автомата.

Я смотрела через окно на проплывающий мимо мертвый черный город, искаженный дождевыми каплями. Трамвай стонал и гудел, то тише то громче, периодически прерывая свою песню визгом рельсов.

Интересно, что я скажу Реннеру? Как можно воссоединиться с человеком, у которого украли все его воспоминания о тебе?

ГЛАВА 7

Днем как ночью

Известно, что проклятые, они же кающиеся грешники, — несчастные, которых избегают остальные жители города. Их правильнее называть «обремененными», поскольку каждый из них несет тяжкое

бремя великих грехов или преступлений, за которые те были осуждены Экклезиархией. После того как вид греха отмечается на плоти виновных чернилами, их изгоняют на улицы. Несчастные вынуждены выживать на благотворительность и проводить остаток дней, совершая искупление. Так, они предлагают помощь любому нуждающемуся, не думая о собственной безопасности, чтобы таким образом уменьшить свое бремя. Проклятые могут также брать на себя грехи и преступления других людей, даруя им прощение. Это не делает проклятых еще более проклятыми: моральная ценность избавления другого человека от греха имеет большее значение.

По правде говоря, это означает, что они могут стать немногим лучше, чем неоплачиваемые наемники, ибо чем больше зла они берут на себя, тем ближе искупление. Считается, что они исполняют любую прихоть для кого угодно.

Реннер Лайтберн много сделал для меня. Он пришел, когда я была в бедственном положении, и сделал все возможное, чтобы защитить меня. Позже Лайтберн признался, что его собственное преступление было необдуманном актом. Реннер выступил в защиту скрытого псайкера — молодой девушки — от иерархов храма. Во мне же, скрытом антипсайкере, он видел некую подходящую симметрию, как будто мое спасение способно перевесить его первоначальный грех.

Позже я узнала, что Лайтберн был назначен на эту должность Мэм Мордаунт, директором Мейз Андю, которая, как я теперь полагаю, является агентом Когнитэ. Реннер понятия не имел — или же ему было все равно — что он работает в интересах темных сил. Однако, как стало известно позже, нанявшая его Мэм Мордаунт, была на самом деле вовсе не Мэм Мордаунт, а агентом инквизитора Рейвенора, выдающим себя за нее. Доставив меня к Рейвенору, они стерли воспоминания Лайтберна и вернули его на городские улицы.

Независимо от своего первоначального преступления (которому я, скажу откровенно, очень сопереживала), Реннер этого не заслуживал. Проклятый или нет, он был стойким и отважным. С тех пор я беспокоилась о его благополучии. И я хотела лично поблагодарить его за службу, ведь мы внезапно расстались.

Размышляя обо всем этом, я пересекла широкий бульвар Роупберн под проливным дождем и приблизилась к крипте Святого Ноденса.

Это старый темный храм, простотой архитектуры похожий на возвышающийся бункер Муниторума, в тот день его громаду едва можно было различить на фоне чернеющего неба. Перед храмом располагался широкий пустующий мощный двор, где несколько брошенных рваных одеял указывали на место собрания нищих. Между тем, проливной дождь хлестал повсюду с огромной силой, поднимая в воздух море брызг. Я заметила фигуру в арке входа. Борясь с ветром, человек пытался закрепить коробки для пожертвований, прежде чем очередной шквал их подхватит и унесет прочь по улице.

Это был дьякон храма, сказавший мне, что видел нищих и проклятых во дворе, но несколько дней бури вынудили их отправиться на поиски убежища. Он предложил мне исследовать арки под виадуком или, возможно, богадельню, которая занимала часть крипты под храмовым комплексом. Было заметно, что его озадачили мои расспросы.

В богадельню вела небольшая каменная лестница сбоку от двора. Это помещение было немногим больше столовой, и оттуда воняло вареной капустой. В сыром помещении альмонарий и его неопытный помощник готовили скудный завтрак. Помещение было переполнено обездоленными, которые пришли сюда не столько для того, чтобы укрыться от бури и дождя, сколько для того, чтобы получить миску

похлебки.

К тому времени я промокла до костей и была настолько растрепанной, что сама бы сошла за нищенку. Я спросила у альмонария, видел ли он кого-нибудь из проклятых, и тот ответил, что видел несколько, но не узнал Лайтберна по моему описанию. Думаю, для него все проклятые и бродяги одинаковы: всего лишь сборище оборванцев, стоящих в очереди за супом и проходящих мимо. Альмонарий просто не обращал на них внимания.

Лайтберна там не было. Интересно, солгал ли Черубаэль, или же просто разыграл меня, отправив в бурю с дурацким поручением. Однако он никогда не проявлял ко мне злобы — странность, когда речь заходит о демоне — поэтому казалось нелогичным, чтобы Черубаэль намеренно причинил мне вред.

Далее я поговорила с несколькими нищими и бандитами. Некоторые видели проклятых в то утро, а двое решили, что узнают Лайтберна по моему описанию. Изгнанники Королевы Мэб не считают друг друга безликими и одинаковыми, впрочем, я думаю, это сильно связано с их постоянной настороженностью в отношении незнакомцев, потенциальных опасностей и посторонних, посягающих на их участки.

— Да, приходил сюда один, — сказал нищий. — Он сам был проклятым, забрал остальных. Это было сегодня, рано утром.

— Забрал их? — переспросила я.

— Он приходит каждые пару-тройку дней, предлагает деньги или еду тем, кто поможет облегчить его бремя.

Некоторые принимают предложение, некоторые нет.

— Как же они ему помогают?

— Думаю, — встрял другой, — они дерутся за него. Бедняги часто возвращаются израненными и истекающими кровью. Вот почему я никогда не ходил с ним.

Я знала, что в городе существуют бойцовские ринги, незаконные поединки для ставок и спорта. Меня не удивило, что те, кого использовали для этого подпольного порочного дела, набирались из нищих и проклятых — за несколько жалких монет или корку хлеба. У города черное нутро, и сталкиваться с доказательствами его убогой жестокости особенно неприятно.

— Куда они уходят? — продолжила я.

— Говорят, они спускаются в костницу.

Костницей называют Оосуарий Святого Бельфегга, катакомбы, в которых покоится прах павших в Орфеонической войне. Бесчисленное множество костей аккуратно сложены повсюду, чем напоминают жуткий дровник. Склеп находился на противоположной стороне храмовой мостовой, под колокольной и Старопоточной стеной, и к тому времени, как я добежала до него, снова промокла насквозь. Казалось, буря всерьез собралась утопить город в воде и мраке.

Пройдя через маленькую калитку, я проникла в узкий зал, погруженный в полную темноту и воняющий сыростью. Сквозь мрачные арки по обе стороны слабо виднелись камеры, в которых были сложены кости, старые кости павших воинов. Здесь храбрецы и трусы смешались без разбора. В конце концов,

смерть уравнивает всех, как говорится в притче, а жизнь праведная стоит не больше и не меньше жизни неправедной.

За каменным залом ступени ещё круче уходили под землю, и мне пришлось пробираться наощупь. Стены были покрыты плесенью и лишайником, а голая каменная кладка была отполирована, как стекло, потоком кальцинированной воды с мостовой. Это — граница, где живой город наверху сменялся его мертвым и погребенным фундаментом, сложенным из обломков ушедших дней. Я проникла в развалины корней города, слой уплотненных руин, на которых стоял нынешний город. Здесь, внизу, покоилось прошлое — спрессованные слои предыдущих Королев Мэб — свернутые подобно листам бумаги, на которых город строил и перестраивал себя, будто усталый пловец изо всех сил пытался удержаться на плаву. Здесь, внизу, лежали обломки — смесь фрагментов никому не нужных вещей и строений, которые никто больше не желал и не помнил. Мне казалось, что здесь, внизу, можно найти всё, что когда-либо было потеряно или забыто. Когда-то давно эти фрагменты попали сюда, вниз, ускользнули с поверхности земли, спрятавшись от дневного света.

Я надеялась, что Лайтберна также можно отыскать среди всего этого моря забытого и потерянного.

Каждый пролет лестницы открывал затененные галереи костницы, где на каменных полках громоздились связки длинных костей, а на краях лежали табачного цвета черепа. Темнота окутывала все вокруг, во многих местах с потолка струились ручьи, ведь дождевая вода устремляется во тьму так же как забытое. Интересно, сколько времени должно пройти, чтобы дождевые потоки начали заполнять камеры катакомб?

Я подошла к другому туннелю склепа, по которому продолжила путь. Вокруг никого не было, но железные крышки фонарей вдоль стены все еще были теплыми на ощупь, как будто их не так давно потушили. Пахло свечным жиром, гарью, а также едва уловимым пьянящим ароматом смеси лху, «роматиком», который стал таким популярным пороком.

Вскоре из темноты донеслись голоса. Я слилась с непроглядной тенью стены и взгляделась в синий мрак. Конечно, у меня были опасения. Хорошо, что с собой у меня припасена четырехстволка, застегнутая в кобуре под пальто, и запасные патроны на поясе. Харлон Нейл, которого жизнь приучила к предусмотрительности, настоял, чтобы никто из нас не выходил за стены «Бифросда» безоружным.

В комнате неподалеку находилось около семи или восьми человек, которые болтали друг с другом, завершая свою работу. Один из них, судя по мундиру — старший вахтенный офицер, прикреплял к шести светящийся шар, чтобы помочь товарищам увидеть обратный путь на поверхность, так как их фонари уже погасли. В желтоватом свете шара я разглядела остальных. Женщина-бродяга в фартуке собирала в коробку травяные мази, бинты и коричневые аптечки, несомненно, украденные из какого-то медицинского заведения; еще одна женщина, постарше, закутанная в поношенную шаль, бросала вещи в побитое металлическое ведро; двое мужчин в прескверном настроении собирали старые топоры, короткие клинки, дубинки и тому подобное, отправляя их в большой комод, который, очевидно, когда-то величественно стоял в какой-то монастырской трапезной для хранения стихарей, свечей и алтарных покрывал. Третий мужчина, чуть старше юноши, стирал надписи с досок, прикрепленных к стене, в то время как четвертый, совсем пожилой человек, устроился на детской табуретке и помогал своим товарищам энергичными советами и инструкциями. Старик был ветераном и все еще носил свою залатанную военную шинель. Его трескотня прерывалась приступами мокрого кашля, и тогда старый вояка снова набивал глиняную трубку «роматиком» — очередной порцией едкой травы.

Наконец, последний из них, судя по татуировкам, вне сомнения был обремененным. Он закрывал ворота

из железных прутьев на цепь.

— Я не слишком опоздала на спорт? — спросила я на уличном мабисуазском, выходя на освещенное фонарем пространство.

Все уставились на меня с удивлением и несколько недружелюбно.

— Что ты тут забыла, милочка? — спросила пожилая женщина.

— Тебе здесь не место, — согласился старый солдат, поворачиваясь на табурете, чтобы смерить меня злобным взглядом. — Давай, топай.

Его глаза выглядели осолопевшими от выкуренного «роматика».

Я заметила, как высокий обремененный напрягся и сунул руку за бедро, чтобы положить ее на какое-то оружие. Вот за ним надо особо внимательно следить.

— Но я хочу заключить пари, — продолжила я с невинным видом. — Разве здесь не делают ставки на спорт?

— Да, но мы уже окончили, — сказал юноша, все еще сжимая в руке грязную губку. — Они зашли, уже полчаса как. Сегодня ставок больше не будет.

— Зашли? — переспросила я, взглянув на решетки ворот, которые запер обремененный. — Я думала, это состязание открыто для зрителей?

— Нет, там полоса препятствий, — ответил юноша. — Они входят по номерам и выходят под Лаймхоллом. Тот, кто выйдет первым, — победил, на него выплачиваются ставки.

— Тем, кто оттуда вообще выходит, считай повезло, — усмехнулся старый ветеран.

— Закройте рты, — сказал обремененный, в его голосе слышался сильный герратский акцент. — Она не из тех, кто заключает пари. Посмотрите на нее. — Он уставился на меня. — В какие игры ты на самом деле играешь? — вызывающе спросил здоровяк.

— Среди участников есть кто-нибудь под именем Реннер? — продолжила я, быстро меняя подход. Я описала им Лайтберна в двух словах.

— Да, есть такой, — подтвердил ветеран. — Малыш Реннер. Он добрый малый. Делал это три раза, и каждый раз получал свой куш.

— Вот почему он выбрал номер три, — сказала старуха с ведром.

Я заметила, что в нем было много жетонов, вырезанных из пластиковых пластин, на каждом из которых был написан номер.

— Реннер — наш чемпион, — согласилась другая женщина.

— Так значит, он вошел? — спросила я, уже зная ответ. Юноша еще не успел стереть губкой все слова, нацарапанные на доске, и я увидела имя Реннера, написанное мелом рядом с другими именами, каждое с номером и коэффициентом, отмеченным напротив.

— А тебе лучше уйти, — прошипел обремененный. — Уходи по-хорошему, или придется уйти по-плохому.

Это была не самая худшая угроза, которую мне когда-либо предъявляли, однако агрессия прослеживалась больше в его поведении, нежели в словах. Здоровяк сделал шаг вперед, его рука приготовилась выхватить оружие из-за спины. Я заметила, как напряглось плечо, когда обремененный приготовился к бою. Было видно, что он сражался раньше и знал, как это делается.

Я отключила манжету ограничителя, прежде чем он смог двинуться. Всех с силой обдало холодом моей пустоты, действие которой усилилось в маленьком помещении. Внезапно все тепло будто бы улетучилось. Все отшатнулись в отвращении от неуместности и невозможности моего присутствия. Даже тех, кто не обладает психической чувствительностью, аура парии может привести в замешательство и вызвать шок, особенно если она возникает внезапно. Двое мужчин, складывавших оружие, сразу же убежали, но остальные не смогли или не осмелились пройти мимо меня, чтобы добраться до выхода. Они отказывались соприкоснуться с тем, что неприкасаемо, и они отпрянули назад. Ветеран соскользнул с детского табурета, старуха ахнула и поднесла шаль к губам, а мальчик попятился к прибитым доскам.

Обремененный замешкался. Воспользовавшись этим, я схватила его за лицо и толкнула вперед, одновременно сделав подсечку. Он грохнулся на спину. Я вмиг забрала у здоровяка нож-пеликан и поставила ногу ему на грудь.

— Куда они направляются? — спросила я.

Никто не хотел отвечать мне, потому что все были поражены неизвестным необъяснимым дефектом.

— Куда? — настаивала я.

— В подземелье, — пробормотал ветеран. — Еще ниже, в древние катакомбы.

Самая глубокая и самая старая часть костницы.

— Это гонка?

— Нет никаких правил, — ответил ветеран. — Это испытания. Ты найдешь дорогу или заблудишься. Там внизу лабиринт.

— Но побеждает тот, кто первым найдет дорогу в Лаймхолл, так?

Он озабоченно кивнул.

— Есть ли опасности? Вы же вооружаете их.

Отсутствие правил не запрещает нападать на соперников в темноте, — сказала женщина в фартуке. — Делай, что хочешь. А еще там есть провалы. Карстовые воронки. Ямы. В ее голосе прозвучало опасение за меня.

— Значит, нужно первым добраться до Лаймхолла любыми возможными средствами? Что там еще есть внизу?

— Кто знает? — пробормотал юноша. — Так много вошло и так мало вышло, что я не могу объяснить это простыми ямами или ножом в ребрах.

— Значит они выходят в Лаймхолле?

— Мы туда сейчас направимся, — сказал офицер, держа фонарный шест дрожащей рукой. — Они

никогда не управляются раньше, чем за три часа. Сделавшие ставки соберутся, чтобы посмотреть, кто выйдет первым.

Я обдумывала, пойти ли и мне в Лаймхолл. Это было, наверное, в миле отсюда. Если Реннер пройдет через испытания, я смогу поприветствовать его там. Хотя было бы рискованно появиться на глазах у всех игроков на финише. Люди, делающие ставки на кровавый спорт, не такая уж дружелюбная компания. Скорее всего, они будут вооружены или придут в сопровождении телохранителей. Игроки не потерпят незваного гостя в своем обществе.

Но потом выбор оказался сделан за меня. Через решетки ворот из глубины подземелья, далекий но ясный, донесся крик боли.

Я была уверена, что это Реннер Лайтберн.

— Дай мне ключи, — сказала я обремененному.

Лежащий навзничь, с моей ногой на груди, он неохотно протянул связку ключей.

— И дай мне это, — сказала я офицеру, протягивая руку к фонарному шесту.

— Нам нужен свет, чтобы найти дорогу наверх, — сказал он с некоторым беспокойством.

— Найди другой, — огрызнулась я. — Зажги лампу.

Я сошла с груди мерзавца и отперла ворота. Они тяжело висели на петлях и открылись с визгом, похожим на еще один отдаленный крик боли. Держа в руке фонарный шест, я всмотрелась в темноту.

— Ты не можешь спуститься туда, — пролепетала старуха.

— Неужели? Смотри, — дерзко ответила я.

ГЛАВА 8

О Подземелье

Не без волнения я ступила в подземный мир.

Возможно, я читала слишком много книг, и легко могла пересказать все возможные мифы о путешественниках, отважившихся отправиться в подземные царства. Говорили, что даже Орфей, чье имя было вплетено в саму ткань мироздания, совершил паломничество во тьму. Такие путешествия чреваты опасностями. Ни в одном мифе путешественник не совершал перехода, не заплатив пошлины или не принеся какой-либо жертвы. Всегда существовала цена за вход и дополнительная цена за выход.

Но то были лишь мифы. Подо мной же находилось всего-навсего подземелье, оболочка ядра Королевы Мэб. Однако то, что ветеран говорил под действием «роматика», беспокоило меня. Королева Мэб — место, где мифы казались более реальными, прячась прямо под её оболочкой, и я хорошо знала, что, как бы трудно ни было найти к нему доступ, Пыльный Город наслаивался на Город Мэб. Казалось, что я спускаюсь в настоящий мифический подземный мир, а не в какие-то мрачные катакомбы. Я вздрогнула при мысли, что отправляюсь в некий духовный поиск в потусторонний мир, безопасное возвращение из

которого потребует экзистенциального наказания. Не покидало ощущение, что надо было взять с собой лиру или монеты, чтобы заплатить паромщику.

Я пыталась развеять эти причудливые страхи.

У меня был фонарь, отбрасывающий вокруг поле воскового желтого света. Со мной все еще было мое оружие и уродливый нож-пеликан обремененного. Я снова включила ограничитель, потому что не хотела злить лемуров и духов мертвых своим нулевым состоянием.

То, что звалось Подземельем, было кошмарным местом. Ступеньки, ведущие вниз, были неровными, опасно скользкими, отшлифованными потоками воды сверху. Со стен капало, как с черных утесов тающих ледников. Тени подпрыгивали и сплетались, и повсюду, в боковых камерах и ямах, кости были сложены в кучи и напоминали стопки спичек. Везде лежали груды бедренных костей, связки ребер и пирамиды черепов. Это место выглядело как настоящий ад для обреченных на вечные муки, за исключением того, что огни преисподней уже погасли. Подземелье также напоминало хранилище запасных частей, где заготовки отсортированы и хранятся в соответствии с типом, как винты и шайбы, из которых бог-ремесленник собирает людей и отправляет их обратно на свет, чтобы те могли прожить еще одну жизнь.

За пределами освещенного круга чернела бездонная тьма. Казалось, она пульсировала, будто живое существо. Это выглядело так, как если бы непроглядную полуночную тьму дистиллировали до концентрированного сиропа. Я слышала непрерывное капанье воды, но мне также казалось, что я слышу темноту, слышу то, что один старый поэт назвал странным звуком самой тишины.

Здесь, внизу, лежали останки людей, их жизней и мечтаний, скелеты старых вещей, забытых и брошенных. Их жизненный путь закончился здесь, а я решила прийти в это место, о чем очень скоро начала сожалеть.

Я с осторожностью шла вперед, и, хотя ботинки были добротными, ноги все равно скользили и разъезжались на мокром кальците. Свет от фонаря возвращался ко мне, отражаясь от сверкающего в темноте горного хрусталя. Обычные отражения казались зеркальными вспышками наблюдающих глаз неведомого хищника. Груды старых костей тянулись бесконечно: наваленные у ненадежной тропы, сложенные в ямы, или втиснутые в древние каменные ниши, они вываливались прямо под ноги. Как и прежде, останки непременно были отсортированы по типу. Я знала, что такова особенность всех костниц вроде Оссуария Святого Бельфегга, а также длинных курганов и печных могил. Тела умерших оставляли на каменных полках верхних галерей до тех пор, пока время не превращало плоть и прочие мягкие ткани в пыль. Затем служители оссуария собирали разрозненные, уже безымянные, кости и складировали их в катакомбах внизу, сортируя останки тип за типом, чтобы их можно было плотно уложить и хранить с большей экономией. Так верхние хранилища освобождались для вновь прибывших, а бесконечные кости направлялись на складирование в постепенно уменьшающиеся помещения. Таким образом, черепа были сложены в нишах, а длинные кости — впритык в альковах. Позвоночники переплетались в каменных чашах, пока не истлевал последний хрящ, после чего освободившиеся кости позвонков можно было свалить, как морские раковины, в урны из оуслита или мраморные оссуарии.

Ящики с костями, каменные кувшины, доверху наполненные костяшками, урны с фалангами и тарзальными костями — вот что встречалось мне по пути. Я также видела старые тачки, ручные тележки, метлы и грабли — инструменты служителей. Я задавалась вопросом, что такое занятие как постоянная сортировка костей в темноте делает с разумом человека. Потеряли ли служители всякое беспокойство по поводу смерти, или же они стали большей жертвой суеверий, чем большинство?

Своеобразный ответ предстал передо мной за следующей запутанной галереей, полной корзин с ребрами, связанными в пучки, будто снопы кукурузы или колчаны с изогнутыми стрелами. Свет фонаря открыл взору врата, сделанные из выбеленной человеческой кости: каркас из бедренных костей был укреплен деревянными обручами, а арку из лопаток венчали черепа без челюстей. Казалось, служители лишились разума или же настолько привыкли к материалам, изготовленным из усопших, что перешли к этой неуважительной забаве. Все больше костяных скульптур смотрело на свет от моего фонаря, пока я шла дальше — гротескные конструкции невозможной анатомии. Некоторые из них были огромными, достигавшими десяти или более метров в высоту, и многие из костей, составлявших фигуры, очевидно, выбраны за особые качества. Там виднелись хрупкие косточки, пораженные остеопорозом, кости, покрытые старыми и давно зажившими переломами, и другие, ненормально увеличенные из-за акромегалии. Скульптуры ужасали еще больше тем, что они не несли никакого смысла, ничего, что я могла бы в них увидеть, и не служили никакой цели. Это были даже не ворота или арки, а просто изделия из желтоватой кости, воздвигнутые подобно алтарям безумцев. Еще больший ужас наводили пустые взгляды черных глазниц голых черепов, чьи постоянные ухмылки не выдавали веселья, а глубокие глазницы, казалось, безмолвно звали к уважению. Грудная клетка с четырьмя головами на платформе из локтевых костей; трибуна из тазовых половин, увенчанная десятью связанными воедино черепами; рыцарь смерти верхом на целой лошади, оба собранные из человеческих фрагментов, закованы в чешуйчатые мантии из перекрывающихся лопаток и крестцов и увешаны ожерельями из зубов.

Я решила, что ни на земле, ни под землей, мне не хотелось бы встречаться с работниками оссуария. В связи с этим сам собой возник вопрос, были ли они одной из опасностей, которую участники состязания вынуждены избегать.

Из бездонной тьмы подземелья доносилось не только журчание струящейся с поверхности воды, но и другие призрачные звуки. Я не раз слышала, как разлетаются по сторонам и гремят сухие кости, постепенно затихая, и думала, что их могли потревожить бесстрашные крысы, однако я не видела крыс, потому что в катакомбах не осталось ни мяса, ни костного мозга, чтобы их привлечь. Дважды до моих ушей доносился отдаленный крик, но я не могла определить его направление, а один раз отчетливо услышала звук приближающихся бегущих шагов, однако за ними никто не появлялся.

У подножия еще одной лестницы, спуститься по которой было бы не более рискованно, чем с ледяной горки, я обнаружила желтый кружок. Это был пластиковый жетон, похожий на те, что старуха держала в своем ведре. Рядом с ним, на блестящем полу, краснели пятна свежей крови. Я подняла жетон и прочитала на нем цифру '7'. Это не Реннер, но «семерка» стала для кого-то несчастливым числом.

Как раз в этот момент мое везение, казалось, тоже закончилось. Я чуть не свалилась в отвесную яму, до дна которой не доставал мой свет. Мокрый каменный пол был почти черным, вход в яму тоже был черным, и только в самый последний момент я заметила, что чернота больше не отражала свет моего шара.

Я отшатнулась назад, затем нагнулась и ощупала землю: пальцы нашли невидимый край — линию, где черный камень переходил в такой же черный воздух. Еще один шаг, и я бы нырнула туда. Я огляделась в поисках обходного пути, потому что ничего не было видно даже при свете лампы. Тогда пришлось использовать основание фонарного шеста, чтобы проверять им, что было камнем, а что нет. Наконец я нашла узкую тропинку, немногим больше уступа, которая огибала яму под фронтоном каменной колоннады, где каждое углубление было заполнено перемешанными черепами, будто рыночные коробки, забитые фруктами с высохшей кожурой.

И снова издалека донесся крик, заставивший меня напрячься. Я отступила к арке алькова и, немного подождав, заметила, что некоторые черепа там были повернуты так, будто бы смотрели — из беспорядочной кучи — в одном направлении. То же самое — в соседнем алькове, и в следующем. Скорее всего, это не было случайностью: кто-то развернул черепа, возможно, чтобы отметить маршрут и указать отсутствующими взглядами пустых глазниц безопасный путь.

В следующем склепе несколько бедренных костей были извлечены из штабелей и разложены в одном направлении. Еще несколько незаметных указателей, установленных намеренно, терялись в этой пустыне костей. Как только я заметила их, то начала находить больше точных мелких деталей в разбросанном мусоре. Кто их так установил и куда они вели? Было разумно подозревать, что указатели могли вести к какой-то ловушке или к несчастью, но к сожалению, больше я ничему не могла доверять, потому что вокруг царила беспросветная тьма, а бесконечные изгибы, спуски и повороты галерей катакомб сбили мой внутренний компас.

Эта мысль застигла меня врасплох. На мгновение даже пришлось напрячься, чтобы справиться с растущей тревогой. Все это время я была сосредоточена на продвижении вперед в поисках бедного Реннера. Теперь же я поняла, что не уверена, смогу ли легко вернуться по своим следам, если возникнет такая необходимость. Я представила, как Медея упрекает меня за опрометчивость, а Харлон начинает грубую лекцию о методах слежения и надлежащей полевой подготовке.

Именно так в каждой мифе посетители подземного мира теряли дорогу. Она поглощала их, и, несмотря на уверенность или на решимость героев, они сбивались с пути. Мифы всегда заканчивались одинаково, независимо от их культурного происхождения: посетители выходили из подземного мира только в том случае, если у них был проводник, или за них заступалось божество, или же они платили паромщику, чтобы тот указывал дорогу. Герои никогда не находили выход сами, и всегда какая-то их часть, заплатившая высокую цену, оставалась под землей. Вспомнились монеты на веках мертвецов — плата за переправу.

Я заблудилась. Тайные указатели из костей были моей единственной помощью. Я надеялась, что, возможно, они и были моим собственным божественным заступничеством. Я доверилась им и последовала по мрачному указателю.

— Дай мне свой фонарь, — вдруг раздался голос.

Это меня немного удивило. С начала спуска в катакомбы раздавалось так много странных звуков, что я начала отмахиваться от них как от галлюцинаций, но вот один из таких звуков внезапно стал реальностью.

— Не дам, — ответила я, поворачиваясь и поднимая фонарь, чтобы рассмотреть тени.

— Дай его мне.

Мужской голос. Запыхавшийся и, судя по тону, испуганный. Я почувствовала запах пота.

Незнакомец вышел на свет лампы. Уличный бродяга, одетый в скудную грязную одежду. Человек невысокого роста был крепко сложен, на лице виднелся старый шрам от ожога лазером. В руке он сжимал ржавый нож, острием ко мне. Лампа была небольшой, но глаза бродяги все равно прищурились от ее света.

— Дай мне его, — повторил незнакомец. — Мне нужен свет.

— Ты участник игры? — спросила я, не сводя глаз с ножа.

— Чего?

— Игра. Ты в игре?

Он кивнул и похлопал себя по груди. Там был приколот зеленый жетон, похожий на медаль, а на нем цифра «9».

— Как тебя зовут? — спросила я.

— К черту имя, девочка. Дай мне лампу.

— Не дам, — ответила я, — она мне тоже нужна, чтобы найти дорогу. Но если ты назовешь мне свое имя, я поделюсь светом. Ведь ты тоже заблудился, как я смотрю.

На лице мужчины читалось страдание, причиной которому был страх.

— Эйлинг, — представился он.

— Нам обоим нужен выход, Эйлинг. Нам здесь не место, не стоило сюда идти.

Эйлинг кивнул.

— Сыграть в игру за несколько пенни, — уныло ответил он. — Я думал, это будет легко. Но здесь, в этой проклятой яме, что-то есть.

— Другие игроки?

— Нет, не они. Анатомы. Уроды проклятые. Ты видела их работу, точно должна была.

Эйлинг, ветеран Милитарума, жил в нищете на городских улицах, его положение резко ухудшилось, когда ему отказали в пенсии. Тогда он вступил в игру в отчаянной попытке заработать грош. Бродяга поведал мне, что анатомы раньше были работниками оссуария, жившими в самых глубоких частях катакомб и не выходившими на поверхность. Они стали самостоятельным племенем, живущим в мире человеческих костей, который давным-давно свел их с ума и превратил в дикарей.

Это и многое другое Эйлинг рассказывал, пока мы шли под светом лампы. Он вел себя дерзко, будто бы взял меня в плен и теперь был главным, однако мне также казалось, что он просто рад моей компании. Бродяга говорил свободно, без расспросов с моей стороны, оживленно болтая сейчас, когда он видел свет и реального собеседника. Он пробыл в подземелье всего два часа, но этого времени хватило, чтобы одиночество и густая темнота жестоко наказали его.

— Ты знаешь Реннера? — спросила я.

— Реннера?

— Да, номер три.

— О, Лайтберн. Да. Его-то я знаю. Он уже играл раньше. Он говорил мне не вступать в игру, но были нужны деньги. Это тяжело, сказал он, тяжело для рассудка, и я ответил ему, я сказал, что был в битве при Кастон-Филд с Шестьдесят Первым полком, я-то знаю, что такое тяжело.

— Я был неправ, — добавил Эйлинг после паузы. — Это и вправду бьет по рассудку. Быть одному, да еще

в такой темноте. Наверное, вот каково это — быть мертвым.

— Я не думаю, что быть мертвым на что-то похоже.

Он пожал плечами. Эйлинг был несчастным, но его присутствие придало мне сил. Теперь этот человек стал потерянной душой, а я — его светом и божественным заступником. Это наводило на мысль, что мой миф может разыгаться совсем по-другому.

Мы достигли длинной галереи, где из костяного мусора было собрано много жутких скульптурных экспонатов. Черепа, насаженные на змеевидные стволы из сплетенных позвонков, смотрели на нас как ламии из допотопного мрака. Черепа висели в корзинах с ребрами, как птицы в клетках. Скелетообразное чудовище с огромным количеством длиннющих ног притаилось, будто гигантский паук. На нем покоилась замысловатая корона из ключиц.

— Сегодня все по-другому, — сказал он, затем взглянул на меня. — Сегодня? Сегодня вечером? Я понятия не имею, который час. Уже наступила ночь?

— Здесь всегда ночь, — ответила я. — Почему ты говоришь, что что-то изменилось?

— Что-то их взбудоражило. Анатомов. Лайтберн говорил, что они держатся особняком и избегают игроков, когда те проходят. Но не сегодня. Они поднялись на эти уровни. Я видел мельком тени и слышал их. Думаю, они нас перехватывают.

— С чего бы это?

— Полагаю, что-то поднялось из самых глубин, — продолжил он, — и погнало их к свету. Так уже бывало раньше.

Я не придавала этому значения. Разум бродяги играл с ним злые шутки.

— Почему ты так говоришь, Эйлинг?

— Я слышал шум. А ты нет? Время от времени раздается громкий стремительный звук, будто... ветер гудит в деревьях. Или волны гремят в море.

— Здесь нет моря, — заверила я его. — Или каких-нибудь деревьев.

— Но я слышал, — настаивал Эйлинг. — Шум моря. Скорее всего, город погружается в огромное подземное море, а приливы и отливы затопили глубины подземелья и загнали анатомов на верхние уровни.

В этот миг ветеран остановился. Мы оба это сделали. Еще один короткий звук, будто крыса зацепила кости в темноте.

— Ты знаешь, как отсюда выбраться? — спросил он очень тихим и напряженным голосом.

— Не могу дать утвердительный ответ, однако надеюсь на это.

Я следила за указателями. Эти странные заранее разложенные кости все еще казались указателями, хотя я уже начинала подозревать, что, как и в случае с Эйлингом, мой разум просто наводил порядок там, где его не было. Эта большеберцовая кость — была ли она помещена туда специально, чтобы указать путь, или же она просто лежала там, где упала?

Неужели я следовала шаблону, построенному моим разумом? Таких поручений я не давала.

Эйлинг внезапно схватил меня за рукав.

— Это что, свет?

Хтоническая чернота впереди действительно побледнела, и это не было обманом зрения. Яркое сияние, похожее на сценический свет, становилось все ярче по мере того, как мы быстро приближались к нему по гальке пястных костей. Наконец возник свет.

Он блеснул в глаза мягким белым сиянием с зеленым оттенком. Мы прошли под высокой аркой из позвонков вдоль длинной костяной колоннады, где каждая вертикальная бедренная кость оканчивалась навершием челюсти.

За ней обнаружилась лишь огромная комната, которая не была столь желанным выходом наружу. Мокрые стены поросли водорослями, которые испускали фотолюминесцентную дымку, наполнявшую помещение мягким, как снег, светом. Деревянные скамьи, взятые из какого-то храма и уже сгнившие от старости и плесени, были расставлены рядами вдоль всей пещеры. Они были заняты. Скелеты-прихожане, привинченные и прикрученные к скамьям, сидели лицом вперед, держа истлевшие псалтири на сгнивших коленях или костях пальцев. Сотни мертвецов восседали в безмолвной молитве.

Я видела, куда направлены их взгляды, для чего их всех прикрутили к скамьям.

Сердце дрогнуло. Наконец-то я нашла ангела, которого я так жаждала, дабы он даровал мне ясность мысли и уравновесил демонов, отравлявших жизнь.

Но ангел был давно мертв.

ГЛАВА 9

Об ангелах и анатомах

Ангел висел на кресте перед пародией анатомов на храм. Он был распят, железные гвозди торчали из рук, лодыжек и распростертых крыльев. Кости ангела покрылись водорослями, которые источали холодный свет, как и стены пещеры.

— Они двинулись умом, — пробормотал Эйлинг. — Это их величайшее осквернение.

Я кивнула. Анатоми наполнили все камеры оссуария мерзкими скульптурами, извращенными и причудливыми, обезображивающими естественные формы. Но конкретно эта казалась еще большим позором, потому что в каком-то смысле она была красивее остальных — великолепная крылатая фигура, прибитая гвоздями к деревянным балкам.

Так что да, я кивнула в знак согласия с бродягой, но также заметила детали, которые он не увидел.

Все скульптуры, что мы видели до сих пор, были собраны из человеческих костей вопреки анатомическому смыслу. Но я не могла сказать, как создавался этот ангел. Его кости соединены, что называется, в естественном порядке. Скульптура не была смесью различных частей, подогнанных друг к

другу. Даже учитывая изуродованную и ненормальную природу многих костей, которые анатомы выбирали для своих экспонатов, я не могла понять, откуда они взяли кости для этой скульптуры.

Я подошла к распятию и посмотрела на него снизу вверх. Фигура была гигантской, более двух метров ростом. Откуда взялись кости такой величины? Казалось, они подходили друг к другу, как будто это была не скульптура, а целое сохранившееся тело. Массивная грудная клетка и тяжелая грудная кость напоминали некое подобие раковины. Крылья сделаны не из позаимствованных длинных человеческих костей. Они казались костями настоящих крыльев. Какая птица обладала крыльями с четырехметровым размахом, и где могли быть найдены её останки? Как их удалось прикрепить настолько правдоподобным образом?

Вблизи я увидела, что кости великана покрыты отслаивающейся шелухой, похожей на старый пергамент, жалкими остатками кожи и тканей. Это не являлось искусной конструкцией извращенных анатомов. Скелет был реальным и цельным — крылатый гигант когда-то по-настоящему жил.

— Они отвратительно высмеивают Светлейшего, — сказал Эйлинг, тоже знавший мифы. Бродяга не осмеливался произнести это имя вслух, но я понимала, о ком он говорит. Великий Ангел, святой из древней легенды, сражавшийся на стороне Бога-Императора в Последнем конфликте Терры и павший жертвой мстительного духа в последние часы.

Это действительно было святотатством, в точности, как это видел Эйлинг. Но он, в гневе, не обратил внимания на реалистичные детали. По-моему, это хуже богохульства, потому что я была уверена, что кости когда-то принадлежали реальному существу. Убитый и распятый ангел, доказательство божественности, наполняющей Единую Веру, выставлен напоказ, будто мрачный трофей.

Я почувствовала, как слезы начали наворачиваться на глаза.

— Это Астарес, — сказала я.

— Это не он, — замотал головой бродяга.

— Это он, Эйлинг. Посмотри-ка на его кости. Они намного крупнее человеческих.

— Астарес — это миф! — рявкнул ветеран.

— Мы здесь стоим в царстве мифов, — ответила я, затем добавив. — Кроме того, это не такие уж и мифы.

— Так и есть, это сказки, — повторился он, — и любой глупый ребенок может подтвердить, что у них нет крыльев.

— У примарха ...

— Не называй мне его имя! — крикнул Эйлинг, поднимая руки, чтобы заткнуть уши. — И даже если у него действительно были крылья, да будет благословенно его могущество, у Астарес их нет.

Я снова шагнула вперед и опустилась на колени, копаясь в мусоре у основания креста. Старые книги были свалены в кучу, превратившись в пыль и мульчу вместе с другими жалкими подношениями.

— Я думал, мы нашли выход, — пробормотал Эйлинг у меня за спиной.

— Я тоже.

— Я принял свечение за дневной свет, но нет. Просто сияющая слизь в адской яме. Почему она

светится?

— Это химический процесс, Эйлинг, — ответила я, продолжая рыться.

Вскоре я на что-то наткнулась — большой, сделанный из металла, твердый предмет под грудой истлевших книг.

— Обманутый дерьмом — в этом вся моя жизнь, — выругался Эйлинг.

Это был боевой шлем невероятного размера, слишком большой для человека. Его покрывала могильная плесень и грязь, блеск исчез, но когда-то шлем был красным.

— Нам надо идти дальше, девочка, — сказал Эйлинг позади, не обращая на меня внимания. — Я увидел свет, вселивший надежду, но то был обман. Мы должны двигаться дальше.

— Да, сейчас пойдем, — ответила я, соскребая грязь с купола шлема и снимая наросты плесени с прорезей для глаз. Мне были знакомы его узоры, я видела их в различных вариациях. Доспехи Астартес, без сомнения. На лбу черной краской выведена цифра «IX».

— Девять, — пробормотала я.

— Да, я девятый, — сказал Эйлинг. — Девять — это мой номер. Что из этого?

— И ты привел меня сюда, — размышляла я. — К свету.

— Что? — он раздражался все больше.

Мифы Королевы Мэб и её подземного мира играли со мной. Я искала свет, но он оказался ложным. Я сошла в подземный мир и не нашла выхода, зато наткнулась на ангела, о котором так молилась, но он уже мертв. Мифы сохраняются только в том случае, если имеют смысл. Это — знания зашифрованные в сказаниях, чтобы их можно было передавать из поколения в поколение. Меня окружали мифические символы, но все же я не могла извлечь из них смысл.

Я решила, что ничего подобного не существует и никогда не существовало. Я видела узоры, которые не были узорами, и оценивала символы, что не были символами, точно так же, как я заметила указатели из костей и последовала по ним. Всю свою жизнь я хотела осмыслить мир, и это желание стало таким отчаянным, что я начала выстраивать смыслы. Не было никаких мифов. Я — женщина, заблудившаяся в костнице, сбита с толку темнотой. Мир не мог предложить мне никакого смысла, потому что у него его не было, а все знаки и знамения ни на что не указывали.

Послышался шлепок, будто пуля попала во что-то.

Я посмотрела на Эйлинга. Он повернулся ко мне с выражением недоумения на лице. В его шее зияла дыра, из которой ручьем хлестала кровь. Он был уже мертв.

Раздался второй шлепок. Эйлинг пошатнулся, когда что-то попало ему в висок, и от удара упал на спину. Ноги дернулись в конвульсиях, жизнь покинула его окончательно. На голове, в месте второго попадания, показался глубокий рубец.

Еще несколько снарядов ударило в землю вокруг, один взметнул осколки костей у моих ног. Я не слышала никаких выстрелов, но в меня стреляли. Хлесткий удар погасил лампу, разбив светящийся шар. Я бросила шест и нырнула в укрытие. Дальнейшие удары раскололи край скамьи, за которой я

спряталась. Один снаряд врезался и отскочил от дерева, потеряв силу. Я увидела, что это человеческая костяшка. Рогатки, катапульты... кости использовались в качестве боеприпасов, чтобы стрелять в меня.

Я заметила первого анатома, когда он бросился в мою сторону вдоль скамьи. Он низко сторбился, двигаясь торопливой походкой, хромой, истощенный и одетый в грязно-черные лохмотья. Его кожа была покрыта белой костяной пылью, напоминавшей пудру аристократа, а запавшие глаза были мутными и остекленевшими. Зашипев, анатом разинул рот, полный сломанных желтых зубов и гнилых десен. Он замахнулся самодельным топором, чтобы разрубить мне голову. Лезвие топора представляло собой заостренную человеческую лопатку, рукоятка — бедро.

Я растянулась на спине, уклоняясь от удара — топор пролетел в миллиметре от лица и вонзился в скамью. У меня не было времени, чтобы встать на ноги. Выгнувшись дугой с опорой на плечи, я захватила его руку между ног, резким движением сломав конечность. Когда он, визжа, отшатнулся назад, я вскочила на ноги и ударила его тыльной стороной ладони.

Второй анатом бросился на меня через скамьи, сбив головы нескольких скелетов-прихожан. Я уклонилась в сторону от его захвата, и тот рухнул на землю. Как только он встал, я успела вытащить старый нож-пеликан обремененного, вонзив его в грудь нападавшего. Анатом упал, увлекая за собой глубоко засевшее в теле оружие.

В меня летели смертоносные выстрелы. Под костяной аркой, через которую мы с Эйлингом вошли, я заметила полдюжины анатомов, раскручивающих пращи и выпускающих костяные шарики. Снаряды ударяли в скамьи, разлетаясь на осколки и сотрясая сидящие скелеты. Одна костяшка попала в череп, разнеся его на куски, будто старый горшок. Я опустилась как можно ниже, слыша, как костяшки глухо ударяются о скамью, сотрясая её. Если и был другой выход из зала с распятием, я о нём не знала и не осмеливалась поднять голову, чтобы осмотреться.

Наконец я вытащила свой счетверенный короткоствол — компактное оружие с прорезиненной рукояткой и коротким квадратным рылом из вороненой стали, с четырьмя стволами, расположенными, как точки на игральной кости. Нажатие на спусковой крючок производило каждый выстрел по часовой стрелке сверху справа, но если крючок удерживать, то все четыре будут произведены так быстро, что выстрелят почти одновременно. Я потянулась к поясу за запасными патронами, чтобы мгновенно перезарядиться, когда прозвучит первый залп.

Что-то с огромной силой ударило в затылок. Я на мгновение потеряла сознание и очнулась на земле, уткнувшись щекой в порошкообразную пыль. Я чувствовала запах крови в носу, а затылок пульсировал жгучей, иррадиирующей болью. Ко мне вернулось зрение, и я увидела на земле, прямо перед носом, костяшку человеческого пальца, влажную от крови с одной стороны.

Снаряд, выпущенный из рогатки, достиг цели.

Я попыталась встать. Тело было вялым. Выстрел совершенно лишил меня разума. Я слышала, как анатомы кричали и приближались, и понимала, что умру, если не буду быстро шевелиться.

Я все еще была оглушена.

Раздался сильный, отдающийся эхом взрыв, который, кажется, поднял клубы пыли с земли перед моими глазами.

Чья-то рука схватила меня за плечо.

— Ты можешь встать? Ты смертельно ранена? — спросил мужчина, прежде чем выстрелить еще раз. — Ты можешь идти, женщина? — он настойчиво тряс меня.

Я узнала голос. Это Реннер Лайтберн. Я проделала весь этот путь, чтобы спасти его, но он снова спас меня.

ГЛАВА 10

О путях наружу

У Лайтберна больше не было пистолета «Тысячник», его гордости. Он стрелял из длинноствольной автоматической модели «Галет-П», знававшей лучшие времена.

— Ты можешь встать? — снова крикнул он, заставляя анатомов нырять и укрываться от частых выстрелов.

Я смогла, хотя еле держалась на ногах.

— Это уже второй раз, — сказала я.

— Второй раз что?

— Ты спас меня.

— Что?

Конечно, он не знал. В тот момент я забыла, что он не помнил. Один из агентов Рейвенора, Пейшенс Кыс, повредила телекинетическим копьем его кратковременную память, так что он ничего не помнил.

Патроны закончились. Он пригнулся, чтобы перезарядиться.

— Там сзади есть проход, — указал Реннер кивком головы. — Когда я снова заставлю их пригнуться, беги.

Я достала короткоствол:

— Давай побежим сейчас.

Преодолевая головокружение, я вскочила и разрядила все четыре заряда. Отдача отбросила руку. Выстрелы снесли конец скамьи и разбили часть позвонковой арки.

Мы побежали со всех ног. Он подхватил меня под руку, чтобы я не упала. Несколько костяных снарядов полетели нам вслед. Проход находился там, где он и сказал. Мы мчались по темному коридору, задевая и пиная ногами валявшиеся на пути кости.

— У нас нет света! — воскликнула я, спотыкаясь.

— Держись меня, — настаивал он.

Мы забежали в очередной склеп. Здесь тоже росли водоросли, испускающие свет, хотя и в гораздо

меньшем количестве, чем в жутком зале, из которого мы ушли.

— Сюда, — сказал он и потащил меня под укрытие сырой дренажной трубы. Мы ждали звуков погони. Реннер тихо перезарядил пистолет. Его борода отросла, а волосы стали длиннее, чем раньше. Он похудел, но остался тем человеком, которого я помнила. На коже проступала татуированная литания его Проклятой ноши.

Я переломила коротковол, и пружинный зажим автоматически извлек теплые гильзы. На их место встали четыре новых патрона, затвор защелкнулся.

— Неплохая игрушка, — оценил Лайтберн.

— Да, так и есть, — согласилась я и скользнула взглядом вокруг, чтобы отследить малейшее движение.

— Я бы спросил, как он оказался твоим, но еще большая загадка — что ты здесь делаешь. Ты зашла в костницу по ошибке?

— Нет, — ответила я.

— Ты не бродяга, одежда у тебя хорошая. Я не могу придумать никакой причины, по которой такая женщина, как ты, могла бы оказаться здесь.

— Ты не знаешь, какая я женщина.

— Верно. Но я выгляжу как никчемный Проклятый, потому что я именно такой и есть, в то время как ты ...

— Я искала тебя.

Он покосился на меня, сбитый с толку.

— Я тебя знаю? — спросил он.

— Знаешь? — повторила я.

— Вовсе нет. Я думаю, ты потеряла сознание и приняла меня за кого-то другого, мамзель. Я всего лишь Проклятый.

— Ты номер три, и твое имя Реннер Лайтберн.

Он был встревожен этим откровением, но я не могла его винить.

— Ты забыл всё, что знал обо мне, — продолжила я. — У тебя отняли память. Но ты знал меня когда-то, несколько месяцев назад. И ты помог мне, согласно твоему бременю.

Казалось, Реннер был полон сомнений и тревоги, но я почувствовала, что задела что-то у него внутри.

Несколько месяцев назад, — сказал он тихо, но с некоторой суровой злостью, — я проснулся на улице возле Угольных врат. Я не мог вспомнить, ни как я туда попал, ни что-либо другое из часов или дней, предшествовавших этому пробуждению. Я подумал, не напился ли я до беспамятства, но я никогда не был пьяницей. По крайней мере, я предполагаю, что никогда не был пьяницей. Тогда я решил, что на меня напали или у меня случился приступ какой-то болезни. Но у такого человека, как я, нет денег, чтобы обратиться за помощью к дорогому лекарю.

— Что же ты сделал?

— Я продолжил то, что, как я предполагал, было моей жизнью, — сказал он и выдержал паузу. — Так мы знали друг друга?

— Да. Когда мы виделись в последний раз, у тебя был «Тысячник».

— Это я помню. Он был со мной какое-то время. Я понятия не имею, где и когда его потерял.

— Той же ночью, что свою память.

Он так долго смотрел на меня в голубом сумраке, что мне стало не по себе.

— Мне не знакомо твое лицо, — проговорил он наконец. — Это что, уловка? Ты меня обманываешь?

— Ничуть, — сказала я.

— Пистолет. Ты упомянула о пистолете. Это прозвучало убедительно. Немногие, если вообще кто-нибудь, знал о нем. Я не из тех, на кого обращают внимание. Я не из тех, у кого много знакомых.

— Я упомянула пистолет именно по этой причине.

Он пожал плечами и снова выглянул из дренажной трубы, но там не было никаких признаков дикарей.

— Почему ты пришла за мной? — спросил Лайтберн.

— Я искала тебя какое-то время, — ответила я. — Сегодня, наконец, у меня появилась зацепка. Поступила информация, что ты здесь, поэтому я пришла, и когда обнаружила, что ты участвовал в этом глупом кровавом спорте, то последовала за тобой в оссуарий.

— Ну, это было чертовски глупо само по себе.

— Согласна.

— Для чего... — начал он.

— Что? — перебила я.

— Что ж, теперь, когда ты наконец нашла меня, мамзель. Хоть и с некоторыми трудностями. Для чего, собственно, ты меня искала?

Я почувствовала себя глупо.

— Мне казалось, что нужно... Поблагодарить тебя.

— Поблагодарить меня?

— Да, за услугу.

— Я совершил великие дела? — поинтересовался он.

— Ты был храбр, когда у тебя не было на то причин, так что да.

Он поджал губы и задумчиво кивнул.

— Ну, мамзель, считай, ты меня поблагодарила. А я благодарю тебя за твою благодарность. Что дальше?

— Ну, на самом деле, это всё, — пробормотала я.

Он тихо рассмеялся.

— Слишком много риска и усилий ради двух слов, — заметил он. — Я думаю, что это еще не всё.

— Еще не всё, сэр?

— Мы были любовниками?

— Нет.

— А ведь только влюбленные совершают такие опрометчивые поступки.

— Мы были друзьями, Реннер.

— Я даже не знаю твоего имени, — поинтересовался он.

И я назвала ему своё имя — Бета.

Мы подождали некоторое время, пока не убедились, что анатомов поблизости нет, затем снова отправились в путь, удаляясь от зала с распятием. У меня сильно болела голова. Шишка на затылке была размером с птичье яйцо, кровь запачкала волосы.

Лайтберн прокладывал маршрут по указателям из костей. Их расположение все же не было плодом моего воображения.

— Почему ты играешь в эту игру? — поинтересовалась я.

— У меня хорошо получается. Я так зарабатываю деньги. Выигрыш победителя приличный. Это лучше, чем сидеть за миской похлебки. В первый раз было достаточно просто. Да, темнота пугала, но когда другие игроки бросились сломя голову, я отследил путь и оставил метки, которые смог бы найти, если бы понадобилось. Во второй раз все было гораздо проще. Я шел по своим собственным следам. В третий раз — еще проще. Правда, есть опасности, такие как провалы, да и другие участники игры могут действовать грубо, пытаясь устранить конкурентов.

— А в этот раз?

— Я захватил с собой пистолет на всякий случай. Они дают тебе оружие, но позволяют взять свое, если оно у тебя есть. И я рад, что сделал это.

— Зачем?

— В этот раз все изменилось, — сказал он. — Пришли хранители костей. Я думаю, это из-за бури. Наверное, дождь затопил их уровни.

— То же самое говорил Эйлинг, — заметила я.

— Эйлинг?

— Номер девять.

— А, — кивнул он. — Ну, нас предупреждали, что хранители костей могут доставить неприятностей, но я

их вижу впервые.

— Они кровожадны.

— Да, так и есть, — согласился он.

— Эйлинг предположил, что их что-то потревожило и вытеснило из самых глубин Подземелья.

— Это всё дождь.

— Нет, нечто другое. Он не уточнял.

— Темнота играет злые шутки, — заметил Лайтберн. — Всего через пару минут мутится разум. Это был первый забег Эйлинга.

— И последний.

— Действительно. Он просто двинулся умом, вот и все.

Мы шли дальше. Некоторые камеры освещала люминесцентная растительность, но в других проходах была абсолютная темнота, и нам приходилось пробираться на ощупь по холодному, влажному камню.

— Та статуя, — вдруг сказала я.

— Что за статуя?

— Крылатый человек на кресте ...

— А, эта? — Лайтберн фыркнул. — Хранители костей строят тут всякие штуки. Ты должна была видеть ужасных тварей, сложенных из костей беспомощных мертвецов. Думаю, хранители — особая разновидность сумасшедших.

Я не рассказала ему о своих мыслях, ведь только что завоевала некоторое ограниченное доверие. Я решила не говорить, что, по моему мнению, крылатый человек был настоящим.

— Ты слышал шум моря? — вместо этого спросила я.

— Да.

— Правда?

— Да. Это просто еще одна уловка тьмы. Какой-то звук, порожденный потоками воздуха или, возможно, воды. Он накладывается на собственное эхо и усиливается. Да, я слышал. Это не море, но, признаюсь, звучит похоже.

— Неужели это не море?

— Мы далеко от побережья, Бета Биквин, — ответил он, — да и под Королевой Мэб нет моря.

Я поинтересовалась, как далеко нужно идти.

Он рассказал мне еще кое-что. Наше пребывание в темноте было дольше, чем любой из его предыдущих спусков.

— Лаймхолл на севере, и наш путь отмечен, — сказал он. — Интересно, вернусь ли я первым? Если

повезет, меня будет ждать приличный выигрыш.

— Вероятно, ты уже потерял лидерство.

— Возможно.

— Потому что ты остановился помочь мне.

— Я слышал шум. У тебя были неприятности.

— Но ты даже не знал, кто я.

Он посмотрел на меня.

— У тебя были неприятности. Бремя требует, чтобы я помогал другим и нес их бремя, как свое собственное. Моя ноша для меня важнее мешка с монетами.

— И все же...

— Я поступаю так, как должна поступать кающаяся душа перед ликом Бога-Императора. И видишь, как Он меня вознаграждает? Он посылает мне друга, о существовании которого я и не подозревал, ту, кто добровольно бросит вызов тьме, чтобы сказать спасибо. И она, несмотря на свою скромную и кроткую внешность рубрикатора или секретаря управляющего, может врукопашную сразить двух хранителей костей, к тому же носит оружие прекрасной работы.

Лайтберн улыбнулся.

Мне интересно знать, кто она, моя вновь обретенная подруга, — сказал он, — и чем она занимается.

— Я расскажу тебе, но не сейчас.

Я взяла Реннера за рукав и потащила в тень каменного пирса. Вода капала нам на голову и стекала по воротнику. Я вздрогнула, когда холод коснулся раны на голове.

— Что такое? — прошептал он.

Я указала. Впереди, вдоль холодной разрушенной галереи, показались анатомы, целая толпа полностью преградила нам путь на поверхность.

Мы сошлись на том, что их было слишком много, и поэтому не стоило кидаться и биться с ними. Анатомы собирались в группы, они кричали и издавали вопли. Охраняемый выход был закрыт для нас, и я решила, что пройдет совсем немного времени, прежде чем дикари начнут двигаться обратно в нашем направлении. Я подумывала разогнать анатомов своим нулевым состоянием, но побоялась, что их общий боевой настрой может защитить их от психического воздействия, и что Лайтберн, даже предупрежденный, может внезапно захотеть покинуть мою компанию.

Реннер, несмотря на всю свою лихую храбрость, с неодобрением наблюдал за сбором хранителей костей. Я сказала ему, что у нас нет другого выбора, кроме как найти обходной путь, что он сразу же отмёл.

— Нет никакого обхода, — заявил Лайтберн. — Нет такого пути, который был бы отмечен или который бы я знал. Мы можем по-настоящему заблудиться.

— Либо так, либо возвращаться тем же путем, которым мы пришли. Возвращение по нашим следам может занять несколько часов и чревато опасностями.

Тогда с большой неохотой и опасением он последовал за мной. Я нашла боковой проход через самую узкую из каменных трещин, так что пришлось повернуться боком и поворочаться, прежде чем протиснуться внутрь. Тесное пространство давило и заставляло делать неглубокие вдохи, что еще больше усиливало клаустрофобию. Расщелина казалась бесконечной. По мере продвижения, я боялась, что она будет продолжать сужаться, пока мы вовсе не застрянем. Я старалась не заикливаться на этой мысли.

Узкий ход привел нас, наконец, к низкой галерее из старого тяжелого камня. Поток солоноватой воды тек по желобу на земле, и повсюду росли ужасные массивные грибы, с вазоподобными мясистыми утолщениями на толстых ножках, их тяжелые шляпки, казалось, покрывала человеческая(?) кожа. В воздухе стоял смрад, но просторная галерея была таким желанным облегчением после длительного перехода через тесную щель, что мы были рады и этому. Лайтберн расправил плечи и потянулся.

— Куда теперь? — спросил он.

Я указала. Я была уверена, что узкая расщелина не изогнулась, и галерея, в которую мы попали, шла параллельно нашему первоначальному маршруту. Мы шлепали по водам темного ручья, грибковая поросль облепляла узкие ступени по обе стороны, и ни один из нас не хотел прикасаться к уродливой колонии. Некоторые шляпки и ножки были такими огромными, что напоминали табуретку, на которой сидел старый ветеран.

— Мне кажется, они вполне могут питаться этим, — заметил Лайтберн.

— Кто?

— Хранители костей. Они ведь должны что-нибудь есть.

Это была отвратительная мысль: мясистые колпаки и вазоподобные ножки выглядели мерзко и источали вонь падали, но мне казалось, что Реннер прав. Кроме того, это вполне объясняло умственное помешательство анклава анатомов. Любой врач или физиотерапевт предостерегает от употребления микологических веществ, так как мякоть грибов скрывает огромное разнообразие смертельных токсинов и психотропных веществ. Анатомы, лишённые других съестных припасов, возможно, узнали, — путем ужасных проб и ошибок — какие формы были смертельными, а какие съедобными.

То, чем они питались, вызывало галлюцинации, конвульсии и фантомные видения. Скорее всего им пришлось ритуализировать такую практику, что, как я читала, происходило в некоторых других культурах. Анатомы жили в постоянном галлюциногенном состоянии, которое явилось причиной их жутких скульптурных творений. Мне было интересно, какими они видят нас. Возможно, ночными монстрами, что объясняет их смертоносные атаки.

Галерея тянулась бесконечно, словно подземный канал. Слабый свет исходил от странных светящихся наростов и от текущей воды, которая, фосфоресцируя, мерцала серебром у наших лодыжек. Несомненно, колонии грибов выделяли свой сок и споры в ручей, вызывая этот эффект. Мы с Лайтберном промокли до колен, и я беспокоилась, что безумие пещерной растительности может передаваться нам, впитавшись через кожу.

— Мы идем уже слишком долго, — пожаловался Лайтберн через несколько минут. — Эта галерея прошла далеко за поворотом на север к Лаймхоллу.

Я оценила его точность, но я все ещё не видела ни поворота, ни выхода, которым мы могли бы воспользоваться. Затем я почувствовала холодный ветерок на лице.

Еще через сорок шагов галерея перешла в темное открытое пространство. Земля провалилась, и ручей струился по неровным черным плитам вниз в темноту. Я видела, как вода вспыхивала и светилась, низвергаясь каскадом, как струна холодного огня. В самой полости не было видно ничего, кроме темноты, но по обилию холодного воздуха мы ощущали, что пещера огромна.

— Куда теперь? — спросил Реннер, когда мы остановились на краю обрыва.

Я мало что могла разглядеть. Лайтберн полез в карман, вытащил маленький светящийся шар и зажег его.

— У тебя есть свет? — укоризненно спросила я.

— Только дурак будет спускаться в Подземелье без света.

— Тогда почему ты не достал его раньше?

— Потому что у него небольшой заряд, и я не хочу, чтобы он быстро иссяк. Одно дело — мрак. Я же приберёг шар для настоящей тьмы.

Он поднял светящийся шар вверх. Свет оказался действительно ничтожно тусклым для такой пещеры.

— Это настоящая тьма, — подытожил он.

Мы все еще не могли адекватно оценить масштаб, так как светло-коричневый ореол шара освещал лишь скромный конус вокруг нас. Но этого было достаточно, чтобы увидеть, что слева в скале, у входа в галерею вырублены грубые ступени. Они вели вниз.

Я пошла первой, Реннер последовал за мной, держа шар над нами, чтобы мы оба могли видеть. Ступеньки были либо старыми, либо небрежно вырубленными и узкими — по ним не могли пройти два человека не только плечом к плечу, но и боком, грудь к груди. Лестница была высечена в стене пещеры так, что слева от нас блестела мокрая отвесная скала, а справа чернел открытый провал в бездну. Не было ни перил, ни поручней.

С большим беспокойством мы медленно спускались вниз по скользким разбитым ступеням. Мы прижались плечом к скале, цепляясь левой рукой за подобие опоры, и шли по узкой тропинке, шаг за шагом, левая нога вниз, правую ногу приставить, левая вниз, правую приставить, аккуратно и размеренно, распределяя свой вес к левому боку, левой ноге и стене. Это были мучительные минуты сосредоточенности и беспокойства, совсем как в той узкой расщелине, через которую мы прошли. Здесь сокрушающая клаустрофобия узкого хода сменилась болезненным страхом падения, соскальзывания и погружения в неизмеримую бездну.

Сначала я считала шаги себе под нос, но сдалась после семидесяти: потребовалась вся моя воля, чтобы сосредоточиться на движении.

— Там, — прошептал Лайтберн мне на ухо с дрожью страха в голосе. — посмотри туда.

Под нами ступени заканчивались на черной платформе, своего рода полу. Мы добрались до него и постояли немного, позволяя сердцебиению успокоиться.

Лайтберн поднял свою маленькую лампу.

— Откуда ты ... — начал он и замолчал. Его слова сразу же отозвались эхом, странное повторение казалось холодным и насмешливым.

— Просто эхо, — сказала я, вторя самой себе.

— Открытое пространство, — стены повторили слова. — Кажется, довольно большое.

Реннер прав, хотя было видно лишь черноту. Любопытно, как одна и та же тьма, идентичная на первый взгляд, могла казаться невероятно просторной в одном месте и угнетающе тесной в другом.

Мы рискнули двинуться вперед, через нагромождение каменных блоков. Я снова почувствовала дуновение холодного сквозняка справа от нас.

— Выключи лампу, — сказала я, и эхо повторило.

Лайтберн так и сделал, озадаченный.

Темнота была полной, настолько густой, что я даже не могла видеть свою собственную поднятую руку. Но пока мы ждали, я явственнее ощутила дуновение ветерка и яснее поняла его источник.

Мы постояли еще минуту.

— Ты видишь? — спросила я.

«Ты видишь?» — повторило эхо.

— Ничего не вижу, — ответил он.

«...ничего.»

Я на ощупь нашла Реннера, взяла его за подбородок и повернула голову. Наши глаза привыкали к сгустившейся темноте. Вдали виднелся слабый голубой свет, едва различимый.

Свет — сильно сказано. Это было бледно-голубое пятно, отдаленно напоминающее лунный луч. Ветер дул оттуда же.

— Хвала твоим острым глазам, — воскликнул Лайтберн.

«...твоим острым глазам.»

— Просто иногда приходится пользоваться тьмой, — ответила я.

«... пользоваться тьмой, пользоваться тьмой.»

Реннер снова зажег шар, и нашему привыкшему к темноте зрению он показался ослепительным. Хотя призрачный лунный свет исчез, мы были уверены в том, откуда он исходил. Мы двинулись через гигантские блоки, помогая друг другу подниматься и переходить с одного неровного склона на другой.

— Корни города, — сказал Лайтберн.

«...корни города.»

— Или прежних, более древних городов, — ответила я.

«...более древних городов», — дразнила тьма.

Древность Королевы Мэб угадывалась повсюду, город поднимался сквозь века, слой за слоем, закладывая все новые фундаменты на пластах прошлого. Возраст этих блоков будоражил воображение, их изготовили каменщики задолго до того, как те погрузились под землю. Что это были за стены? Бастионы каких башен? Как они назывались? Каких лордов и правителей они видели? Я была уверена, что это не другой город, Пыльный Город, находившийся в экстимной, параллельной реальности. Перед нами лежали пласты глубокого прошлого, погребенная реликвия эпох, предшествовавших моему времени.

Лунный свет освещал нас, сочась сквозь узкую щель. Наконец, подойдя к нему, усталые и запыхавшиеся, мы очутились перед гигантской аркой, каменными воротами с циклопическими колоннами. Она-то и была источником холодного сквозняка.

Я могла слышать отдаленный шум, раскатистый грохот, похожий на хлопанье гигантских крыльев, или...

На море. Волнение океана.

Я шагнула к огромной арке. За ней лежала бесконечная пустота. Я почувствовала под собой прилив, огромную массу воды, плещущуюся о невидимые скалы. Я ощутила запах соленого воздуха и смогла разглядеть далекую линию горизонта. Источник света, к которому мы следовали, не был виден, но он, казалось, изливал неземной природы призрачное свечение, с неведомого затянутого облаками неба над невидимым морем.

Это был выход или, по крайней мере, путь в иное место. Невозможно, это не море, определенно нет. Вероятно, подземная лагуна или огромное водохранилище какого-нибудь древнего мегаполиса. Я гадала, как мы с Лайтберном сможем пересечь его, ведь у нас не было лодки. Я также удивлялась, почему мне так не хотелось туда заходить. Я страстно желала выбраться из подземного мира, но, похоже, врата не были путем наружу. За древней аркой не было выхода, она находилась еще глубже.

Из темноты послышался крик, похожий на вопль морской птицы, кружащейся в воздухе над невидимыми водами. Это был самый одинокий звук, который я когда-либо слышала. Что бы ни находилось за аркой, чтобы добраться до этого требовалось путешествие, в которое я не хотела отправляться. Казалось, хотя непонятно почему, за этим порогом лежал только ужас.

Однако мы уже достаточно углубились, чтобы нам кто-то мог помешать. Я огляделась. Вокруг входа в арку лежали огромные искусно обтесанные плиты из оуслита. Один из блоков, покрытый многочисленными сколами и царапинами, выше моего роста, казался поставленным в качестве отметки. На нем были вырезаны надписи, которые затем намеренно сбили, оставив лишь несколько букв. Я всмотрелась в них в холодном полумраке, пытаюсь разобрать.

Все, что было начертано изначально, исчезло. Оставшаяся надпись, с веками обветшавшая, все еще читалась. Текст, начертанный на прекрасном классическом энмабике, гласил:

КОРОЛЕВСКИЙ СТВОР

Это было название арки? Или текст когда-то содержал имя монарха, который эту арку воздвиг? На ум не приходило ни одного имени, что я знала из истории Санкура. Надпись скорее напоминала название из детской сказки, к которым, впрочем, можно вполне отнести и «Королеву Мэб».

Кроме того, «Королевский Створ» — это не то, что было написано здесь изначально. Чья-то рука

вычеркнула первоначальный текст и оставила эти несколько букв как загадку или шутку. Это сделали обитатели подземного мира, ведомые собственным безумием, беспричинным и нелогичным.

Крик раздался снова, но на этот раз звал Лайтберн.

— Сюда, Бета Биквин!

Реннер был неподалеку, слева от массивной арки. Похоже, как и я, он не испытывал желания проходить через портал, называемый Королевским Створом.

При свете поднятого шара я увидела, что он нашел. Это была лестница, ведущая наверх. Не такой узкий и трудный пролет, по которому мы спускались, дрожа как осиновый лист. Это было грандиозное величественное сооружение, шириной в десять метров, с прекрасными широкими мраморными ступенями. Время покрыло их слоем грязи и пыли, но благородство сооружения от этого не поблекло. Стены представляли из себя гордый шедевр искусных каменщиков, обрамленные колоннами и богато украшенные акантом, на котором все еще виднелись остатки сусального золота, некогда покрывавшего его. Это был парадный марш, церемониальная лестница, по которой великие монархи могли со всей pompой, в сопровождении охраны и канцлеров спускаться из своего дворца в королевские доки или по которой, возможно, восходили высокие послы иностранных государств под фанфарами и торжественным барабанным боем, чтобы затем предстать перед королем.

— Этот проход мне больше нравится, — признался Лайтберн.

— Он лучше, чем арка?

— Несоизмеримо лучше. Арка ведет в неизвестность, куда я не хочу идти. Я всем нутром это чую.

— Согласна, хоть и не могу сказать почему. Эти просторы и шум моря пугают меня.

— И меня. Но это... Этот путь ведет наверх.

Я улыбнулась и взяла его за руку, чтобы мы могли подняться вместе, но крик морской птицы раздался снова, теперь очень громко. Мы обернулись и, к нашему изумлению, увидели огромную птицу, пролетевшую через высокую арку и севшую на блок с надписями. Её крылья были могучими и белоснежными как шелк. Размах достигал пяти метров, она сложила их, когда села отдохнуть.

Но это была не птица.

Это крылатый человек. Нет, крылатый великан. Нет, ангел. Мой разум отказывался объяснить это. Перед нами сидел живой собрат мертвого существа, которого я видела.

Совсем голый, он напоминал бога. Мускулистая фигура походила на телосложение легендарных героев, чьи статуи поддерживали портик особняка префекта. Кожа была фарфорово-белой, волосы — длинными, черными и растрепанными. Он присел на корточки у Королевского Створа, как совершенный посланник бога. Ангел казался почти вдвое больше смертного человека.

Лайтберн и я, мы застыли на нижней ступеньке, пораженные увиденным, но мое сердце воспрянуло. Здесь, здесь, здесь был ангел, живой ангел, которого я так жаждала отыскать. Здесь, я уверена, жили истина и ответы, ясный золотой свет, который прогонит демоническую тьму из моей жизни.

Ангел медленно повернул голову, чтобы посмотреть на нас. Его дикая черная грива, обрамлявшая лицо, свисала, почти закрывая глаза. Красивое лицо, самое красивое, какое я когда-либо видела: высокие

скулы, аристократический нос, выразительный рот мудреца. Мне было интересно, какие слова он скажет нам.

Ангел понюхал воздух, покачивая головой, подобно соколу на охоте. Его глаза расширились и стали полностью глянцево-черными.

Пасть открылась, обнажив длинные клыки волка или карнодона. Капля крови стекала с его губы по алебастровому подбородку.

С холодным злобным воем он прыгнул и полетел на нас.

ГЛАВА 11

О крови и огне

Я ничего не знаю. Моя жизнь построена на противоречиях. Я подозревала об этом давно. И на обветшалых ступенях Подземелья эти подозрения подтвердились в один миг дикой агрессивной демонстрацией.

Тьма — есть свет. Хорошо — есть плохо. Я существую и не существую. Я иду бок о бок с человеком, кажущимся верным Трону, и все же заклеянным еретиком. Я избегаю другого, кто, как мне говорят, является моим врагом, но в то же время — верным слугой высших сил. Мейз Андю был Инквизиторской школой, впрочем, как и Когнитэ, которую непросто связать с Инквизицией. Орфей — правитель-герой, однако Король в Желтом — темная угроза. Королева Мэб — это город, у которого существует близнец, и ни один из них не является целым и они не образуют вместе единого целого. За мной охотятся многие, хотя я пария. Я подружилась с демоном или, по крайней мере, составила ему приятную компанию демону, а светлый ангел стремится перегрызть мне горло.

Все это обман. Ни у чего нет истинного лица и ничто не носит истинное имя. Ничто не является тем, чем кажется, как если бы вся вселенная деловито играла некую роль под маской хитрости. Сумасшедшие пребывают в здравом уме, слепые могут видеть, здравомыслящие безумны, добро есть зло, а верх — это низ.

Ангел, прекрасный ангел, бросился на меня, крича, оскалив клыки. Он кинулся не просто как хищник, не как орудие убийства, а как едва уловимый кульминационный момент какой-то замысловатой шутки. Ангел смерти. Свет тьмы. Прекрасный ужас.

Посмотри на меня! — казалось, кричал он. — Взгляни на меня и поймешь, насколько ты глупа! Ты тосковала и искала меня, и вот я здесь, несу вам смерть!

В мгновение ока, будто полярная сова, он набросился на свою несчастную добычу с чудовищной силой. Я понимала, что не смогу ни отойти в сторону, ни бороться с ним, даже если бы у меня было время или средства сделать то или другое.

Ни того ни другого не было. И, кроме того, я оцепенела от ужаса.

Он отбросил беднягу Лайтберна в сторону, как соломинку, и схватил меня. Я едва успела почувствовать

силу атаки. Ангел понес меня назад, вверх по старым, величественным ступеням, сжимая в своих объятиях, его крик звенел в ушах. Я чувствовала каменную плотность мышц, жар кожи, колкость влажных волос, хлещущих меня по лицу. Я вдыхала его запах, чистый, но кислый, как у хищника, из окровавленной пасти вырывалось отдающее медью дыхание.

Он приземлился на полпути, прижав меня к груди. Кисти ангела были настолько большими, что могли бы обхватить мою голову. Послышался прерывистый треск крыльев. Он взялся за мою голову длинными пальцами, грубо выкручивая ее, как будто хотел свернуть шею. Я почувствовала, как он обнюхал мой затылок.

Скорее всего ангела привлек запах крови. Он учуял его с другого конца пещеры.

Ангел изрыгнул звериный рык, словно яростная лава пузырилась в жерле вулкана.

Ничего не видя, я сняла манжету.

Хищник взвизгнул и отпрянул, уронив меня, словно раскаленный добела слиток. Я тяжело приземлилась на мраморные ступени, ушибив бедро, ребра и ударившись затылком. Острая боль взорвалась подобно гранате, когда старый ушиб с силой коснулся мрамора. Я вскрикнула, ослепленная яркими пятнами и искрами.

Чувства поплыли. Я села. Свернувшись в клубок, подпрыгивая и перекатываясь, ангел падал спиной вниз по ступенькам и царапал собственное лицо.

Ему совсем не нравилась моя пустота.

Лайтберн же лежал неподалеку, неловко прислонившись спиной к стене, на ступеньках, где его сбили с ног. На щеке и за ухом кровоточили порезы. Светящийся шар лежал у его ног. В отсутствующем взгляде читался лишь страх, когда Реннер смотрел на ангела-убийцу, который теперь корчился от боли и мяукал у подножия лестницы.

— Реннер ...

Он не ответил.

— Реннер, вставай! Мы должны идти!

Он повернулся на звук моего голоса и вздрогнул. Нападение ангела глубоко потрясло его и сделало особенно уязвимым к пустоте парии. Моя близость очень тревожила Реннера.

Я не могла снова надеть манжет, потому что была уверена, что нулевое состояние — это единственное, что способно отогнать ангела. В то же время, не хотелось покидать Лайтберна. Я шумно спустилась по лестнице, пока не оказалась ниже него, и этого оказалось достаточно. Холодный источник нулевого состояния теперь находился между Реннером и ангелом смерти. Лайтберн вскочил, охваченный отвращением, и, спотыкаясь, бросился вверх по ступеням, прочь от леденящей душу пустоты.

Я схватила светильник и побежала за ним, прекрасно осознавая, что гоню Реннера, словно испуганную скотину. Он бежал без остановки, пока мертвая пустота находилась у него за спиной.

Лестница казалась колоссальной. На самом верху располагался высокий портик и пара огромных старинных позолоченных дверей, выходящих на верхнюю площадку. Шестиметровые высокие двери стояли приоткрытыми, пропуская свет сквозь узкую щель.

Лайтберн, все еще охваченный паникой, прорвался сквозь них. Он повернулся и попытался захлопнуть двери у меня перед носом, чтобы сдержать исходивший от меня ужас.

Я надела манжету.

— Реннер,пусти меня!

Он отступил, и я проскользнула внутрь. Двери были невероятно тяжелыми, снабженными железными задвижками с обратной стороны.

— Помоги мне! — закричала я, пытаюсь закрыть двери.

Он неуверенно уставился на меня, а затем двинулся на помощь. Мы закрыли двери, задвинули засовы, а затем опустили в кронштейны здоровенный брус.

Я повернулась к Реннеру. Он был пепельно-бледен.

Я — пария, Лайтберн, — прямо начала я. — Я — нуль, та, кого называют неприкасаемой. Это мое проклятие, тебе пришлось испытать ужас эффекта моего отсутствия, когда оно ничем не ограничено. Мне очень жаль.

Он открыл рот, но обнаружил, что сказать ему нечего.

— Мне очень жаль, — повторила я. — Я бы рассказала тебе об этом раньше и, возможно, предупредила бы, на что это может быть похоже, но не хватило времени. Поэтому, ты испытал ужасный шок.

— Я знал это о тебе? — спросил он.

— Только что узнал.

— Я справился?

— Думаю, да, ведь ты поддержал меня в первую очередь. Я такой же изгой в этом мире, как и любой псайкер.

Он с трудом сглотнул.

— Хорошо, — Реннер посмотрел на запертые двери.

— А... то? — спросил он.

— Ангел.

— Я бы сказал, что ничего подобного не существует, — пробормотал он, — если бы не увидел его и не ощутил на себе его ярость...

Он сделал паузу и осторожно потрогал свои раны.

— Наверное, это был Кровавый Ангел, — ответила я.

— Что?

— Воин Астартес из Старого Девятого Легиона.

— Астартес существуют? — спросил он, затем покачав головой и мрачно рассмеявшись. — Что за

вопросы? После сегодняшнего дня все возможно. Бывают ли ангелы? Существуют ли демоны ...

Он остановился и пристально посмотрел на меня.

— Демоны тоже существуют? — спросил он.

Я предпочла не отвечать. И так слишком много травм для одного дня.

— Нам надо продвигаться, — вместо этого сказала я, развернулась и пошла, а Реннер последовал за мной. Мы находились в огромном разрушенном зале, возможно, приемной некогда величественной резиденции. Окрашенные светящиеся шары, все еще работающие на малой мощности, свисали с арочного потолка на длинных цепях.

— Здесь все еще кто-то живет, — заметил Лайтберн.

— Или питание поддерживается автоматически, — предположила я. — Ты узнаешь это место?

Он покачал головой.

— Я не знаю, достигли ли мы надземного уровня.

Стены были украшены замысловатыми фресками, слишком потускневшими от грязи, чтобы разобрать сюжет. Я предположила, что это сцены триумфов и имперской славы, потому что смогла разглядеть благородные фигуры в богатых алых и золотых одеждах, с поднятыми в воздух мечами и веселящимися в голубых небесах херувимами. Я не собиралась останавливаться и подробнее изучать фрески. Мы пробирались между брошенной сгнившей мебелью из ормолу и кусками потолочной лепнины, которые без должного ремонта отвалились, разбившись о полированный оуслитовый пол.

— Девятый легион, — пробормотал Лайтберн. — Они носили красное, не так ли?

— Судя по легендам.

— Но у них же не было крыльев...

— И это говорит человек, еще две минуты назад клявшийся, что их не существует. Теперь ты стал экспертом?

— Что это за Астартес такие, с крыльями?

— Крыльями обладал их предводитель, — ответила я.

— Да, у предводителя... — Лайтберн вздрогнул. — У Сангвина.

— Сангвиния, — поправила я.

— Но... — настаивал он, — даже признав, что они реальны, Астартес — герои Трона. Самые могущественные из всех. Они не... кровожадные звери.

— Да, не звери, так говорят мифы, но верх есть низ.

— Верх есть что?

Я резко подняла руку. Мы не одни здесь.

Их приближение было таким же тихим, как и темнота, в которой они жили. Возможно, они затаились в

засаде, или их привлекли наши голоса. Анатомы выходили из теней или появлялись из-за обветшалых стульев и приставных столиков. Некоторые держали наготове пращи, другие сжимали костяные топоры или копья. Они сопели и рычали, всего их было, наверное, человек сорок. Анатомы взяли нас в клещи.

Мы выхватили пистолеты и встали спиной к спине.

— У меня есть шесть патронов, — сказал Лайтберн.

— У меня три заряда по четыре, — ответила я, понимая, что в хаосе боя перезарядки не будет.

— Тогда считай выстрелы, — посоветовал Реннер, — потом возьми одно из их оружий, когда патроны закончатся.

Анатомы бросились на нас. Пистолет Лайтберна гаркнул, уложив двоих на пол. Я выстрелила одиночным зарядом из своего короткоствола, целясь в толпу. Первая пуля разорвала грудную клетку анатому, взметнув фонтан крови. Патроны короткоствола предназначены для того, чтобы сдерживать продвижение противника.

Я отжала спусковой крючок и сделала второй выстрел в живот.

Хранителя костей сбilo с ног прежде, чем он уронил копьё, кровь окрасила припудренную пылью кожу людей позади него. Мой третий выстрел сбил двоих: он выпустил кишки одному, а затем осколки пули попали в анатома слева от него. Второй хранитель костей тоже упал, истекая кровью из икры и запястья.

Наши выстрелы накладывались друг на друга, один разряд со вспышкой за другим. Я потеряла счет выстрелам Реннера. Наконец, показалось, что у него кончились патроны. После этого раздался еще один грохот.

Но то был не выстрел Лайтберна.

Двойные двери распахнулись настежь, сорвав засовы и переломив брус.

Ангел-убийца ворвался в зал, рыча. Разбег в пару шагов — и он уже рассекал пространство древнего зала титаническими взмахами крыльев, сотрясавших воздух, производя шум разбивающихся о скалы волн. Он издал пронзительный вопль.

Ангел ворвался в тыл атакующей меня стаи анатомов, нанося удары, как гигантский ястреб. Как и в момент, когда он впервые напал на нас, скорость его была безмерной, слишком быстрой для глаза. Анатомы едва успели повернуться, как он начал их крушить с чудовищной силой. Голыми руками ангел с корнем отрывал конечности, впивался пальцами в мясо, вырывал позвонки, дробил черепа. Через несколько секунд он уже рвал зубами глотки сметенных негодяев, заливая себя и все вокруг кровью.

Ангел утолял свою жажду.

Он пил кровь, убивая анатомов, словно разъяренный пьяница, разбивающий недопитые стаканы в баре, разбрасывал их в стороны, чтобы добраться до других. Это самая жуткая бойня, которую я когда-либо видела. Самое варварское истребление, слепое раздирание плоти и треск костей.

Толпа анатомов, стоявшая лицом к Лайтберну, струхнула при виде этой ужасной сцены. Возможно, они уже становились свидетелями его хищничества или же зверства всего ангельского вида раньше. Скорее всего, именно поэтому они пригвоздили его брата-ангела к кресту. Хранители костей, должно быть,

обнаружили одного из них мертвым или больным, потому что они никак не смогли бы одолеть такого убийцу.

Я схватила Лайтберна за руку и потащила его вслед за убегающими анатомами. Ангел почти закончил с оставшейся в живых частью дикарей. Озеро крови растеклось от искалеченных тел, окружавших его, когда он пожирал последнего. Лайтберн едва мог отвести взгляд. Он с ужасом и восхищением смотрел на расправу ангела.

— Беги! — прокричала я.

Он так и сделал, но я понимала, что мы далеко не уйдем.

— Реннер! Реннер! Посмотри на меня!

Он оторвал взгляд от сцены побоища и нашел мои глаза.

— Я собираюсь снять наручник. Манжету ограничителя. Это наша единственная надежда, но ты должен собраться с духом.

Он кивнул.

Сняв манжету, я почувствовала, как Реннер задрожал рядом со мной и услышала, как он подавил шепот дискомфорта.

Ангел перестал убивать. Он отпустил разорванный труп, который только что грыз, и позволил ему с плеском упасть на пол. Ангел был омыт кровью, его лицо, грудь, руки покраснели.

Кровь покрывала белую кожу массивных рук и текла, подобно рубинам, по белоснежным волокнам перьев. Капли крови, как камни граната, свисали с прядей гладких черных волос.

Сгорбившись, он повернулся, чтобы посмотреть на меня. Он хрюкал и рычал, коротко лая, будто бы от боли, всасывая кровь через ноздри и рот.

— Возвращайся, — приказывала я.

Я сделала шаг вперед. Ангел отступил на шаг, оставляя под ногами кровавые следы.

— Ты должен вернуться.

Он покачал головой, разбрасывая капли крови.

— Ты должен.

Ангел невнятно ответил. Его голос был слишком тихим, как будто он очень долго молчал.

— Что ты сказал? — переспросила я, сделав еще один шаг.

Он закашлялся и выплюнул черные сгустки.

— Забери это, — сказал он ровным тоном, почти шепотом.

— Что я должна забрать?

— Жажду. Ярость и Жажду.

— Ты Астартес, Кровавый Ангел?

Он заколебался, как будто не знал, что ответить, или не понимал слов.

— Комус, — произнес он.

— Комус?

— Комус Ноктурнус. Это мое имя. Так меня звали.

Он снова посмотрел на меня, убрал с лица пропитанные кровью волосы и выпрямился.

Он был ростом с полубога, и кончики сложенных за спиной крыльев делали его еще выше.

— Ты пария? — спросил ангел.

Я кивнула.

— Это что, тебя успокаивает?

— Оно... угнетает. Однако я тоже этого жажду. Мой разум не чувствовал такого покоя уже... — он пожал плечами — необыкновенно выразительный жест, когда обладаешь гигантскими крыльями. — Я не знаю, как долго. Какой сейчас год?

Прежде чем я успела ответить, ангел нахмурился.

— Я пытался убить тебя, — сказал он. — Тебя и мужчину рядом с тобой.

— Да. И я боюсь, что ты сделаешь это снова, если я надену ограничитель.

— Нет, — ответил он. — Я утолил свою жажду. Годы неутолимого страстного желания. Какое-то время его не будет.

Ангел посмотрел вниз на ужасный беспорядок вокруг себя с чувством, похожим на крайнее отвращение.

— Я ничего так сильно не хочу, как вновь увидеть свет. Освободиться от тьмы, сковавшей меня. Ты знаешь, как отсюда выбраться?

— Думаю, я смогу его найти.

— Мы не можем ... — зашипел Лайтберн.

— Что? — сказала я в сторону.

— Мы не можем пустить эту тварь в город, — ответил он сквозь стиснутые зубы. Лайтберн явно боялся чудовищного ангела, но едва мог заставить себя взглянуть на меня.

— Реннер, я не думаю, что мы можем помешать этому существу что-либо сделать.

Я не надевала манжеты ограничителя.

Ангел следовал за нами, просто шел, в нескольких шагах позади за нашими спинами.

Казалось, он не замечал ни собственной наготы, ни своей нереальности.

Лайтберн шел на приличном расстоянии от меня, то и дело оглядываясь.

— Какая у тебя история? — спросила я через плечо.

— У меня ее нет, — пророкотал ангел.

— Конечно ...

— Я существовал во тьме, и тьма была бесконечной. Я не жил, просто существовал. Я пребывал во тьме, прикованный цепью к скале, и меня мучила безумная жажда. Я уверен, что прошли целые века, пока я страдал от этой муки. Что это за мир?

— Санкур, в Ангелусе, — ответила я.

— А день?

Я назвала ему число.

— Все это ничего не значит, — сказал ангел. — Я ничего не помню.

— Ты знаешь свое имя. И ты знаешь о париях.

— Да, — признался он. — Но все как в тумане. Война. Ни начала, ни конца. Я создан в ней и для нее, моя ярость была обращена на врага. Ужасная вещь. Конец всего сущего. Я носил красное.

— Кто сражался? — поинтересовалась я.

— Я.

— Но зачем и против ...

— Я не знаю, пария. Просто размытое красное пятно. Из пламени и смерти. Моим врагом было все, что я видел. Так мне приказали.

— Кто приказал?

Я оглянулась на него. Ангел остановился и печально посмотрел на меня, покачав головой.

— Понятия не имею.

— Ну, тебя зовут Комус Ноктурнус. Предполагаю, что ты из Девятого легиона Астартес, которых называли Кровавыми Ангелами. Я не знаю, почему у тебя есть крылья или почему ты движим жаждой крови. Однако мне известно, что ты не единственный в своем роде. В Королеве Мэб мы найдем ответы на некоторые вопросы.

— Кто такая Королева Мэб?

— Так называется город, — сказал Лайтберн.

— А ты кто такой? — поинтересовался ангел.

— Я Бета, — ответила я, — а это Реннер. Прошу тебя хорошенько запомнить нас обоих и не причинять нам вреда.

— Как прикажешь, — сказал Комус. — Меня создали, чтобы повинаться.

— Тогда я приказываю.

Ангел кивнул. Я включила манжету ограничителя.

— Ты с ума сошла, женщина? — ахнул Лайтберн.

Ангел вздохнул. Безумия в его черных глазах не было видно.

— Мне приказали, — сказал Комус. Он принялся. — Это дождь?

Мы вышли под ливень в тени старой мануфактуры Голта к востоку от Хайгейт-Хилл. Последний час прошел в подъеме по обветшалым ступеням и неровным склонам. Мы поднимались по канализации и ливневым стокам к поверхности, оставляя погребенный дворец глубоко под землей.

Уже стемнело, а буря все не утихала. Лайтберн присел на остатки кирпичной стены, чтобы расслабить ноги. Комус стоял под дождем, запрокинув голову и закрыв глаза, пока вода смывала кровь с его кожи. Лайтберн наблюдал за ним.

— Что за жизнь ты ведешь, — тихо спросил он меня, — что такие вещи для тебя повседневны?

— Это не так.

— И все же ты относишься к ним спокойно. И я все еще ничего не знаю ни о тебе, ни о твоей работе.

— Я агент Трона, — сказала я. Независимо от того, на чьей я стороне, я знаю, что это так.

— Я хочу познакомить тебя с одним человеком, — сказала я ангелу. — Думаю, он мог бы тебе помочь.

— А он мог бы помочь мне? — спросил Лайтберн.

— Тебя он уже знает, так что оставайся рядом со мной и помалкивай. Я поручусь за тебя.

— Я ему не нравлюсь? — Лайтберн задумался.

— Ты ему понравишься, потому что я ему так скажу, — пообещала я. — А теперь пошли. Мы направимся в район Верхнего города.

— Пешком? — спросил Лайтберн, вставая. — Мы пойдем по улицам с...

Он не закончил фразу, просто указал на голого крылатого гиганта.

— Если придется, — сказала я.

Так мы и сделали. В столь поздний час и ненастную погоду улицы были пустынно. Хлестал дождь, и за оконными ставнями горел свет. Один раз вдалеке прогрехотал освещенный трамвай. Я видела, как с полдюжины сонных или пьяных пассажиров уставились в нашу сторону, но потом мы исчезли из их поля зрения, и я знала, что утром они сами не поверят в то, что увидели. Лайтберн натянул капюшон и поплелся, засунув руки в карманы. Ангел бесцеремонно брел за нами, восхищаясь пустыми улицами и городскими зданиями.

— Этот город, — заметил он, — пахнет как новый.

— Это самое старое место, что я знаю, — возразила я.

— Свежий и новый, — настаивал ангел, — как будто его построили вчера.

Мы пересекали пустынную площадь Ил-хай, когда я услышала знакомый треск под проливным дождем.

— Вот ты где.

Черубаэль появился в поле зрения, словно грустный, потерянный воздушный змей, медленно отскочив от тротуара прямо перед нами. Он появился без предупреждения. Когда демон путешествовал по городу вдали от убежища, его демонические силы скрывали его от случайного взгляда.

— Оооо, — сказал демонхост с некоторым беспокойством, — малышка, что ты нашла?

Лайтберн потерял дар речи от ужаса. Я пожалела, что не рассказала ему о существовании демонов раньше. Ангел напрягся и прищурил глаза.

— Демон, — пробормотал он.

— Демонхост, — уточнила я. — К тому же, закован в цепи. Твоя защита не нужна.

Я посмотрела на Черубаэля и добавила:

— Как и твоя.

— Но его вид оскорбляет меня, — мягко сказал Черубаэль.

— Держи себя в руках.

Демонхост разочарованно надул губы.

— Я искал тебя, — продолжил Черубаэль. — Он велел мне это сделать. Ты опоздала, малышка, и уже почти полночь. Он может начать без тебя. Вижу, ты нашла Проклятого мальчишку. Был ли он там, где я сказал? Не знаю, зачем тебе понадобилось искать и его тоже, — демонхост пристально посмотрел на ангела.

— Мне не очень нравится твоя компания, Бета, — сказал Комус.

Я повернулась.

— Извини, этого требует работа. Я прошу у тебя терпения и терпимости. Если тебе нужна какая-либо помощь ...

Ангел печально покачал головой.

— Ты уже помогла мне, — сказал он.

Комус протянул руку ладонью вверх и позволил каплям дождя упасть на нее.

— Дождь, — сказал ангел с простодушным детским восторгом, — и небо.

Он поднял глаза.

И в одно мгновение исчез. Огромные крылья подняли его в воздух прежде, чем я успела заговорить. Он взлетел, пронесся белой стрелой на фоне низкого ночного неба, обогнул башню Святой Федры-над-

Крепостью и исчез.

— Ну, слава богам, он ушел, — сказал Черубаэль. — Положение было не из приятных.

Далеко за полночь мы пришли в район Верхнего города, демонхост тянулся за нами, как развевающееся на ветру знамя на длинной цепи. Всего в нескольких кварталах от Бифросда я поняла, что что-то не так.

И Черубаэль тоже. Не говоря ни слова, демонхост рванул вперед.

Я бросилась бежать за ним. Лайтберн сдержался. Он оставался на расстоянии от демонхоста: страх перед Черубаэлем был велик. У него не возникало никакого желания следовать за этим созданием куда бы то ни было.

— В чем дело? — закричал Лайтберн.

— Не отставай!

— В чем дело, Бета?

Я вышла на улицу. Все сомнения в миг рассеялись. Янтарное свечение, дрожащее за ближайшими жилыми домами, которое я видела, оказалось бушующим пламенем.

Бифросд поглощал огонь.

Вторая часть истории, которая называется

МОЙ ОТРЯД

ГЛАВА 12

О тлеющих углях

Пламя возносилось к вершине мира. То был не земнородный огонь, как кто-то мог бы сказать, не тот, что пожирал сухой лес после удара молнии или распространялся по кухне, порожденный оставленной без присмотра печью. Языки пламени окрасились в зелено-голубой из-за огромных температур и воздействия паров оксидов. Жар стоял как в горне, отчего металл плавился, а любая органика испарялась. Демонический огонь вгрызался в саму землю, обжигая и раскалывая ее, отчего мир треснул, высокие горы раскрошились и обрушились, а миллионы нашли свою смерть в огненных бурях, пепельных вихрях и под лазерным обстрелом, ниспосланным с небес руками хищных ангелов. Словно причитающие белоснежные стервятники, они собрались в бесконечных клубах дыма и стаями обрушились на пылающую планету, чтобы довести до конца ее окончательное уничтожение, следуя раскатистой команде гигантского Короля в Желтом. Спустив с поводка томившихся за его спиной демонических псов, он вытянул вперед руку, заключенную в бесподобную золотую броню, и ознаменовал этим жестом наступление гибели, начало Войны, что положит конец всем войнам, и-

Я проснулась, вырвавшись из петли одних и тех же сновидений, что непрошено являлись в мой разум каждую ночь. Прошло уже четыре дня после сожжения Бифросда. Пламя не давало мне спать, наполняя мои сновидения огнем, и поэтому я просыпалась с криком страха на устах и каплями пота на лбу.

Четыре дня, четыре ночи. Я поднялась с койки в тихом бункере. Стояло раннее утро. Реннер ушел, а на столе я увидела пустую кружку. Он стал использовать ее как знак, и потому я знала – Реннер вернется. Когда начало светать, он, не предупреждая меня, покинул укрытие и отправился к рынкам за едой и горячим кофеином, а кружка говорила о том, что Реннер придет обратно в бункер для того, чтобы наполнить ее. Так можно было выходить на улицу и не будить меня.

Бифросд сгорел дотла. Мы бегали к нему той ночью, но жар оказался слишком силен, поэтому нам не удалось забраться в объятые огнем здание. Замерев от ужаса, я просто наблюдала за разрушением Бифросда. Там собрались толпы людей. К месту происшествия из шести районов города спешно прибыли бригады пожарных часовых с машинами-цистернами и топорами, но даже они не смогли совладать с пожаром.

Огонь перекинулся с Бифросда на соседние участки, и к следующему утру пылало уже шесть кварталов с большими домами в Верхнем городе. Сотням людей пришлось покинуть свои жилища, были установлены противопожарные стены, а улицы до самых Волшебных врат заполнились дымом. Чтобы держать толпы подальше, на оживленных улицах натянули старые комендантские цепи. Прибыл сам барон-префект вместе с подразделением городского ополчения, чтобы с недовольством понаблюдать за происходящим с безопасного расстояния. В газетах и объявлениях написали, что он посчитал нанесенный пожаром ущерб неприемлемым, а также обязался провести расследование силами Арбитрес и Окружной стражи, дабы найти причину и предотвратить подобные трагедии в будущем. Некоторые говорили о поджоге, но многие винили ужасную обветшалость запущенной инфраструктуры Королевы Мэб, находящейся в аварийном состоянии.

На второй день люди стали бояться того, что чудовищный пожар в Верхнем городе может выйти из-под контроля и охватить всю Королеву Мэб, как это было во время Великого Огня, с рокотом прокатившегося по поселению в 677. Однако долгая яростная буря, которую терпел город, наконец принесла хоть какую-то пользу, и непрекращающиеся ливни начали лишать пламя силы.

К третьему дню огонь пылал лишь там, где и начался пожар – в самом Бифросде, который превратился в почерневшие развалины. Все было потеряно. Не вернулся даже демонхост, который бросился вперед и обогнал нас при первых признаках пламени.

В первую ночь мы с Лайтберном не отходили далеко от Бифросда, но затем мне пришлось уйти, когда стало очевидно, что я ничего не могла сделать. Отряд Эйзенхорна действовал в Королеве Мэб уже два десятилетия, и у нас были составленные планы на случай непредвиденных обстоятельств, таких как нападение на дом. У нашей группы имелось в распоряжении несколько оборудованных и хорошо защищенных мест, которые можно было использовать в случае нужды. Мне рассказали об одном из них и доверили код от замка. Медея же сказала, чтобы я отправилась туда, если возникнет необходимость или будет потеряна связь с остальными членами отряда. Так я и поступила.

Это место представляло из себя полуподвальные помещения под торговыми заведениями рядом с Бедняцкой Низовой Коммерцией в Скудных Залах. На уровне улицы там располагались мясная лавка, цветочный ларек, заведение винодела и дом шляпника с прилегающим участком, а над ними находились захудалые кабинеты счетоводов, специалистов-практиков по юриспруденции, починщика одежды и лекаря, занимавшегося глазными болезнями и диоптрийными линзами для очков. В подвальный этаж

можно было попасть через торцевые ворота и подземный склад. Мы укрывались в бункере с тремя помещениями без окон и особых бытовых удобств, за исключением коек, стола, какого-то отсыревшего матраса и сундука для клади, в котором хранилось разнообразное оружие, завернутое в промасленную ткань, и воксблок-передатчик.

Я настроила передатчик и стала пытаться наладить контакт, используя выданные мне каналы и коды. Эйзенхорн, Медея и Нейл не отвечали, а для Смертника и Черубаэля у меня кодов не было.

Коды я продолжала отправлять каждые полчаса.

Поздним вечером второго дня, когда я настраивала передатчик для следующего сеанса отправки кодов, дверь бункера открылась. Мы с Лайтберном мгновенно повернулись и нацелили на нее оружие.

— Значит, вы здесь, — произнес Харлон Нейл.

Перепаханный сажей и явно вымотанный, он вошел внутрь. Мы дали ему похлебку. На Лайтберна же Нейл почти не обращал внимания.

Я спросила его, что случилось, но он лишь пожал плечами.

— Эйзенхорн запланировал допрос, — сказал Нейл, — который должен был начаться в полночь. Он был раздражен тем, что ты ушла, и твое опоздание его рассердило. Эйзенхорн хотел, чтобы ты присутствовала там. Он отложил начало.

— Допрос кого? — поинтересовалась я.

— Мэм Тонтелл, — ответил Нейл.

— Харлон, Мэм Тонтелл мертва, — произнесла я.

— И? — спросил он.

— Ну...

— Такое можно проверить, — сказал он, пренебрежительно махнув рукой. — Псайкана. Босс уже прибежал к этому приему раньше. Время от времени. Так можно получить от недавно умерших честные ответы. Полагаю, им-то нечего терять.

— А ты... Ты имеешь в виду спиритический сеанс? — задал вопрос Лайтберн, в чьем голосе отчетливо слышалось неверие.

Нейл взглянул на Проклятого.

— И ты вернулся, да? — произнес он. — Верно, спиритический сеанс. Паранормальная встреча. Эйзенхорн хотел узнать, кто или что говорило через ту старушку в салоне. Он послал Черубаэля выкрасть ее тело у коронера. Короче, Эйзенхорн какое-то время подождал, а потом приказал демонхосту в последний раз поискать тебя. Затем он решил больше не тратить время и начал.

— Сработало? — спросила я.

Нейл фыркнул.

— Ага. Всегда срабатывает. То еще жуткое дерьмо, но в общем-то да, оно принесло результаты.

— Например?

Он пожал плечами.

— Думаю, имена. Парочка имен. Бедная старая пташка говорила неясно. Думаю, она не до конца понимала ситуацию, так как беспокоилась о своем потерянном жемчуге.

Нейл бросил на нас взгляд. Мужчина выглядел старым, и напасти обременяли его сильнее, чем Лайтберна.

— Потом включилась сигнализация дома, — монотонно продолжал он. — Периметр. Черубаэль еще не пришел, поэтому проверять отправился я. Решил, что это был сбой. Видишь-ли, из-за таких допросов может очень быстро упасть температура и появиться лед. Как я подумал, случилось ложное срабатывание сенсора. Я спустился и вышел на улицу, но ничего не нашел. Уже собирался вернуться, как вдруг... — он сделал губами «паф» и развел руками, растопырив пальцы. — Весь дом вспыхнул как факел, — сказал Нейл. — Так стремительно и с таким жаром, что я не смог зайти внутрь.

— А что с Эйзенхорном? И с Медеей? — спросила я.

Нейл покачал головой.

— Мертвы? — задала я вопрос.

Охотник за головами вновь пожал плечами.

— Это был злой умысел? — спросил Лайтберн. — Бомба?

— Что-то вроде, — ответил Нейл. — Не несчастный случай. Бифросд зажарило изнутри, а тот жар был гораздо сильнее, чем от простого пожара. Температура такая, словно обдали из огнемета, и пламя распространялось чертовски быстро. Я обошел с южного края и попытался войти внутрь через здание по соседству, но и там уже было как в печи. Тогда я и увидел демонхоста. Он вошел прямо в огонь..

— Черубаэль был с нами, — сказала я. — Он бросился вперед-

— Ну, обратно он не вышел. То пламя сжигает и подобных ему.

— А они могли сбежать, воспользовавшись пушечным катером? — спросила я.

— Не знаю, — произнес Нейл. — Я ничего не заметил. — Он посмотрел на вокс. — Но, если бы они выбрались, мы бы что-то услышали. Ты ничего не получала?

— Ничего, — ответила я.

Нейл вытащил из куртки модуль связи и положил его на стол.

— И я, — сказал он, после чего встал.

— Значит, нападение? — задала я вопрос. — По нам нанесли удар?

— Я в этом уверен, — произнес Нейл. — Потому что Смертник тоже не выходит на связь.

Смертник был оперативником в подчинении Эйзенхорна, который действовал самостоятельно. Даже Нейл почти ничего о нем не знал и не мог сказать, как тот попал в группу инквизитора. Однако говорил он верно. Если Смертник исчез, значит кто-то или что-то сделало своей целью всю группу. Существовала

вероятность, что он узнал о случившемся в Бифросде и залег на дно из соображений безопасности, но тогда Смертник ответил бы посылающему коды Нейлу.

Нет, целью стала вся команда. Нейл выжил лишь по счастливой случайности, а я избежала гибели из-за того, что задержалась.

Я попыталась разговорить его, составить какой-то план действий, но больше из Нейла ничего вытянуть не удалось. Он настаивал на том, чтобы мы подождали несколько дней и посмотрели, не восстановится ли связь. Я согласилась. Думаю, мне хотелось больше говорить лишь для того, чтобы не думать о потере. Кончина Эйзенхорна была трагедией для Трона, а гибель Медеи принесла мне еще больше боли. Я знала ее дольше всех остальных, так как она, еще будучи сестрой Бисмиллой в Схале Орбус, по сути растила меня до двенадцати лет.

И вот, утром четвертого дня я проснулась в бункере, измученная снами об огне и катаклизме. Видения были ужасны и предвещали страшное несчастье, но их пламя заменило собой тьму и отвратительные сновидения, которые вызывал демон.

Как я и желала, эти надоедливые сны ушли, а значит, демон сгинул вместе с ними.

Я послала коды по воксу и поднялась на улицу, чтобы дождаться там Лайтберна, ушедшего на расположенный ниже по дороге рынок. В воздухе этого района до сих пор стоял запах дыма. Я знала, что нам с Нейлом нужно было сделать выбор.

Лайтберн вернулся, а вскоре после него — и Нейл, снова выпачканный в саже. Мы спустились в бункер и сели вокруг стола, попивая кофеин из принесенной Лайтберном фляги.

— Я ходил к Бифросду, — сказал Нейл. — Там все еще стоит жар, но я пошарил в развалинах. Ничего не осталось. Я думал, что если катер остался в пожаре, то я бы нашел какие-то его части. Обломки. Но нет.

— Значит, они выбрались? — спросила я.

В выражении его лица сквозило сомнение.

— Тот корабль был тяжелобронирован, — произнесла я. — Его создали для боевых действий. Ты бы увидел хотя бы обломки. Листы брони-

— Бета, огонь не был обычным, — сказал он. — Я уже говорил тебе. Слишком сильный жар. Несущие балки здания, отлитые из железа, расплавились. Представь себе это. Их делали так, чтобы они выдерживали пожары, поэтому пламя могло поглотить и катер.

— Тогда мы должны- — начала я.

— Что? Что мы должны? — спросил Нейл.

— Действовать исходя из того, что они мертвы, — произнесла я, чему он весьма удивился. — Иначе мы просто тратим время, Нейл, — продолжала я. — Именно этого он бы от нас и ожидал, верно?

— Конечно-

— И если он вернется, — сказала я, — если они вернуться, тогда у нас будет что им показать.

Нейл откинулся на спинку.

— Тогда выкладывай свои мысли, — произнес он. — Но знай - мы плохо оснащены, и нас всего двое.

— Трое, — поправила его я, показывая на Лайтберна.

Нейл ухмыльнулся.

— Признаю, твой Проклятый может быть полезен, — сказал он.

— Ты очень добр, — произнес Лайтберн.

— Но, — продолжал Нейл, — он ничего об этом не знает. Трон, Бета, да мы с тобой сами ни хрена не знаем. Общее представление было у Грегора.

— Тогда давай посмотрим, что мы знаем, — предложила я. — Во-первых... Кто нанес удар по Бифросду?

Нейл хохотнул. Неприятный звук.

— И длинный у тебя список? — спросил он.

— Да, вариантов много, и мы не будем исключать ни одного, но, как мне кажется, главных подозреваемых двое.

— Когнитэ, — сказал Нейл.

— Когнитэ, — согласилась я. — Они были причиной этой операции и являются старейшими врагами Грегора. Некоторые из их людей смогли покинуть Мейз Андю... Мэм Мордаунт, может, Саур и Мурлис, возможно даже Секретарь. Я к тому, что они, вероятно, все еще активны, и Мейз Андю явно была не единственной их цитаделью здесь.

— С тех пор они не показывались, — произнес Нейл, — и, скорее всего, решили залечь на дно, после того, как Гидеон так чертовски сильно ударил по ним.

— Значит, они переждали, — сказала я. — Когнитэ ведут затяжную игру-

— Самую затяжную, — согласился он.

— И они крупная организация. Может, им удалось послать весть о случившемся и получить подкрепления. Хотя прошло всего несколько месяцев. Еще мы знаем, что Когнитэ занимались сортировкой и поставкой подходящих сосудов для граэлей Желтому Королю, работая со сколами. В салоне Ланмюра кто-то пытался передать нам информацию через Мэм Тонтелл, но ее убили граэли. Затем Эйзенхорн решил провести спиритический сеанс и выпытать правду у останков Мэм Тонтелл, после чего Бифросд подвергся атаке. Еще одна попытка заставить ее замолчать.

— Сообщение старушки имело отношение к синей книжке Чейз, верно? — спросил Нейл.

— Мое воссоздание которой поглотил огонь, — кивнула я.

— Значит, Когнитэ, — произнес Нейл. — То есть, твой второй подозреваемый сам Король.

— Нет, — сказала я. — Не он. Я не знаю, кем или чем является Король, но он держится обособленно. Такое ощущение, словно мы слишком ничтожны, чтобы нам удалось заставить его беспокоиться. Такие вопросы для него решают Когнитэ. Он же не вмешивается напрямую-

— Граэли... — возразил Нейл.

— Даже граэли так называемых Восьми, Харлон. Да, они его слуги, но, как мне кажется, тоже действуют через Когнитэ.

— Ты не знаешь наверняка, — произнес он.

— Не знаю, но думаю, что Король просто послал других за своими врагами. Лишь этим и ограничивается его вовлеченность. Уверена, он действует на совсем ином уровне.

— Тогда кто твой второй подозреваемый? — спросил Нейл.

— Рейвенор, — сказала я.

— Нет, — произнес он.

— Операция Рейвенора практически идентична нашей, — начала я. — Он ищет Короля и всех его людей. Разница лишь в том, что Гидеон считает Эйзенхорна одним из них. Как мы знаем, он пытается схватить или уничтожить Грегора, а Ордосы позволят ему и дальше служить инквизитором лишь в том случае, если Рейвенор разделается со своим бывшим господином.

— Нет, — повторил Нейл.

— Нет? Потому что когда-то Гидеон был твоим другом, и ты не можешь допустить мысль, что он так поступит?

— Рейвенор не ударил бы по нам так прямолинейно, — сказал Нейл. Мое предположение рассердило его. — Он не работает подобным образом. Не так грубо и не с такой силой.

— А Эйзенхорн вполне ожидал подобного, — произнесла я. — Он говорил мне об этом.

— Ты ошибаешься- — начал Нейл.

— Рейвенор, которого я встречала, был и решительным, и прямолинейным, — ответила я. — Если бы у него появился шанс, он бы напал и выполнил работу, ради которой его послали. Гидеон бы не дрогнул из-за сентиментальности. Может, когда-то Рейвенора с Эйзенхорном и связывала тесная-

Нейл ударил ладонью по столу, отчего я подпрыгнула.

— Нет, — сказал он. — Я долгое время был в команде Гидеона и знаю, как он работает. Рейвенор любит Эйзенхорна. Думаю, он не может смириться с тем, что Грегор переметнулся. Слушай, Гидеон знает - рано или поздно этот день настанет, но, как мне кажется, он пытается отсрочить неизбежное. Рейвенор не желает столкновения, и, если Ордосы спросят его, почему Гидеон тратит время и медлит, ответ будет прост. Он наблюдает. Грегор втянут в это противостояние дольше, поэтому Эйзенхорн - наилучшая возможность Рейвенора добраться до Короля. Он хитер, Бета, и не станет обрезать свою путеводную нить. Подумай. Гидеон отослал тебя обратно, чтобы внедриться к нам, а не убить нас. Он следует за нами по пятам и узнает то, что известно Эйзенхорну. С помощью этого Рейвенор обрушит всю мощь Ордосов на Короля и низвергнет его. Возможно, в суете ему даже удастся захватить Грегора живым. Может, когда его работа будет выполнена, Гидеон сможет защитить Эйзенхорна перед лордами Инквизиции, добыть ему снисхождение, ведь тот привел их к Королю.

— И они пощадят его?

— Могут.

Я вздохнула.

— В любом случае, это теории. Все уже случилось. Харлон, твоя верность достойна восхищения, но она разделена. Ты больше не человек Рейвенора, ты служишь Эйзенхорну, но любишь их обоих. Думаю, из-за этой любви ты забываешь, что они инквизиторы. Инквизиторы, Харлон! Души жесткие и безжалостные, чья беспощадность граничит с жестокостью. Лишь так они могут выполнить задачу, поставленную перед ними Императором. Рейвенор убьет Эйзенхорна без всяких зазрений совести, а Эйзенхорн — Рейвенора. Ты охотник, Харлон, наемный меч. Трон знает, сколько жизней ты забрал за свою карьеру. Да, ты хладнокровный убийца, но по сравнению с ними — кроткая и незлобивая душа.

— Да пошла ты, — сказал Нейл и поднялся на ноги, отчего ножки стула скрипнули. Он пересек комнату и нашел бутылку амасака, которую купил прошлой ночью. Щедро плеснув алкоголя в оловянный кубок, Нейл опустошил его.

— Ты права, — в конце концов пробормотал он, уставившись в сырую стену бункера. — Эта чертова жизнь делает свое дело. Она ломает тебя, и не важно, из сколь твердого теста ты слеплен. Добиться своего могут лишь самые сильные, или, как ты бы могла сказать, «самые жестокие». Вот почему им дали розетту. Инквизиторы. Ненавижу этих ублюдков. Люблю и ненавижу. Есть безжалостные люди, а есть — они.

Нейл взглянул на меня.

— Да, я убийца, — произнес он. — Боец. Как и Медея, Мидас, милая Кара, безумная Кыс, и все те, кто был до них. Отморозки, убийцы, воины, специалисты. Самые закаленные люди, которых ты бы могла или не захотела бы встретить на любом из миров. Но для инквизиторов мы просто мясо. Инструменты. Ценные агенты. Однако, даже самые злобные и бесчеловечные из нас... фа! Мы не обладаем и долей их беспощадной решительности.

Нейл поднял кубок, насмешливо салютуя.

— За бойцов, — сказал он. — За них всех, включая твою мать.

Налив в кубок еще амасака, Нейл начал наблюдать за тем, как плещущаяся жидкость омывает стенки сосуда для питья.

— Думаю, я стою у тебя на пути, — произнес он. — Ты не можешь мне доверять.

— Знаю, что могу, — сказала я.

Нейл покачал головой и залпом осушил кубок.

— Ты думаешь прямо как он, знаешь это? — начал Нейл. — Точь-в-точь. Ясность. Бритвенно острая сосредоточенность. Чувства не затуманивают разум. Не знаю, дело ли в крови матери или же в том, как Когнитэ вылепили твой характер. В любом случае, ты видишь меня насквозь. Я разорван меж двух владык уже долгие годы. Да, я сделал выбор, но меня обрекла бы любая из этих дорог. В этом противостоянии пользы от моих суждений немного, так как я не понимаю замыслов вовлеченных. Думаю, лучше мне уйти, пока я не принес настоящего вреда неудачными решениями. Если останусь, то все испорчу.

— Неудачные решения? — спокойно спросил Лайтберн. — Вроде этого?

Нейл пристально взглянул на него.

— Заткни пасть, — сказал он.

— Если уйдешь, — произнес Лайтберн, — то лишишь эту группу третьего.

— Третьего, да? — насмешливо поинтересовался Нейл. — Ты вообще не часть чего-то, Проклятый. Всего лишь приживала. Бродячая собака. Пустое место, от которого никакой пользы.

— Ну, если я пустое место, а ты уйдешь, — сказал Лайтберн, — она останется одна.

Нейл вперил в него взгляд. Он собирался что-то сказать, но слова так и не сорвались с его уст. Нейл поставил кубок.

— Прости, — сказал он и вышел из бункера.

ГЛАВА 13

Имена и тактики

— Как думаешь, он вернется? — спросил Лайтберн.

Я скривилась.

— И все-таки спасибо, что пытался говорить здраво, — сказала я.

— Просто не был пустым местом, — ответил он.

— Реннер, — начала я, — ты тоже можешь уйти куда захочешь. Ты ведь знаешь, верно? Тебе не обязательно участвовать в этом, если не хочешь.

— Полагаю, я останусь на некоторое время, — произнес Лайтберн. — Видишь ли, у меня ничего не осталось, вообще ничего, кроме моего бремени и одного друга, поэтому я останусь.

— Тебе не захочется терпеть своего друга после того, как открылась правда о ее душе парии, — рискнула сказать я, — и мне это понятно.

— Я мирился с кое-чем и похуже, — ответил он. — Просто попытайся не слишком сильно об этом беспокоиться.

Я оставила его посылать коды, показав, как делать все правильно, и вышла из бункера. Время близилось к полудню, а дождь ослаб впервые за много дней, будто бы грозовые тучи выдохлись, борясь с огнем в Верхнем городе. Бедняцкая Низовая Коммерция кипела жизнью и торговлей. Я же бродила по Скудным Залам, проходя мимо упаковочных цехов и ржавых силосных башен, что раньше были частью ныне заброшенной орбитальной верфи.

Я решила пройтись, чтобы привести мысли в порядок и прояснить ум. Теперь, судя по всему, все свалилось на меня, и выполнить миссию огромной важности предстояло именно мне. Возможно, пора было взять на себя роль альфы. Лишь пройдя Подъем Клересторий, я поняла, что вышла на открытую

местность. Те, кто ударили по Бифросду, и, скорее всего, по Смертнику, все еще были где-то там, а я стояла здесь, самоуверенно размышляя о стратегии и методах. Мне казалось, словно я какой-то дознаватель, которому передали дело, хотя вела себя как неподготовленный любитель.

Я отключила свой манжет, дабы привлекать меньше внимания или, по крайней мере, отпугивать нежелательных личностей, после чего развернулась и пошла обратно к бункеру другим маршрутом. Теперь я шагала быстрее и внимательнее смотрела по сторонам. Если с этого момента операцию предстояло вести мне, я должна была составить собственный план и вспомнить все, чему меня учили. Сейчас навыки и характер, выкованный во мне Когнитэ, служили на благо Инквизиции.

Возвращаясь в убежище с другого конца Скучных Залов, я увидела его, сидящего в таверне коммерции под названием «Звездный поплыв». Открытые двери приглашали внутрь рыночных торговцев, которые страдали от жажды на полуденной улице. Там он и сидел в одиночестве, освещенный полоской бледного солнечного света. Я увидела его прежде, чем он заметил меня.

Включив ограничитель, я вошла в таверну и села перед ним. Нейл поднял взгляд.

— Я возвращался, — сказал он.

— Знаю.

— Уже собирался идти обратно.

— Потому что у тебя было время подумать, — произнесла я.

— По правде говоря, — начал Нейл, — я решил вернуться, так как кое-что вспомнил, но я бы действительно пришел обратно. Не могу оставить тебя со всем этим одну, ведь чертовски уверен в том, что ты не остановишься.

— Не остановлюсь.

Он кивнул.

— Ладно, — сказал Нейл, — эта игра прикончит меня, в чем я уверен, но что-то нужно сделать.

— Что ты вспомнил? — спросила я.

— Имена, — ответил он. — Они пришли мне в голову, когда я сидел здесь. Это все, что осталось после пожара. Зоя. И Коннорт.

— Кто они?

— Эти имена произнес трясущийся груп Мэм Тонтелл во время допроса. Я особо не уделял этому пристального внимания, потому что от тех сеансов просто тошнило, но хорошо услышал, как имена сорвались с мертвых губ перед тем, как я вышел из комнаты.

Я задумалась над этим.

— Зоя... Не знаю. Но вот Коннорт...

— Распространенное имя, — произнес Нейл.

— Да, и мне знаком один его обладатель. Коннорт. Коннорт Тимурлин. «Тот самый» знаменитый музыкант. Он был членом свиты Крукли в «Двух Гогах».

— Так значит, он был там той ночью? — спросил Нейл. — В ночь, когда Тонтелл откинула копыта?

— Да, — сказала я. — И был у Ланмюра перед тем, как отправиться к «Гогам» с нами. Это не все. Еще до произошедшего с Тонтелл я видела, что он говорил с женщиной у дверей салона. О чем бы они там не беседовали, тема была серьезной. Тогда я еще не знала его, нас познакомили позже, но та женщина...

— А что с ней?

— Я где-то встречала ее.

— Встречала ее?

Я кивнула.

— Так где, Бета? Я в курсе, как работает твоя память. Если ты видишь лицо, то узнаешь его.

— В том-то и дело, — произнесла я. — Понимаю, что знаю ее, но не могу вспомнить место или имя.

— И?

Я улыбнулась ему.

— Это значит, что она скрывалась под личиной, Харлон. Под хорошо созданной личиной. Не знаю, кем она притворялась, но актера под этой маской я узнала.

— Личиной? — поднял он брови.

— Я не про переодевание, Нейл, а про грамотную маскировку. Она выполняла какую-то роль, была чьим-то агентом.

— Готов поспорить на все деньги в моем кармане, что я знаю, чьим, — сказал он.

Мы вместе прошли через рынок.

— У нас есть несколько вариантов, но я знаю, какой мы выберем первым, — произнесла я.

— Пойдем в «Два Гога»? — предположил Нейл.

— Это второй, — ответила я. — Сначала я приступлю к выполнению плана, который обдумывала после того, как Черубаэль вернул меня в Бифросд.

— В смысле, мы приступим к плану? — спросил он.

— Да.

— И в чем он заключается?

— Я собираюсь к Рейвенору, — сказала я.

— Эй, нет, — произнес Нейл. — Медея говорила мне о твоей задумке. Вернуться к нему и притвориться, что ты переметнулась? Двойная игра? Затесаться в его ряды? Для этого уже слишком поздно.

— Верно, — ответила я. — Думаю, Коготь в любом случае бы все понял, вне зависимости от того, как хорошо бы я притворялась.

— А что тогда?

Мы дошли до торцевых ворот и спустились вниз по ступеням к двери бункера.

— Просто пойдём к нему, — сказала я. — Не притворяясь. Расскажем Рейвенору о том, что произошло, и что стоит на кону. Поделимся тем, чем обладаем. Он - агент Ордосов, Харлон. Один из лучших, и у нас общий враг. А ещё нам нужен отряд.

Мы вошли внутрь. Лайтберн поднял взгляд и спокойно кивнул Нейлу так, словно ранее днем ничего не происходило.

— Все нормально? — спросил он.

— Отлично, — ответил Нейл с такой же невозмутимостью. — Помоги мне вправить ей мозги.

Лайтберн сел.

— Ее план, — начал Нейл, подтаскивая к себе стул, — ее план, если можно величать его таким словом, заключается в том, чтобы пойти к Рейвенору.

— Под каким предлогом?

— Да ни под каким, — сказал ему Нейл.

— К тому Рейвенору, который охотится на нас как на еретиков? — спросил Лайтберн.

— К тому самому, — произнес Нейл.

— Ну, я никогда не встречался с ним, — сказал Лайтберн, — за исключением одного раза, правда, я ничего об этом не помню, потому что Рейвенор, как мне сказали, выжиг мою память так, как раскаленный прут проходит через лист бумаги. Поэтому да, я бы сказал, что план чертовски глупый.

Нейл ухмыльнулся и повернулся ко мне.

— Видишь? Даже он так думает, хотя никому до него даже дела нет.

Я улыбнулась.

— Рейвенору нужен Король, мы тоже хотим добраться до Короля — начала я. — Город кишит врагами, ну или, по крайней мере, враждебными и Гидеону, и нам фракциями. Нас и Рейвенора превосходят числом. Вот что я предлагаю - встретиться с ним лично, выложить все карты на стол. Перемирие, объединение. Трон знает, что они оба нарушали правила. Эйзенхорн и Рейвенор. Необходимый компромисс. Вот почему одного объявили еретиком, а другого заклеили ренегатом. Они идут против правил ради высшей цели. Грегор с Гидеоном действительно выше правил. Вот в чем заключается сила инквизиторов. Они защищают то, чему служат... Как демоны. В общем, перемирие и совместное использование информации с ресурсами... Это перевесит любые разногласия.

— Просто замечу, — произнес Лайтберн, — что до этого ты называла Рейвенора главным подозреваемым в убийстве твоих друзей. Причем очень убежденно.

— Я все еще не исключаю этого, — признала я. — Однако инквизитор видит картину в целом, и там Желтый Король, а не мы. У нас есть информация, которой не обладает Рейвенор. Его же зацепки ни к чему не приведут. Он осознает все преимущества работы с нами, по крайней мере, на временной основе.

Нейл открыл было рот, чтобы заговорить, но я еще не закончила.

— Более того, — продолжила я, подняв руку, — когда мы встретимся лично, то все узнаем. Мы узнаем, если именно он был врагом, который сжег Бифросд. На встрече с Рейвенором мы либо заведем новых друзей, либо отомстим.

— Думаешь, нам удастся одолеть его? — удивленно спросил Нейл. — Его, Кару и Пейшенс?

— Я уже брала верх над Кыс прежде. По сути, у нас с ней счет 1:1. Но да, думаю, что мы сможем. Ты знаешь, как они действуют, да и сам не растяпа. Я же пария с черной душой, и это козырь против жуткой псайканы Рейвенора.

— А еще у меня есть пушка, — сказал Лайтберн, поднимая руку.

Мы оба взглянули на него и с готовностью закивали, не споря с ним.

— Мне не нравится то, что все может дойти до крови, — произнес Нейл. — Но это неизбежно. Поэтому... Быть может, и правда лучше довести дело до конца и уже покончить с ним.

Он взглянул на меня.

— Я вообще ничего не смогу сделать, чтобы отговорить тебя? — спросил Нейл. — В смысле, чисто технически, ты не обладаешь рангом, позволяющим приказывать мне. Если говорить о старшинстве-

— Однако имеем то, что имеем, — сказала я.

— И все-таки, — продолжал Нейл. — Ты действительно-

— Решать мне, — произнесла я. — Этим утром мы установили, что ты разрываешься между двумя инквизиторами, из-за чего не можешь принимать верные решения. Ты сам признал это.

— Было такое, да, — подтвердил Лайтберн.

— Ты не можешь мыслить беспристрастно, Харлон, а я могу. И мое решение... Делаем то, что я уже сказала.

Нейл посидел еще несколько секунд, затем устало выдохнул и поднялся на ноги. Он подошел к вокс-передатчику, тщательно его настроил и поднял микрофон со свободно висящим спиральным шнуром.

Нейл переключил устройство в режим передачи.

— Шип вызывает Коготь, — сказал он.

ГЛАВА 14

На стапеле

Таким образом, мы назначили встречу. Не буду притворяться, что я не испытывала страх. Хотя я и не так долго вела дела с Гидеоном Рейвенором, но не питала никаких сомнений на счет его могущества. Во многом он вызывал у меня тревогу даже большую, чем Эйзенхорн, и казался опаснее последнего. Как

это часто случается, ученик превосходил своего учителя.

По правде говоря, со слов Нейла я прекрасно знала, что они оба были безмерно опасны и безжалостны, но в случае с Грегором Эйзенхорном я всегда чувствовала за собой небольшое преимущество, заключавшееся в его нетипичной привязанности к покойной Ализебет Биквин и моей связи с ней. То была моя редкая шаткая опора в виде эмоциональной преданности Грегора, невыраженные словами узы, которые он молча признавал, когда имел дело со мной, и которые, в определенной степени, защищали меня. Всю свою жизнь Эйзенхорн, не проявлял заботы ни об одной человеческой душе, за исключением моей матери, а значит и меня.

Против Рейвенора такой карты я бы разыграть не смогла.

Однако у меня имелись другие меры предосторожности и способы дать отпор. Я знала, что играла со слабой рукой и находилась в очень невыгодном положении, но мои наставники – неважно, были ли они хорошими или плохими людьми – хорошо обучили меня. Теперь я почти не чувствовала ограничений, ни перед кем не отчитывалась и использовала при подготовке все то, чему мне удалось научиться за годы тренировок. Наконец-то я ощущала себя игроком в игре, а не простой пешкой на регицидной доске.

Нейл назначил встречу по воксобмену, передавая зашифрованные глоссией сообщения, и получил доступ к частным фондам в какой-то из городских бухгалтерий. Эйзенхорн создавал эти неприкосновенные счета на протяжении многих лет, чтобы ими можно было воспользоваться в случае острой необходимости. Кроме того, Нейл достал нам кое-какое снаряжение на черном рынке. Я же посетила муниципальный архив записей в Городских Палатах и сделала копии планов места встречи, которые мы с Нейлом изучили. Реннер добавил ко всему этому собственные знания о местности. Мы продумали условия встречи, методы обеспечения нашей безопасности и пути отхода на тот случай, если все пойдет плохо.

В ночь перед выходом я отправилась на крыши зданий, под которыми находился наш бункер. Спотыкаясь, я поднялась по грязной и неосвещенной общей лестнице, минуя лестничные пролеты счетоводов, починщика одежды и глазного врача, и оказалась перед небольшой, выходящей на крышу дверью, не открывавшейся из-за того, что краска засохла в стыках между самой дверью и стеной. Приложив усилия, я смогла отворить ее, отчего на пол посыпались кусочки отбитой краски, и выйти на крышу из обшарпанной и покрытой мхом черепицы. Оттуда мне открылся вид на Бедняцкую Низовую Коммерцию и Скучные Залы, на которые падал угасающий свет. Нейлу и Реннеру я сказала, что собираюсь пройтись, привести мысли в порядок, и, быть может, вознести молитву Богу-Императору и попросить Его о защите.

Это была ложь, так как с собой я взяла небольшой клинок.

Встреча должна была произойти на стапеле старой верфи к югу от полуразрушенной громады Врат Мытарств. День не вселял больших надежд. Ураган заковылял обратно в свое логовище, оставив после себя жиденькие небеса с серыми пятнами и морозящий дождь, шедший будто бы без особого энтузиазма. Само же небо было серым и пустым, словно оно установило свои настройки в значения по умолчанию, и теперь свободное место ждало программирования и активации новых погодных условий.

Мы находились у края огромной реки, на ее приливно-отливной равнине, где некогда бурлила мощная промышленность, наполнявшая закрома Королевы Мэб. Теперь через Врата Мытарств не проходили ежедневно толпы рабочих верфи, а скалобетонные дороги потрескались и поросли сорной травой, уже

целые века по ним не стучали подбитые гвоздями ботинки. Местность была очень ровной и сырой. Старая река, сильно расширявшаяся в этой точке, тянулась к горизонту словно серая полоска, и уже вернула себе большую часть земель, что забрала у нее промышленность. Древние мостовые канули в водное небытие, а на километры вокруг тянулось множество заиленных прибрежных болот, оцетинившихся убогими деревцами и мшистыми остовами заброшенных строений. Согласно одной выдуманной истории, я родилась в этом болотистом поясе, где также умерли и мои вымышленные родители. Со стапеля я видела, что среди топей продолжали жить небольшие, доведенные до нищеты сообщества людей, которые все еще цеплялись за реку. Моему взгляду открывались крошечные домики и шпиль небольшой церкви-темплума. На каждом из зданий виднелись грязные пятна. Я представила себе, что в том маленьком заболоченном дворе могла стоять могильная плита с именами моих родителей, но не отвлеклась на то, чтобы сходить туда, так как была уверена – это просто вымысел. Не знаю, что обеспокоило бы меня сильнее: отсутствие могильной плиты на кладбище или то, что ее действительно поставили, дабы подкрепить ложь.

Кроме того, у меня есть работа.

Мы трое отправились пешком и, пройдя по дорогам в оврагах, оказались на другой стороне ветшающих городских ворот. Тут и там на просторах широкой болотистой низменности стояли огромные ангары верфи. То были невероятно огромные здания, возведенные на заранее отлитом скалобетоне, хотя на фоне необъятной равнины они казались совсем небольшими. Внутри этих сооружений целые армии искусных мастеров строили восхитительные корабли, которые затем продавались другим континентам и даже мирам. Конечно же, теперь ангары пришли в негодность и пустовали, хотя одни лишь размеры позволяли им на протяжении многих поколений сопротивляться воздействию погоды и заброшенности. Вспомогательные здания, пристройки, складские блоки и столовые, что некогда вырастали по бокам от ангаров подобно маленьким городкам, ныне исчезли, оставив после себя литорали, водорослевые наносы, слои древесины соленой ивы или же голые скалобетонные площадки.

Мы выбрали ангар под номером сто девятнадцать. По большей части, здания почти ничем друг от друга не отличались, однако мне нравилось это число. Ангар представлял собой гниющую высящуюся громадину, что поднималась из топей, окаймленная утренним туманом. Все вокруг было серого цвета, напоминавшего попавшие в воду чернила, а воздух оставался влажным даже в перерывах между дождями. Из входа в ангар тянулся вниз к берегу реки и полосам ила гигантский стапель. Некогда по этой огромной каменной дороге скатывали корабли, встречаемые ликующими толпами.

Придя на два часа раньше начала встречи, мы провели разведку. Ни Харлон, ни я не сомневались, что команда Рейвенора могла разведать лежащую перед ней территорию или даже занять передовые позиции, однако ангар с прилегающей к нему территорией оказался пуст. Внутри сооружения царили сырые тени, через прорехи в крыше в здание попадали капли дождя, а на полу валялись кучи огромных, явно относящихся к машиностроению предметов, но почерневших из-за коррозии настолько, что уже невозможно сказать, чем они являлись раньше. Там лежали и гигантские смотанные цепи из металла со звеньями воистину невероятного размера. Они были слишком тяжелы, чтобы их смог сдвинуть один человек, и тянулись в сторону выхода из ангара, где потом уходили вниз по мостовой словно могучие морские змеи, выложенные на землю рыбаком как трофеи. Легкий ветерок клонил траву вниз. На серой плоскости устья я увидела зловещие очертания находящихся вдали плавучих тюрем: оскопленных мертвых кораблей, лишенных мачт, двигателей, рулей, поставленных на мертвый якорь на реке и превращенных в место для ссылки.

Удовлетворенные тем, что местность находилась под нашим контролем, мы заняли позиции. Нейл

устроился на вершине гигантского блок-мотора, лежащего на входе в ангар, благодаря чему у него имелся открытый вид на стапель. У какого-то подпольного торговца он приобрел себе длинноствольную лазерную винтовку Милитарума с телескопическим прицелом, и это снайперское оружие обеспечивало ему открытый сектор для стрельбы по всему скалобетонному пространству. Реннер же, вооруженный переделанной штурмовой автоматической винтовкой, расположился у задней части ангара. Лежащий под дождем Лайтберн с его острым зрением наблюдал за подъездными путями и болотами, тянувшимися до призрачной громадины далеких Врат Мытарств. Он бы заметил любого, кто направлялся в нашу сторону. Связь мы держали при помощи маленьких вокс-наушников, называемых Нейлом микробусинами. Это оборудование тоже когда-то принадлежало Милитаруму. Мы постоянно связывались друг с другом по составленному временному графику, так как, учитывая огромную площадь того места, где мы располагались, и наши позиции, у нас практически не имелось зрительного контакта.

Я ждала на стапеле, снаружи ангара. Мой гермокостюм усиливал жилет из защитного сетчатого материала, что достал Нейл, а поверх него я надела длиннополый сюртук с капюшоном-воротником. Мой четверенный короткоствол покоился в поясной кобуре, а пара укол-дирков – коротких острых ножей для ближнего боя или метания, называющихся слуки – плотно притянута ремешками к предплечьям, по одному клинку в ножнах на каждую руку. Через плечо перекинут ремень с лазкарабином укороченной модели. А еще у меня был манжет.

Значение имел лишь манжет с выключенным ограничителем. Без этого разум Рейвенора и приспешники инквизитора одолели бы нас в мгновение ока, и неважно, каким арсеналом мы бы обладали. Мысли о повторном столкновении со смертоносной телекинетикой Кыс вызывали у меня едва ли не ужас, что можно сказать и о самом Рейвеноре.

Я ждала и смотрела на далекие отмели реки, наблюдала за тем, как ветер топорщил спартину. Я чувствовала холод и влажность, ощущала капли дождя и делала насечки на нагревающих элементах гермокостюма. Мой разум не был спокоен, он трепетал от волнения. Вновь подняв взгляд, я еще раз увидела вдали крошечный и одинокий шпиль церкви-темплума. На нем я и сосредоточила внимание. На какое-то мгновение он встревожил меня, ибо всколыхнул в голове воспоминания, с верой в которые я выросла, воспоминания, которые меня научили считать грустными. Однако эта ложь исчезла, и теперь мне нечего оплакивать, по крайней мере, на том далеком кладбище. Высящийся вдалеке шпиль я сделала точкой фокуса, дришти, как это называла Мэм Мордаунт, ссылаясь на древние методы из практик Инда. Используя шпиль в качестве объекта концентрации, я обратилась мыслями к своей старой умеряющей литании, дабы успокоить разум и нервы. Казалось довольно странным прибегать к тому, что, без всяких сомнений, являлось мысленным инструментом Когнитэ, но литания всегда хорошо мне служила. Каждый из обучающихся в Зоне Дня выбирал какое-то умиротворяющее воспоминание, делая из него основу для нашей умеряющей литании. Моим был отрывок из «Еретихамерона», этой эпической поэмы в стихотворной форме, напыщенно рассказывающей о Войне Примархов: «Девять Сыновей, Что Выстояли, и Девять, Что Обернулись Против».

Но умеряющая литания никогда не заключалась в одних лишь словах, так как в моей голове их произносил голос сестры Бисмиллы. Она часто читала мне эту поэму в опочивальне Схолы Орбус, поэтому воспоминания о ее мягком голосе стали важной частью медитации.

Я почти сразу же замерла, ощутив укол истинной печали, но не той ложной грусти, что вызывал во мне далекий шпиль. Сестра Бисмилла была Медеей, а Медея погибла. Утрата, заставлявшая меня чувствовать искреннюю и острую горечь, утрата, оказавшаяся сильнее всего, во что я верила при взрослении, и эта нанесенная потерей Медеи рана все еще свежа.

Моя микробусина щелкнула.

— Ты в порядке? — раздался в моем ухе тихий голос Нейла.

— Да, Харлон, — ответила я.

— Уверена?

— Да.

— Я наблюдаю за тобой, Бета. Кажется, ты только что на мгновение замялась. Нечто в твоей позе—

— Все нормально, — сказала я.

Пройдясь по стапелю, я решила отказаться от литании, так как теперь ее смысл запятнан печалью. Затем я подумала об Эйзенхорне и Рейвеноре, двух людях, в чьей жизни не находилось места эмоциям, и которые приучили себя не проявлять заботу ни к чему, ну или же не позволять себе испытывать ослабляющие их чувства. Но это не слабость. Заботиться о ком-то - не слабость. Испытывать чувства - не слабость. Эмоциональный отклик - это то, что делает нас людьми, что наделяет нас характером и достоинствами. Я твердо намеревалась никогда не уподобляться им, и я буду цепляться за то, кем я являюсь, за то, что сделало меня такой - что действительно сделало меня такой, а не какая-то там ложь с болот - и не важно, сколько боли мне придется испытать.

Я вернулась мыслями к литании, принимая заключенную в ней утрату, впуская ее в себя и позволяя ей успокоить мой разум. Даже исчезнув навсегда, Медея оставалась рядом со мной и даровала мне опору.

Девять Сыновей, что выстояли, и Девять, что обернулись против, Девять за Восемь, и Девять против Восьми, все Восемнадцать для сотворения Великого Космоса или его разрушения...

Моя бусина вновь щелкнула.

— Ты со мной говоришь?

— Нет, Харлон. Оставайся настороже.

Спустя мгновение на связь вышел Реннер.

— Похоже, время начала шоу, — сказал он.

Вниз по идущей от Врат Мытарств окружной дороге проехал Грузовоз-8, после чего свернул на путь для подвоза, ведущий к ангару сто девятнадцать. Реннер первым заметил машину со своей точки обзора, задолго до меня, и не сводил с нее оружия, находясь вне поля зрения.

Грузовоз-8 подкатился к восточной стороне ангара, тяжелыми колесами подбрасывая в воздух траву и куски разбитого скалобетона. Грохотание двигателя я услышала до того, как увидела машину. В тысячный раз я проверила правильность настроек манжета, чтобы он не скрывал мою пустоту, но, если бы я действительно допустила ошибку, сейчас было слишком поздно для ее исправления, так как разум Рейвенора или люди-марионетки, которых инквизитор нередко «оберегал»^[2], уже уничтожили бы нас.

— Проверьте, все ли в порядке, — сказала я, — затем действуйте согласно установленному плану и выполняйте мои команды.

— Принято, — протрещал Нейл.

— Понял, — донесся голос Реннера.

Я же никуда не пряталась и оставалась на стапеле – одинокая фигура среди многих акров скалобетона, по которому хлестал дождь. Я расстегнула застежку ножен одной из слук.

В поле моего зрения медленно въехал грузовик. На вид это был ранее принадлежащий Арбитрес Грузовоз-8 с небольшими и армированным оконными стеклами, а также крытым кузовом. Отдельные детали корпуса, включая обтекатели, закрывающие верхнюю часть надколесных арок, прикрывались броней в виде металлического покрытия. Сама машина выкрашена в светло-голубой – цвет яиц болотной осевки. Машина, чьи покрышки шипели в мокрой грязи, заехала на стапель и остановилась в двадцати метрах от меня. Я продолжала ждать.

— Прикрываю двери, — передал по воксу Нейл.

С его позиции грузовик стоял практически в профиль и находился в пределах эффективной дальности пробивного заряда. Я не сомневалась, что выстрелы из армейского оружия могли справиться даже с нательными бронепластинами Арбитрес.

— Меняю позицию, — доложил Реннер.

Я его не видела, но знала – согласно заранее намеченному плану он покинул свою позицию за ангаром и теперь двигался вдоль его боковой стены, чтобы держать грузовик под прицелом сзади. Таким образом, Грузовоз-8 находился в ста восьмидесятиградусном секторе обстрела между Реннером и Нейлом. У меня же, естественно, никакого укрытия не было, и я надеялась, что мне не придется пожалеть об этом. Впрочем, мне бы все равно пришлось показаться на открытом пространстве.

Какое-то время ничего не происходило, а затем дверь кабины распахнулась, и на землю спрыгнул человек. Я сразу же узнала высокую и гибкую фигуру Пейшенс Кыс, которая носила свой дорогой гермококостюм коричневого цвета. Ее черные волосы заколоты теми смертоносными серебряными иглами, а телекинетические способности гасились одним лишь моим присутствием, но двигалась она с кошачьей грацией, и я знала, что Кыс представляла исключительную опасность даже без психокинетических талантов своего разума.

Пейшенс выпрямилась и взглянула на меня, после чего зашагала ко мне по стапелю, удаляясь от светло-голубого грузовика. Она остановилась в двадцати шагах от того места, где стояла я.

— У меня есть возможность выстрелить, — доложил по воксу Нейл.

— Приняла, — ответила я.

Пейшенс осмотрела меня, а в ее выражении лица, как и всегда, сквозило презрение.

— Бета, — сказала она.

— Пейшенс.

Кыс буднично осмотрелась вокруг, словно выказывая недовольство погодой.

— Широкое открытое пространство, — заметила она.

— На котором стоим мы обе.

— Да, но ты обладаешь преимуществом передо мной, — произнесла Кыс и улыбнулась. — В меня целятся

по меньшей мере два твоих стрелка.

— Разве твои в меня нет?

— А ты не знаешь? — спросила она с озорным блеском в глазах. — М-м, возможно, ты не приготовилась к этой встрече так, как следовало бы. Где Харлон? Это его я мельком увидела у задней части ангара, пока мы ехали? Нет, он бы устроился поближе.

Он перевела взгляд на темный пещерообразный вход ангара. В его черной бездне Нейл был невидим, но Кыс все равно радостно махнула рукой.

— Доброе утро, Харлон! — позвала она. — В голову или сердце, будь добр! Не хочу страдать!

Кыс вновь взглянула на меня.

— Ты так быстро нас покинула, Бета, — сказала она.

— Выбор у меня был небольшой, и я уверена, что ты прекрасно это знаешь.

— Черубаэль, — произнесла Кыс и кивнула. — Он оставил после себя переполох, но ведь ты могла вернуться.

— Может и не могла, — ответила я. — Может, я находилась в заключении.

— Может и так.

— Или, может, все это время я, как меня и просили, выполняла работу твоего владыки, внедрившись в свиту Эйзенхорна.

— Маловероятно, — отозвалась она, — учитывая то, как много времени тебе потребовалось, и характер этой встречи. По какой бы причине ты не замолчала, теперь расклад дел явно изменился. Нам есть что обсудить?

Я кивнула.

— Да, но не с тобой. Я жду.

— Чего?

— Его, — сказала я. — И сумасшедших сюрпризов, которые ты могла заготовить.

Она подняла облаченные в перчатки руки, широко развела их и показала пустые ладони.

— Я здесь лишь для того, чтобы начать разговор, — произнесла Кыс, — и оценить твои сумасшедшие сюрпризы.

— Ты же знаешь, что у меня их нет, — ответила я. — Мы не обладаем вашими ресурсами.

— Ресурсами?

— Живая сила и десантно-штурмовые самолеты, уничтожившие Зону Дня. Твой повелитель может дать команду и получить полную поддержку Империиума.

Кыс фыркнула и слегка усмехнулась.

— У нас их не так уж и много, — сказала она. — Налет был проведен при содействии местных Арбитрес и ведомства барона-префекта. Они обеспечили операцию мускулами и техникой, ожидая заполучить серьезный трофей, а его, Бета, мы не получили. Ох, мы прикрыли то место, но префект рассчитывал задержать архиеретиков, чтобы затем щегольнуть ими при дворах и заработать себе хорошую репутацию у Ордосов сектора. Этого не случилось, поэтому он обозлился на нас и теперь не так склонен оказывать поддержку нашей операции.

Кыс подняла взгляд к небу и закрыла глаза, позволяя дождевым каплям испещрять ее лицо пятнышками.

— Сегодня с небес не будут спускаться десантно-штурмовые самолеты, — произнесла она. — Это тихая встреча, как ты и просила.

— Тогда давай ее начинать, — сказала я.

Кыс вновь кивнула и зашагала обратно к грузовику. С виду она не торопилась. Я ждала, слушая как каблук Пейшенс цокают по скалобетонным панелям. Кыс дошла до кузова машины и открыла задние двери, после чего я услышала вой гидравлического грузоподъемника.

— Что-то выходит, — доложил по воксу Реннер.

— Оставайтесь на месте, — ответила я.

— Это он, — протрещал голос Нейла.

— Не меняйте цели.

В поле моего зрения вновь появилась Кыс, вышедшая из-за задней части Грузовоза-8, но теперь она шла рядом с тяжелым бронированным объектом, известным как Кресло. Оно представляло собой частично коробку, частично трон, полностью закрытое и бесшумно парящее на гравитационных блоках. Я знала, что выпуклости и контейнеры, окаймлявшие резные пластины корпуса, скрывали не только сканеры и зрительные системы. Некоторые являлись оружейными модулями, способными в любой момент раскрыться и высвободить потоки огня пси-пушек.

Но модули оставались закрытыми.

Кресло, сбоку от которого шагала Кыс, двинулось ко мне и остановилось в том же месте, где ранее находилась Пейшенс.

— Только вы, — сказала я.

До моего слуха донесся тихий вокс-щелчок, четко различимый на фоне шума дождя, и Кыс пожала плечами. Она отступила назад и вернулась к Грузовозу-8, где облокотилась на кабину, скрестила руки на груди и принялась наблюдать.

— Ты поставила меня в невыгодное положение, — произнесли транспондеры Кресла.

— Что ж, сэр, в этом и смысл, — ответила я. — Ваш разум... Прошу прощения за неудобство, что может причинять вам моя пустота, но без таких настроек манжета за вами было бы значительное преимущество. Я пришла сюда не сражаться или обсуждать условия договора. Просто поговорить.

— Ты хочешь поговорить? — спросило Кресло. Продолжая парить, оно немного повернулось сначала в

одну сторону, а затем в другую, словно бы оглядываясь по сторонам. Явная наигранность, так как сенсорные системы Рейвенора могли проводить комплексное сканирование. Он пытался успокоить меня, придавая своему нечеловеческому облику манеры нормального человека. — Где Грегор?

— Его больше нет, — сказала я.

— Может, ты объяснишься?

— Сомневаюсь, что мне нужно, — произнесла я. — Это ваша работа, в чем я совершенно уверена.

После моих слов воцарилась тишина, прерываемая лишь морозящим дождем.

— Я ничего не делал, — сказало наконец Кресло. — Ничего не делал с Грегором. Подтвердить это могу лишь своим словом, но я говорю искренне. Бета, пожалуйста... Что случилось?

Его голос создавался аугметикой и являлся машинной имитацией, передаваемой через капюшоновидные динамики, и, тем не менее, я слышала в нем оттенок беспокойства.

Я сделала пару шагов вперед.

— Несколько ночей назад наше безопасное убежище было атаковано и уничтожено, — произнесла я.

— Уничтожено?

— Полностью, сэр.

— Кем?

— Вами, — ответила я. — Вы стали первым, кто пришел мне на ум. Я решила, что после годов игр вы, наконец, сделали свой ход против Грегора.

— Клянусь, это не я, — сказал он. — Я даже не был в курсе вашего месторасположения. Грегор всегда очень хорошо заметал следы.

— Не в этот раз, — произнесла я. — Мне самой удалось избежать той же участи лишь по счастливой случайности.

— Где это произошло?

Я не видела смысла уклоняться от ответа.

— В Верхнем Городе, — сказала я.

— Великий Трон... Тот пожар?

— Он самый, сэр.

Возникла очередная пауза. Я увидела, что Кыс стоит ровно и больше не облакачивается на кабину, выказывая напускное равнодушие. Скрестив руки на груди, она хмуро смотрела на меня, а ее выражение лица, казалось, выражало искреннее удивление. Кыс все слышала.

— Кто погиб? — крикнула она.

Я не обратила на нее внимания.

— Кто погиб, Бета? — твердо спросил Рейвенор.

— Медея, демонхост и Грегор, — ответила я.

Если бы Рейвенор был человеком, я бы могла увидеть его отклик на мои слова, распознать реакцию по выражению лица или позе. Это сработало с Кыс. Пейшенс мало чего выдавала своим видом, но я заметила, что она опешила. Кресло же не двигалось и не издавало ни единого звука, но, внезапно для меня, ощущалось это гораздо хуже. Я была более чем уверена, что вести огорчили Рейвенора.

— Мне жаль, — наконец произнес он.

— Верю, — сказала я.

— Ты позвала меня сюда, чтобы рассказать об этом?

— Отчасти.

— Что еще? — спросил он.

Я жестом показала ему следовать за мной и зашагала вниз по стапелю. Через секунду он начал медленно скользить в мою сторону, оставив Кыс у грузовика. Еще сильнее отдалившись от остальной части своей команды и пройдя дальше по открытой местности, я остановилась и повернулась к Рейвенору. Внушительное и грубое с виду, Кресло покачивалось в воздухе всего в нескольких метрах от меня, а его корпус украшали бисеринки дождевых капель.

— Здесь, в этой войне, много сторон, — произнесла я. — Много фракций, много интересов, все действуют друг против друга. Исходя из собственного опыта, я могу насчитать по меньшей мере девять или десять. И мне кажется странным, что две из них, враждующие между собой, являются свитами инквизиторов.

— Ты же знаешь, Бета, все не так просто-, — начал он.

— Я знаю, что его посчитали еретиком и обвинили в действиях, выходящих за рамки компетенции Ордо, — прервала его я. — Еще я знаю, что преследование Грегора вам отвратительно, и вы охотитесь на него лишь для того, чтобы примириться со своими владыками. Вас они тоже могут заклеить как еретика, и вы боитесь этого.

— И вновь, ты упрощаешь-, — сказал он.

— Разве?

Пауза.

— Нет, наверное, нет. Пойми меня правильно, Бета, я не буду оправдывать его действия. Он десятилетиями вел свою деятельность, нарушая Имперский Закон и не имея за спиной благосклонности со стороны Трона Терры. Вне зависимости от причин, он пересекает черту.

— Пересекал, — поправила я.

— Да, и не стану притворяться, что и сам не делал подобного один или два раза. Возможно, он слишком хорошо меня обучил. Я получил указания от Ордосов задержать его, но тут есть серьезная оговорка. С политической точки зрения меня вынудили-

— Мне плевать, — произнесла я.

— Пойми меня, прошу. Преследование Грегора Эйзенхорна я видел лишь как средство достижения более важной цели. Не он являлся моей мишенью. Не истинной мишенью. Эйзенхорн был предлогом, чтобы я получил кое-что другое, а еще способом добраться до этого. Мы охотились за одним и тем же.

— Знаю, — ответила я. — Не дура. Вот почему я рискнула поговорить с вами. Не хочу, чтобы меня сожгли как еретичку или же за связь с еретиком. Ваша мишень и моя мишень тоже. Здесь слишком много разных сторон, и некоторые из них до ужаса злокозненны. Теперь же один из игроков - ваш главный соперник - исчез с доски, и вы можете сосредоточиться на том, что действительно важно.

— На Короле, — сказал он.

— Точно, на Короле.

— А ты? — спросил он.

— Я объединила то небольшое, что осталось от отряда Эйзенхорна, и мы собрали сведения с зацепками, которыми, как я думаю, вы не обладаете.

Я пристально взглянула на Кресло.

— И наоборот, — добавила я. — Вы с Эйзенхорном годами работали наперекор друг другу, но он погиб, и теперь, наконец, можно полностью сосредоточиться на одной цели, сложить вместе все ресурсы. У меня мало сил, однако я не бесполезна. Вот почему я попросила встретиться.

— Чтобы работать вместе?

— Чтобы работать как единое целое. Рейвенор, в конечном счете, здесь существует лишь две стороны. Забудьте о фракциях и разных интересах. Есть мы, и есть Архивраг. Отказ от совместной работы - это глупость и халатность.

— Ты очень на нее похожа, — произнес он.

— Люди продолжают мне это говорить.

Кресло медленно повернулось к нависающей громадине ангара.

— Ангар сто девятнадцать, — заметил он. — Подобное число - не случайный выбор.

— Не случайный.

— Ты хочешь получить доступ к книге? К книге Чейз?

— Это очень важная зацепка, — сказала я, — но не единственная.

— Бета, — начало Кресло. — Ты же понимаешь, что доверять тебе очень сложно. Почти невозможно. Ты - творение Когнитэ, и можешь следовать некому плану, неведомому даже тебе самой. Смерть Грегора ты можешь подтвердить лишь своим словом, а с собой привела наемника, к которому я по-настоящему привязан, но который менял стороны слишком много раз. И я знаю, что это не единственный твой оперативник, присутствующий сегодня здесь.

— Подобные меры - лишь для нашей собственной безопасности, — ответила я. — Согласна, доверия пока мало. Если бы я не разблокировала манжет, вы бы одолели нас в мгновение ока. И Кыс не единственный ваш оперативник. Где другая женщина?

— Мы должны установить доверие, если собираемся работать вместе, — произнес он.

— Должны, и вы не ответили на мой вопрос.

Рейвенор издал звук, который, как мне показалось, напоминал нечто вроде грустного вздоха.

— Кара приставила оружие к затылку Харлона, — сказал он.

Я вдруг одеревенела и дотронулась до микробусины.

— Нейл?

— Он сейчас не может ответить, Бета, — раздался женский голос.

— Так вы демонстрируете доверие? — спросила я Рейвенора.

— Я раскрываю свои карты, — ответил он. — Думаешь, мы бы пришли сюда, не подготовившись? Встреча могла быть какой-нибудь ловушкой.

— Но это не ловушка.

— Похоже на то, — произнес Рейвенор. — Вот почему я раскрываю тебе карты. Кыс в транспорте. Кара на позиции за Нейлом. А что до другого твоего человека, мистера Лайтберна—

Я потянулась к своему ларингофону, но замерла, когда увидела Реннера, вышедшего из-за угла ангара. Он шагал, держа руки на голове, а следом за ним шел крупный мужчина в визоре и броне без рукавов, целившийся в Лайтберна из лазпистолета.

У Рейвенора был третий агент.

— Я не собираюсь причинять им вреда, — сказал он, — но мои люди держат их под контролем. Осталась только ты, Бета, и твои шансы против меня, даже заглушенного, невелики. Итак, мы продолжим наш разговор с некоторой долей доверия или же я отпускаю вас троих? Прямо сейчас. Никаких вторых шансов?

Я оказалась и впечатлена, и рассержена одновременно. Я думала, что, несмотря на наши ограниченные средства, мы все предусмотрели, но Рейвенор нас переиграл. Третий оперативник стал его джокером.

— Вы бы позволили нам уйти? — спросила я.

— Правила переговоров, установленные Харлоном, — ответил он. — Я не чудовище, и, если бы ты решила уйти, я бы не помешал.

— Тогда нам следует поговорить, — просто сказала я и зашагала обратно к ангару.

Рейвенор последовал за мной. Отошедшая от грузовика Кыс теперь следила за Реннером, который выглядел очень встревоженным тем, что его захватил оперативник инквизитора. Мужчина с закрытым визором лицом опустил пистолет и сказал Кыс нечто, что мне не удалось расслышать. Из ангара вышел Нейл, держащий свою длинноствольную лазерную винтовку на плече. Силовая ячейка в оружии отсутствовала. Он, как и Лайтберн, тоже выглядел крайне расстроенным. За ним последовала Кара Свол с довольной ухмылкой на лице, подбрасывающая силовую ячейку как игрушку.

— Итак, казним их за ересь? — спросила Кыс Рейвенора, когда мы подошли. Она улыбнулась мне. — Шучу, — произнесла Пейшенс.

Я не одарила ее ответной улыбкой.

— Прости, — сказал мне Нейл.

— Забудь, — ответила я.

— Приятно вновь тебя видеть, Бета, — произнесла Кара. Ее улыбка казалась искренней и теплой, но она разобралась с Харлоном Нейлом без единого выстрела. Теперь я была гораздо более высокого мнения о ней.

— Что теперь? — поинтересовалась Кыс.

— Уходим в безопасное место, где и поговорим, — ответил Рейвенор. — Бету, Харлона и мистера Лайтберна вы будете считать союзниками до тех пор, пока я не скажу обратного. Уберите оружие.

— Думаете, мы можем им доверять? — спросил мужчина в визоре.

— Чертовски забавный вопрос от человека в маске, — со злостью проговорил Реннер.

— Заткнись, — ответил мужчина.

— Я не буду повторять указания, — сказал Рейвенор.

— Раз мы устанавливаем доверие, — произнесла я, — покажи свое лицо.

Я смотрела на человека в визоре. В его комплекции и голосе было нечто подозрительно знакомое. Он с сомнением взглянул на Рейвенора.

— Сделай это, — сказала Кресло. — Если мы планируем сотрудничество, то не можем держать при себе секреты. Только прошу, не реагируй неадекватно, — добавил он мне.

Я не была уверена, что он имеет в виду, до тех пор, пока мужчина в маске не отстегнул визор и не снял его.

Мое сердце замерло, и я застыла. Передо мной стоял Фаддей Саур, наставник Саур из Зоны Дня.

— Вот как вы обхитрили нас? — воскликнула я.

— Эй, эй! — крикнула Кыс, подняв руки.

— Бета-, — начал Рейвенор.

— Мы уходим, — произнесла я. — Саур - член Когнитэ! Вы знаете это!

— Был им, — угрюмо поправил меня Саур.

— Фаддея задержали во время налета на Зону Дня, — сказал Рейвенор. — Я все объясню подробнее, но знай - сейчас он помогает мне вести текущее расследование.

— Это в коем разе не разумно, — заявила я. — Он из Когнитэ и повязан с Восемью. В лучшем случае Саур - шпион в ваших рядах. Что вы за идиот?

Кыс сдержала удивленный смешок, когда услышала, как я браню ее повелителя.

— Когда мы нашли Саура, его разум оказался стерт и заблокирован, — спокойно произнес Рейвенор. — Я

потратил недели на прощупывание мозга Саура с помощью псайканы, чтобы определить его мотивы и позицию. Я тщательно искал даже подсознательное кодирование. Ничего. Он – опасный человек, но лишенный связей. Саур страстно желает помочь мне.

— Клянусь тебе в этом, — сказал мне Саур. — Я не знаю, частью чего был или что тебе сделал, но я хочу добыть ответы. Они говорят, что ты знаешь меня, однако я не помню. Мне понятны твои сомнения, я, правда, понимаю. Как мне прямо сказали, я действовал против власти Трона, во что с трудом верю. Клянусь тебе, мне просто нужны ответы и возможность исправить все то, что я мог натворить.

— Он убил вашего агента, Вориет, — произнесла я.

Наступила тишина. Кара смущенно потупила взгляд, а Кыс поджала губы.

— Они в курсе, — сказал Саур.

— Мы в курсе, — подтвердил Рейвенор.

— Они знают это, а я – нет, — добавил Саур.

Я фыркнула.

— Если его разум стерли, то какая от него польза? — спросила я.

— Я узнаю лица, когда вижу их, — ответил Саур. — Хотя кажется, что никогда не видел их прежде. И твое, когда ты поднялась. Увидев тебя, я узнал твое лицо. От меня есть прок. Возможно, я смогу засечь Когнитэ раньше вас.

Он пристально взглянул на меня. Я же не могла забыть того жестокого и устрашающего наставника, которого некогда знала. Он был отморожком, настоящим зверем, и мне оказалось тяжело поверить в то, что целая жизнь, посвященная работе на врага, могла так просто стереться.

Однако Рейвенор обладал потрясающими способностями по использованию псайканы, и он прощупал разум Саура. Да и мы теперь впутаны во все это. Значение имела лишь совместная работа. Я бы не позволила твари вроде Саура помешать заключению важного соглашения, что могло хорошо послужить нам.

— Обсудим это позже, — сказала я. — Будьте уверены, чтобы убедить меня, потребуется нечто большее, однако, я тоже хочу соблюсти договоренность.

Слука выскользнула из ножен на предплечье и упала в мою руку, после чего я стремительным движением разрешила кожу на левой ладони. Когда я подняла руку, ветер в устье реки начал подхватывать падающие капли крови.

— Какого черта ты творишь? — спросила Кыс, быстро шагая вперед.

Раздался треск, словно паруса клипера приняли на себя силу ветра, а следом донесся порывистый звук. Комус Ноктюрнус приземлился на скалобетон за моей спиной и медленно выпрямился, расправив огромные колыхающиеся крылья, белые как снег. Он до сих пор был полностью обнажен и возвышался над всеми нами. Люди Рейвенора испуганно отпрянули от гиганта с алебастровой кожей, а удивленный Нейл вздрогнул. Казалось, будто даже бесстрастное Кресло немного подалось назад.

— Что это? — спросил Рейвенор.

— Всего лишь открываю вам мои карты, — ответила я. — Руководствуюсь принципами доверия. Вы переиграли меня третьим оперативником, но схватка, если до нее дойдет, сложится не так, как вы ожидали.

ГЛАВА 15

«Пояс»

Я постоянно смотрела на свое отражающееся в зеркале лицо, омытое золотым светом горящей свечи, и так же часто размышляла над сложившейся ситуацией.

Я внимательно изучала черты лица, которое вскоре перестанет быть моим – волосы заколоты сзади, так как их еще только предстояло уложить, да и пудра еще не полностью нанесена на кожу. Взглянула на собственные глаза, на нос, на линии рта и горла. Просто лицо, оно было у меня всегда, и я задумалась о том, что многие видели в нем нечто гораздо большее: истории, прошлые деяния, границы преданности.

Кара показала мне пикт Ализебет, но поразил он меня гораздо меньше, чем я ожидала, хотя мы действительно очень похожи. Здесь мое ничем не выделяющееся лицо оказывало такой же эффект, что и в команде Грегора, и вызывало у других определенную степень доверия ко мне. Оно несло в себе прошлое, прошлое, которого я не знала, но которое имело значение для всех них. Я недооценила привязанность команды Рейвенора к Ализебет Биквин. Гидеон просто не мог не видеть во мне Ализебет и не вспоминать о своей дружбе с ней, из-за чего, сам того не осознавая, позволял мне больше, чем я ожидала. В этом я черпала определенное облегчение.

Однако, теперь, когда пришло время скрыть свое лицо, я переживала насчет того, что могла потерять.

Зеркало, сделанное круглым и выпуклым в стиле мастеров мебельного искусства середины орфеонской эпохи, не могло мне показать ответ на это. Оно отражало лишь меня саму и комнату, в которой я сидела, а изображение помещения стягивалось вокруг моих плеч и изгибалось выпученным как рыбий глаз зеркалом. Я видела поверхность комода, на котором, помимо зеркала, стояли пудры, кисточки, косметические краски, крема – все это одолжено у Кары. Также здесь лежали щетка для волос и баночка со шпильками, а всюду вокруг меня горела сотня свечей, наполняющих темную комнату теплым янтарным свечением. Я же сидела с обнаженными плечами и обвязанной тканью грудью, дабы падающая пудра не попала на мое чистое нательное нижнее белье из льняной ткани. Грязная завязка и шпильки для волос удерживали убранные назад волосы, не давая им упасть на лицо. Я была заключена в рамку словно одна из камней^[3] Тиззлея или Карнаха, этих небольших, но мастерски сделанных портретов, где перспектива раздувалась так, чтобы имелась возможность отобразить каждую часть окружения и продемонстрировать таким образом искусность художника в работе с мелкими деталями.

За мной находилась комната, комната в доме, дом в городе, город, в котором царил вечер. Уже неделю я жила здесь в компании отряда Рейвенора.

— Как насчет этого? — спросила появившаяся за моей спиной Кара, входя в комнату. Она уже несколько минут ходила туда-сюда, помогая мне подготовиться и собираясь сама. Кара носила лишь короткое комбине и вела себя раскрепощенно, как коллега-актер в комнате для переодевания. Или, наверное, как сестра. — Может, такой оттенок?

— Может.

— На что ты так пристально смотришь? — спросила она, остановившись и тоже бросив взгляд на зеркало.

— Просто думаю, — ответила я.

Я решила не вдаваться в подробности, однако после произошедшего на стапеле мои мысли занимал Саур. Мне никак не удавалось найти хоть какую-то причину верить ему, даже несмотря на историю об украденной памяти. Точно так же, как мое лицо заставляло их доверять мне больше, его лицо заставляло меня саму доверять Сауру меньше.

Напряженность длилась всю неделю. Рейвенор привел нас - по крайней мере, меня, Нейла и Реннера - в свою штаб-квартиру, представляющую собой старую городскую резиденцию недалеко от Волшебных врат. Судя по всему, она состояла из трех древних строений, со временем соединившихся в одно. На западе располагалась низкая деревянно-кирпичная усадьба доорфэонской эпохи, к которой, когда-то в прошлом, будто бы пришили небольшую уютную виллу с тремя этажами и каменными полами, элегантно украшенную качественным алебастром и большими каминами. На востоке находилась более современная достройка в довоенном стиле с алмазными стеклами в окнах и витыми лестницами, где, казалось, постоянно царил холод. Названия у дома не было.

Как и у чувства, продолжавшего беспокоить меня с момента нашего прибытия. Может, это тревога? Замешательство. У обеих сторон имелись вопросы касательно активной разведки и более расплывчатых проблем, связанных с предосторожностью. Чтобы разобраться с первым, мы устроили многочасовую встречу в большом помещении виллы и прошлись по всему, что знали, но вот со вторым оказалось труднее. У меня имелись претензии к Сауру, о чем я сказала прямо, однако Рейвенор настаивал на том, что Фаддей Саур являлся всего лишь полезной пешкой. Его не допускали на совещания по выработке стратегии, а при личных встречах он общался со мной приветливо, будто бы стремясь продемонстрировать свою невинность. Но невинности там не было. В лучшем случае, как я надеялась, просто отсутствие злого умысла.

Дотошные расспросы Рейвенора крутились вокруг двух вещей: гибели Бифросда, про которую я рассказывала во всех подробностях, и природы Комуса, о чем я старалась говорить как можно меньше. После встречи на стапеле я отослала ангела, зная, что моя кровь призовет его обратно в любой момент. Комус вновь спрятался от людского взора среди плоских крыш и одиноких шпилей Королевы Мэб. Рейвенор, конечно же, понял, кем был Комус, и поэтому у инквизитора ангел вызывал больше вопросов, чем у меня.

— Тогда этот тон? Или слишком красный? — спросила Кара, чьи пальцы пахли цветочными духами. Она пробовала несколько ароматов, чтобы найти наиболее подходящий для ее личины.

— Да, — ответила я, потянувшись к баночке с пудрой. — Может, нечто менее романтическое.

— Думаю, у меня есть кое-что, — сказала Кара. Она взглянула на отражение в зеркале и отыскивала взглядом мои глаза. — Ты можешь доверять нам, — произнесла Кара.

Я кивнула.

— Ты в это действительно веришь, знаю, — ответила я. — Думаю, в этом городе слишком мало доверия, чтобы раскидываться им. Его следует ограничивать.

Лицо Кары немного осунулось. Правая лямка комбине соскользнула с плеча женщины, и она подтянула ее.

— Но я верю, что тебе доверять могу, — сказала я, заметив вид Кары.

Я действительно так считала. Кара была оживленнее и энергичнее Медеи, а когда она веселилась, то заливалась грудным и на удивление непристойным смехом, однако я чувствовала, что в нынешнем предприятии Кара могла выполнять ту же роль, что и Медея. Она обладала добрым сердцем и «склеивала» отряд.

Ее лицо вновь осветила улыбка.

— Нечто менее романтическое, — произнесла она. — Думаю, это можно устроить.

Кара выскочила из комнаты, проворно двигая босыми ногами словно кошка и заставляя колыхаться пламя свечей, мимо которых она проносилась. Я сразу же услышала, как Кара начала греметь своей косметичкой в помещении за дверью.

Вообще-то, теперь доверия стало гораздо больше. На третий день нашей работы в доме я, наконец, успокоилась и включила манжет. С моей стороны это был риск, ибо так я ничем не сдерживала Рейвенора, но ограничивать нашего самого ценного члена отряда - очевидная глупость.

— Я не стану смотреть без твоего разрешения, — сказал он мне.

— Не знаю, как простое слово от меня удержит вас от этого, — ответила я.

— Даже псайкер может во всем проявлять учтивость, — произнес Рейвенор.

Я пожала плечами, широко разведя руки.

— Можете смотреть, если хотите, — сказала я. — Да и в любом случае, как бы я узнала, что вы этим занимаетесь?

На самом деле, я могла это узнать. Стоя перед Креслом в тот же третий день, я чувствовала, как разум Рейвенора вторгается в мой. Ощущение, словно некто открыл куда-то дверь, и в открывший проем устремился легкий ветерок. Инквизитор вел себя как вежливый посетитель, входя в комнаты моего разума и осматриваясь кругом, но не обыскивая каждый шкаф и ящик. Тем не менее, чувство было странным, и я знала, что Рейвенору не нужно копаться в ящике или коробке для одеял, чтобы обнаружить мое недоверие по отношению к нему.

Он ничего не сказал на этот счет.

— Склеп, — наконец произнес Рейвенор. — Там ты его нашла? Этого Комуса.

Я знала, что именно данная тема станет объектом его первых изысканий.

— Даже под ним. В недрах Подземелья.

— И ты думаешь, что он из Девятого легиона?

— А вы нет?

— Королевский Створ, — задумчиво пробормотал он.

— Думаю, это врата в другой мир, — ответила я. — Не могу дать им объяснение. Ангел вышел оттуда, но мало что рассказал мне о них. Быть может, это открытый доступ в Пыльный Город, хотя я не понимаю, как через него пройти. Скорее всего, подобное способен сделать лишь ангел.

— Королевский Створ, — повторил Рейвенор. — Если кто-то проверит это название...

— И, как в случае с Зоной Дня, подумает о старофранкском языке, — прервала его я, — то придет к слову «D'ог», что означает «золотой», и, следовательно, «желтый». Да, сэр, мне пришло это на ум.

— Вижу.

Рейвенор замолчал, и я почувствовала нахлынувшую волну нейрого르몬ов.

— Что вы нашли сейчас? — спросила я.

— Я... — Он замешкался, словно анализировал изумлявшую его подробную информацию. — Эти проблески озадачили меня, Бета. То, что ты видела за последний год или около того. Астартес-изменники из числа Несущих Слово...

— Вовлеченные Понтификом Министорума-

— Судя по всему, старейшины этого города страстно желают собственной гибели. Я не имею ни малейшего понятия, почему такие стороны принимают участие в происходящем. Несущие Слово, они... Пытаться вести с ними дела - настоящее безумие.

Я кивнула.

— Да и у барона-префекта, — добавил он, — тесные связи с Экклезиархией, так что это соглашение может объяснить, почему в последнее время барон не так расположен помогать нам. Министорум обладает огромным политическим влиянием. А тут что? Еще и один из Детей Императора?

— Именно так, — ответила я. — Насколько я знаю, по городу крадутся два легиона-предателя, ищущих путь во владения Желтого Короля.

— Учитывая то, что я вижу здесь об этом Теке, удивительно, как ты смогла выжить.

— Сама удивлена.

— И теперь вижу, как, — сказал он. — Смертник.

— Ах да. Он. Признаю, о нем я не упомянула.

— Значит, твоя оценка неверна, Бета. Три легиона-предателя. Справедливости ради, я должен спросить - открытая связь Грегора с Альфа-Легионом не убедила тебя в перегибе его еретических пристрастий?

— Загляните в мою голову, сэр, в мою душу, и скажите, как для меня очерчено добро и зло. Ничему нельзя доверять, и никто не заключает союзы, когда следует это делать, а вот архивраги заводят дружбу друг с другом-

— Печальная правда в том, — ответил Рейвенор, — что такова история нашего мира. Я говорю это не для того, чтобы напугать тебя, но, исходя из всего моего опыта, тот Империиум, что скрывается за своими яркими стягами и гордыми проповедями, далек от незыблемой махины, которую мы любим представлять. В лучшем случае он пришел в упадок и закоснел, а в худшем - прогнил насквозь.

— Тогда, сэ,р, думаю, вы сами ответили на свой вопрос. — Я взяла стул и села перед ним. — Отчетливее всего Бесконечная Война Человечества проявляется в этом городе - всевозможные стороны и силы различного сорта перемешались и теперь жарятся на открытом огне, плетя сомнительные интриги. Как мне кажется, проблема в том, что никто из нас не имеет ни малейшего понятия о природе войны. Не здесь. Мы ограничиваем ее нашими собственными правилами касательно добра и зла, Трона и всего inferнального, потому что мы выросли с разумением этого утешающего бинарного представления, и именно на нем зиждется наша вера в Империиум. Однако в Королеве Мэб все запутано и завязано в узел. Боюсь, наша величайшая слабость заключается в том, сэ,р, что мы даже не осознаем механизм или масштаб этой войны. Мы не знаем, кто кому противостоит и зачем. Мы не знаем, на какой стороне нам нужно находиться. Мы даже не знаем, какую сторону занимаем прямо сейчас.

— Да, не знаем, — согласился он. — Нам неизвестна природа трофея, поэтому мы можем лишь предполагать, как с ним связаны все игроки.

— Ваша теория заключается в том, что это поиски истинного имени Бога-Императора на энунции, — сказала я.

— С помощью которого можно обрести власть над всем сущим, — произнес Рейвенор.

— Но это может быть чем-то совсем иным, — предположила я.

— Согласен, — ответил он. — Настоящую цель этой затеи я и пытался определить с того момента, как прибыл сюда, на Санкур. Вот почему я терплю компанию убийцы Когнитэ, и вот почему ты якшаешься с кровожадными ангелами-

— А Грегор держал в своей свите демона и Альфария, — закончила я. — Сэ,р, мы либо все еретики, либо никто из нас. Эта война стирает все различия, и, очевидно, нам необходимо иметь кого-то в потенциальных союзниках. Прошу вас запомнить это на тот случай, если Грегор все-таки выжил, и нам выпадет шанс вновь встретить его.

— Меня не нужно убеждать, — сказал Рейвенор. — И хоть я вижу, что ты серьезно к этому относишься, Бета, советую проявить тебе еще большую осторожность. Я просеиваю твои воспоминания и вижу другие лица. Ты уже поняла, как опасны Блэкуордсы-

— Их мировоззрение?

— Корысть, — ответил он, — которая, насколько я могу судить, была присуща им всегда. Они - вольные торговцы, в старом смысле этого термина, и способны прибегнуть к чему угодно, когда дело касается сохранения их наследия. А то лицо в твоём разуме, принадлежащее человеку, к которому ты относишься с не самой большой опаской, это ведь Элэс Кваторз. Она из династии Гло.

— Так она сказала.

— И это имя ничего тебе не говорит?

— Не особо.

— Самые охуленные еретики, Бета. Ты понятия не имеешь, с кем вела дела в Лихорадочной Фуге. Могу только славить Трон за то, что она относилась к меньшей и никчемнейшей ветви этой гнусной династии.

— И какой следующий шаг вы намерены предпринять? — спросила я инквизитора.

— Есть несколько вариантов, — ответил Рейвенор. Лишь тогда я поняла, что говорил он мягко и очень успокаивающе. Впервые я слышала настоящий голос Рейвенора, направленный мне прямо в разум, голос, которым инквизитор говорил при жизни, а не воспроизведенный грубыми транспондерами. — И я вижу один, что нравится тебе.

Этого я не отрицала.

— Я дала Вам заглянуть в мой разум, Гидеон, — ответила я. — Теперь вы позволите мне заглянуть в книгу?

Общая тетрадь Лилеан Чейз, такая маленькая и безобидная в своей бледно-голубой обложке. Она лежала рядом со мной, освещенная пламенем свечей, пока я делала макияж, а Кара суетилась и металась туда-сюда за моей спиной. Рейвенор передал мне ее после нашего разговора и признался, что не достиг никаких успехов в работе с ней.

Гидеон, точно так же, как и мы с Грегором, не смог установить ни значение числа 119, ни лингвистическое происхождение малопонятного текста внутри книги. Прежде Рейвенор нигде не встречался с подобным, так что погрузился в долгое и детальное изучение языков и кантов. Он согласился с моим предположением касательного того, что текст, судя по всему, являлся цифровым, в той или иной форме, почти как очень длинный ряд чисел. Его экспертные знания оказались гораздо глубже тех, которыми обладал Грегор, однако, объединив их с познаниями Эйзенхорна, Рейвенор смог установить: записи в тетради не относились ни к бинарику, ни к любой другой разновидности используемого Адептус Механикус кода данных, основанного на цифрах. И хоть нам обоим казалось, что символы являлись скорее цифрами, нежели буквами, мы никак не могли определить их соответствующие значения. Для расшифровки необходимо знать язык, использованный при написании текста.

Даже при изучении подлинника книги, мне не удалось добиться прогресса, но я все сильнее уверялась в том, что как-то описать содержимое могло именно число 119, а не присваивание символам в книге определенных цифр в какой-либо последовательности. Число 119 могло быть названием книги и, помимо всего прочего, являться ключом к ее расшифровке. Я знала, что Гидеон, обладающий могучим интеллектом, усиленно работал над этим, но его небольшой команде не хватало саванта с профильной подготовкой. Поначалу они пользовались ресурсами двора барона-префекта, но сейчас там им отказывали в помощи, да и Рейвенор, как мне кажется, все равно отказался бы доверить подобный материал ненадежным сторонам. Я считала, и Гидеон согласился со мной в этом, что настало время сделать своими помощниками странные и эксцентричные реликты города. По моему мнению, отверженные и незаслуженно обойденные вниманием души Королевы Мэб были самыми и, возможно, единственными надежными союзниками в нашем распоряжении. Честно говоря, я даже ощущала себя одной из них. Я вновь найду безумного беднягу Фредди Дэнса и окажусь в компании окружающих его необычных людей.

Ну или, по крайней мере, не я, а лицо, которое они узнают. Для этого, прежде чем взглянуть в зеркало, я снова примерила на себя личность и оболочку Виолетты Флайд.

— Этот цвет получше? — спросила Кара.

Она вернулась, держа в руках покрытый глазурью тюбик с лаком для губ. Теперь Кара носила лишь шелковый халат, распахнутый и развязанный. Она вела себя с открытостью танцора, и эта уверенность в собственном теле меня поражала, хотя, признаюсь честно, будь у меня такое же, я бы тоже

беззастенчиво его демонстрировала.

— Да, гораздо лучше, — ответила я. — Ты еще не оделась?

— Это займет пару мгновений, — сказала она. — Я выбрала гермокостюм. Малиновый или зеленый, как думаешь?

Кара держала по костюму в каждой руке, из которых и выбирала.

— Нужно смотреть по обстоятельствам, — произнесла я. — Что бы надела твоя личина?

Она нахмурилась, и меж ее выщипанных бровей появилась складка.

— Я не... знаю, что ты имеешь в виду, — сказала Кара.

Я начала объяснять, но она тут же остановила меня.

— Твой голос звучит иначе, Бета, — произнесла Кара. — Немного мягче и четче, с тоном как у аристократов.

— Это голос Виолетты, — ответила я им же. — Я вживаюсь в персонажа, чтобы быть готовой говорить и думать как она. Разве ты делаешь не так?

— Я просто одеваюсь и импровизирую, — сказала она и усмехнулась. — Если же растеряюсь, то Гидеон всегда может положить в мой разум полезный совет. Ты это называешь ролью?

— Ага, — произнесла я.

— Полное погружение в персонажа? Того, кого ты знаешь от корки до корки, с самого дня своего рождения до-

— Да.

Она пожала плечами.

— Я много раз работала под прикрытием, — сказала Кара. — Жила как другой человек, но никогда не подходила к вопросу с таким обдумыванием или погружением.

— Я нахожу это странным, — произнесла я. — Меня учили - обучали -, что развитие ролей было основным полевым инструментом агентов Ордо, что это навык, которым необходимо обладать всем.

— Тебя обучали Когнитэ, — подмигнув, напомнила она.

— А есть разница? — спросила я, после чего Кара залилась своим непристойным смехом.

— Ну, тогда поучусь у тебя, — сказала она. — Ты уже выглядишь как совсем другой человек. Это довольно сильно меня смущает.

— Я еще не там, но Виолетта почти на месте.

— По крайней мере, мой недостаток столь выверенной актерской игры не станет сегодня проблемой, — ответила Кара. Она сбросила халат, чтобы надеть зеленый гермокостюм, на котором остановила выбор.

— Этой ночью мне отведена не главная роль. Я лишь фоновый цвет и подстраховка. Буду следить за тобой на расстоянии.

— Как твой мабисуаз? — спросила я.

— Достаточно хорош, чтобы купить выпить или покадрить пьянчугу, — сказала Кара на добротном беглом мабисуазе.

— А как себя показывает Пейшенс, когда доходит дело до ролей? — спросила я.

— Боюсь, что она всегда Пейшенс, — ответила Кара, балансируя на одной ноге и извиваясь, чтобы натянуть тугой гермококостюм. — Но, думаю, сегодня это сыграет нам на руку.

Я надеялась, что так и случится. Пейшенс Кыс, к добру или к худу, стала моим ведущим партнером в нашем ночном предприятии, и я верила, что у нее имелся талант для такой работы. По крайней мере, как мне казалось, она являлась тем самым экзотическим созданием, которое могло очаровать людей вроде Озтина Крукли.

Сначала мы попробовали заглянуть в салоны и места встреч богемного квартала вокруг Волшебных врат святой Целестины, где собирались типичные представители общества вседозволенности. Был разгар вечера, везде горели уличные фонари, а в ресторанах с еще не ушедшими оттуда завсегдатаями шла уже вторая или третья подача блюд. Компанию Крукли мы не обнаружили ни у Ленгмура, ни у Забрата, ни в кофейном доме, примыкающем к «Книготорговцам старыми альманахами».

Оттуда мы направились к «Двум Гогам», но большая их часть оказалась закрыта. Судя по всему, «Гоги» сильно пострадали от недавней бури, как и многие другие заведения в городе. Опустошающий ветер сорвал с крыши здания порядочное количество кровельных плиток, а вода от свирепого ливня попала внутрь и затопила передний бар с кухнями. Нормальная работа заведения приостановилась, хотя его владелец явно хотел возобновить торговлю как можно скорее, так как даже под вечерними фонарями трудилась небольшая бригада рабочих. За двойную оплату они взбирались вверх по лестницам, чтобы залатать крышу и отремонтировать водосточные желоба, а снаружи здания висели сохнувшие настилы, ковры и столовое белье. Я заметила, как один из рабочих перекрашивал фирменные символы на двери, нанося на них новую гамму до ужаса неподходящих цветов. Мне было интересно, как сильному дождю удалось повредить старую краску на резных изображениях, хотя, вероятно, это просто делали время от времени, и не из-за необходимости ремонта, а по эксцентричной прихоти владельца. Возможно, рабочего просто отослали с крыши и поручили другое дело, заключающееся в ненужной покраске.

Какое-никакое обслуживание поддерживалось во дворе и на улице перед «Двумя Гогами». Там поставили сколоченные из досок скамейки и вытащили из заведения бочки с хересом, который работники бара продавали в кружках собирающейся под открытым небом толпе. Во дворе разожгли огонь, причем довольно сильный, что вызывало у меня тревогу, а над ним жарилась половина туши грокса. Вертел же поворачивал кухонный сервитор. Питты, начиненные ломтиками жареного мяса, очень хорошо продавались. Развлекал людей плеватель огнем, расхаживающий по освещенному пламенем двору в своем шутовском наряде. Он поджигал свои палочки от огня, на котором жарился грокс, и затем изрыгал огромные струи порывистого пламени, чем вызывал «охи» и «ахи» у наблюдающих, особенно у тех, кто стоял близко и рисковал загореться. Здесь также скакали акробаты и развлекающиеся танцоры, причем некоторые имели самый непристойный и соблазнительный вид, а толпу заставляла рукоплескать старая женщина, играющая на геликоне, и юноша, стучавший по тамбору. Все танцоры носили маски в карнавальном стиле, очень пестрые и смешные, и кое-кто даже исполнял пугающие трюки, выказывая чудеса пластической акробатики. В их шапки и чаши зрители

кидали монеты.

Играя роль Виолетты, я внимательно изучала освещенную огнем толпу, но не могла найти в массе людей знакомые лица. Я бросила взгляд на стоящих рядом Кыс и Реннера.

— Куда дальше? — спросила Кыс.

— Может, в «Известного лекаря»? — предложила я. — Или-

Кыс прервала меня, подняв свою худую руку, и кивнула в сторону. Она, как и предполагала Кара, оставалась просто Кыс, хоть и надела на эту вечернюю прогулку блестящий гермокостюм черного цвета. Она носила личину моей телохранительницы, поэтому ее обычное поведение полностью соответствовало роли.

— Стойте, — сказала Кыс.

Одна из носящих маску танцовщиц, самая гибкая и выполняющая сложнейшие гимнастические трюки, делала перевороты колесом рядом с нами и останавливалась для того, чтобы собрать монеты в свою оловянную чашу. Она приблизилась к нам, протянув чашу, и я увидела, что за маской скрывалась Кара.

— Монетку на удачу, монетку в благодарность? — спросила она, позвякивая чашей.

— Тебе повезло, — ответила Кыс.

Кара подмигнула мне из-под маски в виде головы лисы.

— Прислуживающий в «Гогах» мальчишка говорит, что Крукли старается не ужинать на свежем вечернем воздухе, — прошептала она, — и что он находит неучтивую толпу слишком шумной. Этой ночью Крукли отправился в «Пояс».

Я со звоном бросила в ее чашу пару монет.

— Благодарю Вас, распрекрасная мамзель! — громко крикнула Кара. — Да присмотрят за Вами ангелы Трона!

Она развернулась и поскакала прочь, кувыряясь колесом.

— «Пояс», — произнесла я. — Тот, что на улице Мерсайд, верно?

— Я знаю, где он, — сказал Реннер.

«Пояс» - а точнее говоря, «Пояс Ориона среди всяких звезд» - находился совсем недалеко от нас, и именно туда мы направились по людным улицам квартала. Реннер и Кыс, играющие роль телохранителей молодой красивой леди, шли, сохраняя бдительность: Кыс рядом со мной, а Реннер в нескольких шагах позади. Манжет я держала включенным, чтобы не мешать Кыс.

— Почему ты меня так не любишь? — спросила я Кыс, пока мы шагали.

— Я никогда такого не говорила, — ответила она. — Я в принципе не склонна сильно любить людей.

— Нет, это конкретная неприязнь ко мне, — произнесла я.

— Я никогда не встречала пустышек, которые бы мне нравились, — сказала Кыс. — Была у нас одна. Фраука. Мерзкая.

— Что с ней стало?

— Давно погибла, — ответила она.

— Так значит, дело в том, что у меня черная душа?

— И ты пыталась убить меня.

— Взаимно, но ведь это позади. Я не держу обиды, — произнесла я.

— Как и я, — сказала Кыс и взглянула на меня. — Но меня беспокоит твое прошлое, и я верю, что величайшая слабость Рейвенора - Эйзенхорн. А во всем происходящем ты явно представляешь Грегора.

— Он мертв.

Кыс пожала плечами.

— Старый ублюдок много раз избегал смерти, — ответила она, — поэтому поверю лишь тогда, когда увижу труп. И даже если он мертв, его наследие живет. В тех, кто верен делу Эйзенхорна. Вроде тебя. Вроде Нейла.

— Нейлу ты тоже не доверяешь? — поинтересовалась я. — Разве он не был твоим старым другом?

— Да, но...

Кыс осеклась.

— Что? — спросила я.

— Харлон долгое время был человеком Эйзенхорна, — задумчиво проговорила она. — Затем он, как и Кара, пришел в команду Гидеона. Харлон - хороший человек, и могу тебя заверить, хороший боец, но он стареет, становится медленнее, и теперь в нем нет прежней силы. Полагаю, нас можно назвать друзьями.

— Но?

— Когда Эйзенхорн вновь появился, Нейл вернулся к нему. Мне не нравятся те, кто может так легко менять повелителей.

— Кара-

— Кара не вернулась, — сказала Кыс. — Однажды присоединившись к Гидеону, она продолжает оставаться с ним, а я была с Рейвенором с самого начала. Но не Харлон. Он - крепкая зверюга, но метаться туда-сюда... Это говорит о слабохарактерности.

— Или о человеке, который разрывается меж двух владык, — возразила я. — Думаю, он верен им обоим, но их вражда поставила его в безвыходную ситуацию. Нейл вернулся к Эйзенхорну лишь по воле обстоятельств. Могу ли я предположить, имея на то все основания, что он служит лишь одному истинному повелителю... Не Грегору или Гидеону, а самому Трону?

Кыс фыркнула.

— Он - наемный меч, ты, дуреха, — произнесла она. — Кроме того, я верю лишь в то, что знаю, а к этому не относится какой-то далекий образ. Доверюсь я лишь тому, кому могу посмотреть в глаза.

— И как же ты смотришь в глаза Рейвенору? — спросила я.

Кыс нахмурилась.

— Все это для тебя еще в новинку, Биквин, — сказала она. — Тебе не приходилось шагать в мрачных местах, где бывали мы, и ты пока не усвоила один урок - доверие рождается лишь в невзгодах. Еще вчера ты была твердым приверженцем Когнитэ.

— Не была бы, если бы знала правду, — ответила я. — Но это странно. Мне говорили, что мы с тобой очень похожи. Обе сироты, рожденные с дарами, сделавшими нас отверженными, выросли в бесчеловечных сходах...

— Кара не имела права рассказывать тебе такие вещи.

— Это не Кара, — произнесла я. — Мне рассказал Харлон. Он говорил о тебе, когда мы впервые встретились. Тогда мы оба считали, что я убила тебя в Зоне Дня. Он оплакивал тебя, Пейшенс. Может, твои дружеские чувства к нему и охладели в эти дни, но он все так же сильно уважает и любит тебя.

Кыс ничего не ответила.

— Быть уверенной-, — продолжала я.

— В этой работе нет ничего, в чем можно быть уверенной, — прервала меня она. — Все вы находитесь под влиянием великого Грегора Эйзенхорна - ты, Нейл, Кара, даже Гидеон. Каждый из вас трепещет перед ним, но только не я. Лишь я одна смогу удержать вас на верном пути.

«Пояс» представлял собой просторную таверну, освещенную в основном светосферами и подвесными лампами. Здесь тоже было много народу, но гогот Крукли мы услышали даже на входе.

Он устраивал прием для своего узкого круга приближенных в отдельном боковом зале, где находилось около двадцати человек. Многих я не узнавала, но они явно были типичными дармоедами и паразитами, которых привлекала в Крукли его скандальная известность и кошелек Аулая. На этот вечер они стали друзьями печально знаменитого поэта, и это вызывало у них дарующую наслаждение дрожь с грешным волнением, ведь рядом с Крукли можно принять участие в обсуждении запретных оккультных тайн. Однако, более всего прочего, им нравился тот факт, что за их гулянку платил кто-то другой. Стол был завален остатками сытного ужина, а в зал вбегали прислуживающие девушки с новыми полными бутылками.

— Мамзель Флайд! — проревел Крукли, когда увидел меня в дверном проеме. Он уже был навеселе, а его рот блестел от жира, оставшегося после недавнего поедания бедра ганнека. — Уж слишком давно я не видел вас в нашей компании! Мы по вам скучали!

Крукли подошел ко мне, чтобы расцеловать в обе щеки, но подобного приветствия мне удалось избежать благодаря Кыс, вставшей между нами и посмотрела на Крукли, заставив того опустить глаза. В ее взгляде не читалось ни единого намека на презрение.

— А кто, — воскликнул совершенно не смущенный Крукли, все-таки подняв глаза на Кыс и силясь не

опускать их, — это очаровательное создание?

— Ее зовут Пейшенс, Озтин, — ответила я. — Она одна из моих телохранителей. Боюсь, мой муж уехал далеко по делам и настоял, чтобы я не выходила в свет без охраны. Думаю, не подобает молодой замужней леди ступать за порог без надлежащего эскорта.

— Совершенно верно, — сказал Крукли. — Даже если оставить в стороне приличия, на этих темных улицах можно повстречать самых отвратительных типов.

Он повернулся к Кыс, которая, как я и ожидала, полностью его очаровала. Я не сомневалась в ее красоте, но еще Кыс источала угрозу, и я знала, что это значило гораздо больше. У таких как Крукли милых девушек пруд пруди, но вот ощущение опасности и перспектива настоящего вызова приводили в восторг мужчин его трансгрессивного характера. Он тут же предложил Кыс бокал амасека и настоял на том, чтобы она села рядом с ним, после чего засыпал вопросами: где ее тренировали? Сколько искусств убийства она знает? Может ли она убить голыми руками? Со многими ли она так покончила? Все это время Крукли не сводил глаз с ее лица. Полагаю, он думал, что обольщает или завораживает Кыс с помощью некоего сверхъестественного дара, коим Крукли, по его собственному мнению, обладал, научившись ему у духов воздуха. В конце концов, он был колдуном с темными уловками и эзотерическими приемами секса и магии.

Конечно же, Кыс подыгрывала. Крукли не представлял для меня прямой пользы, так как он много болтал, особенно пьяным, и не говорил правды или чего-либо по существу. Его следовало отвлечь и чем-то занять, пока я работала.

Комната наполнилась людьми, большая часть которых смеялась и вела пустые разговоры. Я заметила Аулая, но тот тоже был для меня бесполезен, ведь он, как обычно, напился, да и в принципе много не говорил. Я протолкнулась мимо нескольких гостей и обнаружила строгого педагога Академии, Мэм Матичек.

— Моя дорогая, — сказала она и чмокнула меня в щеку. — Присаживайся со мной. Озтин говорит, что сегодня вечером он читает свои новые поэмы, оттого и столько шумихи, хотя, как мне кажется, грамматика вряд ли улучшилась с прошлого раза, а твоя девушка, судя по всему, задержала его еще сильнее.

Она многозначительно кивнула в сторону заполненного стола, где Крукли смотрел в глаза Пейшенс, пока та отвечала на его бесконечные вопросы. Я не сомневалась, что Кыс говорила одновременно и чарующе, и загадочно, и зверски бойко.

— Ты пришла одна? — спросила Мэм Матичек.

— Дэсам в отъезде, — ответила я.

— По работе?

— Иначе никак.

— И он предоставил тебе телохранителей?

— Едва ли я способна присмотреть за собой на улицах Волшебных врат, — сказала я.

На мгновение Мэм Матичек одарила меня взглядом, подразумевавшим, что она считала совсем иначе.

— Та женщина, — заметила она, — первоклассный телохранитель. Военная школа Раскалывателя? Или Агентство Странника?

— Дом Креспер, — произнесла я.

— Ох, они оказывают наилучшие услуги. И от этого второй выглядит еще более странно. Проклятый?

Реннер стоял у двери, не сводя с меня глаз.

— Да, верно, — ответила я. — Дэсам, конечно, забавный. Он думает, что обремененные становятся лучшими стражами из-за своего долга службы, и берет их к себе. Я предпочитаю соглашаться со взглядами моего мужа, да и этот человек уже почти как член семейства.

— Как его зовут? — спросила Мэм Матичек.

— Ну, — произнесла я так, как это сделала бы Виолетта, — я даже понятия не имею. Мы зовем его «Проклятый», а он отзывается.

Она налила мне в узкий бокал джойлика. Играя свою роль, я вела себя как человек, которым меня и представляла Мэм Матичек: богатая, скужающая и привилегированная молодая леди, развлекающаяся блужданием по дешевым кабакам вместе с щегольскими интеллигентами и псевдоэрудитами, что якобы обладали «тайным знанием».

— Сегодня отсутствуют некоторые лица, знакомые мне с последнего раза, — заметила я.

— Например?

— Мне очень понравился мистер Дэнс, — сказала я.

— А ты ему, — ответила Мэм Матичек. — Слышала, ты дала ему математическую проверочную работу.

— Ох, ничего столь официального, — произнесла я. — Мы просто говорили о числах, и я попросила его определить значение одного.

— С тех пор мы его и не видели, — сказала она. — Если верить Анвенсу, наш Фредди днем и ночью сидит взаперти как одержимый.

— Как жаль это слышать, — ответила я. — Я ведь не просила его решить какую-то задачу побыстрее.

— Увы, — произнесла Мэм Матичек, — но таков уж он. Его разум хрупок. Бедный Фредди. У него есть привычка ухватиться за что-то и превращать это в фетиш. Навязчивая идея, так будет правильнее. Фредди подвержен компульсивности. Анвенс говорит, что Фредди не оторвать от книг даже спиртным, он практически позабыл о еде или мытье. Признаюсь, моя дорогая Мэм Флайд, я очень рада видеть тебя сегодня вечером, ибо надеялась попросить об услуге.

— Конечно, — сказала я.

— Я подумала, может ты смогла бы прийти, допустим, завтра, чтобы мы посетили Фредди вместе? Анвенс может организовать встречу. Видишь ли, мне кажется, что если ты наведишь Фредди и послушаешь результаты его работы с четверть часа, выразив при этом удовлетворение, он может завязать со своей нынешней вспышкой одержимости. По крайней мере, ты облегчишь ему ношу. Возможно, Фредди вернется к нам, если будет думать, что должным образом удовлетворил просьбу прелестной юной леди. Я боюсь за его здоровье.

— Буду рада помочь с этим, — произнесла я. — Мне очень жаль слышать о том, что я выбила его из колеи подобной мелочью.

— Тогда завтра к четверем, — сказала она. — Во внутреннем дворе Академии. Полагаю, ты знаешь, где это?

— Да. Встретимся там.

— Как любезно с твоей стороны, — произнесла Мэм Матичек и достала из своего черного крепового кошелька небольшую серебряную коробочку, после чего передала мне аккуратно тисненую визитную карточку. — Я ценю это, ведь ты очень занятая юная леди. Если не сможешь прийти на встречу, отправь мне весточку, и мы ее перенесем.

Вскоре после этого подошел Реннер и отвел меня в сторону. Шумное веселье в зале продолжалось и было таким громким, что Лайтберну пришлось наклониться близко к моему уху и прошептать:

— Я видел его, — сказал он.

— Видел кого?

— Мужчину. Музыканта, — ответил он. — Коннорта Тимурлина. Ты говорила, что хочешь найти его.

— Где?

— Ну, снаружи, в главном салоне, он играет на клавире.

Мы вышли из отдельного зала. Я кивнула Кис, показывая, что отлучусь ненадолго, а ей следует оставаться с Крукли и занимать его.

Между залом и главным салоном располагалось узкое помещение для сервировки. Тут было прохладно, и мимо нас прошмыгивали торопящиеся официанты-разносчики. До моего слуха начали доноситься звуки из лежащего впереди салона - шум бара и прекрасная игра на клавире поверх него. Вариации Миланковича в ля мажоре.

Я остановилась и взглянула на Реннера Лайтберна.

— Что? — спросил он.

— Как ты узнал? — поинтересовалась я.

— Узнал что?

— Ты сказал, что увидел его, но ты раньше никогда с ним не встречался и не знаешь, как он выглядит.

Реннер пожал плечами.

— Инквизитор положил это сюда, — ответил он, постукивая пальцами по лбу. — Он увидел лица в твоих воспоминаниях и поделился ими со всеми нами, чтобы мы знали, кого следует искать. Тимурлин, этот парень Дэнс и все остальные примечательные личности в этой толпе, их лица просто высвечивались. Довольно жуткая вещь, скажу тебе. Мне не сильно нравятся эти связанные с псайканой штуки.

Реннер взглянул на меня и заметил мое настроение.

— Он не сказал тебе? — спросил Лайтберн.

Рейвенор ничего мне не говорил. Я бы не назвала его поступок именно злоупотреблением доверием, так как тут имелся смысл в плане эффективности нашей работы. Я полагала, что это являлось стандартной практикой для отряда Рейвенора: инквизитор привычно копировал визуальную информацию и вкладывал ее в разумы оперативников, чтобы все были осведомлены. Тем не менее, я не могла отделаться от чувства, что Рейвенор каким-то образом обманул меня. Я, образно говоря, впустила его в голову и стояла рядом с ним, пока он осматривался в комнатах разума. Теперь же Рейвенор делился моими мыслями с остальными без разрешения. Я задумалась, какую еще частичку меня он передал другим, и что еще Рейвенор мог сделать без моего ведома.

Я напомнила себе, что, вероятнее всего, это просто привычка и ежедневная рутина для столь могучего псайкера, а также работающих с ним людей. Я задумалась, устыдился бы Рейвенор, если бы узнал о моей обиде на его поступок, и принес бы искренние извинения.

Тем не менее, поступок инквизитора вызвал раздражение и пошатнул мое доверие к нему. Доверие, еще должным образом не окрепшее.

— Держись сзади и незаметно следуй за мной, — сказала я Реннеру.

Я толкнула толстые распашные двери и вошла в главный публичный салон «Пояса». Здесь было тепло, хорошо освещено и многолюдно, а в воздухе стояла вонь от дыма лхю и пролитого алкоголя. Небольшие столики размещались с одной стороны помещения, где все еще кормили горячим ужином. Ночная толпа стояла у длинного бара в четыре ряда, да и большую часть других барных столиков и кабинок занимали посетители.

В дальнем конце салона, за баром, я увидела старый клавир, стоящий перед альковом, который вел в погреб. За музыкальным инструментом сидел и играл Тимурлин, развлекавший небольшую толпу, что платила за его амасек. Музыка была прекрасна, даже несмотря на странные ноты, звучащие глухо из-за изношенных клавиш старого клавира.

Когда я встала сбоку от него, улыбнувшийся Тимурлин бросил в мою сторону короткий взгляд, ожидая увидеть очередного поклонника, после чего вновь удивленно посмотрел на меня и перестал играть.

— Мамзель! — сказал он.

— Мистер Тимурлин, — произнесла я с улыбкой. — Когда я услышала музыку, то сразу поняла, что это можете быть только вы. Тот самый Коннорт Тимурлин.

Он встал и поклонился.

— Прошу, не стоит прерываться, — попросила я.

— Я играю ради развлечения, — ответил он, улыбнувшись.

Я чувствовала, что он нервничает.

— И ради скромного вознаграждения, — сказала я и взяла одну из стопок с амасеком, выставленных в ряд на верхней части корпуса клавира слушателями Тимурлина. — Я искала вас, — продолжила я, делая маленькие глотки и не сводя с него пристального взгляда.

— Зачем, для чего? — спросил он.

Судя по его языку телодвижений, здесь крылось нечто большее, нежели простая нервозность или

удивление. Тимурлин носил зеленый костюм из ханимета и высококачественную накидку на одно плечо. Я внимательно осмотрела музыканта на предмет скрытого оружия, но ничего не обнаружила.

— Собиралась кое о чем спросить вас, — ответила я, — но совершенно забыла об этом в нашу последнюю встречу. Как там поживает Зоя?

— Зоя?

Я кивнула.

— Как она?

Его выражение лица изменилось, а взгляд стал жестким, как у человека, которого внезапно в чем-то уличили и приперли к стене.

— Я не знаю никакой Зо-

Я подняла палец и шикнула, после чего залпом выпила амасек и поставила на клавишную доску пустую стопку. Мои глаза не отрывались от глаз Тимурлина.

— Прошу, не надо, — сказала я. — Я не в настроении для игр в притворство. Мы оба в курсе, что вы знаете Зою. Так как она?

— А зачем вы спрашиваете? — боязливо спросил он.

— Мэм Тонтелл передает привет, — ответила я.

В этот момент Тимурлин набросился на меня и попытался убить.

ГЛАВА 16

О преследовании

Тимурлин попытался со всей силы врезать кулаком мне в голову.

Удар казался рискованным, как у отчаявшегося человека, но он не был необдуманным. Я уже сражалась раньше, и меня учили биться, поэтому я смогла разобрать движение Тимурлина, а также понять, что он ничем его не выдал – ни микровыражения тревоги, ни предшествующего напряжения или натянутых мышц. Тимурлин просто нанес удар, искусно и быстро. Я нырнула вниз так же стремительно, пытаюсь увернуться, но при этом была в замешательстве, ибо движение Тимурлина не походило на простой удар рукой, и уже тем более не походило на удар явно опытного бойца. Он будто бы сделал выпад мечом, целясь чуть сбоку от щеки. Но кто так бьет кулаком?

Это произошло в один кратчайший миг, но сейчас я передаю случившееся так, словно Тимурлину для удара потребовалось в сотню, возможно и в тысячу раз больше времени. Нет, он был быстр, и мне едва удалось увернуться.

А избегая удара, я нашла ответ на свой вопрос.

Клинок меча пронесся мимо моей головы и глубоко вонзился в бок старого клавира. Удар покачнул музыкальный инструмент, отчего стоящие наверху стопки с амасеком опрокинулись.

Полсекунды назад Тимурлин не держал никакого меча, он не мог нигде его спрятать. Оружие просто появилось в его хватке.

Я знала, в чем тут дело, и поняла, кем являлся музыкант.

Мне не оставалось ничего иного, кроме как броситься в сторону, когда Тимурлин вырвал клинок из деревянного корпуса и вновь попытался поразить меня рубящим ударом. Мне пришлось крутануться, чтобы избежать попадания, а затем отступить вбок, уклоняясь от третьего удара. Меч – прямой кутро с метровым клинком – рассек шелк и кружева моего подола с подъюбником. Толпа кричала и отходила назад, а некоторые выронили стаканы из рук. Я снова юркнула в сторону, и кончик стремящегося к моей плоти лезвия пробил спинку пустого кресла. Тимурлин шел прямо на меня, и, так как я не могла парировать удары, мне нужно было создать себе свободное пространство. Я схватилась за край небольшого круглого стола и швырнула его в Тимурлина, в которого полетела и стоявшая на столешнице выпивка. Мужчина отпрянул назад, упершись спиной в клавир. Стол купил мне секунду, чего хватило для того, чтобы я скрестила руки и расстегнула ножны слук на предплечьях. Когда Тимурлин вновь набросился на меня, я стремительно развела руки в стороны, и под воздействием гравитации ножи выскользнули из рукавов и оказались в моих ладонях. Выпад Тимурлина я отклонила клинком в правой руке.

Мой противник оказался непреклонен. Он стремился убить меня и не отступил бы даже теперь, когда его цель держала в руках оружие. Тимурлин рубил и колол со всей силы, выказывая отменное мастерство и потрясающую скорость. Теперь же я держалась близко к нему, сокращая дистанцию и стремясь контролировать как пространство, так и клинок Тимурлина. Я парировала удары либо левой слукой, либо правой, либо же двумя одновременно, скрещивая их буквой V. Иногда я просто уклонялась в сторону с линии атаки, насколько это позволяло платье Виолетты.

Тимурлин продолжал наседать, несмотря на неодобрительные выкрики собравшейся в таверне толпы. Людей поразило то, что он столь свирепо напал на прекрасную молодую леди, но они слишком боялись получить ранение, чтобы вмешиваться.

Тимурлин стремился убить меня, потому что он служил Когнитэ, а его меч, возникший из ниоткуда, будто бы призванный магией, был мерцающим клинком. Прежде я не видела подобного оружия, но читала о нем. В Зоне Дня наставник Саур предупреждал нас о существовании этой редкой угрозы. Ножнами для таких клинков служило то, что, как я знала, называлось пространство-экстимате. Призываемые своими хозяевами, они переходили из карманного пространства в материальный мир. Конечно же, согласно рассказам Саура, ими пользовались перфекти, «верховная стража» Ордосов, в рядах которой служили специально обученные телохранители-убийцы, защищающие высокопоставленных особ Инквизиции.

Однако теперь я знала – в историях Саура все перевернуто с ног на голову. Перфекти, что бы это не значило, являлись элитой Когнитэ, а не Ордо.

Поэтому, в тот бешеный миг я со всей уверенностью считала Коннорта Тимурлина членом Когнитэ и одним из лучших душегубов этой организации.

Я не ударила перед ним в грязь лицом, ведь меня тоже обучали Когнитэ. Мои ножи полосовали меч Тимурлина и сталкивались с ним, я блокировала и отражала все удары противника, либо же отводила их

в сторону, обхватывая клинок слуками. Я не отступала, завоевывала пространство и использовала обе руки с ножами, чтобы контролировать меч Тимурлина, а также выискивая возможность закончить поединок одним-единственным движением. В какой-то момент я была почти благодарна ненавистному Фаддею Сауру за то, что он так хорошо обучил меня. Моя упорная оборона явно беспокоила Тимурлина, так как я дала гораздо более серьезный отпор, нежели тот, что он ожидал. Тимурлин планировал совершить быстрое убийство и рвануть к выходу из таверны, дабы затем раствориться в ночи, но теперь он оказался зажат, ввязавшись в ожесточенную борьбу. Сейчас он жалел о том, что вообще решил ее начать.

Я услышала крики Реннера. Он устремился вперед в тот же момент, как Тимурлин атаковал меня, однако, чтобы добраться до нас, ему приходилось проталкиваться через ошеломленную толпу.

Тимурлин тоже услышал Лайтберна. Мой противник отвлекся и метнул взгляд в сторону, оценивая расстояние до второго нападающего. Я тут же бросилась на Тимурлина, отбросила его меч вверх ударом правой слуки и резанула по боку левой.

Тимурлин вскрикнул и каким-то невозможным образом мгновенно взял свой меч обратной хваткой, после чего ударил им сверху вниз как кинжалом, задев мое правое плечо. Боли я не ощутила, но по руке сразу же потекло что-то горячее.

К тому моменту Реннера уже утомило нежелание толпы расступаться перед ним, поэтому он достал пистолет и выстрелил в потолок. Звук выстрела оказался оглушительным, словно кто-то дал орудийный салют, и вниз хлынул небольшой водопад из штукатурки увлекший за собой одну из подвесных ламп. Завсегдатаи «Пояса» в ужасе разбежались, опуская головы и вопя, а двое мужчин перескочили через бар, ища укрытие.

— А ну не двигайся, черт возьми! — крикнул Реннер, целясь из пистолета в Тимурлина посреди внезапно опустевшего салона.

— Пошел ты на хер, Проклятый! — проревел Тимурлин, разворачиваясь для нападения.

— Ты первый, — ответил Лайтберн и выстрелил.

Реннер хорошо прицелился. Пуля бы попала моему противнику в грудину и разорвала позвоночник, но Тимурлин - сейчас, прокручивая ту сцену в голове, я прекрасно вижу, настолько эффектным и невероятным оказалось произошедшее - Тимурлин развернул меч на сто восемьдесят градусов и отбил пулю прежде, чем она достигла цели. Пуля с щелканьем отлетела в сторону и, завертевшись, разломала полку с бутылками за баром.

Затем, затем, Тимурлин оказался на улице. Он бросился бежать, словно испуганный жеребенок, выбив оказавшиеся на его пути парадные двери «Пояса». Подобрал полы платья, я бросилась в погоню, а Реннер - вслед за мной.

— У тебя порез! — завопил он.

— Заткнись! Куда он побежал?

Ночь была холодной, а улица - темной и безлюдной, даже несмотря на озерца света от фонарей. Как ему удалось исчезнуть столь же волшебным образом, каким материализовался его мерцающий клинок?

— Туда! — крикнула я.

На камнях для мощения виднелись пятна крови. Мне удалось ранить Тимурлина в бок, и теперь он оставлял за собой след. Я вновь сорвалась на бег, но затем остановилась и слухами рассекла изорванное платье Виолетты, после чего отбросила его прочь. В одном лишь гермокостюме, свободная от веса и объема шелка с кружевами, я двигалась гораздо быстрее.

Мы добрались до угла улицы, где Мерсайд переходила в улицу Кавалерийского Парада. Я и Реннер бежали по обеим сторонам пустой улицы, выскивая другие характерные пятна крови, а я, в свою очередь, оставляла за собой собственный след. Меч разрезал платье с гермокостюмом и рассек мягкие ткани моего правого плеча. Рука стала тяжелой и теперь начинала неметь, а с кисти на землю падали капли крови.

Остановившись у общественной водокачки на Кавалерийском Пересечении, мы посмотрели направо и налево.

— Вообще без понятия, — сказал мне Реннер.

Между нами возникла тихая как кошка Кыс.

— Ну что? — потребовала она.

Серебряные кинь-клинки Кыс парили по обеим сторонам от нее словно нектарные птички.

— Тимурлин, — ответила я.

— Это он тебя так? — спросила она.

— Да. Он из Когнитэ.

— Гидеон! — рявкнула Кыс.

В наших головах раздался голос Рейвенора.

+ Поворачивайте налево. Он убегает к Святому Каллеану. +

Мы сорвались на бег. Я поняла, что Кыс едва касается земли и быстро опережает нас. Поддерживаемая своей телекинетической силой, она мчалась так, словно скакала по поверхности какого-то мира с невесомостью.

— Разве ты не можешь повалить его? — крикнула Кыс.

+ Он укрыт. Возможно, у него своего рода манжет. Однако я могу считывать его тепловой след. Он снова повернул влево, теперь на Малую Чарующую улицу. Мы близко. Отрежем ему все пути. +

Мы пробежали мимо ступеней Молитвенного дома Святого Каллеана и спустились по мощеному склону Малой Чарующей. Поздние кутилы у уличных таверн с недоумением смотрели за тем, как мы проносились мимо них.

+ Он развернулся. +

Тимурлин вынырнул из темноты и попытался вонзить клинок в Кыс, но та увернулась от удара мечом, подпрыгнув на два с половиной метра и почти зависнув в воздухе. Она перевернулась боком в сторону, после чего кинь-сила опустила ее на землю за спиной Тимурлина.

Запыхавшийся Реннер впечатал кулак в лицо Тимурлина. Тот попятился назад и боком рухнул на

каменную поилку.

— Не стоило утруждаться, — сказала Кыс Лайтберну.

Она взглянула на Тимурлина и подняла его силой разума, после чего швырнула в стену лавки хлеботорговца, выбив воздух из легких перфекти. Когда тот начал сползать вниз, двойные кинь-клинки Кыс со свистом рассекали ночной воздух и пришили Тимурлина к стене, пронзив его рукава.

— Мы его взяли, — сказала она.

Однако это оказалось не так. Тимурлин словно иллюзионист выскользнул из пиджака, накидки и рубашки, вырвавшись на свободу. Одежда оставалась пришпиленной к стене, но ее владелец буквально через секунду исчез в зеве переулка.

— Надо было втыкать их ему в руки, а не в одежду, — сказал Реннер Кыс, хотя слабая дрожь в голосе выдавала его обеспокоенность пугающими дарами женщины.

— Ха-ха, — ответила Кыс и вновь сорвалась на бег, бросившись вслед за Тимурлином в неосвещенный проход. Со звяканьем вырвавшись из кирпичной кладки и позволив рубашке с пиджаком Тимурлина упасть на землю, кинь-клинки полетели следом за Кыс словно охотничьи псы.

Впереди мы увидели силуэт Тимурлина, перемахнувшего через высокую деревянную ограду. Кыс с легкостью запрыгнула на изгородь, и, стоя на ее вершине словно канатоходец, устремила взгляд вниз, на противоположную сторону.

— Ох, ну ты и безмозглый придурок, — услышала я ее слова.

Мы перелезли через ограду и увидели Тимурлина, лежащего на спине среди навоза и мусора очередного заднего двора. Его глаза были открыты, а в сердце зияла рана от меча.

Над ним стоял Саур, держащий в руке салинтер.

— Что? — сказал он нам. — Вы же его видели, у него меч.

Появился Рейвенор в окружении мрачных Нейла и Кары. Саур начал протестовать и говорить, что у него не оказалось выбора, но Кыс сказала ему заткнуться.

— Ты совершил ошибку, Саур, — передали транспондеры голос инквизитора. — Мы хотели взять его живым, а теперь он нам не ответит.

— Прошу прощения, сэ, — хмуро ответил Саур. — Он держал кутро и-

— Удобный повод, — начала я, — чтобы заставить его замолчать и не выдавать секреты Когнитэ.

— А теперь слушай сюда, ты, мелкая тварь, — рявкнул он, поворачиваясь ко мне. — Я просто сделал, что мог. Не начинай обвинять меня в каких-то...

— А почему нет? — спросила я.

— Я не замешан в этом! — возразил Саур. — Я даже не знал его! Не знал его лица! Я просто пытался помочь-

— Твои действия мы обсудим позже, — сказал Рейвенор.

— И сейчас же убери этот меч, — произнес Нейл.

Кара вышла вперед осмотреть мою рану и уже собиралась оторвать от гермокостюма лоскуты, чтобы забинтовать ее.

— Не нужно, — сказала Кыс. Ее губа дернулась, и почувствовала, как телекинетическая сила сдавила края моей раны и сомкнула их. — Я остановлю кровотечение, а ты сможешь забинтовать рану, когда мы вернемся.

Я взглянула на тело Тимурлина.

— Мы еще можем узнать его секреты, — произнесла я.

— И как же? — поинтересовалась Кара.

— Так же, как Грегор узнал секреты Мэм Тонтелл, — ответила я.

Они взглянули на меня.

— Нет, — сказал Нейл.

— Харлон, ты же сам говорил, что так можно, — произнесла я. — Ты видел, как Грегор делал это, и он занимался подобным много раз. Грегор обладал умениями для этого, и, я уверена, Гидеон тоже.

— Я не люблю практиковать такие техники, — ответил Рейвенор.

— Готова поспорить, вы уже пробовали подобное прежде, — сказала я. — Нужда заставляет. Ничего из того, что мы делаем здесь, на Санкуре, нельзя назвать ортодоксальным или безопасным.

— Даже если так, — произнес Нейл, — в последний раз... Я имею в виду, когда этим занимался Грегор, цену пришлось заплатить кошмарную. Советую отказаться от подобного представления. Мы и понятия не имеем, какие опасности можем на себя навлечь.

— У Грегора получилось, — повторила я. — И, как мне часто напоминали, Гидеон в разы превосходит его по части использования псайканы. Он - сильнейший псайкер в рядах Ордо.

Я перевела взгляд на Кресло.

— Тем не менее, вы, кажется, сдерживаете себя, — продолжила я, — и крайне редко используете свои дары для чего-то, что соответствовало бы их потенциалу. В чем дело, Гидеон? Вы боитесь сами себя?

— Эй! — в ужасе воскликнула Кара.

— Бета всего лишь пытается подначить меня, чтобы я следовал определенному курсу действий, — сухо произнес Рейвенор. — Грубое психологическое воздействие. Я одновременно обижен и изумлен. Оскорбление моей гордости не сработает, Бета, как и провокация, чтобы заставить меня выставить напоказ свои силы. Я сталкивался кое с чем и похуже.

— Не сомневаюсь, — сказала я. — Но назовите мне хоть одну вескую причину, почему вам не придется этого делать.

ГЛАВА 17

Откровение шепчущего мертвеца

В безмянном доме царил тишина.

Когда то, что некогда было Коннортом Тимурлином заговорило, его слова вышли с невольным порывом дыхания, напоминающим сухой хрип сжимающихся старых мехов из кожи или порывистый поток воздуха под плохо пригнутой дверью.

Гидеон спросил его имя.

— Коннорт Тимурлин, — произнесло дуновение. — Тот самый Коннорт Тимурлин.

+ Эта личность была ролью. Я имею в виду настоящее имя. +

Пламя свечей, расставленных вокруг трупа определенным узором, колыхнулось в противоположную от мертвого Тимурлина сторону. Такое чувство, словно внутри холодного тела гулял слабый ветер.

— Не заставляй меня говорить его тебе, умоляю, — прошептал голос мертвеца.

+ Боюсь, ты должен. +

— И я тоже боюсь. Тут темно, я не знаю, где нахожусь, не могу найти выход.

Меня сильно взволновали слова о сумрачном царстве смерти от того, кто лицезрел его. Голос был до ужаса растерянным и огорченным. Хоть он и описал так мало, но это всколыхнуло в моей голове слишком много воспоминаний о том, что я чувствовала в Подземелье, пока искала Лайтберна, напомнило о тьме, где я была заточена словно в тюрьме без всякого намека на положение в пространстве. Тогда я лишилась самоощущения и способности видеть, мне казалось, что моя связь с миром разорвана навсегда. Надежда, зрение, цель - не существовало абсолютно ничего. Вспомнив о том страхе, я понадеялась, что смерть не походила на нечто подобное.

Я, как и все остальные, не сомневалась - однажды наступит день, когда мы узнаем это сами.

Было поздно, или же, иначе говоря, до ужаса рано: стояла глубочайшая ночь, а до первого проблеска зари оставалось еще два часа. Нейл настоятельно советовал подождать и провести спиритический автосеанс вечером, чтобы мы успели отдохнуть и подготовиться, но Гидеон возразил ему, аргументировав это тем, что по прошествии времени в остывающем теле Тимурлина остается все меньше его сущности. Если мы надеялись получить разборчивые ответы, то нам следовало действовать без промедления.

Мы перевезли тело в безмянный дом Рейвенора в районе Волшебных врат и положили его на каменные плиты старой комнаты для хранения документов - крупнейшего помещения в деревянно-кирпичной секции доорфеонской эпохи, находящегося в западном конце здания и практически неиспользуемого. Нейл с Реннером очистили комнату от пыли и паутины. Кара и Кыс, следуя указаниям Гидеона, начертили по краям помещения некие символы с помощью мела и мелкозернистого песка, а также расставили новые свечи, оставляя между ними выверенное расстояние. Шторы мы закрыли, после чего на оконных рамах, дверях и даже на камине висели обереги в виде трав, таких как смертельный ясменник, вяжущая живица, ферула вонючая и розмарин. Помимо них мы нарисовали мелком

окультурные знаки и принесли латунные чаши с ладаном из шэловой смолы. Мне поручили взять черные ленточные бантики и привязать ими побеги вишни-ламмаса и горакса к дверным ручкам да защелкам оконных рам.

Как только приготовления завершились, Гидеон приказал всем, за исключением Кары и меня, уйти в самый дальний восточный конец довоенной части дома и запереть двери на засов. Возвращаться им следовало лишь по непосредственной команде инквизитора. Они должны были игнорировать любые шумы или странные явления, а также не отвечать на стук в двери до тех пор, пока не взойдет солнце.

Мне и Каре он сказал тщательно помыться и одеться в чистые одежды, белые или неокрашенные, без каких-либо других цветов. Нам предстояло помогать Гидеону. Кару он выбрал из-за того, что она не обладала даром псайканы, который могла бы использовать какая-нибудь сущность, а еще ее было легче всего «беречь» в случае необходимости. Ну и, конечно же, Гидеон, по моему мнению, доверял ей более всех остальных и считал Кару самой стойкой и надежной.

На меня же выбор инквизитора пал, в основном, из-за того, что именно я настаивала на проведении сеанса, хотела лично лицезреть его и принимать в нем участие. Однако я также являлась мерой предосторожности. Настройки манжета были выставлены так, чтобы устройство ограничивало меня, но я в мгновение ока могла изменить их в том случае, если бы для остановки сеанса потребовалась гасящая сила неприкасаемой.

Прежде чем спуститься к Гидеону, я открыла в своей спальне маленькое окно. Кровь, пролитая мною ранее ночью из-за мерцающего меча Тимурлина, призвала Комуса, что вызвало у остальных членов группы беспокойство. Я заверила ангела, что все хорошо, и наказала ему ждать.

Открыв небольшое окно, я обнаружила Комуса, забравшегося на плиточный карниз снаружи. Тень от покрытой коньковой черепицей крыши скрывала ангела от взора людей на улице.

— Тебе ранили, — произнес он. — Я почуял это.

— Получила порез в битве, — сказала я ему. — Сейчас рану уже прочистили и перевязали.

— Должен ли я найти и убить ответственную за это душу?

Его голос был мягким, а сам Комус являл собой белоснежную фигуру во тьме, чем напоминал крупную глыбу айсберга, чей силуэт вырисовывался в орудийном порте плывущего в полночь корабля.

— Виновник уже мертв, — ответила я. — Мы вот-вот проведем псайканический допрос. Возможно, ты захочешь улететь отсюда. Боюсь, ритуал может встревожить тебя.

Я не намеревалась всерьез судить об устойчивости разума ангела, но меня беспокоила вероятность того, что выносы псайкерской силы Гидеона могли взбудоражить Комуса. Это стало бы очень несвоевременно.

— Я останусь, — произнес он.

— Тогда будь снаружи, Комус Ноктюрнус, и продолжай прятаться. Следи за домом, но не входи. Если ситуация осложнится, прошу тебя, улетай и жди, пока я вновь тебя не вызову.

Нечеткая бледная фигура во тьме кивнула.

— Но если ситуация осложнится..., — начал он.

— Тогда я тебя позову, — сказала я. — В этом случае ты можешь войти, но подобной необходимости не возникнет.

— Да будет так, — ответил ангел.

Я уже собиралась закрыть окно, когда мне на ум пришел вопрос. Сейчас мне впервые представилась возможность задать его. Прошагав обратно в комнату, я достала общую тетрадь.

— Знаешь, что это за число? — спросила я, высываясь из окна и показывая ему внутреннюю обложку.

— Число, вот здесь, ну или написанное под ним имя?

Он взял у меня книгу своими огромными руками, в которых она выглядела словно маленький песенник или буклет. Во тьме ночи я мало что видела помимо призрачного силуэта ангела, но вот его зрение, очевидно, было лучше моего.

— Нет, — ответил Комус. — Я не знаю ни имени, ни числа.

— Но ты можешь прочесть их?

— Да, — сказал он и взглянул на меня. — Я и не знал, что могу читать.

— Можешь прочесть текст? — поинтересовалась я. — Основное содержание книги.

Ангел медленно перевернул несколько страниц.

— Нет, — произнес он после секундного размышления. — Однако я знаю шрифт, — добавил Комус. — Я не могу прочесть или осмыслить эти символы, но узнаю их. В том месте, где меня заковали в цепи, во тьме под миром, использовался такой шрифт.

— Использовался? Как?

— Я мало что помню, — ответил ангел, — но символы мне известны. Их использовали для образования хексов, что сковывали нас и заставляли служить. Язык повеления. Прости, больше я ничего об этом не знаю и не могу сказать тебе, о чем говорят слова.

Он вернул мне книгу.

— Спасибо, — произнесла я. — А теперь запомни... Если ситуация выйдет из-под контроля - не входи. И если ты вдруг ощутишь беспокойство, то уходи отсюда и жди до тех пор, пока я вновь не позову тебя. Гидеон знает, что делает.

— Если таков твой приказ, нуль, — сказал Комус.

Я закрыла дверь. Когда я отправилась в нижнюю часть здания, ангел, напоминающий едва заметного призрака, все еще ждал на своем месте.

Я уверена - Гидеон Рейвенор знал, что он делает. Его психические способности колоссальны, и даже Грегор говорил о них с трепетом. В очередной раз я задумалась, почему Рейвенор использовал свои силы столь скупно и по большей части на то, что казалось скромными или рутинными задачами. Обладая такими могучими дарами, вне всякого сомнения ниспосланными Самим Богом-Императором, он определенно мог сокрушить любого врага, еретика и противника Империи. Была ли я права, когда думала, что он боится собственной мощи?

По крайней мере, мне удалось его поддеть, ведь Рейвенор согласился провести спиритический сеанс, хотя, как мне казалось, на это он пошел осознанно и из собственных соображений. Когда мы с Карой пришли к нему в комнату для хранения документов, я начала понимать некоторые сомнения, которые питал инквизитор.

Его кресло стояло лицевой стороной к ступням подготовленного тела. Рейвенор был погружен в размышления, и, возможно, читал собственные умеряющие литании, чтобы приготовить разум к спиритическому сеансу. В комнате стояла странная тишина, казалось, приглушившая даже фоновый шум нашего дыхания и шагов. Это тоже напомнило мне о подземном мире склепа. Мы закрыли двери, после чего проверили, все ли обереги и тотемы на месте. Белой восковой свечой Кара запалила одну за одной стоящие на полу свечи, а красной я разожгла ладан в чашах.

Воздух наполнился теплым пряным запахом шэлла, а в полумраке возникла туманная завеса плывущего голубого дыма.

Коннорт Тимурлин, мертвый вот уже как четыре часа, смотрел в потолок. Его кожа имела сходство с белым мрамором, а из-за штанов труп напоминал изваяние на крышке гробницы-темплума, некий высеченный образ, увековечивающий память о какой-то древней важной особе. Следуя указаниям Рейвенора, Кара нарисовала пеплом определенные символы на щеках, лбу, груди и ладонях Тимурлина. Я не понимала ни этих рисунков, ни знаков, начертанных на полу, ни даже узора, образованного стоящими свечами, но что-то в их очертаниях и симметрии беспокоило меня. Кара сказала, что наше мероприятие будет исполнено согласно древним знаниям, содержащимся в «Малус Кодициум» – старинном томе с исписанными мерзостью страницами. Некогда им владел Грегор Эйзенхорн, а отрывки из него хранились в банках данных кресла Гидеона.

То было демоническое ремесло, варп-знания. Теперь я видела и это, и различия между Грегором и Гидеоном, что лежали за пределами очевидного. Гидеон, прежде всего, являлся человеком науки, ученым просвещения и технаучных познаний. Он ступал узкой, но ярко-золотой тропой, ведущей от подножия Святого Трона в будущее, путем, освещенным гениальностью и постижением. Каждый раз, как Рейвенор сбивался с золотого курса и уходил во тьму, за этим всегда следовало несчастье.

Грегор, великий наставник Гидеона, выбрал иной путь – он шагал в темные места, возможно, с самых первых дней своей карьеры. Эйзенхорн сознательно ушел во тьму, где договаривался, вел дела и боролся с адскими созданиями, что там обитали. Зачастую он крал секреты этих существ и обращал против них их же приемы.

Наше предприятие, спиритический автосеанс, лежало слишком близко к царству мистического, предпочтению которому отдавал Грегор. Оно относилось к варпу – вещи столь могучей и ужасной, что ни один человек, даже постчеловеческий чемпион вроде Рейвенора, не мог надеяться контролировать ее или победить. В тех нескольких случаях, когда Рейвенор напрямую сталкивался с той темной беспредельностью, она едва не одолевала его, и почти всегда это случалось, когда Гидеон следовал по пятам за Эйзенхорном.

Наша работа отдавала магией, некромантическим любительством. От нее разило запретным знанием, бредом безумных еретиков и обреченных колдунов. Здесь не было ни холодной науки, ни золотого пути, ни заслуживающих доверия фактов или истинного познания. Рейвенор боялся и презирал это. Он знал, сколь притягательными могли быть подобные вещи, сколь заманчивыми и вызывающими привыкание. Гидеон прекрасно понимал, что все легко могло пойти не так и обернуться ужасными последствиями. Он знал – баловство подобным было спесивостью, а попытка сыграть во власть над бесконечным и

непокорным – началом спуска в темную яму, откуда никто не возвращался.

Существовала черта, за которой ожидало безумие и проклятие. За время своей работы Гидеон несколько раз пересекал ее, и всегда против воли либо же будучи загнанным в угол. Грегор же каждый день своей жизни пересекал эту черту по собственному желанию и охотно.

Два инквизитора представляли собой Империум и его невозможный баланс. Познание и использование варпа жизненно важно для выживания человечества; глубокое познание или частое использование... это искушение судьбы и риск уничтожения нашего вида.

Мы встали за креслом Рейвенора, по обеим сторонам. Тишина висела в комнате, словно густой туман.

+ Говори, Коннорт Тимурлин. +

Долгое время ничего не происходило, и Рейвенор несколько раз повторил свой телепатический призыв. Затем пламя свечей начало танцевать и подрагивать, после чего инквизитору ответил скрипучий голос.

+ Назови нам свое настоящее имя. +

— Умоляю тебя, не проси меня об этом.

+ Тогда скажи, кому ты служишь? Пойми, Коннорт Тимурлин, начертанные на тебе символы не позволят сказать ничего, кроме правды. Твоя душа связана. +

— Моя душа потеряна, — ответило дуновение. — Потеряна и проклята. Я ведь мертв, да?

+ Мертв. +

Из глотки мертвого вырвался удушливый хрип. Я задалась вопросом, мог ли он видеть. Глаза Тимурлина были открыты, но не мигали. Я бросила взгляд на Кару и увидела, что она внимательно наблюдала за телом, а на поясе сбоку у нее висел мерцающий клинок убитого. Согласно учению из книги, оружие мертвеца – это самый действенный способ убить его вновь. Я задумалась, кто первым обнаружил это и при каких обстоятельствах, но от подобных мыслей мне стало неудобно. Мне едва удалось сдержать смех, вызванный тем, что наши нервы были на пределе. Сейчас не время для веселья.

— Я служу Когнитэ, — прошептал труп. — Служу единственной истине.

+ Ты тот, кого они называли перфекти? Один из группы воинов Когнитэ. +

— Да.

+ Подобных тебе немного. Судя по всему, Когнитэ предпочитают пользоваться услугами профессиональных компаньонов и наемных мечей. +

— Ныне таких, как я, мало, — ответил шепот. — Но когда-то было много. В дни далекого прошлого, перед Крестовым походом и Великой Ересью, перфекти представляли собой тайную армию. Однако наши ряды поредели.

— Значит, теперь, в эту эпоху, перфекти – ценный ресурс, — сказала Кара, — используемый лишь для особых миссий?

Было странно впервые слышать ее речь, но Рейвенор сказал нам в меру разбить допрос между всеми тремя, ибо мертвец, с которым устанавливался контакт, мог выработать сопротивление к одному

повторяющемуся голосу. Мы узнаем больше, если станем задавать вопросы разными голосами.

— Это так, — ответил труп.

— В чем заключалась твоя особая миссия?

— Я был личным стражем моей госпожи, являющейся высокопоставленным членом ордена Когнитэ.

Я шагнула вперед.

— С ней я видела тебя той ночью у салона Ланмюра?

Он не ответил.

— В ту ночь погибла Мэм Тонтелл.

— Да, — произнес Тимурлин с невольным вздохом.

+ Значит, это ты и твоя госпожа организовали случившееся с Мэм Тонтелл? Использовали ее для передачи сообщения? +

— Да. Мы не осмелились действовать открыто и решили сделать из Мэм Тонтелл невольного посредника, чтобы определить вашу готовность к разговору. Но... все пошло не так. Королю стало известно о наших усилиях, и Восемь пришли заткнуть нас.

— Зачем вы хотели связаться-, — начала Кара.

+ Есть вопрос получше - с кем вы пытались связаться? +

— Со мной? — спросила я.

— С тобой... Да. Если конкретнее, то с Эйзенхорном.

+ Для чего? +

— Надеялись, что он сможет помочь нам или встанет на нашу сторону.

Мы с Карой обменялись недоумевающими взглядами.

+ Высокопоставленный член Когнитэ хотел установить контакт с инквизитором и попросить его о помощи? +

— Нет. С Эйзенхорном.

Я кивнула.

— Вот почему ты пытался убить меня, верно, Тимурлин? Вы обратились к нам с Эйзенхорном, но теперь его нет, а ты знаешь, что я заодно с Рейвенором. Когда мы вновь встретились этой ночью, ты решил убить меня и сбежать, так как сейчас я служу Ордосам.

— Да.

Я старалась говорить без тревоги в голосе. Это означало, что, несмотря на все мои усилия, за мной все время следили. Кроме того, слова Тимурлина явили разительное отличие и болезненное напоминание: Когнитэ считали Рейвенора настоящим инквизитором, а потому боялись и остерегались его. Инквизиция

всегда была их врагом.

Однако Грегор Эйзенхорн, пусть он и охотился на Когнитэ, возможно, беспощаднее и упорнее любого человека за последние несколько веков, больше не был в их глазах представителем Инквизиции. Он виделся им врагом, может, бедствием, но при этом они чувствовали, что могут иметь с ним дело.

И Тимурлин мог понимать, почему.

— Думаешь, с Эйзенхорном удалось бы договориться?

Мертвец ответил шепотом на выдохе.

— Пред лицом общего врага.

+ Кто этот враг? +

Тишина, а затем ответ, слившийся в единый звук.

— Желтый Король.

Какое-то мгновение мы молчали. Кара взглянула на меня, и в ее глазах читалась тревога.

+ Когнитэ служат Желтому Королю +

— Не служим. Мы помогали ему долгое время, но не в качестве слуг.

— Объяснись, — сказала Кара.

— Его цель, — вздохнул труп, — его миссия... Очень долго казалось, что она совпадает с нашей. Общее стремление. Мы работали вместе на протяжении длительного времени, предоставляя наши таланты и секреты, чтобы помочь достигнуть этой цели. Долгое время. На протяжении всех веков, что жили звезды.

+ Как долго? +

— Столетия и больше. Наш проект длился почти столько же, сколько существует Империи.

— И теперь у вас случилась размолвка? Вы с ним не в ладах? — спросила я.

— Король всемогущ. Мы помогали ему на каждом шаге пути, но он истощил нас, отнял все ресурсы, забрал каждый секрет. Больше Король не нуждается в Когнитэ. Мы полагали, что он оплатит древний долг перед нами, уважит наш многовековой изнуряющий труд ради него. Мы думали, он будет держать нас рядом и вознаградит нашу верность, поделившись своей властью, как подобает великодушному королю. Вот что он обещал нам. Король почти осуществил свою цель. Пыльный Город возведен, а воинства Короля собраны. Близится час его триумфа. Вселенная, которую мы с вами знаем, вот-вот изменится навсегда. Но он изменил своему слову. Король оставил всю силу себе, всё влияние и власть, каждую тайну и инструмент превращения, все поводы и сбруи Пандемониума. Он отстранился от нас. Теперь мы мало чем ему полезны.

+ И это неприемлемо для Когнитэ? +

— Это не то, — донесся шепот, — что он обещал нам. Цель всегда заключалась в том, чтобы переделать Империи, отстроить его заново, уничтожить то посмешище, которым является Труп-Бог, и начать все заново ради величия человечества. Сделать Империи таким, каким он должен быть, а не таким, каким

его задумал нетерпеливый и заносчивый Ложный Император.

Шепот утих, а труп на каменных плитах легонько вздрогнул. Когда голос зазвучал вновь, это был сухой и едва слышимый скрежет, напоминающий перемешивание листьев.

— Но этого... этого Королю в Желтом мало. Он хочет большего, желает заполучить еще более существенный приз. Мы дали ему все необходимые ключи для того, чтобы добыть его, а он отгородился от нас. Наши стремления более не согласованны. Что еще хуже, Король подвергает нас репрессиям, если мы возражаем ему. Он очищает свой пыльный двор от высокопоставленных членов Когнитэ, лишает нас покровительства, выслеживает и убивает любого, кто осмеливается противостоять ему. Когнитэ раздроблены, нас преследуют и Инквизиция, и Желтый Король.

— Вот почему вы пытались наладить контакт с Эйзенхорном? — спросила я. — Видели в нем потенциального союзника?

— С Инквизицией нельзя договориться, — повторил шепот, — но мы думали, что его можно заставить уступить здравому смыслу. Мы давно знаем Эйзенхорна. Он наш враг, но мы высокого о нем мнения. Эйзенхорн очень способен, и множество раз вредил нашему делу. Он обнаружил и ликвидировал операцию Когнитэ на Гирсоне-

— Должно быть, у Когнитэ все печально, раз вы решили обратиться к своему заклятому врагу за помощью, — сказала Кара.

— Не Когнитэ. Лишь моя госпожа. Я же говорил вам - Когнитэ раздроблены, рассеяны и скрываются. Организация больше не действует как единое целое. Опасаясь за свою жизнь, моя госпожа решила вступить в переговоры с Эйзенхорном. Рассматривались и другие стороны, но-

— Так значит, за нападением на Верхний Город стояли не Когнитэ? — спросила я.

— Нет.

— Тогда кто?

— Я не знаю.

+ Ты сказал другие. Другие стороны. Что ты имел в виду? +

Труп издал еще один странный дребезжащий звук. Спустя мгновение я с отвращением поняла, что это был смех.

— Практически каждая группировка, каждая фракция, каждая сила в галактике противостоит Желтому Королю, — произнес шепот. — Конечно же, не у всех один и тот же мотив, но все они хотят остановить его. Здесь, на Санкуре, собираются и другие силы, стремящиеся уничтожить Короля в Желтом.

— Вроде легиона-предателя, известного как Несущие Слово? — поинтересовалась я.

— Ох, да.

— Они так жаждут этого, что готовы объединиться с Экклезиархией?

— И наоборот? — добавила Кара.

— Да.

— И Дети Императора? — спросила я.

— Они тоже, да. Улыбчивый и его чудовищно прекрасные воины. Столь многие стремятся ко двору Желтого Короля, чтобы свергнуть его, остановить или заключить союз, дабы разделить с Королем его грядущий триумф. Не допустили никого. Ко многим здесь мы могли обратиться для достижения общей цели, но с большинством слишком опасно вести дела.

— А Эйзенхорн не опасен? — поинтересовалась я.

— Относительно. Моя госпожа рассматривала его и другую фракцию, но последние оказались не очень открыты для сотрудничества.

+ Кто это был? +

— Я не назову их имени.

+ Тогда назови свое. Каково твое истинное имя? +

— Я не скажу его.

+ У тебя нет выбора. +

— Вернер Чейз.

Затем труп начал всхлипывать, и мне было тяжело слушать эти влажные звуки.

+ Чейз? Родственник? +

— Да. Лилеан Чейз - моя бабушка.

— Где она? — спросила Кара.

— Я не знаю.

+ Это Чейз твоя госпожа? +

— Нет! Нет.

— На каком языке твоя бабушка вела свою общую тетрадь? — задала я вопрос.

— Что?

Теперь Тимурлин говорил так, словно находился в замешательстве.

— Ее общие тетради, дневники, которые она хранила, — напирала я, придерживаясь нашего предположения о том, что нумерованная книга являлась лишь одной из многих. — Какой личный шифр или язык она использовала?

— У нее было много записных книжек, — ответил он. — Я не знаю.

+ Знаешь. +

— Хекс! — крикнул труп. — Хекс, это все, что я знаю. Она писала на тайном хексе.

Хекс. Так говорил мой ангел.

— Что это значит? — спросила Кара. — Хекс?

— Они никогда не рассказывала. Полагаю, что-то вроде заклинания, какое-то искусство заговора. Магический алфавит.

+ Что означает число 119? +

— Оно мне ни о чем не говорит.

— Кто твоя госпожа? — задала я вопрос.

— Даже в смерти я оберегаю ее имя и жизнь. Я не скажу.

— Где ее найти?

— Я не скажу.

— Вернер, в данных обстоятельствах, — начала Кара, — советую тебе уступить. Если она готова сотрудничать с нами так же, как с Эйзенхорном, то Инквизиция обойдется с ней справедливо. Если твоя госпожа поделится своими знаниями, то мы можем стать ее союзниками, как бы странно это не звучало. Где ее найти?

— Я не скажу и уберегу её. Вам, убийцам Ордо, нельзя доверять.

+ Кто другая сторона? +

— Нет!

— Как ее зовут? — спросила Кара.

Труп вновь начал противиться. Теперь я увидела технику стандартного допроса Ордо. Допрашиваемый слабел, а его отпор сходил на нет. Кара и Рейвенор стремительно меняли типы вопросов, чтобы Тимурлин не смог возвести крепкого барьера против какого-то из голосов. Они прощупывали его слабеющий разум разнообразными ударами и выпадами, поэтому мертвец не мог защититься или заблокировать их все. Это походило на то, как два фехтовальщика загоняли в угол одного.

Третий ослабит Тимурлина еще сильнее.

— Как зовут твою госпожу? — спросила я.

— Нет-

— Говори! — рявкнула я.

— Зоя Фарнесса!

+ Ее истинное имя. +

— Я не скажу!

— Где она? — задала я вопрос.

— Я не отвечу!

+ Кто другая сторона? +

— Вам не захочется, чтобы я говорил это. Клянусь, вам не захочется!

— Каково ее истинное имя? — спросила Кара.

— Кто убил Эйзенхорна? — задала я следующий вопрос.

+ Где ее найти? +

— Хватит! Прекратите это!

— Каково её истинное имя? — спросила я.

— Кто другая сторона? — рявкнула Кара.

— Умоляю вас, прекратите!

+ Кто убил Грегора Эйзенхорна? +

— Прошу!

— Кто другая сторона? — задала я вопрос.

— Коллегия! — раздался ломкий шепот. — Имматериальная Коллегия!

Затем шепот утих, а воздух стал холодным и спокойным. Пламя свечей поникло и едва не потухло, и вверх начали подниматься ленточки дыма.

+ Он ушел. Я не смог удержать его. +

Я слегка согнулась. Казалось, будто из нас выжало всю энергию, а комната — и ночь за окнами — выглядела еще темнее, чем прежде.

— Что за Имматериальная Коллегия? — спросила Кара. — Никогда не слышала о ней. Что это значит?

+ Не знаю, Кара. +

— Ты в курсе, Бета? — поинтересовалась Кара, переводя на меня взгляд. Я уже открыла рот, чтобы ответить ей отрицательно, но меня оборвал Рейвенор.

+ Пойдите. +

ГЛАВА 18

В комнате для хранения документов

Мы больше не одни.

Хоть в помещении с задернутыми занавесками и царила темнота, в окнах, судя по всему, мелькнула тень. Я даже представить себе не могу, как можно вообще заметить тень в подобных условиях, но она была здесь и теперь скользила рядом с торцовым окном. Я услышала один или два шага, после чего тень остановилась, словно бы пытаясь внимательно рассмотреть нас.

Мы ждали. Прошло мгновение, и тень прошла мимо бокового окна. Поначалу я ощущала, как тень кружит вокруг нас, рыская в окрестностях дома, но затем возникло чувство, словно что-то продолжало смотреть на нас через торцовое окно. Значит, две тени. Два шныряющих снаружи визитера.

В комнате для хранения документов стояла гнетущая тишина. Кара сильнее сжала рукоять мерцающего меча, а я потянулась к запястью.

— Манжет? — прошептала я.

— Пока нет, — очень тихо ответил Рейвенор через транспондеры Кресла. — Мы защищены. Посмотрим, кого мы приманили к себе.

Казалось, тени снаружи успокоились. Я предположила, что это всего лишь обман зрения, но тут одна из них вновь шевельнулась, потом вторая, и, возможно, третья. Спустя мгновение кто-то легонько побряцал наличником торцового окна, словно пытался проверить, не открыто ли оно.

— Оставайтесь внутри внешнего круга, обе, — сказал Рейвенор.

Тело Тимурлина лежало на полу в центре начерченного мелом и песком круга, но была и более широкая окружность, практически доходившая до стен комнаты. Ее мы нарисовали, рассыпав соль. Послушав Рейвенора, мы остались внутри. Воздух вдруг стал холодным, отчего еще не до конца исчезнувший запах шэлла казался затхлым и резким.

Вновь раздалось бряцанье окна, а затем что-то постучало по стеклу. Тап-тап-тап. Не отрывистый стук костяшками, как это сделал бы подошедший к двери гость, нет, сейчас кто-то будто бы тайком барабанил кончиками пальцев. Словно тайный любовник тихо постукивал по створному окну спальни.

Тап-тап-тап.

— Не отвечайте, — произнес Рейвенор.

Вновь раздался стук. Три свечи вокруг трупа Тимурлина погасли и испустили тонкие нити дыма.

— Они проверяют наши удерживающие заклинания, — сказал инквизитор. — Кара?

Та кивнула и быстро подошла к потухшим свечам, чтобы зажечь их. Как и я, она сильно волновалась. Неуклюже обращаясь со своим небольшим огнивом, Кара высекла сноп искр и зажгла восковую свечу. Пламя угасших свечей вновь разгорелось, но теперь их огонь, как и у всех остальных, стал слабым и бледно-желтым, словно воздух вокруг становился все более разреженным.

Когда снова раздался стук, я оглянулась вокруг. Теперь звук доносился от другого оконного стекла. Оно выгнулось в своей раме, будто кто-то давил на него руками и пытался приподнять защелку.

Потом опять наступила тишина.

Внезапно, мы услышали дребезжание со стороны камина и все трое обернулись. В очаг через дымоход посыпалась сажа и песок, словно кто-то решил пробраться внутрь через дымовую трубу. Очередной шум, и вновь посыпался песок. Затем раздался очень быстрые шаги. Неизвестные топали по мостовой снаружи и кружили около комнаты для хранения документов.

— Спокойно, — тихо произнес Рейвенор.

— Я спокойна, — ответила я.

— Я имел в виду Кару, — сказал он.

Кара кивнула и выдавила бодряую, но неубедительную улыбку.

— Мы привлекли чье-то внимание, — прошептал Рейвенор. — Мне бы хотелось узнать, чье именно.

Снова раздались шаги, одновременно тяжелые и мягкие. Кажется, неизвестные прошли мимо торцового окна. Юркнула тень, после чего звук шагов изменился. Теперь визитеры медленно шли по половицам, а не по мостовой на улице. Они были в доме, в коридоре за комнатой. Каким-то образом, неизвестные попали внутрь, не открывая дверей, да и в коридоре вообще не было прохода, ведущего на улицу.

Шаги то раздавались, то утихали. Мы услышали слабый шум, звук ладоней, мягко скользящих по обшитым панелями стенам между коридором и комнатой для хранения документов. Кто-то пытался нащупать какую-нибудь щеколду или петлю по обеим сторонам от главной двери.

Вновь раздались шаги. Некто или нечто прошло из одного конца коридора в другой, после чего вернулось к главной двери. Мы услышали, как задребезжала ручка, словно кто-то старался повернуть ее.

— Путь закрыт, — очень четко произнес Рейвенор.

Ручка перестала дребезжать. Секундой позже что-то попыталось повернуть шарообразную ручку боковой двери. Она задрожала и щелкнула, но дверь не открылась. Кто-то вновь прошелся по коридору.

Чья-то рука постучала в главную дверь. Четыре тяжелых удара.

— Вы не можете войти, — сказал Рейвенор.

Наступила тишина, а затем раздалось еще четыре постукивания.

— Для вас путь закрыт, — произнес инквизитор. — Однако вы можете назвать себя.

Что-то скользнуло по наружной стороне тяжелой главной двери, возможно, кончики пальцев.

— Ты знаешь нас, — донесся голос из коридора. Толстая дверь приглушала его, но он был вполне различим: низкий бас, как у какого-то гиганта, густой и тяжелый, словно железо, но одновременно с этим и глухой.

— Не знаю, — ответил Рейвенор.

— Знаешь, — сказал голос снаружи. — Вы позвали нас.

Голос звучал столь тяжело, что казалось, будто на нас давит свинцовый груз. Я также различала в нем отчетливый акцент, напомнивший мне сухую речь на герратском, но это было не то. Я не узнавала говора неизвестного, но он явно пришел откуда-то издалека. Говорил визитер на официальном энмабике, однако выверенное произношение выдавало в нем выученный или второй язык.

— Я не звал никого и ничего, — произнес Рейвенор.

— Звал. Наше имя, вы произнесли его. Наше имя, мы услышали и пришли узнать, кто звал нас. Впусти.

— Я никого не звал.

— Наше имя произнесли, и мы услышали его.

— Я не называл имен, — сказал Рейвенор. — Не называл имен, наделенных силой, и не говорил ничего, что могло бы кого-то привлечь.

— Тогда ты не очень сообразителен, и знаний у тебя маловато, — ответил голос.

В тот же самый момент задребезжали обе дверные ручки.

— Это мой дом, — произнес инквизитор. — Сюда не могут войти гости, которых я не приглашал, лишь те, с кем я знаком. Вас я не знаю, и имени вашего не произносил.

— Произносил! — донесся голос у боковой двери.

Этот звучал иначе. Он был раздраженным и ломким, напоминающим трескающийся лед или гневное шипение.

— Произносил, — согласился первый голос, прозвучавший за главной дверью. — Мы из Коллегии.

Боковая дверь затряслась в своей раме: теперь ее пытались открыть с еще большим раздражением и досадой.

— Ясно, — спокойно сказал Рейвенор. — Имя упоминалось, но это лишь имя. Два слова, оба вполне распространенные, и ни одно не обладает силой. Они бы не смогли призвать вас даже произнесенные вместе.

— Коварное колдовство способно вдохнуть силу в любые слова, — произнес голос за торцовым окном. Этот звучал мрачно и строго. — Уж это я выучил. Ты же глупец, если считаешь иначе, и к тому же посредственность.

— Кончай с болтовней и впускай нас! — прорычал четвертый голос за боковым окном.

Это был низкий рык, как у хищника.

— Думаю, нет, — ответил Рейвенор. — Путь закрыт, и вы не приглашены. Итак, вы наполнили название своего братства силой с помощью колдовства, и теперь, при его произношении, оно испускает свет, словно сигнальный огонь. Я вижу, как это можно осуществить... тем, кому хватает глупости экспериментировать с чарами.

— Мы не братство, — провозгласил мрачный голос за торцовым окном.

— Впусти нас! — прошипел голос у боковой двери.

— Впусти нас сейчас же, — потребовал новый голос с пронзительными нотками как у стервятника, который эхом вышел из камина. В очаг посыпалась сажа и пыль.

— Мы начинаем уставать от твоей неуступчивости, — раздалось рычание у бокового окна.

— Что вам нужно? — спросил Рейвенор.

— Мы хотим узнать, кто вы такие, — произнес тяжелый глухой голос из-за главной двери. — Узнать, зачем вы произнесли наше имя и какую роль играете.

— Мои дела - это мои дела, — ответил Рейвенор

— Мы войдем, если захотим. Для нас нет закрытых дверей.

Это уже новый, шестой голос, столь же отличный от остальных, как и другие пять. Он звучал твердо и глухо, напоминая скалобетонный блок, и тоже доносился из-за главной двери.

— Могу вас заверить, это-, — начал Рейвенор.

Главная дверь содрогнулась в своей раме, словно на нее обрушился мощный удар. Тут же последовал грохот других яростных толчков огромной силы. Казалось, будто старая деревянная дверь выгибалась и кривилась, деформируясь словно отражение в зеркале-обманке. Удары заставили меня отшатнуться. Я ни секунды не сомневалась, что кто бы ни бил по двери, он делал это со столь нечеловеческой силой, что дерево уже давно должно было разлететься на щепки. Однако натиск неизвестных сдерживала не физическая дверь, а обереги силы, размещенные на ней Рейвенором.

Удары не прекращались почти минуту, и от каждого мы с Карой невольно подпрыгивали.

Я взглянула на Рейвенора.

— Пока нет, — спокойно произнес инквизитор.

Внезапно удары прекратились.

Ледяной шипящий голос за боковой дверью залился жестоким смехом.

— Ты идиот, — произнес он.

— Заткнись, — ответил скалобетонный голос из-за главной двери.

Я чувствовала, что его гнев становился все сильнее.

— А ну хватит, оба, — сказал глухой голос со странным акцентом.

Судя по всему, этот обладал над остальными некоей властью, несмотря на жуткое спокойствие. Раздались шаги.

— Впусти нас, или мы войдем сами, так или иначе, — произнес тот же голос.

— До тех пор, пока вы не перестанете говорить о своих намерениях загадками и не назовете более осмысленное имя, — сказал Рейвенор, — я продолжу отказывать вам.

— Ты не в том положении, чтобы отказывать нам, — послышался глухой голос.

В комнату для хранения документов стал просачиваться охватывающий нас ужас. Я ощутила, как мои волосы встали дыбом, а по коже забегали мурашки. Поясница же покрылась холодным потом.

— Держитесь, — сказал нам обоим Рейвенор.

Воздух стал наэлектризованным и дремотным, как на склоне дня перед бурей, а тьма сгустилась еще сильнее. Одна за одной свечи вокруг трупа Тимурлина перестали гореть. Их не задуло, и они не погасли сами, а, наоборот, практически молниеносно расплавились. Толстые свечи из темпума, сделанные для того, чтобы гореть на протяжении нескольких дней, за считанные секунды неестественным образом превратились в лужицы расплавленного воска, где утонули и фитили с погасшим пламенем. Все окна с дверьми задрожали и затряслись. Амулеты из побегов растений, развешанные на защелках оконных рам, дверных ручках и камине начали вянуть, сморщиваться и иссыхать, обращаясь в пыль, будто всего за несколько секунд пронеслись осень и зима. Помещение наполнилось запахом плесени, разложения,

гниющих листьев и залежалой травы. Затем в ноздри ударила еще более гнусная вонь.

Я осмотрелась вокруг и увидела, что тело Тимурлина также начало распадаться, сморщиваясь и разлагаясь. Сначала оно раздулось, а затем усохло, превратившись в тощий, перекрученный и неподвижный труп. Плоть гнила, покрывалась зелеными и красновато-коричневыми пятнами, а потом стала разжижаться, напоминая воск расплавленных свечей. Разлагающиеся органы иссыхали как побеги растений, обращаясь в нечто вроде клейкого дегтя. Вонь стояла недолго, но была тошнотворной. Не прошло и тридцати секунд, как остались лишь почерневшие кости, вскоре обесцветившиеся и с шумом рассыпавшиеся на кусочки. То небольшое, что осталось от тела, в итоге разрушилось и превратилось в пыль.

Из ниоткуда появился прохладный ветер, обдувший наши с Карой лица и всколыхнувший волосы. Он закружил в водовороте пыли, некогда бывшую костями; затем начал сдувать песок, соль и частички мелка, словно морской бриз, терзающий поверхность пляжа. Линии ритуального рисунка исчезли, как и внешний круг, и теперь на их месте виднелись лишь едва заметные следы от мелка, оставшиеся на старом полу.

Главная дверь искривилась. Она не открылась, не сломалась, не разрушилась и не сгорела. Старинная плотная древесина просто хлынула в нашу сторону как вода, чем напомнила поверхность спокойного озера в тот момент, когда нечто вдруг поднялось из его глубин и выпрыгнуло в воздух. Словно ртуть, она покрывалась рябью вокруг фигуры, которая медленно, но неумолимо проталкивала себя через дверь.

Сначала появилось лицо, потом грудь, плечи, а затем и одна рука, что изо всех сил пыталась пробиться через барьер. Фигура была высокой и крупной, а если говорить точнее, то воистину исполинской. Незвестный выглядел так, словно состоял из стекла или хрусталя, поверхность его тела оказалась гладкой и молочно-белой, и под ней светилось что-то голубоватое и лучистое. Он напомнил мне красивые узорчатые флаконы для духов из коллекции Кары.

Во внешности неизвестного было мало деталей, за исключением благородной формы головы и будто бы уплотненных черт лица. Визитер с силой давил на барьер, все дальше проталкивая себя в комнату для хранения документов. Я увидела появившуюся ступню с частью колена. Непрошенный гость обладал габаритами и сложением Комуса Ноктюрнуса, а также его мощью, ибо он пробирался через защищенную варпом границу помещения благодаря одной лишь силе воли.

Когда в комнате оказалась половина его тела, окруженного покрытой рябью дверью, неизвестный посмотрел на нас.

— Я вас вижу, — провозгласил глухой голос с едва различимыми нотками напряжения и усилия. — Я вас вижу. Три человеческие души, что не подчиняются нам. Вы - ничто. Малозначимы. Просто разочарование.

— Тогда почему вы прикладываете столько усилий, чтобы добраться до нас? — спросил Рейвенор.

— Потому что вы ослушались нас, — ответила фигура.

Она сделала очередной рывок и еще сильнее протолкнулась сквозь дверь.

Но визитер пришел не один. Вторая фигура с таким же ростом и стеклянным ликом молочно-белого цвета пыталась проскользнуть в помещение через боковую дверь, а ее длинные пальцы изгибались крючком, напоминая когти из стекла. Третья начала налегать телом на окно и стену в дальней части комнаты. Четвертая сосредоточила свои усилия на боковом окне. Пятая, довольно крупная и самая

широкая в плечах, старалась пройти сквозь панели стены рядом с главной дверью. Из камина высыпались камни с песком, и сам очаг начал искривляться и раздуваться из-за попыток шестого визитера попасть внутрь.

— Гидеон! — потрясенно выговорила Кара.

— Стойте на месте, — ответил он.

— Они входят, — сказала я.

На моем бедре висела кобура с автоматическим пистолетом Гекутер, но я решила не доставать его, ибо какой прок от пулевого оружия против таких противников?

— Стойте на месте, — уверенно повторил Рейвенор.

Кресло было направлено лицевой стороной к главной фигуре, которая выдавалась из двери.

— Вы подвергли меня достойному испытанию, — сказал ей инквизитор. — Ваши познания в колдовстве глубоки, а его ересь устрашает. Тем не менее, вас не приглашали, и вам тут не рады. Велением Святой Инквизиции я запрещаю вам входить.

— Будь проклята Инквизиция, — с абсолютной злобой ответила стеклянная фигура.

— Скорее всего, однажды так и случится, — произнес Рейвенор, — но не сегодня. Вас предупредили.

Я и до того момента знала о силе Гидеона и была впечатлена ею, хотя задумывалась, почему он использует ее столь сдержанно. Теперь же Рейвенор отбросил все ограничения в сторону. Я стала одной из немногих, кто увидел, как он высвобождает весь свой потенциал.

Тогда я поняла, зачем Гидеон контролировал себя, дозировал свою мощь, использовал ее так скупой и нечасто, ибо она воистину ужасала.

Воздух запылал, словно мы вдруг погрузились в слепящее сердце звезды главной последовательности. Глаза просто не могли выносить заполнивший все помещение яркий свет. Комната наполнилась визгом столь громким, что оконные стекла раскололись, а каменные плиты потрескались. Мощь Гидеона, да защитит меня Император, оказалась чудовищной силой, даже чудовищнее тех ужасных фигур, которые с трудом прокладывали себе путь в комнату для хранения документов, чтобы добраться до нас.

Бронированное кресло Рейвенора выпустило опаляющий луч сияющей энергии, ударивший находившуюся ближе к нам фигуру в грудь. Луч не прерывался и походил на колонну света, на сверкающий серебряный прут силы, потрескивавший и шипевший.

Фигура перед Рейвенором вздрогнула и остановилась. Она налегала на безмерный луч, но не могла остановить его поток. В тех местах, где луч касался белого кристаллического тела, оно пузырилось и плавилось, стекая вниз и разбрызгиваясь, словно раскаленное стекло в печи стеклодува.

Фигура заревела и удвоила усилия, но сила луча Рейвенора возрастала. Остальные фигуры в окруженном помещении пошатнулись и начали корчиться. Та, что обладала ледяным шипящим голосом пронзительно закричала от боли или ярости. Невидимая сила заставляла нападавших погружаться обратно в стены, двери и окна, а их тела деформировались и пульсировали, разбрызгивая в стороны капли и шарики, которые со шлепком падали на пол, где бурлили, словно магма. Один за одним непрошенные гости вытеснялись из комнаты. Они испытывали муки, изгибались и перекашивались.

Оказываясь за границами помещения, фигуры исчезали с хлопком падающего давления, будто они пронзали искривляющуюся кожу одной реальности и возвращались обратно в другую. Последней пропала гигантская фигура, пытавшаяся попасть внутрь через стену, и затем остался лишь главный непрошенный гость, пронзенный лучом Рейвенора.

Фигура не отступала. Каким-то невозможным образом, проявив ошеломляющее упорство, она сделала шаг вперед, толкая себя еще ближе к сжигающей силе луча. Фигура вытянула руку, чтобы создать преграду неослабевающему псайканическому излучению или перекрыть его, но при контакте с лучом ее пальцы и часть ладони плавилась, как лед.

Однако непрошенный гость все не отступал. Он проявил сверхчеловеческое усилие и смог сделать еще один шаг, сгорбившись перед лучом как сражающийся с ураганным ветром человек.

— Бета? — спросил Рейвенор слабым голосом, который я едва расслышала из-за скрежещущего рева псайканического огня.

— Да, Гидеон?

— Сейчас, будь добра.

Я переключила свой манжет в положение выключено.

Раздался хлопок, и скачок давления сотряс комнату, отчего нас с Карой сбило с ног. То, что оставалось от оконных стекол, разнесло вдребезги. Свет исчез, как и ужасный луч энергии. Помещение же заполнилось холодными как лед испарениями.

Фигура яростно завопила и рассыпалась, а ее осколки и фрагменты ливнем хлынули на пол, после чего пропали.

Я поднялась на ноги, в моих ушах звенело из-за перепада давления. Все незваные гости исчезли. Штанги, на которых висели упавшие шторы, погнулись, и теперь через разбитые окна лился бледный свет зари, омывающий внутренности помещения. От корпуса кресла Рейвенора поднимался рассеивающийся как дымка пар.

Главная дверь открылась, и мы с Карой резко обернулись, подняв оружие.

Там стоял Нейл, держащий в руках тяжелую штурмовую лазвинтовку.

— Какого черта тут творится? — спросил он.

ГЛАВА 19

На пустой тропинке

— И что это меняет? — спросила я.

— Почти все, — ответил Гидеон.

— Каким образом?

— Если то, что рассказал нам Тимурлин, правда-

— А это правда?

— Думаю, да, — сказал он, — так как практически невозможно, чтобы душа соврала при таких условиях. Мой разум и начерченные обереги не оставили ему почти никаких возможностей солгать или уклониться от ответа. Коннорт Тимурлин не мог сказать ничего, кроме правды, и его явно огорчило то, что ему пришлось выдать некоторые вещи.

— Вы имеете в виду Вернера Чейза, — произнесла я.

— Да, его. Одного из неуловимой династии Чейзов, впервые вытасченного на свет.

— Это кажется- — начала я.

— Чем?

— Довольно жестоким, — закончила я. — Мы истязали его душу.

Кресло медленно повернулось в мою сторону, и я вновь нашла странным, что Рейвенор использовал свою бронированную оболочку так, как кто-то другой мог использовать лицо или тело. Думаю, Гидеон пытался напоминать всем нам о том, что он все еще человек, пусть теперь его язык телодвижений и был ограничен.

— Даже за то короткое время, что мы работаем вместе, — сказал Рейвенор, — я начал высоко ценить тебя, Бета. Очевидно, ты прекрасно обучена, очень искусна и, видимо, можешь похвастаться целеустремленностью и хладнокровием, не уступающим таковому у Пейшенс. Возможно, наставникам Ордосов следует многое взять у режимов тренировок Когнитэ.

— Это удар ниже пояса, — ответила я.

— Прошу прощения. Я к тому, что в тебе, судя по всему, есть стальной стержень. И, тем не менее, время от времени ты, кажется, проявляешь тревожащую слабость - некоторую симпатию к-

— Предпочитаю называть это некоторым сочувствием, — возразила я.

— Называй как хочешь, — сказал он. — Коннорт Тимурлин, или Вернер Чейз был агентом ереси, и он всю жизнь работал ради того, чтобы разрушить Империум. Чейз признался в этом. Да, мы обошлись с ним безжалостно, но Инквизиция не может позволить себе нерешительности. Просто не может. Та неослабевающая угроза, с которой мы сталкиваемся, и еретики, которых мы преследуем, стремятся лишь к уничтожению нашего уклада жизни. Ордосы суровы, а Инквизиция никому не друг. В нашей работе нет места эмоциям. Никто никогда и не говорил, что это будет легко или приятно.

— Харлон рассказывал то же самое, — ответила я. — Да я и сама уже достаточно этого насмотрелась. В конце концов, все мы малозначимы пред лицом нашей цели. Я готова принять порицание, но не путайте мое сочувствие с еретической симпатией. Может, меня и обучили еретики, но благодаря их извращенной логике я выросла с верой в Трон. Я - слуга Бога-Императора, Гидеон, и, выбравшись из дебрей прошлого, я пришла к вам и к Нему как кающаяся.

Мы покинули безымянный дом и вышли на лежащий за ним приусадебный участок. Стояло раннее утро, и солнце только поднималось над плоскими крышами и шпилями города. За годы запущенности некогда декоративные сады буйно разрослись, однако через зелень проходил золотыми нитями свет, еще не

исчез утренний туман, и слышалось пение птиц. Все вокруг казалось почти что умиротворенным, будто еще час назад на нашем пороге не стояло никакой угрозы.

Я думала, что Рейвенор устанет, и ему потребуется отдых и восстановление после демонстрации столь колоссальной мощи, но он был живым и энергичным, словно потратил лишь крошечную долю своей силы.

— Теперь ты видишь, — заметил он, — почему я предпочитаю пользоваться своим разумом ограниченно. Здесь, в Королеве Мэб... да и в других местах... манипуляции с варпом вызывают рябь. Чем больше ты используешь подобные силы, чем они сильнее, тем сильнее и ответная реакция. Я - оружие против тьмы, Бета, но также и маяк, что приманивает ее. Мы должны оставаться под защитой и скрываться, ибо на Санкуре у нас мало друзей. Я был бы признателен, если бы ты больше не упрекала меня этим.

— Кто они? — спросила я. — Имм-

— Думаю, мы проявим мудрость и не станем произносить это имя, — ответил он. — С помощью колдовства они наполнили силой простые слова, поэтому даже само их название нельзя произносить просто так. Назовем их... гостями.

— Так они - колдуны? Те... гости.

— По крайней мере один из них, — сказал Рейвенор. — И он обладал выдающимися способностями.

— Но вы знаете, кто они, так?

— Не могу сказать точно, однако, у их лидера характерный акцент.

— Да, я тоже так подумала.

— Я уже слышал его прежде, — произнес он. — Акцент души, рожденной и выросшей в городе под названием Тизка.

— А где он? — спросила я, так как была уверена, что знаю названия всех городов Санкура.

— Не на этом мире, — сказал он. — Давным-давно он стоял на далекой планете. Город исчез, а мир ныне мертв. Планета называлась Просперо.

Внезапно я ощутила холод, хотя на мне было пальто Нейла.

— Но это-

— Именно, — произнес Рейвенор.

— В древние времена этот мир принадлежал предателям, — закончила я. — Вы говорите о печально известном Пятнадцатом легионе.

— Верно.

— Значит... он Астартес?

— Возможно, — ответил он. — Я не знаю, какой нынче облик или личина у народа Просперо, но акцент однозначно принадлежит жителю Тизки, а легионеры Пятнадцатого были грозными колдунами. Нам известно, что на Санкуре находятся и другие легионы-предатели, борющиеся друг с другом в попытках воспрепятствовать Желтому Королю или присоединиться к нему.

— Чейз тоже говорил об этом.

— Да. То, что легионеры Тысячи Сынов Магнуса принимают участие в этих кознях, тревожит меня, но не удивляет.

В задней части приусадебного участка, за рассыпающейся стеной, находились выдавшие виды и заросшие ступени, спускающиеся вниз к расположенной в овраге Тропе Шагов, что шла за владениями инквизитора. Мы ступили на эту призрачную и всеми забытую тропинку, где с обеих сторон на нас безмолвно взирали пустые здания. Наверное, сейчас было слишком рано, поэтому жестокие банды ослепленных войной еще не вышли на улицу. В бледном и тусклом солнечном свете тропа в овраге выглядела пугающе безмятежной, напоминая оставленный призрак того города, каким он некогда был.

— Признания Вернера Чейза очень важны, — произнес Рейвенор. — Он сказал, что Когнитэ фактически исчезли, обращенные в бегство Желтым Королем. Расстановка сил изменилась, и наш враг собирает войска, а значит, Желтый Король близок к завершению своей великой работы. Так сказал Чейз.

— И?

— И наш график также изменился, — ответил он, медленно паря над сорной травой и расколотыми булыжниками. — Наше расследование здесь длилось годами, мы вели его терпеливо и осторожно, как и Эйзенхорн свое. Сюда нас привели годы работы. Распутывание этой загадки шло дольше, чем ты живешь, и лишь благодаря осторожности мы могли безопасно двигаться дальше. Однако, если Король близок к претворению своих планов в жизнь, то у нас нет времени. Думаю, теперь мы вынуждены действовать с большей расторопностью и прямоотой, хотя я не склонен к подобному. Мы должны применить грубую силу.

— Так мы рискуем выдать себя, — сказала я, — и оказаться беспомощными пред лицом могущества Короля.

— Да, — произнес Рейвенор. — Но нам нужно верить в себя. И друг в друга.

Пока мы говорили, с тропой в овраге начало происходить что-то странное. Мне казалось, что свет вокруг нас будто бы смазался, и на мгновение я увидела мир словно через запачканное жиром оконное стекло. Затем исчезли заброшенные здания вместе с узкой тропинкой, и теперь мы шагали по широкому величественному бульвару в огромном городе, что купался в ярком солнечном свете. За нашей спиной возвышался какой-то монумент, отчетливо вырисовывающийся на фоне ясного неба.

— Не тревожься, — сказал Рейвенор.

— Это вы сделали? — спросила я.

— Да. Прости. Временами меня ободряет прогулка по местам, где мне приходилось шагать прежде.

— Это воспоминания?

— Да, Бета.

— Вы затащили меня в собственную память?

— Я погрузился в свои воспоминания, чтобы успокоить разум, и взял тебя с собой. Подумал, тебе может понравиться вид.

Я улыбнулась.

— Мы не в Санкуре, — произнесла я. — Это... Тизка?

— Нет, нет, — ответил он. — Полагаю, это мир, на котором я повзрослел. Мир, который сформировал меня. Таким я его и запомнил по прошествии всех этих лет.

— Как детально! — изумилась я.

— Бета, здесь нет многих подробностей, но вид меня успокаивает, и я подумал, что это будет честно. Ты позволила мне войти в твой разум и изучить воспоминания. Теперь я оплачиваю тем же. Считаю это знаком доверия.

Я вдохнула. Воздух был холодным, и в нем я не чувствовала ничего общего с городским воздухом Королевы Мэб.

— Так что мы делаем дальше? — спросила я. — Наверное, главной целью остается поиск пути в Пыльный Город?

— Верно. И мы знаем, что это возможно, исходя из пережитого тобой в доме Элэс Кваторз.

— Но Лихорадочная Фуга сгорела, — сказала я, — и мне не удалось повторить сделанное в другом месте. Фредди Дэнс и его представления о других звездах кажутся зацепкой получше-

— Возможно, — произнес Рейвенор, — но трудно сказать, знает ли Дэнс что-нибудь и может ли он как-то показать нам путь внутрь. Его изыскания были многообещающими, но они заняли слишком много времени. Боюсь, теперь они непригодны.

— И что тогда?

— У нас есть два варианта, которые, как я думаю, приоритетнее и принесут больше результатов, — ответил он. — Во-первых, Когнитэ. Судя по признаниям Чейза, очевидно, что, по крайней мере до недавнего времени, вели дела с Желтым Королем напрямую. Значит, Когнитэ должны иметь доступ к Пыльному Городу.

— Да, но теперь они могли его лишиться.

— Могли. Однако, госпожа Чейза, эта «Зоя Фарнесса», женщина, ради защиты которой он погиб, сейчас в такой немилости у Короля, что решила искать помощи у Эйзенхорна. Она - высокопоставленный член Когнитэ. Если кто-то и знает путь, то это госпожа Чейза.

— И я знаю ее, — сказала я.

Транспондеры Кресла выдали звук, который я поняла как фырканье.

— Да, я так и думал, — произнес Рейвенор. — Я увидел эту активность в твоих мыслях. Ты узнала ее?

— Не сразу, — признала я. — Не с первого взгляда, однако я была уверена, что это некто, кого я знала прежде, замаскировавшийся очень искусной ролью, а слова Чейза окончательно убедили меня. Думаю, когда-то его госпожа была и моей. Мне кажется, это Евсев деа Мордаунт, бывшая Мэм Мордаунт из Зоны Дня.

— Я тоже так думаю, — сказал он. — Она вырастила тебя, обучила, даже доверяла тебе, а когда увидела,

как ты полагаешься на Эйзенхорна, то решила, что к нему можно обратиться.

Да, Мордаунт вырастила меня, и довела мои способности до совершенства, но она никогда не была мне кем-то большим, нежели холодной мачехой. Я задавалась вопросом, прав ли Гидеон, и могла ли Мэм Мордаунт доверять мне сильнее, чем я осознавала, а возможно даже и любить.

— Думаю, я бы смогла убедить ее работать с вами, — предположила я. — Судя по действиям Тимурлина, очевидно, что даже в час нужды Когнитэ настроены враждебно по отношению к Инквизиции. Однако мы не знаем, где ее искать.

— Не совсем так, — ответил Рейвенор. — Тимурлин отказался отвечать нам и сопротивлялся нашим попыткам заставить его выдать местонахождение своей госпожи или ее личность. Его разум был силен даже в смерти, а освоенные психологические техники позволяли Тимурлину уклоняться от прямого ответа во время допроса и даже сопротивляться псайкерскому прощупыванию.

— Нас всех обучали подобным вещам, — сказала я. — Полагаю, перфекты тренировались еще лучше.

— Безусловно. Но я находился в его голове, а еще я гораздо способнее псайкеров-дознателей, которых обычно использует Инквизиция. Тимурлин бы не ответил нам, но по мере того, как мы выпытывали у него личность госпожи, он просто не мог не думать о том, что так яростно защищал. Это основная черта человеческого сознания, работает на подсознательном уровне. Твой разум силен, Бета — попробуй не думать о школе, где ты выросла.

Нахмурившись, я попыталась сделать то, что сказал Рейвенор. Конечно же, это было невозможно. Попытка не думать о чем-то произвольно заставляла меня обратиться к этому мыслями, ибо мне приходилось сосредоточиться на том, что я хотела выбросить из головы. От тщетности своих попыток я засмеялась.

— Видишь? — спросил Рейвенор. — Эту функцию разума можно ослабить интенсивными тренировками и использованием техник... блокировкой сознания, перегородкой Тансера, Галантинским приёмом, даже укрепленным дворцом памяти... но полностью избавиться от нее нельзя. Тимурлин сопротивлялся нам с огромной силой, однако я смог увидеть тень за всем этим.

— За всем этим?

— В его разуме. Не лицо. Свою госпожу он прятал крайне умело, и выдал лишь силуэт, но, сосредоточившись на защите ее личности, он позволил просочиться другим вещам.

— Например?

— Ты позволишь?

Я кивнула.

В моей голове возникла картинка, словно вставленный в проекционный фонарь слайд. Я закрыла глаза. Изображение пугало, так как оно было окаймлено болью и искажено страданиями Тимурлина. Я почувствовала кровь и страх, а затем увидела силуэт. Возможно женский, трудно сказать. Размытый клочок тьмы, но за ним скрывалось что-то еще. Я сосредоточила внимание на картинке, которой со мной поделился Рейвенор. Изображение сопровождалось чувством беспокойства и какими-то тревожными ощущениями, словно нечто живое и скользкое, напоминающее угря Врат Мытарств, проскользнуло через ухо в мой череп, где теперь двигалось и корчилось.

За силуэтом я увидела место, выглядящее как изображение на плохо сфокусированном и засвеченном пикте: светлый день, дымка, сквозь которую просачивается солнечный свет, смазанный образ крыш, шпиль тут, церковная башня там. Мне не удалось рассмотреть что-то в деталях. Это мог быть любой город на любом мире.

— Та башня, — поинтересовалась я, прищутив глаза, — это башня Святого Клавина?

— Не думаю, — ответил Рейвенор. — Но тут есть и другие интересные детали. Если точнее, то две. Посмотри внимательно на колокольню дальше слева.

— Я едва ее различаю.

— Но что насчет очертаний, Бета?

— Башня со шпилем... колокольня сбоку. Это Святой Марзом Мученик?

— Думаю, да. Строение очень характерное.

— Значит, мы смотрим на него с севера...

— И какая вторая деталь? — спросил Рейвенор.

— Не знаю, я... Мы смотрим на все с высоты. Такой вид открывается, если находиться прямо над городом.

Я открыла глаза.

— Итак, что достаточно высокое лежит к северу от Святого Марзома Мученика? — задал он вопрос.

— Дом-Колонна, — ответила я с улыбкой.

— Хорошо, — сказал он. — Теперь ты видишь те мельчайшие детали, на предмет которых нужно внимательно изучать даже вещи гигантских масштабов. Простые, едва очерченные тени и шепоты могут выдать тебе заслуживающие внимания истины.

Солнечные лучи грели мое лицо, хотя это было не солнце Санкура. Гигантский, километровой ширины бульвар вокруг нас, такой величественный и пустой, казался прекрасным местом. Местом, что дарило надежду. Великим городом Империиума. Я задумалась, где он находился и в какое время. Мне пришло в голову, что город отражал Империиум в лучшем его проявлении, город процветающий и величественный, скованный крепкими узами закона и справедливости, надежно избавленный от гниения и язв, что разъедают кайму нашей древней цивилизации. Этот город из воспоминаний, как и каждое подобное ему великое место на других имперских мирах, воплощает потенциал Империиума, а потому совершенно точно отражает тот культурный идеал, который мы стремимся защитить. Мы трудимся, терпим боль и приносим жертвы ради того, чтобы беречь такие места, поддерживать мир и амбиции человечества. Мы усиленно работали и сражались во тьме, дабы обезопасить вещи вроде окружающего нас города. Я смотрела на благостное напоминание о нашей цели и была благодарна Рейвенору за то, что он поделился им со мной. В моем представлении Гидеон приходил сюда как раз ради напоминания в те моменты, когда работа казалась ему изматывающей и невыполнимой.

Я задумалась, почему в такой славный день вокруг нет людей, но потом увидела несколько размытых пятнышек на краю раздольной аллеи. Одна из фигур стояла там же, где и мы, посередине широкого бульвара, и, судя по всему, шагала в нашу сторону, хотя и была пока что далеко.

— Так значит, мы идем к Дому-Колонне? — спросила я.

— Думаю, дело того стоит, — ответил Рейвенор. — И сегодня мы, наконец, им займемся. Если наши предположения верны, и мы сможем захватить Мордаунт или любого другого высокопоставленного члена Когнитэ, то это принесет пользу.

— Согласна, — сказала я.

— Но мы не будем тратить много времени, — добавил он. — Если Мордаунт там не окажется, или на нашем пути встанут другие препятствия, мы отменяем задание и считаем его гиблым делом. У нас нет времени на упорство.

— Итак, — произнесла я, — перейдем ко второму варианту. Вы сказали, что их два.

— Да.

— И? — напирала я.

— Королевский Створ, — ответил Рейвенор.

Я удивилась.

— Думаю, это неразумно, — сказала я.

— Уверен, именно так ты и думаешь.

— Мне не кажется, что это путь в Пыльный Город, — произнесла я, — вернее сказать, мне не кажется, что это безопасный путь.

— Полагаю, безопасных путей туда нет в принципе, — ответил он. — Но нам нужно найти его как можно быстрее, и пока что Королевский Створ является самым перспективным вариантом.

Я вздохнула. Гидеон уже все решил. По-своему он мог быть таким же упрямым, как и Грегор. Я оглянулась вокруг. Бредущая к нам одинокая фигура стала ближе, а ее длинное пальто колыхалось на ветру.

— Вы всматривались в мой разум, — сказала я Рейвенору. — Я позволила вам это. Вы увидели Королевский Створ-

— Да, Бета.

— Тогда вы должны были почувствовать то же, что и я. Сложно описать словами, но тот проход не был... Это не то место, куда стоит входить. Оно внушало в нас с Реннером сильнейший ужас. Мы страстно желали покинуть Глубь, Гидеон, нам безумно хотелось этого, и вот перед нами оказался дверной проем с открывающимся за ним неясным видом, но никто из нас не осмелился переступить порог.

— Я в курсе, — произнес Рейвенор. — Я изучил те впечатления, которые у тебя остались. Может, это не столько дверь, сколько окно? Точка обзора, которая позволяет взглянуть на то, что лежит по другую сторону. Однако, судя по всему, там есть физическое препятствие, какой-то океан или море. И кое-что другое. Невыразимое чувство ужаса и дурное предчувствие, заставившие вас отступить. Мимолетное видение враждебной и опасной границы.

— Тогда оставим этот проход в покое, — настаивала я. — После Королевского Створа у меня осталось

непоколебимое чувство, что его невозможно пересечь, а попытка сделать это означает лишь навлечь на себя гибель.

На просторах бульвара дул порывами ветер, и я слышала, как трепещут и шелкают знамена на огромном монументе за моей спиной.

— И тем не менее его пересекали, — сказал Рейвенор. — Твой ангел.

— Во-первых, он не «мой», — произнесла я. — Во-вторых, Комус сделан совсем из иного теста, нежели мы, смертные, и я думаю, он способен выдержать гораздо больше нашего. В-третьих, мне кажется, это едва не убило его. Комус пришел ко мне, обуянный кровавым безумием, истощенный и измученный. Он осмелился пересечь Королевский Створ лишь потому, что был вынужден сбежать. В ином случае подобный поступок можно рассматривать только как полнейшую глупость. Думаю, ему удалось это лишь каким-то чудом или же благодаря его стойкости. Гидеон, там настоящий ад, если такое создание как ангел рискнуло всем ради побега, сведшего его с ума. Мне кажется, нам не удастся повторить его деяния, а попытка сделать это - безрассудство. По моему мнению, Королевский Створ создан не для смертных людей.

— Предложи мне вариант получше, — сказал он.

— Не могу, но Комус был в отчаянии и-

— А мы нет?

Я расстроено пожала плечами.

— Я не давил на тебя, Бета, — произнес Рейвенор, — но ты держала ангела при себе. Мне бы хотелось поговорить с ним лично и изучить его разум.

— Он ничего не знает, Гидеон.

— Он ничего тебе не сказал, но, судя по тому, что ты о нем поведала, я думаю, пережитые ангелом страдания заглушили его воспоминания. Он заставил себя забыть об этом, чтобы не лишиться остатков здравомыслия. Мне кажется, ангел знает больше, чем осознает, и благодаря тщательному изучению его мыслей-

— Если вы попытаетесь залезть в разум Комуса и открыть его воспоминания, то боюсь, что этим вы свергнете его обратно в состояние остервенелого безумия. Проявление подобной ярости рядом с нами - это риск, на который мы не можем пойти.

— Не можем, — согласился Рейвенор. — Поэтому у меня не останется иного выбора, кроме как уничтожить его.

Я бросила на Кресло внимательный взгляд. Гидеон не шутил. Ради достижения своей цели он казнит ангела без всяких раздумий, если нужда инквизитора в нем отпадет. Я не могла сказать наверняка, что тревожило меня сильнее: та невозмутимость, с которой Рейвенор говорил об убийстве ангела-Астартес, или же его уверенность в том, что ему действительно удастся подобное.

— Королевский Створ - неприятный вариант, — произнес Рейвенор, — но он может оказаться единственным. Я подготовлюсь к его изучению и, если это возможно, к проникновению. Хотя бы взгляну на Створ лично. Если ты сможешь выпытать у своего друга-ангела больше информации щадящими методами, то рекомендую тебе сделать это. А пока будем надеяться, что Дом-Колонна обеспечит нас

маршрутом и сведениями получше. Поверь мне, я молюсь, чтобы так и получилось.

— Операцию нужно возглавить мне, — сказала я. — Если мы хотим установить с Мэм Мордаунт мирный контакт, то заняться этим должна я. Никому другому она не доверится.

— За исключением Фаддея Саура, — произнес он.

— Сомневаюсь, — ответила я. — И уж ему точно нельзя поручать такую важную задачу.

— Согласен, — сказал Рейвенор. — Я как раз и ожидал, что операцию возглавишь ты, Бета. Надеюсь на это. А потому должен официально подтвердить тот факт, что ты работаешь со мной.

Одинокая фигура, шедшая в нашу сторону все это время, вдруг оказалась прямо рядом с нами, будто бы в мгновение ока преодолела последние несколько сотен метров, пока я стояла к ней спиной. Неизвестный мужчина кивнул Креслу, улыбнулся мне, а затем что-то протянул.

Я никогда не видела этого человека прежде и даже не знала его, но при этом, мне удалось узнать мужчину; мне была знакома эта улыбка, словно меня уже одаривали ею раньше несколько раз. В действительности же, я никогда ее не видела.

Мужчина был молод, высок, силен и очень красив. Его насыщено-серые и очень добрые глаза, высокие скулы и завязанные сзади длинные черные волосы странным образом напомнили мне пикт-книгу с изображениями альдари, которую я смотрела еще ребенком. Однако передо мной стоял человек.

— Это для тебя, Бета, — сказал он.

Я узнала его голос. Он срывался с губ и языка мужчины, выходил из горла наружу, но был тем же, что звучал в моей голове.

Переведя взгляд на то, что он протягивал мне, я увидела маленький кожаный чехол и серебряное ожерелье.

Я взяла вещи. На ожерелье висел амулет из призрачной кости. Такой носили все члены отряда Гидеона, так как психоактивный материал облегчал инквизитору процесс «оберегания» оперативников, если возникала такая нужда. Это инструмент, орудие групповых операций, но еще это символ принадлежности к небольшой семье. К странной, но все же семье.

— Позволь мне, — произнес молодой мужчина и аккуратно застегнул ожерелье вокруг моей шеи, пока я держала волосы.

Его лицо находилось очень близко к моему.

— Для тебя это больше символ, нежели что-то другое, — сказала Кресло. — Я бы предпочел не «оберегать» тебя, только в случае крайней необходимости. А еще я не могу «беречь» тебя, когда манжет выключен. Даже если ты пария с ограниченными способностями, мне, скорее всего, не удастся действовать через тебя столь же плавно, как через Кару или Кис.

Я кивнула и отпустила волосы.

Кожаный чехол оказался тяжелым, а внутри него находилась маленькая плоская коробочка из идеально обработанного обсидиана. Я открыла ее и увидела инквизиторскую розетку, лежавшую внутри на синей шелковой подстилке.

Ордо Еретикус, Официо Фракиец Примарис, Сектор Скарус.

— Чтобы действовать от моего имени, ты должна носить символ моей власти, — произнесло Кресло. — Твои полученные благодаря тренировкам способности не подвергаются сомнению, несмотря на их незаконное происхождение. Это - полевое назначение, сделанное по моей инициативе и по моему приказу. Естественно, оно временное.

— Конечно, — ответила я с улыбкой.

— Под чем я подразумеваю, что твоя кандидатура мной рассматривается, — сказал молодой мужчина.

Я закрыла коробочку и чехол, после чего положила их в карман пальто.

— Я не подведу вас, — произнесла я.

— Не беспокойся об этом, — сказала Кресло. — Ты служишь не мне.

— Я и говорю не с вами, — ответила я.

Молодой мужчина засмеялся.

— Спасибо, — произнесла я, обращаясь к обоим.

Я положила ладонь на теплый корпус Кресла, а спустя мгновение повернулась и поцеловала в щеку молодого мужчину, отчего тот застенчиво улыбнулся.

— Надеюсь, сейчас я не нарушила протокол? — спросила я у Кресла.

— Это я позволю, — ответило оно.

Я услышала музыку - нарастающий грохот военных оркестров - и аплодисменты, будто весь город проснулся, чтобы отпраздновать мое назначение.

Теперь по краям бульвара стояли огромные громогласные толпы, а на ветру развевались вымпелы и знамена. Я понятия не имела, откуда все это взялось.

— Я вернул в воспоминание некоторые детали, — сказала Кресло. — Не только само место, но и кое-что другое, что было в тот день.

— Тогда вы стали инквизитором? — спросила я. — Толпы вышли, чтобы поприветствовать ваше избрание?

— Нет, — ответило Кресло. — Это другой день. Святая Новена. Великое торжество, призванное увековечить в памяти военную победу. Толпы вроде этих не празднуют избрание инквизиторов, Бета. Подобные вещи происходят во тьме закрытых комнат. Это не день моего назначения, но день, когда я стал инквизитором, которого ты знаешь.

Молодой мужчина взглянул на Кресло.

— Это день, когда я стал им, — произнес он.

Я оглянулась. Лепестки цветов падали и кружились в воздухе подобно снежным хлопьям. Мы же находились в самом центре гигантского парада, внезапно появившегося вокруг нас - марширующие полки Астра Милитарум, боевые машины, сверкающие ряды исполинских Адептус Астартес. Шум стоял

оглушительный - грохот бьющих по земле ног, ликование толпы, стучащие двигатели, барабаны, тарелки, духовые инструменты и волынки, исполняющие «Марш примархов». Моя диафрагма задрожала, когда над головой с визгом пронеслись на низкой высоте военные самолеты, летящие порядком для воздушного парада. Воздух вокруг вибрировал от шума и движения.

Молодой мужчина взглянул на меня. Между нами трепетали лепестки.

— Это улей Примарис на Фракийце Примарис, — сказал он. — Огромное Авеню Виктора Беллума. Сей день случился примерно сто пятьдесят лет назад. Монумент, возвышающийся позади нас, и в чьей тени мы стоим, это Врата Спатиана. Я хочу, чтобы ты помнила - величайшая опасность может ударить по нам даже тогда, когда все кажется безопасным, и ты меньше всего ожидаешь зла.

Молодой мужчина вновь улыбнулся, но его улыбка была грустной, или же, возможно, преисполненной какой-то тоски. Он взглянул мне прямо в глаза и на мгновение коснулся щеки, после чего стряхнул с моего плеча лепестки.

— Время почти пришло, — произнес молодой мужчина. Я едва могла расслышать его голос из-за воя военных самолетов. — Я должен идти.

Над нами пронеслась тень. Вверху, в ярком солнечном свете, что-то мелькнуло-

И Тропа Шагов оказалась пуста. Вокруг стояло безлюдное спокойствие раннего утра, наполненного пением птиц и тускло-золотым светом зари.

— Увидимся в доме, — сказал Рейвенор, после чего Кресло развернулось и бесшумно заскользило обратно к ступеням.

Я же осталась в одиночестве стоять на окаймленных сорной травой булыжниках, коими была вымощена осевшая улица, а в кармане у меня лежала розетка.

Третья часть истории, которая называется

НАСТОЯЩЕЕ ЗНАНИЕ

ГЛАВА 20

О Доме Паутины

Лучше не шутить с бандами ослепленных войной.

Трое головорезов преградили мне дорогу, и я услышала, как по меньшей мере еще один из них закрыл мне путь к отступлению в разрушенный проход позади. Шрамы в виде знаков и татуировки на обритых головах указывали на то, что они принадлежали к убийцам из Марзомского Креста, самой известной из северных банд. Они не только были вооружены, но еще и оказались громилами. Усиленные мышцы и укрепленные кости — пережитки боевой инженерии — скрывались под слоями грязи и тряпья.

— Я просто пройду, — ясно и четко выразилась я на низком уличном диалекте.

В ответ один из них зарычал, и это рычание, как я и опасалась, оказалось самым связным словом из всех, что они произнесли. Я смогла унюхать металлический запах стимуляторов агрессии, наполняющих их кровь. С ослепленными войной, этими дикарями Королевы Мэб, в спор вступать не стоит, но иногда можно было просто проскользнуть, если оставаться спокойным и тихим, а также не делать резких движений, или же если по счастливой случайности у них как раз был период пониженной агрессии.

Но не в этот раз. Никаких переговоров и диалога не выйдет. Они уже задергались, поскольку синтетические гормоны пропитывали нутро и пробуждали бессмысленную ярость. Вторичные веки головорезов захлопали и затрепетали: мигающие веки когда-то высвечивали индикацию захвата целей на сетчатке глаз. Эти улучшения пришли в негодность еще давным-давно, но нарастающая гиперстимуляция вновь запускала боевые имплантаты, как это было тогда — много жизней назад в зонах боевых действий. Теперь такой зоной для них стало это место. Эта жизнь. Жестокая жизнь, где есть место только войне.

Я предположила, что смогу хотя бы раз пошевелить правой рукой, прежде чем они нанесут первый удар. Но за что схватиться: за пистолет у бедра, “Тронсвассе” сорокового калибра, которым меня вооружил Харлон? Или за манжету, сделавшей меня несуществующей для ослепленного войной в прошлый раз, когда была выключена?

Я сделала выбор, но он оказался чистой формальностью.

Некто выскочил из арки справа от меня и столкнулся с троицей. Острый как бритва северака ударил по массивному телу с хрустом, похожим на треснувшее дерево, и сбил бандита с ног, орошив все вокруг фонтаном крови. Громила крутанулся в воздухе, словно танцор, и, отскочив от стены позади, рухнул вниз уже со вскрытыми внутренностями.

Всего лишь разминка для Фаддея Саура.

Саур был очень сильным человеком. Это я знала по годам обучения в школе под его началом. Он обладал и массой, и скоростью, но вовсе не такими, как увеличенные мускулы и рефлексы ослепленных войной. Но также устрашало его мастерство, отточенное ловкостью, используемой со смертельной точностью. И каким бы крупным он ни был, с этой копной бело-грязных волос и в кроваво-красном облегающем костюме, все равно казалось, будто он скользил как по маслу между неуклюжих противников, каждый раз нанося удары с ломающей кости силой. Не успел первый из головорезов упасть на пол, как Саур напал на следующего, блокируя яростный удар левым предплечьем — второй удар, что звучал так, словно рядом тесак нарезал корнеплоды — и пробил брешь в нетренированной защите врага. Северака вошел в брешь, вонзив рукоять и основание клинка прямо в лицо и шею бандита. Послышался влажный чавкающий звук от мяса и хрящей. Бандит был ранен, но слишком перевозбужден, чтобы упасть. Он вновь замахнулся грязным клинком, но Саур нырнул под него, используя крыло наплечника в качестве рычага, чтобы перевернуть раненого громилу вверх тормашками, после чего просто отшвырнул его в сторону, и тот упал на землю спиной вниз.

Но времени прикончить его сейчас не было. Третий бандит с рычанием навалился на Саура, но тот, прикрыв фальшивые глаза, дважды блокировал атаку, сделал паузу, чтобы яростно пнуть в спину второго бандита, пытающегося подняться, и вернулся к третьему, нанеся три последовательных удара мечом.

Саур был мастером. Возможно, только один из всех людей, которых я встречала, а именно Харлон Нейл,

мог поравняться с ним или даже превосходил в мастерстве физического боя. Но, в отличие от Харлона, который атаковал с умеренной яростью только в случае необходимости, Саур получал удовольствие от процесса. После полузаточения на попечении Рейвенора Саур источал разочарование. Я видела в нем эту ничем не ограниченную жестокость только однажды, когда он убил Вориета у меня на глазах и запустил процесс, в результате которого моя жизнь могла пойти под откос.

Четвертый бандит, притаившийся прямо за мной, уже собирался выбежать вперед прямо в драку, и я приготовилась. Но Саур, сцепившись с третьим, швырнул севераку, даже не глядя в мою сторону. Лезвие со свистом пронеслось мимо меня, словно копьё, и пригвоздило четвертого бандита к стене позади.

Признаю, это была просто превосходная демонстрация умений. Мне показалось, что Саур выпендривается, напоминая мне о своих талантах и старшинстве. Он был и намеревался оставаться моим наставником.

Саур сражался с бандитом без всякого оружия. Но даже несмотря на силу, габариты и оружие громилы особой разницы не чувствовалось. Саур увернулся от свистящего клинка и вонзил кулак в одну из ран, оставленных мечом. Боль от этого непроизвольно заставила бандита согнуться вправо, и Саур откинул тело в сторону. Он схватил левый кулак головореза, извернулся и вонзил боевой нож, который тот сжимал, прямо в лицо.

Головорез откинулся назад, клинок впился по самое рикассо между глаз. Саур даже не посмотрел, как враг упал вниз. Мужчина отвернулся и наступил на горло второму бандиту, чтобы закончить этот поединок.

Он посмотрел на меня, и тонкая линия губ изогнулась в усмешке. Как же я презирала этот его обрубок носа, маленькие, тяжелые глаза и непослушные желто-белые волосы.

— Можешь пройти, — сказал он.

— Превосходно, Фаддей, — ответила я, прекрасно зная, что он ненавидит, когда я говорю с ним на равных, — но это уж совсем лишнее. Они мертвы, а поэтому не смогут предоставить нам никакой информации.

— Информация? — переспросил он, не скрывая презрения. — От ослепленного войной? — и поднял меч.

— Не думаю, что они случайно здесь ошивались. Наоборот, их могли оставить здесь так, как оставляют цепных собак во дворе.

Я услышала шаги. Реннер Лайберн прошел по коридору позади меня. Он нес штурмовой автомат "Мастофф" с тяжелым объемным магазином — еще одна единица из тайника Харлона. Мужчина взглянул на тела и поморщился:

— Что тут стряслось? — спросил он.

— Фаддей решил повыпендриваться, — ответила я.

Саур вытирал кровь и жир с клинка, искоса глядя на меня.

— А вот и нет. Это был ближний бой, поскольку ты не дала мне пистолет.

Правда. Мне вовсе не хотелось, чтобы Саур отправился со мной в Дом-Колонну, но Гидеон настоял. Не давать Сауру огнестрельное оружие — единственная уступка, на которую пошел инквизитор.

— Если здесь еще остались эти звери, — подметил он, — вы захотите, чтобы у меня были не только клинок и кулаки.

— Я не хочу этого от тебя, и точка. Будь моя воля, ты бы вообще находился как можно дальше от всего этого.

Он пожал плечами, а я тут же пожалела о замечании. Мне удалось заметить искры в глазах. Мы даже не сказали ему, кто, по нашему мнению, окажется добычей. Я слишком ярко это ощущала. Гидеон подумал, что это полезный тест на выносливость и память для Саура. Если каким-либо путем он узнает мэм Мордаунт, то именно этот путь и покажет нам, как его разум изменили. В моем замечании и проскользнул намек на поиск чего-то или кого-то, что может иметь для него значение. А Фаддей Саур отнюдь не был глупцом и сразу заметил это.

Он промолчал и убрал меч в ножны, кивнув в сторону люка впереди.

— Никакой информации от ослепленных войной нам не нужно. Это место под охраной. Используй свой взор, Биквин.

«Как я тебя учил» — таков был невысказанный конец этой фразы.

На раме старого люка было что-то выцарапано. Эти таинственные символы.

— Ведьмины метки, — произнесла я.

— Ведьмины метки. Путь вперед хорошо охраняется.

Он повернулся и перевернул одно из тел носком ботинка.

— И тут они, видишь? Такая же метка и на коже, и тут, на ошейнике. Свежая скарификация. Цепные псы, и им необязательно оставаться в живых, чтобы рассказать это.

— Ты знаешь, что это за метки? — спросил Реннер, и Саур кивнул.

— Откуда? — спросила я.

— Я их где-то видел, — ответил тот. — Фантомы воспоминаний, украденных у меня.

— И все?

— Это глифы Когнитэ, — ответил он с неохотой, — символы более древние, из герметических знаний, но их выполнили так, как учат делать перфекты.

Я повнимательнее присмотрелась к знакам, но все оказалось тщетно. Они вовсе не походили на почерк в записной книжке. Это был совершенно другой, тайный алфавит.

— И что это значит?

— На этих головорезах символы контроля, что удерживают их здесь, в этом месте, словно часовых. Те знаки, что у входа... Не знаю, но я не хотел бы лезть в тот люк.

— Дверь боли? — спросила я.

— Возможно. Или даже хуже.

— Фаддей, ты можешь им противостоять, или отменить их?

Саур покачал головой:

— Думаю, что когда-то я мог это сделать, и даже был обучен их использовать. Но этот навык отняли. Я не стану вмешиваться в эти дела и вам советую поступить таким же образом.

Он посмотрел на меня.

— Когнитэ, да? Вот кого мы здесь ищем?

— Тебя не проведешь, Фаддей. Ты уже все понял.

— Возможно. Так кого же?

— Можешь сам понять, — отрезала я. — Считай, что это проверка. Есть предположения?

— Нет, — ответил он и даже стал выглядеть по-настоящему несчастным. — Я даже их имен не помню.

В редкие моменты, такие как сейчас, я сочувствовала ему. Как лидер Мейз Андю, Саур был сильным и смелым, высоким и привилегированным членом Когнитэ. Лишиться всего этого — власти, знаний, авторитета, быть отвергнутым и брошенным теми, кому ты оставался верен — горькая и неблагодарная судьба. Я напомнила себе, что Саур был убийцей и моим жестоким наставником, благодаря ему и его приказу моя судьба также оказалась лишена истины и смысла.

— Прочешите периметр, — сказала я им обоим. — Убедитесь, что поблизости не осталось ослепленных войной. Мне нужно посоветоваться.

Дом-Колонна располагался в северо-западной части города. В прежние дни имперского великолепия в Королеве Мэб находилось несколько исполинских космопортов и возвышающихся доков, где на верфях могли пришвартоваться и торговые суда. Таким образом, торговля процветала, и в город сбегались миллионы посетителей, а гордые полки отправлялись на войну и службу за пределами планеты.

В наши дни портов осталось мало. Высокий Карло исчез — его снесли, а Якорные Врата превратились в жалкие руины. От Мархейта остался лишь заброшенный шпиль, и ныне только ветер посещал то место. С уменьшением силы, размеров и влияния, у Королевы Мэб остался только один важный порт — Куинспорт, который прекрасно справлялся с движением в подсекторе. Дом-Колонна, как его прозвали местные, когда-то был портом Гейлсайд, выведенным из эксплуатации одним из последних, около сорока лет назад. Огромный бастион, куб из балок и подмостков, возвышающийся над северо—западными кварталами. За свою долгую жизнь в качестве рабочего порта внутренние каркасы подмостков были заполнены взаимосвязанными модулями СШК для энергоснабжения квартир, грузовых и служебных зон, а также офисами администрации порта, Муниторума и Администратума. Мне рассказывали, что эти отсеки на самом высоком уровне, откуда открывался самый лучший вид на прекрасный город, предназначались для роскошных приемов и служили апартаментами для богатых гостей, дипломатических послов и крупных торговцев.

Как и многие другие части Королевы Мэб, Гейлсайд пришел в упадок и начал жить унылой загробной жизнью. Он стал таким заброшенным и прогнившим, что некоторые части заколотили досками, дабы конструкция не обрушилась. Нижние уровни и старые уличные рынки оккупировали бедняки и бездомные, прокаженные и слепые, образуя вертикальные трущобы, которых, по мнению общественности, следовало избегать. За прошедшие с тех пор годы трущобы выросли вверх внутри

каркаса колонны из-за добавления модулей спасательных камер, поднятых и сложенных в столбик на месте. Некоторые из них действительно являлись ненадежными, едва поддерживаемыми балочными креплениями или опорами для натяжного троса. Другие же были импровизацией из обрезков пластин, досок и древесины; рудиментарными предметами хитроумной, хоть и весьма шаткой конструкции, натянутыми вдоль горизонтальных балок подобно гнездам или подвесным корзинам. Сходни, подвесные мосты и шаткие лестницы скрепляли все это вместе. Некоторые поговаривали, что Дом-Колонна выглядел как корявый пенек, пораженный грибком, или какая-то растущая башня из множащихся жилищ, где каждая комната или модуль являли собой бутоны, расцветающие по всему периметру.

Я вот всегда думала, что это больше напоминает детскую игрушку, конструктор из разнообразных строительных блоков, весьма небрежно сложенных в клетке из металлических ребер без какого-либо понимания дизайна или дополнительных навыков. Колонну можно было увидеть или даже учуять — со многих улиц, и всегда казалось, что эта конструкция вот—вот рухнет. На верхних уровнях, более чем в полукилометре от улицы, портовые сооружения из кранов, буровых вышек и якорных мачт покрывались ржавчиной на фоне неба. Один старый корабль, известный как «Лир», все еще скрипел и покрывался коррозией в гравийных доках наверху, чтобы больше никогда не бороздить пространство. Хотя я точно не знаю, такое ли название у судна на самом деле, или это просто красочный отголосок городского фольклора.

Вид из апартаментов тайной госпожи Тимурлина, который Гидеон показал мне, открывался с южной стороны руин и самой высокой точки города, где можно было насладиться особым видом на Святого Марзома Мученика. Мы сделали вывод, что это должна быть одна из квартир на самом верху, в которых когда-то останавливались дворяне и состоятельные люди. Доступ к ним сверху оказался заблокирован, поскольку у нас не было транспорта, способного туда добраться. Поэтому я и решила зайти с улицы, бросив вызов грязи и крошечной тьме беззакония этих возведенных трущоб с хитроумным естеством конструкции.

Теперь и этот путь казался нам закрытым.

Мне не нравился Дом-Колонна. Мрачное, убогое место, полное глухих тупиков и нелогичного самостроя. Воздух здесь оказался спертым, и некоторые из нижних залов погрязли в зловонии от разлагающихся отходов и отходов. Стены укрывали толстые слои жира и корки грязи. Жильцы шарахались от нас, словно паразиты. Во мраке мы слышали шепот и голоса. Чем дальше мы поднимались вверх, тем более нестабильным — по крайней мере, так казалось — становилось все вокруг. Некоторые блоки покачивались или дрожали, когда мы проходили по ним — они словно с трудом удерживали баланс или попросту были плохо закреплены. В некоторых местах полы и стены прогнили до такой степени, что казалось глупой затеей вставать на них всем нашим весом. В других блоках все полностью отваливалось, внезапно открывая головокружительный вид на трущобы внизу или даже на дальние улицы города. Дым от готовки заполнял некоторые узкие коридоры и лестничные клетки подобно газу из баллонов, или его разносил по галереям пронизывающий ветер, отчего создавалось впечатление, словно мерзкий джин только-только освободился из лампы.

Здесь можно было встретить и ослепленных войной, поскольку весь район принадлежал их бандам, но я не ожидала, что среди них найдутся головорезы с ведьмиными метками для охраны этого места. Не ожидала и того, что путь наверх будет слишком хорошо защищен от нежеланных гостей. Меня утешало лишь то, что стиль защиты говорил о незаурядных способностях. Кто бы ни скрывался наверху, он явно был одним из старших членов Когнитэ или кем-то, кто обладал похожими знаниями.

Я отошла от Реннера и Саура, как только они начали прочесывать посадочную площадку, на которую мы

вышли. Похоже, мы преодолели треть пути вверх по весьма потрепанной части Дома-Колонны. На дворе стоял ясный, туманный и безветренный день, но на такой высоте из каждой щели и из каждого разбитого окна доносились стоны ветров и сквозняков, скрипели и свистели половицы. Опускные занавесы и потрепанные куски брезента, натянутые для защиты от непогоды, продолжали колыхаться и развеиваться от ветра. Несуразные обереги из ниток, перьев и птичьих черепов, потревоженные легким ветерком, громыхали в арках, переплетаясь со звоном музыкальных подвесок. Жильцы-бедняки сделали маленькие ветряные мельницы с лопастями из бумаги, пробитой жести и плакатов. Они жужжали и постукивали на подоконниках благодаря сквознякам так быстро, что вращающиеся спицы поднимали жужжащий гул.

Я решила протестировать микро-бусину.

— Кающаяся вызывает Коготь, — проговорила я, — искатель сбился с пути.

Никакого ответа, лишь помехи, едва слышные из-за стука вращающихся лопастей. Я повторила. Гидеон сказал, что мы должны использовать глоссию для общения, и Харлон научил меня основам. Воистину, я многому научилась у Эйзенхорна. Глоссия — неофициальный жаргон, возникший у него на службе — включал в себя косвенные метафоры и заранее согласованные замены, так что короткие непонятные переговоры могли совершаться даже через открытые каналы. Он также служил для того, чтобы подтвердить личность анонимного ответчика. Я же в свою очередь думала, что этот жаргон несколько устарел и был понятен любому, у кого есть хотя бы капля ума, но в то же время этот шифр был эффективен благодаря простоте, и ему не нужно было сложное и частое вокс-кодирование и шифрование. По правде говоря, меня радовало то, что мне дали собственный позывной.

— Кающаяся вызывает Коготь.

И вновь тишина. Я задавалась вопросом, пропускает ли хаотичная конструкция здания связь, не уменьшает ли каким-то образом радиус действия. Я шла по импровизированному коридору. Сквозь разорванную занавеску впереди лился солнечный свет. Вытащив пистолет, я держала оружие наготове в случае любых неожиданностей. Толстые доски стонали под ногами, лопасти ветряных мельниц продолжали трещать рядом.

— Кающаяся вызывает Коготь. Кающаяся вызывает Коготь, искатель сбился с пути.

Я отодвинула занавеску и прошла внутрь. Теперь я очутилась в маленьком алькове, заваленном битыми бутылками. Он выходил на наружную платформу, подвешенную над южной стороной дома. Построенная из переработанных досок и привязанная к ближайшей поперечной балке изношенными стальными тросами, платформа покачивалась на легком ветру.

И вот я уже стояла снаружи. Там же сигнал станет лучше, да?

— Кающаяся вызывает Коготь.

Город находился далеко внизу и напоминал лоскутное одеяло, сотканное из крыш, труб, мачт и шпилей, уходящих вдаль в желтой полуденной дымке. Ветер доносил до меня отдаленный гул движения улиц, звуки клаксонов и приглушенные крики уличных и рыночных торговцев со Странной Площади Коммерции. Та еще клоака. Справа от меня виднелись размытые очертания церкви святого Марзома. Но это не тот угол обзора — слишком низко. Прислонившись спиной к деревянным перилам, я вытянула шею вниз. Разодранный шаткий фасад южной стороны старого порта парил прямо надо мной, выглядя словно утес из подвешенных контейнеров и ветхих лачуг на фоне практически синего неба.

Нам нельзя было задерживаться, и, выругавшись про себя, я прикоснулась к подвеске из призрачной кости, обвивающей мою шею.

— Гидеон? Гидеон? Во имя Трона, вы где?

Реннер и Саур должны были вести нас вверх. Нейл и Кара должны были последовать за нами, а Рейвенор и Кыс замкнуть шествие, как только доступ будет получен.

— Гидеон. Кающаяся ждет, раздосадованная.

Вновь никакого ответа. Я развернулась, чтобы пойти назад, но тут услышала шепот где-то внутри затылка.

+Кающаяся+.

— Гидеон? Ты где? Что со связью?

+Ничего. Подожди, пожалуйста+.

Я подождала, как мне велели. Прошло две минуты.

+Кающаяся. План изменился+.

— Ну, ты нам здесь нужен. Мы не можем продвигаться наверх, дорога заблокирована. Дверные проемы под охраной, а Саур или не может, или не хочет обезвредить их.

+Прискорбно+.

— Воистину. Нам нужен твой опыт.

+Мне жаль, но план изменился. Произошло кое-что, из-за чего я не смогу к вам присоединиться+.

— Что ты имеешь в виду? Что произошло?

Он замолчал, и это молчание, казалось, длилось вечность.

— Гидеон? По крайней мере, пришли поддержку. Нейла и Кару...

+ Нет. Они мне нужны здесь оба, и Вертел тоже. Возникли кое-какие обстоятельства, требующие моего внимания. Всех троих пришлось отозвать.

— Пожалуйста, объясни. Чего такого важного произошло, что мы ставим под угрозу операцию сразу после начала?

+ Я не могу это так открыто сказать, Кающаяся, и не могу объяснить по воксу. За мной наблюдают. Я думаю, что лучше считать операцию прерванной. Идите куда-нибудь в безопасное место и ждите моих дальнейших указаний+.

— Мы уже тут, Гидеон...

+Ценю это. Но дальше вам не пройти, а я не могу вам помочь и сейчас вы должны отступить. Если хотите продолжать и думаете, что сможете это сделать, то приступайте, но поддержку оказать я вам не могу. Вы будете там сами по себе. Я настоятельно рекомендую вам отступить и подождать. А когда время придет, я свяжусь с тобой+.

— Когда придет время? Что это значит? Гидеон?

Никакого ответа не последовало.

— Гидеон? Ответь мне. Гидеон?

Прождав целых десять минут, я так и не дождалась ответа и не смогла понять, что могло отвлечь Рейвенора. Если бы это была новая и гораздо более перспективная зацепка, он бы просто отозвал нас всех. Я прокрутила в голове все сказанное им и поняла, насколько он был аккуратен и сказал только основные аспекты, не вдаваясь в детали. Никакого упоминания о нашем или его местонахождении, он использовал только ключевые слова глоссии — Кающаяся для меня и Вертел для Кыс — а не наши настоящие имена. Он тщательно следил за всем, что говорит. За ним наблюдают — вот что он на самом деле сказал.

Но кто? Ясное дело, что это был некто, кто обладал как техническими навыками контроля связи, так и психической способностью подслушивать мысли. Иначе для чего Гидеону было бы использовать жаргон даже в телепатическом общении? Хотя, может быть, проявились его старые замашки, привычка использовать глоссию в полевых условиях. Но он был так напряжен и мыслил осторожно, была у этого некая подоплека... кое-что этакое. Отчетливое и умышленное, легко ощущающееся настроение, передающее смысл без всяких слов. Сильные псайкеры могут промышлять подобным, эмоционально окрашивая сводки так же, как изменяется шрифт письма, чтобы показать срочность или симпатию.

Все, что он послал мне, передало сдержанное чувство напряжения. Опасения. Или даже тревоги.

Если его смогли загнать в угол или застал врасплох противник, то кто это был? Бог-Император свидетель, в Королеве Мэб таких личностей было предостаточно. В каждой тени притаились враги или их друзья. Я даже составила список, где лидировали граэли и перфекти Когнитэ. Затем я задумалась о другом. Даже сейчас, спустя столько времени, я неохотно пишу их имена здесь. Мои мысли были забиты теми, кого Гидеон назвал “гостями”, что преследовали нас в комнате для хранения документов, ведомые голосом древней Тизки. Они придавали особое и нечестивое значение силе истинных имен, поскольку одно упоминание титула привлекло их к нам.

Это были они? Они вернулись? Не потому ли Гидеон не называл имен, чтобы не выдать нас?

Конечно, я не узнаю ответов на эти вопросы еще какое-то время, поэтому просто расскажу о том, что произошло дальше. Расскажу, что знала на тот момент. На этом ветхом деревянном мостике я обдумывала варианты и пыталась развеять страхи. Операция сорвалась, но ее еще можно было выполнить. Если я отступлю, то только для того, чтобы спрятаться, поскольку я не смогу найти Гидеона и помочь ему, и шанс найти нашу цель может исчезнуть навсегда. Но с другой стороны, чтобы продолжать эту операцию в одиночку, без всякой поддержки, нужно обладать нестандартным мышлением.

Слишком большой риск.

— Лайтберн?

— Ты где? — ответил Реннер по нашей связи.

— Совсем рядом. Говори.

— Ну, мы прочесали здесь все. Ослепленных войной больше не осталось, но три дверных проема

запечатаны этими проклятыми символами. Думаем, что заблокирована каждая лестница, ведущая наверх.

Из кармана я достала флакончик для духов: один из тех симпатичных флакончиков Кары, который переделала для своих нужд.

— Реннер, я поднимусь одна.

— Что?

— Что слышал. Оставайся на месте и приглядывай за Сауром. Подкрепления не будет. И не задавай лишних вопросов. Если вы сможете найти безопасный способ подняться, идем вместе, но если нет, то оставайтесь на месте и ждите моего сигнала.

Лайтберн недвусмысленно начал возмущаться, но я отключила микро-бусину, тем самым заставив этот укоряющий голос исчезнуть.

Я открыла флакончик и подняла вверх. Когда Тимурлин поранил меня, я успела наполнить сосуд своей кровью, прежде чем перевязала рану. Никакого желания заниматься самоистязанием у меня не было. Хоть капли крови в маленькой бутылочке и стали мутными и набухшими, я все-таки надеялась, что даже этого будет достаточно..

Практически сразу я услышала тяжелые хлопки крыльев.

Комус Ноктюрнус приземлился на мост передо мной с такой осторожностью, что его огромная туша едва касалась опасного выступа. Он присел, сложив огромные крылья за спиной. Повисла тишина. Я заметила, что на его подбородке и краешке губ виднелось около двух или трех пятен крови. Мне даже не хотелось знать, откуда эта кровь, но его глаза стали яркими от ярости, и мне стало страшно от мысли о том, что ангел вновь мог впасть в хищное безумие, от которого он страдал. Я сняла наруч.

Ангел вздохнул, и с плеч создания спало сдерживаемое напряжение.

— Как самочувствие? — спросила я.

— Уже лучше, — ответил он. — Нравится мне свежий воздух и свобода. Но эта ярость всегда рядом. Я думал, что пролетел ее, но она осталась, и иногда...

— Иногда?

— Иногда я забываю, кто я, и временами наступает затмение.

— Ты — Комус Ноктюрнус.

Он кивнул.

— А ты утешение, нуль.

— У тебя кровь на лице, — осторожно начала я.

Он нахмурился и поднес огромную мраморную руку ко рту.

— Ох.

— Мне стоит об этом переживать?

— Голуби, — пристыженно ответил он, — еще я поймал ворона вон там, над церковным двором. Мою жажду трудно...

Я подняла руку, чтобы он помолчал.

— Ты все еще мне подчиняешься, Комус Ноктюрнус?

Он кивнул:

— Естественно.

— Тогда я хочу туда, — продолжила я, указывая на «гнездо» наверху.

Он выпрямился во весь рост и навис надо мной:

— Это можно устроить.

Безо всяких предисловий ангел обнял меня. И я тут же утонула в его крепких объятьях, но в них уже не было той ярости, с которой он держал меня на ступеньках у Королевского Створа. Даже минутки не осталось, чтобы подготовиться или обдумать, мудро ли я поступаю. Он крепко обнял меня руками и соскользнул с платформы.

Мы упали. Ветер бил по ушам. Мир вращался вокруг — выпуклая и панорамная перевернутая линия горизонта, шпили, ковер-город — и все это проносилось мимо с такой неумолимой скоростью, что я закрыла глаза и уткнулась лицом ему в грудь. Может быть, я даже вскрикнула или сказала такие слова, из-за которых в приличном обществе на меня бы посмотрели искоса. Но падение прекратилось. Я услышала, как трещат нечеловеческие крылья, бьющие воздух в полете. Почувствовала огромную силу мышц, как грудная клетка и бока ангела двигались, словно сейсмический поток рядом со мной. И, сожалея обо всем, я прижалась к нему.

Мы снова обрели вес, гравитация тянула нас вниз, но его крылья боролись с ней. Мы наклонились и взлетели. Солнечный свет заливал мои зажмуренные глаза. Я чувствовала жар и силу крепких рук. Ощущала не-аромат этой белой плоти, похожий на запах порошка тонкого травертина или ауслита в холодном храме.

Ветер дул мне в лицо. Я открыла глаза. За стиснутым изгибом его необычайной груди я увидела мелькающий фасад Дома-Колонны, нисходящий вихрь из окон, стен, причалов, балконов, кабелей, балок, досок и подпорок. Дышать было невозможно, настолько сильно дул ветер. Как же ему это удавалось?

И как только он посмел опуститься на землю снова, если вся эта свобода принадлежала ему?

Мы поднялись над вершиной Дома-Колонны, выше всего оставшегося мира. Мельком я заметила разрушенный пейзаж верхних платформ, ржавые остовы мертвых кораблей, краны и грузовые верфи. Я увидела разъединенные кости судов, некогда курсирующих между звездами, и целые ряды разрушающихся десантных кораблей Милитарума, ожидавших на летних палубах, словно экспонаты окаменелых птиц в музее. А за ними — вся чаша мира и неба. Я могла разглядеть всю Королеву Мэб, каждую окраину, каждый чертог, как лишь Бог-Император может смотреть на нее с высоты Золотого Трона. И тут мы вновь нырнули внутрь, вновь в невесомость, перевернулись и влетели под край высоких дворов, прямо в тень, прочь от солнца. Мы парили между массивных балок вокруг смазанных маслом колонн из свисающих цепей, таких громадных, что ими можно было перетянуть весь мир. Он висели мертвыми, словно остановившиеся маятники гигантских часов. Новый взмах крыльев, и мы рванули вперед,

ускорившись так, что я закричала от беспомощности. Мы пронеслись над низкой и величественной чугунной аркой, над крышами и мимо кучно расположенных контейнеров и наконец-то пролетели сквозь щель в адамантиновой оснастке.

После этого мы приземлились.

Я отошла от него, восстанавливая равновесие и ощущая собственный вес. Он вопросительно посмотрел на меня. Я не смогла сдержать смех.

— Почему?

— Думаю, что больше я никогда не буду этого делать.

— Я сделал тебе больно?

— Нет, Комус. Это такой сомнительный опыт, что я не уверена, что смогу его повторить еще раз. Я создание, призванное ходить по земле, а не летать в небе, как ты. Это... весьма волнительно и пугающе. Но и радость приносит.

Ангел медленно кивнул.

— Это единственное спасение, которое я знаю, кроме тебя. Небо и ты, нуль. Единственные друзья, которым я могу доверять. Это то самое место?

Я огляделась вокруг — мы стояли на огромном балконе под кромкой порта, может быть даже на остатках того, что некогда служило террасой на крыше квартиры.

— Да, — ответила я и замолчала, обдумывая дальнейшие действия. — Думаю... — Я обернулась, но ангела уже нигде не было.

Я подошла к перилам и попробовала связаться с Реннером или Сауром, но никто из них не ответил. Либо бусинам не хватало радиуса, либо эта масса литого металла и других стройматериалов между нами не пропускала сигнал.

Взглядом я искала Святого Марзома Мученика. Он оказался прямо передо мной, и угол обзора напоминал изображение в моем сознании. Во всяком случае, сейчас я находилась очень высоко.

Я достала “Тронсвассе” и проверила его боезапас, после чего направилась в апартаменты, расположенные за садом на крыше. В двери и оконной раме не осталось стекол, и жилое помещение превратилось в гниющие руины. Годы бурь, непогоды и долгих зим превратили то, что некогда было роскошной резиденцией, в пещеру жидкой грязи, где книги, занавески и обивка мебели стали перегноем и черной слизью. Вокруг витал едкий воздух. Я осторожно подалась вперед, проверяя поверхности и рамы на наличие символов защиты. Дверь стала не более чем распухшей волокнистой массой в раме из-за повреждений водой. Хватило и пары сильных толчков, чтобы я вошла в прихожую — царство мрака, где свет плохо поступал внутрь из-за загрязненных окон. Здесь витал стойкий запах холодной сырости, а с потолка капала вода.

Это напоминало площадку гранд-отеля с черной железной лестницей, ведущей на нижние этажи. По крайней мере, здесь все казалось более стойким. Эти некогда вычурные резиденции были частью первоначальной конструкции порта, а не импровизированными пристройками, которые в последнее время настроили без особого внимания к безопасности.

Я спустилась по железным ступенькам, держа пистолет наготове. Расправила плечо и поняла, как оно болит. Клинок Тимурлина задел меня прошлой ночью, и хоть рану промыли, перевязали и наложили на нее пластырь, она все еще была слишком глубокой. Напряженное путешествие в качестве груза ангела немного примяло пластырь, возможно даже вновь открыло только начавшую заживать рану.

Апартаменты на нижнем уровне тоже оказались разрушены. Сквозняки сновали по грязной лестничной площадке. Еще один этаж вниз, так мне казалось. Там находилось еще больше развалин и одна ничем не примечательная дверь, грязная и наполовину скрытая за кучей сломанных перил. Но было ощущение, что я нахожусь в нужном месте, а вся грязь вокруг — это всего лишь прикрытие, чтобы ничего не выделялось из этой картины разложения.

При близком осмотре дверь действительно оказалась весьма прочной. Под налетом грязи мне удалось рассмотреть какую-то метку, декоративный узор, похожий на паутину. На дверной раме из черного дерева красовались едва заметные шестигранные знаки.

Я обдумывала, как лучше поступить. И второй вариант едва ли подходил. Иногда, размышляла я, прямые действия лучше коварных.

Я постучала по двери рукоятку пистолета.

— Здравствуйте. Мне нужно с вами поговорить.

К моему удивлению, щелкнул замок, и дверь распахнулась. Внутри я увидела бледный свет.

— С вашего позволения вхожу, — крикнула я.

Ответа не последовало.

— И с позволения ваших защитников.

— Скажите мне, кто вы, и они вас пропустят, — ответил далекий голос. Она говорила на низком готике, но мне не удалось узнать, кто это.

— Бета Биквин.

— Тебя знают.

Я глубоко вздохнула и сделала шаг внутрь. Никакая тайная боль не заставляла меня этого делать. Внутри оказалось тепло, а воздух был чистым и практически благоухал. За дверью оказался короткий коридор, отгороженный коваными железными панелями, где каждое железное переплетение оказалось симметричным и мастерски выполненным узором в виде паутины.

Я шла вперед. Свет просачивался через высокие ворота в конце. Ворота из черного железа, тоже в виде паутины. Свет отбрасывал тени этого узора обратно на пол, прямо к моим ногам, и на богатом ковре Селджиони проявилась паутина.

— Я пришла по доброй воле.

— Ты пришла с оружием наготове, — ответил голос, и я тут же убрала оружие назад в кобуру.

— Это здание полно опасностей, но мои намерения чисты. Я слышала, что вы нуждаетесь в помощи. В союзнике. Я думаю, вы уже обращались ко мне в надежде, что я смогу вам помочь.

— Помочь с чем?

— С тем, кому вы до недавнего времени служили годами, но теперь отказываетесь от воздаяния и признания.

— Ты о чем таком толкуешь?

— Не о чем, а о ком. Король в Желтом.

Я добралась до внутренних ворот.

— И каким образом это я к тебе обращалась? — спросила она.

— В салоне Ланмюра. Через проводника, которого заставили замолчать за эту попытку.

— Я связалась с человеком, которого я знала когда-то, — сказала она, — и который теперь объединился с человеком, заслуживающим доверия.

— Вы доверяете еретику?

Послышался смехок.

— Еретики единственные, кому вообще стоит доверять. Поскольку у них есть все, что можно приобрести, и все, что можно потерять. Но боюсь, что ты уже не тот человек. Ты изменилась и стала на сторону тех, кому, боюсь, я вообще не смогу никогда доверять.

— Почему?

— Потому что Инквизиция — грубый инструмент. Он не изменит отношения ко мне и подобным мне, и не простит моего существования.

— Позволю не согласиться с этим. Инквизиция в целом — да. Но я ручаюсь за того человека, на которого работаю. Можно найти место. Мы можем помочь вам в обмен на вашу помощь. Круговая порука. Он уполномочил меня сказать вам это.

— Ордос скажет все что угодно, лишь бы добиться своего.

— Возможно, но, по крайней мере, давайте поговорим об этом с глазу на глаз.

Повисло длительное молчание.

— В таком случае входи. Но включи ограничитель.

Я поправила наруч и открыла ворота.

Апартаменты оказались огромными и очень красивыми. Когда-то это было помещение для богатых гостей, возможно даже великого герцога или маркграфа. Ряд из окон, выходящих на юг, заклеили, чтобы укрыться от яркого послеполуденного солнца. Воздух наполнился зеленым холодным светом. За окнами виднелась терраса с видом на раскинувшийся город.

Широкое, просторное и обставленное со вкусом помещение. Мотив паутины повторялся на темных обоях, на ковре и даже на всей мягкой мебели. Он был выгравирован и прямо на стеклах настенных зеркал, стоявших практически везде. Зеркала имели различные формы и рисунки, словно были собраны энтузиастом. Некоторые из них потускнели и покрылись пятнами от времени там, где у них проржавела

серебряная подложка. Другие напротив, оставались яркими и кристально чистыми. На золотом подносе, стоявшем на ониксовом столике, тлели благовония.

Она сидела лицом ко мне в коричневом кожаном кресле портье с очень высокой спинкой. Темно-рыжие волосы, платье цвета ржавчины, точно такое же, как в последний раз, когда я ее видела у боковой двери салона «Ланмюр». Как и тогда, она была совсем не похожа на себя. Это и была Тимурлинская Зоя Фарнесса, кем бы ни была эта «Зоя».

Но теперь я видела ее своей способностью осознания, я могла пробиться сквозь эту маскировку, снять это мастерски выполненное обличье. Это была мэм Мордаунт — наставница Мейз Андю.

— Привет, Бета. — произнесла она, улыбнувшись. В отличие от вычурного хромированного ксенопистолета, нацеленного на меня.

ГЛАВА 21

Состоящая из вопросов и размышлений

— Долго я верила в вашу смерть, — я старалась не выдавать ни страха, ни тревоги из-за направленного на меня оружия. Ее бы это разочаровало.

— Мейз Андю пал, — ответила она. — Мы привели в исполнение Хаджару, мы прячемся там, где можем носить чужие лица. А у тебя, Бета, было множество лиц.

— Ты за мной наблюдала, — и это был не вопрос. В Мейз Андю мы использовали лорнет для того, чтобы изучить цели и подготовиться. Я не сомневалась, что эти зеркала странной природы, ведь мэм Мордаунт была экспертом в подобного рода шпионаже.

— Ты так думаешь из-за моих зеркал?

— Мне так сказал ваш перфекти, Вернер.

Она задумалась.

— Он вернется?

— Нет, мэм.

Теперь она вздохнула:

— Ты убила его?

— Он попытался убить меня, но нет. Его убил другой человек.

— И покончил с театром, ведь он сказал свое настоящее имя.

— В конце концов, другого выбора у него не было.

Ее и без того темные глаза, казалось, стали еще чернее.

— Тогда... Рейвенор убил его.

Я покачала головой:

— Рейвенор заставил сказать правду, но убил его Фаддей.

Наблюдая за ее лицом, я ожидала хоть какой-то реакции, но ничего не произошло.

— Я видела, — тихо ответила она, — Саур пришел с тобой. Неверная душонка. Перебежчик.

— Не знаю, что он такое. — отрезала я. — И он не знает. Его память изменили. Что с ним сделали?

— Да ничего, насколько я знаю. В последний раз я его видела в суматохе, когда Мейз Андю пришел конец. Мы все бежали. Фаддей мастер как нападения, так и защиты. Помню, как он сказал мне... еще много лет назад... что обучался определенным дисциплинам, которые укрепят его разум, если он когда-нибудь попадет в плен. Синаптические контрмеры. Они активируются с помощью ключевой фразы или мантры только в крайнем случае. Они сотрут память и очистят мысли, так что он действительно не сможет ничего сказать, даже под страхом пыток. Бета, я подозреваю, что Саур сделал это сам.

— То есть он заставил себя забыть все, а потом забыл, что заставил себя забыть?

— Его же схватили, не так ли? Схватил враг, которого он боялся больше всего на свете. Враг от которого, как он прекрасно знал, не следует ждать милосердия. Я думаю да, так оно и было. Синаптические контрмеры грубые. Они способны стереть память даже о том, что их применили. Думаю, что его можно только пожалеть и простить. Но ты добровольно пошла к врагу.

— Меня принудили. Я осталась одинокой и покинутой. За мной многие охотились. Я выбрала свой путь, и этот вариант был самым лучшим из всех, которые у меня имелись.

— Стать слугой жестокой Инквизиции?

— Мэм, всю свою сознательную жизнь я считала себя слугой Ордосов. Вы меня так воспитали, так что мне не показалось, что это какой-то отчаянный шаг.

Она приподняла накрашенные брови и поджала губы.

— Думаю, так оно и есть. Что ж, тогда я прощаю тебя.

— Я пришла сюда не за прощением. Пришла только потому, что вы одиноки, покинуты и прячетесь в страхе за свою жизнь. Тот, кому вы служили, отрекся от вас, забрал ваши секреты и оставил вас с носом. Вам нужен союзник, иначе нет шансов, что вы покинете Санкур живой. Вдобавок ко всему я думаю, что вам нужно отомстить.

— Ну и ну, а Вернер, я вижу, разговорился, не так ли?

— Разве это не так, мэм?

Она откинулась на спинку высокого кресла, и ее лицо накрыла зеленая тень. Мэм опустила оружие к себе на колени, но от этого легче мне не стало. Ведь она может схватить пистолет в любой момент и выстрелить. И я об этом прекрасно знала.

— У меня весьма невыгодное положение. Все превратилось в пыль. Прежние друзья отвернулись от меня. Планы, частью которых я была, разрушены. Их вырвали у меня из рук. И да, помимо выживания, я

так думаю, мне действительно хочется отомстить. Во мне пылает злоба. Король в Желтом незаконно захватил власть Когнитэ и искажил ее ради своих собственных амбиций. У нас был великий план, Бета, и его вынашивали столетиями, он бы уже принес плоды, но Король отнял у нас все, наши методы, технические достижения, и превратил все это в нечто чудовищное. И я всем нутром желаю увидеть, что он получил по заслугам. Но я не уверена, что ты можешь предложить мне что-то, в чем я действительно нуждаюсь. Я рада видеть тебя, Бета. Рада, что ты жива. И я тронута тем, что ты настолько заботилась обо мне, что сильно рисковала по дороге сюда. Я польщена этим визитом. Но с этого момента наши пути расходятся.

— А я так не думаю. И, при всем уважении, это вовсе не светский визит. Мы охотимся на Короля. И мы можем обеспечить вам защиту в обмен на знания. Вы обладаете жизненно важной для нас информацией. Она приведет нас туда, куда нужно, и вы сможете отомстить, как и мечтаете.

— Я даже представить себя не могу помощницей Инквизиции, а ты? — спросила она, непринужденно улыбнувшись. — Сотрудничать с Гидеоном Рейвенором? Вряд ли.

— А вот с Эйзенхорном смогли бы? Кто, если уж на то пошло, был самым заклятым врагом Когнитэ на протяжении многих лет?

— Он другой, — упрямо сказала она. — Враг, да. Но и еретик тоже. Я кое-что знаю о нем, дитя. То, что случилось с ним на Гермоше. То, что заставило его вновь улыбнуться. Он был изгоем, не подчиняющимся правилам и законам. Я презирала его, но если бы он только увидел и мои заслуги в этом, то стал бы отличным оружием мести.

— Он мертв, — отрезала я.

— Очень жалко. И Рейвенор жив. Более благородный человек, таким сложнее нравиться. Я не могу встать на его сторону, Бета. И думаю, что и тебе не стоит ему доверять.

— Не уверена, что у вас есть другие варианты, мэм.

— Это что, угроза, Бета? — спросила она с нотками веселья в голосе.

— Всего лишь наблюдение. В Королеве Мэб вряд ли обитает множество жизнеспособных союзников.

— Напротив. Я как раз рассматриваю несколько удачных вариантов. В этой игре много сторон, и у некоторых есть огромная власть.

— Встречала нескольких, — я подошла к ближайшей стене, на которой висели зеркала, и взгляделась в их поверхность. Во всех отражалось мое лицо — маленькое отражение, большое, четкое или замутненное, искаженное старым стеклом или выпуклой формой, перечеркнутое полосами и безумными трещинами в виде паутины. Но за моим лицом, за комнатой позади, в стеклах скрывались тени, загадочные образы далеких мест и других комнат. Тень в кресле, еще одна за столом, третья вообще расхаживает по комнате. Едва заметный театр теней, похожий на мерцание картинок в тусклых зоотропах.

— Вы собрали много лорнетов.

— Хобби, — пробормотала она. — Развлечение. Лорнетки, магические пластины из обсидиана, осколки флекта из Расплавленных Миров...

— Больше, чем просто развлечение, мэм. Вы следите за потенциальными союзниками так же, как за мной. Оцениваете лучших кандидатов на эту роль.

Рассмеявшись, она поднялась. Я даже забыла, какая она высокая и как изящны ее движения. Она подошла ко мне с пистолетом в руке и уставилась в зеркала. Я же почувствовала запах ее духов, хотя это были вовсе не ее духи, точнее не тот аромат, которым она раньше пользовалась. Что-то новое, нечто из шипра или фужера, новый аромат в соответствии с новой деятельностью. Но несмотря на это, я уловила и легкий запах палочек лхо. Она всегда курила, хотя нам никогда за этим делом не попадалась. Ей явно нравился этот грех, хотя это и не было частью новой, созданной ею личности по имени Зоя. Я же видела в этом недостаток — этакую крошечную слабину. Она почти идеально справлялась с новым видом деятельности, посрамив мастерство своих учеников, подобных мне, и все же она так и не смогла отказаться от этой вредной привычки. Я представила ее одну в апартаментах, как она курила, чтобы успокоить нервы, как боялась целого мира.

Я ведь только что увидела все сквозь маску, которую она постоянно носила.

— О чем задумалась, Бета? Кто-нибудь из них подает надежды?

— Я их с трудом различаю.

— А ты внимательнее посмотри, дитя. Знаешь же, как работать с зеркалами, или я плохо тебя обучила?

Я вновь всмотрелась в зеркала. Тени так и остались просто тенями, крошечными дрожащими фигурками с едва заметными движениями, покрытые временем, одеяниями и побуревшим серебром. И тут один из силуэтов, сидящий за столом, развернулся, возможно чтобы поговорить с кем-то, стоящим вне досягаемости зеркала, и свет на секунду озарил его лицо.

— Блэкуордс.

— Балтус Блэкуордс.

— Значит, он еще жив? Вы подумали насчет него?

— Это вряд ли, поскольку его влияние уменьшилось после инцидента в базилике в прошлом году. Но он все еще привлекателен. Блэкуордсы всегда преследуют свою собственную выгоду, торговля заложена у них в генах. Они корыстны, а следовательно, больше других доступны для манипуляций. У меня все еще остался доступ к резервам Когнитэ. Я могла бы купить его за такую сумму, которая заставила бы его обомлеть.

— Балтус — возможно... Но не демоны на его стороне.

Она взглянула на меня:

— А что ты про них знаешь?

— Вы же наблюдали за мной, мэм. Вы должны знать, что в тот день я тоже была в базилике святого Орфея. Я столкнулась с ними лицом к лицу. Не думаю, что Несущие Слово — подходящие партнеры для построения отношений.

— Воистину, они нездоровы. Да и я сомневаюсь, что им можно доверять многим больше, чем твоему Рейвенору. Их, конечно, купить нельзя. И, если они внезапно передумают, их не удержит ни одна сделка, заключенная Балтусом.

— Странно, что он все еще жив, — тут я увидела еще тень в другом зеркале, частично рассмотрела и лицо.

— А вот этого я не знаю.

— Правда? — переспросила она. — Удивлена. Это же Натен Мисрахи, сенешаль барона-префекта. Я действительно удивлена, что ваши пути не пересекались. Барон-префект стремится удержать свою власть на Санкуре, и она слишком быстро ускользает из его рук. У него плохие отношения с Ордосами, и он в поисках альтернативной поддержки. Мисрахи — его помощник в этом вопросе. Понаблюдай за ним.

— Обязательно. А теперь снова знакомое лицо.

В другой рамке остановилась фигура, расхаживающая по комнате, и дневной свет упал на профиль ее лица.

— Элэс Кваторз, — начала я, — из династии Гло. Значит, и она жива. Она знала очень много, но я чувствовала, что она была слаба. Бесхребетная и нецелеустремленная. К тому же, мэм, она заключила глупые союзы. Дети Императора даже более порочны, чем можно себе представить.

— Да уж, представлять мне не придется, так как я с ними встречалась. Короткая встреча с человеком по имени Теке. К счастью, у меня была хорошая защита. Трудно сказать, чего он хотел больше — трахнуть меня или убить.

— Думаю, что убить и совокупиться одновременно.

Это ее рассмешило. Она подняла руку и указала на овальное зеркало.

— Посмотри туда. Это новички, в игре всего пару недель.

Сначала я не могла разглядеть дергающиеся тени. Потом уже увидела высокомерные гребни, отполированные до блеска доспехи и промелькнувшую жуткую вспышку боевого шлема. Это был не человек.

— Это что... — изумленно начала я.

— Именно.

— Альдари? — прошептала я.

— Совершенно верно. Дела здесь такой важности, что даже ксеносам пришлось вмешаться.

Она посмотрела на меня. Прежде я никогда не видела такой напряженности на ее лице.

— Держись от них подальше, Бета. Пообещай мне. Их не обманешь дешевыми уловками, как людей и транслюдей. Ни при каких обстоятельствах с ними не связывайся.

— Как я понимаю, вы тоже не станете?

Она лишь покачала головой.

— Была еще одна сторона. Ваш человек Вернер упоминал о них. Он сказал, что вы очень всерьез задумывались о союзе с ними. Они - ...

— Не произноси их имени, Бета.

— Как скажете. Знаю, что лучше не делать этого. Они показались мне не менее опасными, чем все остальные, кого я здесь видела.

— О, они жестокие создания. Но у них есть и средства, и хитрость, и они гораздо умнее Несущих Слово или Детей Императора. Я обдумывала все риски от этого союза. Они ждут ответа, но я все-таки отклоню это предложение.

— А... Секретарь?

— Настарнд мертв, Он погиб в Мейз Андю вместе с Мурлис.

— Тогда простите меня, мэм. Вы показываете мне лица сквозь зеркала, но не того, кого выбрали. Было бы безумием связывать ваши интересы с кем-то из них. Думаю, что дерзко с вашей стороны заявлять, что у вас есть варианты.

Я развернулась и уставилась на нее:

— Я полагаю, что вы слишком одиноки и напуганы. Пройдет немного времени, прежде чем Король или одна из этих нечестивых сил обнаружат вас. Думаю, что вам стоит рассмотреть мое предложение еще раз.

Она отвернулась от меня настолько резко, как будто я дала ей пощечину.

— Опять ты за свое! — прошипела она. — Спрашиваешь, словно ничего не знаешь! Словно я тебя ничему не учила! Я не могу измениться также легко, как ты, Биквин!

— Я никогда и не менялась. А вот у вас, мэм, весьма разнообразная деятельность. Вы можете измениться даже лучше, чем большинство. Во имя Трона, есть лишь одна альтернатива — смерть!

— Во имя Трона? Послушай себя, дитя. Я — Когнитэ, и противоположность всему, что касается Трупа-на-троне. Я бы свергла этот Трон. Как я вообще могу находиться рядом с Рейвенором?

— Угроза порой настолько сильна, что даже худший из врагов должен стать лучшим из друзей. Вы это лучше меня знаете. Насколько смертельной угрозой является этот Король?

Мэм Мордаунт ответила далеко не сразу. Она отошла и вновь села в кресло, на сей раз закурив палочку-лхо.

— Чего же он от меня хочет? — тихим голосом спросила она.

— Ему нужна имеющаяся у вас информация.

— А именно?

— О природе дел Короля. Полное осуществления этого плана. Плана Когнитэ. Ваше имя, к примеру.

— Мое?

— Настоящее имя.

— Ты думаешь, что я скрываю...

— Как и все мы. Вы... Лилеан Чейз?

Она посмотрела на меня, из-за волнения на губах промелькнула улыбка.

— Смешной вопрос.

— Если это вы, то можете помочь нам с Гидеоном разобраться со всем этим, — я вытащила из кармана плаща записную книжку и показала ее.

— Божечки. Эта вещица все еще у тебя?

— Я ее вернула. Можете помочь с шифром? Объясните мне 119?

— Да.

Я вновь положила блокнот в карман, и как только сделала это, произнесла:

— Секреты Когнитэ лезут наружу, мэм. Я думаю, что это происходило в течении многих лет, поскольку Когнитэ слишком раскрутились. Сейчас самое время. Убедитесь, что они попадут в нужные руки, где принесут наибольшую пользу.

— Секреты...

— Да, мэм. Найти средство для прохода в Пыльный Город — это наша главная цель.

— Ты хочешь попасть прямо внутрь?

— Да, вы знаете как?

— Да. Несколько раз я была там. Знаю как. Но и ты была. В «Лихорадке».

— Фактически я даже не осознала этого, и понятия не имею, как я попала туда и вернулась обратно.

Она одарила меня хмурым взглядом.

— Думаю, что все ты понимаешь, Бета. Я бы подумала, что это очевидно. Ты меня удивляешь — ты такая уверенная, много знаешь, много видишь, но такая наивная в самых неожиданных вещах и весьма любопытных вопросах. Попасть внутрь — не проблема.

— Не соглашусь. Иначе бы я вас не спрашивала.

— Проблема, мое дитя, в том, что ты будешь делать там, как только войдешь.

Он затушила наполовину выкуренную палочку лхо.

— Я думала, что хорошо обучила тебя, Бета. Но теперь вижу, что должна напомнить о базовых вещах. Познай себя. Пойми себя. Большинство ответов в этой жизни лежат внутри нас, или вообще прямо у нас перед носом. Их можно легко увидеть, если потратить время и осмотреться.

— Я это запомню. А теперь, не могли бы вы мне описать все, что имеет значение? В обмен, как и было обещано, вы попадете под защиту Гидеона Рейвенора и Святых Ордосов.

Теперь я наблюдала, как она задумалась. У меня не было сомнений, что для нее это являлось трудным решением, поскольку она провела жизнь в бескомпромиссном противостоянии с Инквизицией, которая впоследствии стала чем-то вроде антиматерии в ее глазах. Слово одно прикосновение может уничтожить ее.

Но я вспомнила затхлый запах лхо, который уловила ранее. Маленький изъян в таком идеальном облике Зои Фарнессы — крошечная вспышка личной слабости все-таки вселяла в меня надежду, ведь это говорило о том, что мэм боится и находится в отчаянии. У меня оставалось мало рычагов давления. По

иронии судьбы, методы микропсихологического убеждения, что я использовала, являлись именно теми методами, которым она обучила меня много лет назад в Мейз Андю.

— Ну, ладно, — наконец-то сказала она.

— Тогда скажите мне...

Она подняла руку и улыбнулась.

— Бета, информация, которой я обладаю — моя единственная страховка. Я поделюсь ею непосредственно с твоим Рейвенором напрямую, как только он гарантирует мне защиту. Это моя валюта. И если я растрочу все сейчас, то ты просто можешь убить меня, поскольку я не буду представлять никакой ценности.

— Я бы не стала этого делать.

— Даже если так. Возвращайся к Рейвенору. Обеспечь мне личную встречу с ним. Ты будешь рядом со мной, и неважно, в какое время это произойдет, твой ограничитель должен быть выключен. Так он не украдет ценную информацию из моего разума. Ты подстрахуешь меня в его обществе.

Мне было все равно на договоренность, но я понимала эти требования. Ее доверие нелегко завоевать, а уж тем более сохранить.

— Хорошо, — неохотно ответила я. Мне не особо хотелось оставлять ее здесь одну, поскольку это все могло легко оказаться уловкой, чтобы убрать меня с дороги. И, как только я уйду, она просто исчезнет, и на сей раз отыскать ее будет сложнее.

— Но все же, было бы лучше, если бы вы пошли со мной.

— Нет.

— Тогда, чтобы договориться о встрече...

— Естественно, я прослежу за тобой и сразу узнаю о времени и месте, как только ты договоришься с Рейвенором. Если я увижу хоть один намек на обман с его стороны, то не приду на встречу.

Полагаю, что на большее мне и не следовало надеяться. Мэм была готова присоединиться. И она бы стала ценным активом.

Я кивнула в знак согласия.

— Есть ли какой-нибудь быстрый спуск на нижние уровни? В противном случае мне опять придется снова проделать этот длинный путь. Уверена, что у вас есть свои собственные безопасные возможности входа и выхода из этого тайного убежища.

Она усмехнулась.

— Да, несколько. Для твоего же удобства предлагаю воспользоваться выходом на крышу, ведущим прямо к порту. Немного прогуляешься вверху, где нет никаких банд. Один из грузовых лифтов в ближайшем зале все еще работает, несмотря на его внешний вид. Он доставит тебя к уличным докам на перевале Чилдерик.

— И как мне понять, какой именно лифт? — спросила я.

— Он отмечен знаком, который ты сразу узнаешь, — она поднялась, подошла к маленькому столику с позолоченными краями и выдвинула верхний ящичек. — Что до остальных оберегов и меток, а также связанных моей силой бандитов...

Она достала что-то из ящика и бросила мне. Я ловко словила кулон из молдавита на золотой цепочке. В оливковом полумраке этих апартаментов зеленый блеск внутри метеоритного камня казался настолько интенсивным, что мне показалось, будто это живое существо. На одной из сторон молдавита была вырезана метка в виде шестигранника.

— Это поможет тебе пройти мимо них.

Я уже собиралась было ответить «спасибо», как она резко развернулась. Нечто в зеркалах привлекло ее внимание.

— В чем дело?

— Кто-то идет сюда, вверх по внутренней лестнице.

Мне не понравилось, как мэм посмотрела на меня.

— Ты предала меня? Ты рассказала кому-то об этом месте?

— Клянусь, нет. Дайте мне посмотреть.

Ее внимание привлекло маленькое круглое зеркало, на поверхности которого отображался какой-то затуманенный желоб, и после того, как я взгляделась получше, я поняла, что это черная железная лестница. В тусклом свете одна или две фигуры, поднимающиеся вверх, больше напоминали призраков.

— Сейчас проверю, — отрезала я. Теперь казалось, что она колеблется. — У нас сделка. Инквизиция вас защитит. Я покажу искренность нашего обещания.

Она помолчала, после чего кивнула, все еще сжимая оружие ксеносов.

— Если это слишком для тебя, отступай, — свободной рукой она сняла парик медного цвета, под ним оказались сбритые под ноль черные волосы. — Это место охраняется. Но мы можем сами использовать оборонительные позиции.

Она принялась расстегивать платье цвета ржавчины. Я мельком увидела под ним темный комбинезон. Несмотря на странный стиль ее макияжа, она уже напоминала Госпожу Когнитэ, которую я знала. И тут до меня дошло, что если придется сражаться, то она будет это делать от лица Мордаунт, а не как Зоя Фарнесса.

— Давай же. — Я шагнула к железным воротам. Мое приближение будет незаметным. Я согнула правую руку и почувствовала неожиданный вес мерцающего меча, что появился там.

— Меч Вернера.

— Именно.

— Ты все-таки овладела этим умением.

Если уж говорить начистоту, это было на удивление легко. Мы с Карой осмотрели оружие Тимурлина после смерти. Клинок, казалось, был насквозь пропитан экстимной природой. Дело было вовсе не в

концентрации — ведь именно слишком большое сосредоточение делало этот трюк невозможным. Но мягкий, фактически подсознательный акт воли заставлял лезвие исчезнуть и снова появиться. Я наловчилась даже быстрее Кары.

— Не всем удастся повернуть подобное, — ответила Мордаунт, снимая платье. — Я всегда думала, что ты можешь быть даже перфекти. Конечно, наш план уготовил для тебя другую судьбу.

Я даже не восприняла этот комментарий, что уж говорить о том, чтобы расценивать его как комплимент. Пройдя через железные ворота, я направилась обратно к входной двери. В коридоре было все так же темно, как и до этого. Послеполуденный ветер со стоном неся по лестнице, поднимая клубы пыли с грязного пола. Я прижалась спиной к стене. Кто же это мог быть? Они за мной следили?

Через несколько секунд я поняла, что это действительно «они». Выглянув через перила, я увидела Реннера и Саура, осторожно поднимающихся по лестнице. Саур шел вперед и держал меч наготове. Реннер же следовал за ним, сжимая в руках штурмовой автомат. Оба настороженно вглядывались во тьму.

— Кающаяся, — выкрикнула я громким шепотом.

Они замерли на месте.

— Это ты? — отозвался Саур.

— А кто же еще? — я встала так, чтобы они могли меня увидеть, и перегнулась через перила. — Поднимайтесь, но уберите оружие и сделайте так, чтобы было ясно, что вы пришли с миром.

Саур пожал плечами и положил севераку в ножны. Реннер повесил «Мастофф» на ремень за плечо.

— И что вы тут делаете?

— Идем за тобой, как ты и сказала. Мы шли за тобой. Такой длинный путь.

— А как же опечатанные дверные проемы?

— Фаддей нашел, как их обойти, не так ли? — сказал Реннер. Теперь мы втроем стояли на грязной лестничной площадке.

— Те отметки зловещие, — начал Саур таким тоном, словно был весьма доволен собой, — но дверные проемы, на которые их нанесли? Не более, чем старое дерево, и они не выдержали автоматической атаки.

— Он заставил меня стрелять по дверным косякам, — добавил Реннер. — И в один момент все сломалось и упало вниз. Метка все еще оставалась на раме, но последняя уже лежала на полу, и мы просто прошли сквозь дыру в стене.

Я даже немного смутилась из-за такой простоты подхода. Я призвала ангела, а они использовали грубую силу.

— За мной. И никаких резких движений, делайте, что я скажу. Вы поставили меня в шаткое положение.

Я направилась к двери апартаментов, а они шли за мной по пятам.

— Вы можете отойти, — крикнула я, — это люди из моей команды. Друзья. Они искали меня. Вы

позволите им пройти, как позволили мне?

— Понятно, — послышался ответ изнутри. — Конечно.

— Мы пришли к некоего рода согласию, — пояснила я Сауру и Реннеру, когда мы шли по коридору из железной паутины. — Не делайте никаких действий, способных этому помешать. Мне нужно обговорить еще несколько деталей, и мы уйдем.

Мы вошли в апартаменты. Мэм Мордаунт стояла рядом с креслом, пользуясь габаритами мебели как прикрытием. Теперь на ней красовалось облегающее платье из мягкой черной кожи зоатов, смыв последние следы личности Зои со своего лица. На плече висела тяжелая сумка. Мэм прицелилась в нас.

— Это место уже явно скомпрометировано. Я уйду, как только вы уйдете, и больше сюда не вернусь. Не волнуйся, наша сделка в силе.

Она посмотрела на Саура.

— Я хотела встретиться с ним лицом к лицу, — по озадаченному выражению лица Саура я поняла, что он совершенно не узнает ее. Даже сейчас, когда она больше всего походит на мэм Мордаунт, которую мы оба когда-то знали. Мне стало интересно — ее длинные черные волосы тогда тоже были париком, или теперь пошла мода на такие короткие стрижки. Была ли «мэм Мордаунт» просто еще одной личностью, в которую она играла на протяжении долгих лет? Мне даже показалось, что я никогда не узнаю ее по настоящему.

— Я тебя знал? — спросил Саур. Он прищурил глаза даже больше, чем обычно.

— Да. Но это было давно, Фаддей, и ты — уже не ты. И несмотря на это, я рада тебе так же, как и Биквин. Старые лица в мире, где так мало дружелюбных или родных лиц.

Она посмотрела на меня.

— Вряд ли это вообще можно назвать той поддержкой, которую ты мне обещала, — насмешливо подметила Мордаунт.

— Давайте просто поблагодарим и за это, — ответила я, после чего моргнула, чтобы убрать меч, и подошла ближе, отведя ее в сторону. — Надеюсь, что мы пришли к взаимопониманию. — произнесла я тихо. — Я многое поставила на кон, наверное, и свою жизнь. Если вы откажетесь и исчезнете, то мне придется несладко.

Она выглядела практически уязвленной.

— Я верю, что ты считаешь Когнитэ просто лжецами и обманщиками, дитя. Каждое наше слово и обещание может оказаться враньем. Но мы так же преданы и честны, как и любой другой орден. Думаю, даже больше, чем большинство из них. Больше, чем Ордосы. Для того, чтобы прожить так долго, как мы, нужно доверять друг другу. Мы связаны нашими словами. Ложь и обман — всего лишь обертка, Бета. Мы носим ее, чтобы защититься от хищников. У тебя есть мое слово, но я должна быть уверена, что твое будет равноценным.

Конечно же, я заверила ее, что так и было. Она изучила выражение моего лица, после чего улыбнулась и с нежностью провела по моим волосам. Сколько раз она делала так же, когда я была ребенком и ученицей? Все эти сцены, где она разыгрывала любящую мать и притворялась, что ее заботит моя участь, всегда казались пустыми. Я выросла, думая, что это пассивная агрессия, притворная нежность,

которая должна на самом деле напоминать мне, что мэм имеет власть надо мной.

Но в целом, как бы странно не звучало, сейчас ее чувства показались искренними.

Признаюсь, мне бы хотелось, чтобы этот момент продлился дольше, чтобы я могла заключить его в янтарь на память, но внезапно все закончилось. Позади Реннер позвал Саура.

Тот стоял с таким выражением лица, словно постиг великую тайну. Его рот безмолвно шевельнулся.

— Что это с ним такое? — спросила я, но Реннер покачал головой. Саур взглянул на меня. Я увидела, что у него в глазах застыли слезы, и это меня потрясло. Его охватило ужасное горе, эмоция, которую, как я думала, никогда не увижу на лице такого животного, как он.

— Я... — хрипло начал он, при этом выглядя беспомощным и потерянным. Слезы уже стекали по щекам.

— Он все вспоминает, — перебила его Мордаунт, подходя ко мне, но продолжая смотреть на Саура. — Ты же помнишь меня, Фаддей?

— В-все, — он всхлипнул, — к-каждую часть. Как потоп...

Неважно, что запечатало его память, теперь этой преграды не было. Все стертые мысли снова хлынули к нему в голову с такой скоростью и силой, что он потерял себя. Воспоминания захватили его, и он с трудом мог даже стоять. Саур сделал несколько шагов назад и опустился прямо в кресло. Его трясло от того, что он рыдал.

— Может, это из-за того, что он увидел меня, — спросила мэм Мордаунт, даже не сочувствуя ему. — Мое лицо сорвало блок на его памяти. Должно быть, он установил определенные ментальные ключи, чтобы открыть воспоминания. Может быть, мое лицо или лицо Настрана...

Она остановилась и посмотрела ему в глаза:

— Так ведь, Фаддей? Я была ключом к крепости твоего разума? Ты заставил себя забыть, а при виде меня все вспомнил.

Саур все еще дрожал. Он поднял на нее взгляд покрасневших и слезящихся глаз.

— Моего р-разума? — слышались всхлипы.

— Ты сделал это с собой. Просто чтобы защититься, а теперь...

— Я п-помню... — простонал мужчина.

— Вот видишь.

— Я все помню, — выдавил он. Слез было настолько много, что они уже капали с подбородка и залили его костюм цвета бычьей крови. — Евсев...

— И снова здравствуй, — она холодно улыбнулась. — Пожалуйста, Фаддей, соберись. Мы...

— Евсев, — взвыл он, — я помню, что н-не я. Не я с-сделал. Это сделали со мной.

Мэм Мордаунт отпрянула от него, и улыбка пропала с ее лица.

— Дерьмо!

— Кто сделал это с тобой? Гидеон? — спросила я.

Рейвенор точно так же переписал воспоминания Реннера.

— Это Рейвенор? — спросила мэм Мордаунт.

Саур покачал головой, и из глаз брызнули слезы. Он смотрел на нее с умоляющим выражением на убитом горем лице.

— Мне очень жаль. Прошу.

Мэм Мордаунт посмотрела на него и тут же кивнула. С леденящим душу спокойствием она нацелила на него пистолет.

— Быстрее! — крикнул Саур, глядя ей в глаза.

Из ксеносского оружия вырвался обжигающий луч энергии. Он прошел через грудь мужчины, спинку кресла и пол позади, оставив после себя зияющий дымящийся туннель в диаметр большого пальца. Труп Саура подался вперед, его лицо уткнулось в бедра, а руки тыльной стороной уперлись в ноги.

— Трон Всевышний! — воскликнула я, находясь в шоке от увиденного. — Это было так необходимо?

— Он — растение, — безэмоционально ответила мэм Мордаунт. — Невольный. Его разум был стерт, после чего настроен на запуск при каких-то определенных сигналах. Например, в моем присутствии. Я просто молюсь о том, что я заставила бедолагу замолчать, прежде...

— Кажется, у тебя ничего не вышло, — тихо перебил ее Реннер.

Мы посмотрели вверх сквозь длинную стену окон с зелеными тонированными стеклами. Мы видели террасу на балконе и огромный город. В туманном послеполуденном небе появились звездочки: крошечные точки света, горящие слишком ярко. Сначала четыре, потом пять: одна синяя, две красных, желтая и янтарная. Они неслись к нам через весь город на огромной скорости.

Граэли.

ГЛАВА 22

В которой Восемь нападают

— Нам конец, — произнесла Мордаунт.

— Я к этому не причастна.

— Знаю, глупая девчонка! — огрызнулась она. — Король искал меня все это время, и вот нашел.

— Что это? — поинтересовался Лайтберн, наблюдая с ужасом и восхищением за быстро приближающимися объектами. — Корабли? Огни кораблей?

И как мне ему объяснить эвдемоническую сущность? Как описать безжалостную, неумолимую мыслеформу граэлей, их сверхсилу, эфирную природу, принципы Восьми? Как рассказать об этом

несведущему человеку, фактически ничего не знающему о варпе? Можно ли вообще упомянуть, что судьбой мне было уготовлено стать одной из них? Не было никакого смысла в этом, да и времени не хватало.

— Если они знают наше местоположение, нам нужно бежать, — отрезала я.

Мэм Мордаунт уже подошла к лорнетам.

— У нас уже нет такой возможности, — сказала она, рассматривая изображения, — нас окружили. Я насчитала двенадцать. Один из них уже на внутренней лестнице.

Мэм Мордаунт посмотрела на меня.

— Не будет никого бегства, — продолжила она, — Нам остается лишь пожелать всем естественным, чтобы защиты оказалось достаточно.

— А будет ли?

Она отрегулировала ксеносский лучевой пистолет.

— Я долго и дотошно готовилась к такой чрезвычайной ситуации. Шансы, что они обнаружат меня, всегда были высоки. Так что я надеюсь на то, что все обойдется. Но он послал так много...

— Что Вы такое сделали? Что заставило его охотиться на Вас?

— Я просто существую, — прорычала она, — знаю его секреты и могу о них проболтаться.

Первые граэли уже добрались до нас. Они плавали вдоль террасы, медленно, подобно тому, как цветы одуванчиков качаются на ветру. Каждый из них являлся крошечной яркой звездочкой. Мы уже слышали их треск и шипение сквозь стекло.

— У нас с Реннером нет никаких средств для сражения с ними.

— У тебя есть, — вновь огрызнулась она. — Твоя черная душонка - уже защита. Выключи ограничитель.

Я сделала, как она сказала. В тот же момент немая пустота моего гена парии заполнила апартаменты. Реннер вздрогнул. Мэм Мордаунт презрительно скривила губы. Даже я почувствовала себя так, словно множество зеркал отразили холод моего нуля прямо на меня.

Снаружи граэли немного отлетели назад, шипя и потрескивая, и тут же рванули обратно, на сей раз прямо к стеклу, светясь ярче, чем до этого.

— А дальше что? У нас при себе только огнестрельное оружие и мечи, бесполезные против них.

— Комод, — ответила она, не спуская глаз с граэлей, с оружием наготове. — В верхнем ящике лежит то немногое, что у меня есть...

Я подбежала к полированному пеналу, расслышав шипение и треск из коридора, напоминавшие электрический разряд — граэль столкнулся с заколдованной дверью, когда попытался попасть внутрь. Мгновение спустя звук повторился — крошечный шарик снова попытался войти, прикладывая больше силы.

В верхнем ящике лежало несколько амулетов на веревках, блокнотов с загнутыми уголками, сумочка из телячьей кожи на веревке, коробка из светлого дерева, напоминающая больше футляр для столовых

приборов, два тяжелых металлических шара — осколочные гранаты. Они казались старыми, а их оболочки были отмечены повторяющимся узором, состоящим из черепа и шестеренки. Я сунула их во внутренний карман плаща.

— Амулеты? — крикнула я.

— Забудь о них. Это безделушки. Хватай коробку и сумку.

Четверо граэлей снаружи принялись биться в окна. Когда они касались стекла, раздавался дикий треск и появлялась вспышка — срабатывали обереги. Граэли отшатывались, затем вновь ударялись в окно, стучали по тонированным стеклам, словно назойливые насекомые, извергая дождь из искр—светлячков каждый раз, когда они наталкивались на ведьмовской барьер.

Я подняла сумку, и она звякнула. Внутри лежала пригоршня гладко отполированной гальки, больше напоминающей окатанное морем стекло, которое можно найти на пляже после долгих лет приливов и отливов. Каждая из стекляшек блестела табачно—коричневым цветом, и на каждой красовался шестигранный рисунок.

— Что это? — крикнула я.

Мэм Мордаунт все еще не открывала взгляда от окон. Она держала оружие двумя руками и была готова поднять его в любой момент.

— Метательные флекты, — прошипела она. — Снаряды. Бросай их — осторожно!

Я открыла крышку деревянной шкатулки. Внутри оказалась мягкая подушечка из ярко—розового атласа. В ней было два углубления — одно пустое, а вот во втором лежал пистолет-близнец хромированного ксеносского оружия мэм Мордаунт. Я взяла его. Он оказался до волнительного теплым, словно живой организм с горячей кровью, но на удивление легким для такого тщательно сработанного оружия.

— Реннер, — позвала я.

Он тут же оказался рядом со мной.

— Это тебе пригодится.

Он осторожно взял оружие у меня из рук, словно это была фарфоровая статуэтка или яйцо, которое разобьется, если выскользнет из рук. Локтем Реннер зацепил «Мастофф» и перекинул его через спину.

— Не стоит мне доверять такую вещицу, — пробормотал он.

— Просто возьми и все, — у меня в руке все еще был мешочек, и я достала оттуда один стеклянный камушек.

— У лучевого оружия нет отдачи, — сказала мэм Мордаунт Реннеру, — и оно весьма точно. Но это лучевое оружие, понимаешь, Проклятый? Оно будет стрелять коллимированной энергией, пока ты жмешь на спусковой крючок. Так что сперва осторожно надави, во имя всех Нерожденных, а потом уже поднимай! Добавляй импульсы легким нажатием пальца, или он разнесет все вокруг в клочья!

Я услышала, как Реннер недовольно хмыкнул. Он схватил оружие и вытянул руку, словно оно могло его укусить.

— Да это какое-то дерьмо ксеносов, — чертыхнулся он. — Пистолет вражеской расы...

— Это «Истязатель» интеррексов, — не особо терпеливо ответила мэм Мордаунт. — С кинематически-волоконной фотоникой. Либо ты целишься и стреляешь, либо ты бесполезен!

Шесть граэлей, каждый из которых светился особым раскаленным цветом, скреблись и бились в окна. Стекла дрожали. Пылающие угли из—за сопротивления вылетали из разноцветных шаров и рассыпались по террасе, словно искры от потревоженного ветром костра. Я слышала, как другие визжали и скреблись в главную дверь, в стены и даже в пол.

— Береги не выдержишь, — пробормотала мэм Мордаунт.

Ведьмовские символы, начертанные на подоконниках и оконных рамах, тлели, выпуская в воздух клубы серого дыма. Стекла зазвенели и сдвинулись. Кислотно—желтый граэль поплыл назад, после чего разогнался и яростно влетел в стекло. Я услышала глухой стук. Раздался скрежет статики и болезненный треск, больше напоминающий звук ударившей в землю молнии — граэля вновь отбросило назад вместе с бликами света. Казалось, он забурлил и завис, чтобы восстановиться, после чего он снова бросился в стекло, но безрезультатно.

Вскипая от злобной энергии, остальные граэли колотились и стучали в окна. Там, где они бились о стекло усерднее, зеленый оттенок начал выцветать, оставляя прозрачные пятна, через которые жесткие косые лучи бледного дневного света проникали в апартаменты.

И вновь желтый граэль ударился о барьер. Теперь уже и второй, ярко—красный, присоединился к нему, снова и снова бросаясь на стекло, но попытки все еще были тщетны. Красный граэль вновь столкнулся с окном и в этот раз на стеклах появились небольшие трещины. Три ведьмовских метки загорелись и заплясали в яростных маленьких огоньках.

Я поймала взгляд мэм Мордаунт. Она молчала. Но теперь в ее глазах отражалось все. Ее страх, злоба, и вина. Это была судьба, которой она избегала в течение многих месяцев с того самого дня, как Мейз Андю пал, и теперь она встретилась с ней лицом к лицу — и все это из—за меня. Я привела их к ее порогу сама того не желая. И мои смелые заявления о том, что Инквизиция защитит ее, оказались бесполезны.

Фиолетовый граэль влетел в окно. На секунду его остановил бурлящий флуоресцентный ореол, но затем он ворвался в апартаменты, оставив за собой в стекле дыру с расплавленными краями размером с кулак. Он двигался прямо к нам с поразительной скоростью. Мэм Мордаунт прицелилась, вытянув обе руки и прикрыв один глаз, и тут же выстрелила. Обжигающий луч пистолета попал прямо в центр.

На мгновение граэль увеличился, поглощая мощную энергию, этот промежуток времени выглядел как замедленная съемка миллиардов лет стареющей и раздувающейся звезды. Затем взорвался, словно сверхновая.

Раздался хлопок ударной волны. Я отпрянула и ощутила жар лицом. Граэль разлетелся на части, разбрызгивая искры фиолетового цвета во все стороны. Я видела, как некоторые из них упали на мебель и на ковер, как они шипели, словно петарды.

Но на передышку времени не было. Остальные девять удвоили усилия. Желтые и красные граэли бились о поверхность все вместе с неистовой силой.

Окна взорвались прямо в нашу сторону — практически ураганный порыв ветра с метелью из летящего стекла. Я прикрыла лицо рукой, но ощутила, как осколки рассекли мое пальто, как отскочили от

поднятых рук.

Мэм Мордаунт даже не дрогнула, продолжив стоять на месте. Стекло порезало ее лицо в трех местах, из—за чего по коже потекли струйки крови. Еще один осколок разодрал комбинезон прямо по внешнему изгибу левого бедра, прямо до крови. Я ясно видела эту яркую кровь. Холодный свет теперь залил комнату, заменяя прохладный зеленоватый. Я чувствовала запах воздуха, такой резкий и холодный — аромат ветра над Королевой Мэб.

Она вновь выстрелила — еще один узкий луч подрезал желтого граэля прежде, чем тот смог добраться до нее. Светящийся шарик дико закрутился от повреждения, истекая веером искр, подобно колесу святой Катарины, и влетел в торцевую стену, после чего взорвался, разбив несколько лорнетов.

Реннер выстрелил в красного граэля. Первый луч незнакомого стрелку оружия оказался трагически неточным. Мужчина промахнулся, и луч пролетел сквозь оконный проем прямо в небо. Реннер испуганно вскрикнул, чудовище тут же метнулось к его лицу. Мэм Мордаунт повернулась боком и выстрелила, отбросив граэля одним прошедшим по касательной выстрелом. Протацив за собой всю энергию, шарик повернулся и попытался выровняться. В этот момент Реннер вновь прицелился и выстрелил практически в упор. Так же как и фиолетовый граэль, красный взорвался солнечной вспышкой и рассыпался неоново—красными искрами во все стороны. Взрыв сбил Реннера с ног, и он врезался в пенал.

Я увидела третьего — изумрудный шар, летящий прямо на меня, словно метеор. Я попыталась пригнуться — безнадежное действие, признаю сейчас — но в последний момент шарик отскочил от меня, словно его внезапно оттолкнула моя нулевая аура. Граэль отлетел назад, иступленно потрескивая, чтобы набрать больше энергии и продолжить атаку.

Сама того не замечая, я повиновалась импульсу и швырнула в него стеклянный камушек. И тут же поблагодарила Бога—Императора Человечества за то, что он создал Таддеуса Саура, под чьим подлым началом я обучалась и тренировалась в течение многих лет, отрабатывая навыки метания ножа, чакрама, шакена, заера, франциски и вращающегося железа на тренировочных полигонах до тех пор, пока эти навыки не стали рефлекторными.

Камушек — метательная ракета, как окрестила его мэм Мордаунт, — попал прямо в изумрудного граэля.

Я слышала и даже читала об этом устройстве, в просторечии его называли псайк—аут или псайканский отрицатель. Такие редкие вещицы изготавливали чаще всего в виде ручной бомбы или гранаты. Говорят, что их создают бессмертные кустодии, напитывая пылью, сметаемой с подлокотников Золотого Трона. Хотя я была уверена в том, что это довольно странно, ведь какая пыль может быть на троне самого Императора? Как бы то ни было, эти устройства извергают мощный отрицательный антипсайкерский заряд, который, фактически, является концентрированным всплеском самой сути парии, излучаемой мною естественным образом.

Метательный флект, казалось, создал именно этот ужасающий эффект. Когда он столкнулся с граэлем, тот, в отличие от красного и фиолетового, не взорвался и не осыпал все вокруг искрами. Он просто искажился и растворился со звуком, похожим на хлопок вылетающей из бутылки пробки, превратив флект в пыль. После этого внезапного взрыва граэль вновь воплотился, словно из воздуха, но теперь он стал тусклым и бесцветным без капли изумрудно—зеленого цвета. Молочно—белый безжизненный шарик упал на пол и покатился по ковру, словно дверная ручка, безвольная и холодная. Без каких—либо раздумий я наступила на граэля, словно он был ядовитым насекомым, и тот хрустнул под моим каблуком как сахарная крошка, превратившись в уродливое пятно.

Еще один граэль, ярко—синий, с жужжанием набросился на меня, и я увернулась в сторону, словно избегая назойливого шершня. Я достала из мешочка еще один камушек. На мгновение мне показалось, что мы отвоевываем позиции.

Но как раз в тот момент, когда мэм Мордаунт выстрелила в следующего граэля из ксеносского оружия, я увидела, что желтые и фиолетовые существа, которых я считала уничтоженными, восстановились. Они катились по широкому ковру, сверкали и собирали себя по частям. Они закружились с былой яростью и вновь стали яркими, словно звезды.

Но на сей раз они не поднимались в воздух. Вместо этого они росли.

Сферы начали растягиваться и трансформироваться, словно теряя форму, после чего они выстрелили в воздух энергетическими щупальцами. Всего за несколько секунд каждая из них превратилась из яркого шарика в фигуру человека. Каждый казался высоким, мужественным и сильным, и, возможно, обнаженным, хотя никаких деталей и черт лица не удавалось разглядеть. Это были человеческие тела, сотканые из потрескивающего фиолетового и желтого света.

Через мгновение там появились красная и изумрудная фигуры. Остальные граэли, преодолевавшие барьер или проносящиеся мимо нас, падали на пол и принимали человеческий облик.

Фигуры двигались на нас со всех сторон в полном молчании, если не учитывать шипения их тел. Шаги опаляли ковер.

Я помогла Реннеру подняться, и они с мэм Мордаунт снова открыли огонь. Импульсные выстрелы впивались в приближающиеся силуэты и рассеивали их, словно вспышки солнечного света на металле. Но граэли появлялись так же быстро, как и сторали. Они изменялись, осколки цветной энергии, извивающиеся на полу, вновь приобретали человеческую форму.

Мы отступали к черным железным воротам сами того не осознавая. Думаю, все поняли, что побег стал единственным вариантом, пусть и весьма безнадежным.

Позади нас раздался грохот – остальные граэли уже расправились с защитой главного входа и разнесли дверь на куски. Трое ворвались внутрь еще в форме шариков — малиновый, лаймовый и темно—синий. Они парили за нашими спинами.

Побег оказался бесполезной фантазией.

Я развернулась и подняла камушек, чтобы отбиться от троицы у нас за спинами. Но мэм Мордаунт тут же выпустила короткий луч, рассеявший один из силуэтов. Она выкрикнула какую-то команду. Слово, которого я не знала, хотя само его звучание заставило меня вздрогнуть от неприятного ощущения, вдобавок к страху и адреналину, бурливших во мне. Я уверена, что это было одно из слов тайного языка энунции, поскольку, даже услышав его, я не смогла ничего запомнить.

Ворота захлопнулись за нами, и узоры из загадочной паутины на арке в зале начали шевелиться. Металл деформировался и выгнулся, словно мягкая лакица, и тут же запер трех граэлей — они оказались в движущейся сети из черного железа. Паутина в прихожей оказалась не просто украшением. Три шара, попавших в ловушку, вспыхнули гневным светом и принялись толкаться, обжигая прутья. Но как только остальные попытались коснуться перекладин или пролезть между ними, вновь послышался резкий электрический звук, похожий на удар хлыста. Граэлей отбросило назад так, словно их ударили электрошокером.

Атака с тыла оказалась мгновенно отражена, но это перекрыло наш единственный выход. Я лихорадочно думала о том, сколько заряда осталось в ксеносском оружии и сколько ракет у меня лежит в мешочке из телячьей кожи. Чем быстрее мы расправлялись с приближающимися граэлями — мы реагировали быстро и безжалостно, превращая их в клубы яркого сияния и осколки света — и чем яростнее и интенсивнее мы сражались, тем больше их становилось. Это походило на худшие симуляторы боев, где в старых клетках для тренировок голоформные мишени обрушивались на вас с неуклонно возрастающей скоростью, вместо одной поверженной появлялись две, и так далее и слева и справа, и так до тех пор, пока они не выиграют. Тогда Саур рассказывал под звуки выключающейся тренировочной клетки, какой именно и где был недочет на этот раз.

Вот только теперь наставник Саур не сможет этого рассказать. Он мертв и лежит в согнувшись в кресле. В его трупe виднелась такая огромная дыра, что я могла бы просунуть туда руку. Никаких поучений не будет.

Больше никогда.

Прикосновение протянутой цепкой руки мыслеформы — и мы бы уже были мертвы, так же как и старая мэм Тонтелл.

— Выхода нет! — завопил Реннер, нажимая на спусковой крючок чуть сильнее, чем следовало. Луч сбил розовую фигуру и полностью разрушил вертикальную часть оконной рамы и подоконник.

Мэм Мордаунт знала, что он прав. К этому времени все возможности практически исчезли, а в ее сопротивлении читалось лишь отчаяние. Любая судьба лучше, чем эта неизбежность. Все, с чем можно сражаться или хотя бы вести переговоры, лучше, чем они.

Именно поэтому, выстрелив из оружия, она произнесла те слова.

Слова «Имматериальная Коллегия».

ГЛАВА 23

Шестеро спасителей

Названные по имени, они пришли. Все шестеро.

Могу ли я винить Эусебе за принятое решение?

Оглядываясь назад — нет, хотя то, что произошло после, вряд ли возможно было назвать спасением. В тот момент в апартаментах, заставленных зеркалами, высоко в Доме-Колонне, я, возможно, и попыталась бы остановить ее, имея уже скромные представления об алчности и опасности этих защитников, которую несли эти защитники. Повышение уровня угрозы практически никогда не является решением проблемы неотвратимой опасности.

Но времени не было, и слова сорвались с губ прежде, чем я смогла остановить ее. Они всегда приходили на зов тайного кода, вплетенного в их имена. Такое случайное произнесение имени и привело их к нам в оружейную, где мы оказалась для них чужаками. Мэм Мордаунт, по собственную признанию,

устанавливала с ними связь, вела дистанционные переговоры — я уверена, что это происходило при помощи лорнета — а также в течение некоторого времени обдумывала вступить в союз с ними, несмотря на явную, присущую такому союзу, опасность.

Она была в отчаянии и нуждалась в их силе, в союзниках, а они нуждались в ней, как в источнике секретных знаний, которыми она обладала.

Если бы она выступила посредником такой сделки, все бы закончилось плохо для нее. И она прекрасно это знала, поэтому не решалась пойти на этот шаг. Но тогда, будучи загнанной в угол, во всех смыслах, с тем мрачным прагматизмом, который, кажется, характеризует всех Когнитэ, она все равно заключила этот союз.

И он тоже закончится плачевно.

Могу ли я обвинять ее? Нет. Моя жизнь и до этого момента была полна угроз и опасностей, я слишком часто висела на волоске от смерти: под базиликой, в призрачных залах Лихорадки, в непроглядных глубинах Подземелья... и это только начало целого списка почти смертельных приключений. Золотой Трон над всеми нами мне свидетель, я считаю, что тогда в Доме-Колонне, я висела на волоске от смерти. Это был крошечный ад, хотя и не в том смысле слова, позже я пойму всю суть. Граэли — бессмертные мерзости. Каждый из них — непобедимый враг, а здесь их было около двадцати. Двадцать непобедимых орудий Восьми.

Нас окружили. Мы оказались в ловушке, и смерть была всего на расстоянии нескольких дюймов или во временном эквиваленте — нескольких секунд. Я была так напугана, боялась больше, чем когда-либо до этого. Не оставалось никакой надежды. Так что нет, я не виню ее. Любой вариант лучше, чем ничего.

То, что пришло на зов... Ну.

То, что оказалось крошечным адом, превратилось в... Даже слов для описания не найти. Язык не может передать. Когда вас охватывает жестокая, хаотичная лихорадка — худшее состояние, которое вы когда-либо испытывали, вдруг становящееся еще хуже, у простого языка заканчиваются сравнения и точка.

Сначала раздался раскат грома.

Ах, нет... Во-первых, вам нужно понять, что все, что произошло, произошло со скоростью света. Не прошло и минуты с тех пор, как граэли напали. Хотя, может, минута и прошла. Я описала все события в меру возможностей, но сам рассказ об этом длится целую жизнь в сравнении с той скоростью. Начну с того — просто знайте — что это все было пятном из шума и суматохи, весьма бессвязным, прояснившимся для меня позже.

Сначала я ощутила ярость стихии. А уж потом раздался раскат грома, от чего все здание затряслось. Позже я узнала, что сила удара была настолько велика, что сорвала некоторые из самодельных блоков, свисающих с балок Дома-Колонны, и обрушила их вниз на улицы или оставила их раскачиваться на полпути — кабели рвались, а обитатели цеплялись за балки и кричали. Все здание содрогнулось. То, что осталось от стекол в окнах, разлетелось вдребезги. И запах этого воздуха проник в мои легкие. Я ощутила вкус крови во рту.

Бурлящая черная туча, дождевое облако проплыло по послеполуденному небу и застыло над зданием. Оно двигалось не так, как природное явление, даже не как туча, пригнанная циклоном. Оно пролилось на нас, словно разбрызгав на воду черные чернила, и закрутило облака клубящимися и дымящимися

складками. Жилы молний пронизывали все это насквозь, словно золотые нити, вплетавшиеся в черный шелк.

Гости прибыли вместе: двое стояли на террасе, а остальные четверо оказались в помещении с нами. В первую секунду они воплотились в виде стеклянных силуэтов, таких же, как те, что пытались пробиться сквозь стены и двери оружейной, мутно-белые, казавшиеся нам просто туманом, принявшим форму человека. Но после этого эти сосуды заполнились цветом, глубиной и деталями, обрели плоть. Я думаю, что они воплотились в какой-то форме билोकации, энергетического переноса материи из одного места в другое. Это не телепорт, хотя я знаю, что существует и такая странная и редкая технология, это — умелое колдовство, перемещающее живое отсюда сюда. Такое дерзкое использование этой мощи ранило мир: сила шторма и землетрясения начала увеличиваться... Фундаментальные законы реальности нарушили, и она содрогнулась от травмы.

В тот момент, когда гости окончательно переместились, они высвободили разрушительную силу. Без колебаний. Они появились между нами и приближающимися граэлями, и сразу идентифицировали их, как врагов. Без предупреждений и вызовов противника на бой визитеры сразу же принялись за дело.

Граэли отреагировали на внезапное появление еще до нанесения первого удара. Вздрагивая, неоновые фигуры отшатывались от каждого гостя, воплотившегося рядом. Несмотря на то, что они приняли человеческий облик, граэли не выказывали ни одной человеческой эмоциональной реакции до этого момента. Они просто шли к нам, с непостижимым автоматическим намерением. Но сейчас они остановились, демонстрируя языком тела удивление, тревогу, возможно даже страх или отвращение. Было тревожно и даже в какой-то степени странно видеть, как цветные фантомы проявляют такие человеческие реакции.

Я подумала о бывшем друге по имени Юдика. Он стал граэлем, доведенным до этого состояния специальной программой Мейз Андю. Форма черной души стала сосудом, что означает, как я думаю, сосудом для маленькой мерзкой паукообразной твари, которую поместили в горло, чтобы он получил силу граэля, которую сможет проявлять в виде проекции, магической сферы, отправляемой на любое расстояние. Если бы обстоятельства сложились иначе, такая судьба ждала бы и меня. Тогда я представила себя и других нулей, подобных Юдике Соулу, обученных и созданных в Мейз, возможно, даже в подобных учреждениях. Их отправляли на службу к Желтому Королю. С его рук и брали этих потрескивающих пауков-альбиносов и опускали на языки, словно облатки для причастия. Они становились его тамплиерами, добрыми демонами, его лучшими воинами. Становились одними из Восьми. Восемью ногами. Восемью точками. Восемью, поскольку они то, что они съели. Теке, Улыбающийся, напевал об этом так, словно это был какой-то детский стишок, но по сути, это так. И Алас Кваторз оказался совершенно неправ. У Восьми было гораздо больше человек.

Я подумала и о детях- париях, чье будущее предрешено, а надежды — уничтожены. Их потом использовали словно вещи. Где-то, возможно даже где-то в Королеве Мэб или в Пыльном Городе, они сидели и посылали эти проекции граэлей, чтобы уничтожить нас. Наполненные безграничной психической силой, они удаленно управляли граэлями в формах сфер или человеческих тел, или чего-то еще, что, как я полагаю, они смогли наколдовать, сквозь каналы чистого варпа. Посвященные, поклявшиеся служить, связанные верой и наделенные безграничными полномочиями, чтобы исполнять любую волю Короля в Желтом.

Теперь они отпрянули. Их мыслеформы на одно неосторожное мгновение начали имитировать реакции тел из плоти, находившихся так далеко и отпрыгнувших от удивления и тревоги. Несколько месяцев назад, в базилике святого Орфея, мыслеформа граэля Юдики была ранена проклятым клинком

Скарпака, Несущего Слово. И тело из плоти и крови, принадлежащее Юдике позже проявило эту ужасную варп-рану. Явление симпатической психомгии — носитель страдал от отражения травмы, нанесенной проецируемой им мыслеформе. Здесь уже было наоборот — мыслеформы отражали телесные рефлекс носителей.

Несмотря на огромную мощь, граэлям все-таки было чего бояться. Гости, как и предполагал Гидеон, оказались Адептус Астартес. Космодесантниками в полной боевой экипировке. Но, вопреки теории Гидеона, не все они оказались из предательского XV легиона.

Один из них — самый высокий, воплотившийся в самом в самом сердце рядов граэлей — как сразу же стало ясно, был командиром. Доспех из сверкающего лазурита — такой насыщенный синий цвет тогда я увидела впервые. Броня отделана полированным золотом, наполовину скрыта одеянием, струившимся словно нефть. Золотой шлем украшало множество полос из лазурита — он напоминал формы головных уборов фараонов в древние времена. Высокий гребень шлема, белый, словно чистый лед прибавлял роста воину. Лицо — изваяние оскаленного золота с четкими прорезями для нахмуренных глаз и опущенного рта. Это, как я потом узнала, был Сенефуру, так же называемый Просперином. В одной руке он держал стержень из полированной меди длиной в два метра, увенчанный серебряным навершием в виде головы воющего кота. А другой размахивал богато украшенным хопешем — крючковатым серповидным мечом Нилус Дельга.

Он отвел хопеш в сторону плавно и грациозно, настолько точно, что я бы никогда не подумала, что огромный бронированный сверхчеловек способен на такое. Взмах ловкого убийцы отсек голову граэлю, стоявшему справа. Кобальтовый граэль рухнул вниз и упал на одно колено. Ему нанесли урон, но не такой, как мы — это не временное разрушение мыслеформы, а просто убийство. Я услышала потрескивающий вокс-вой, полный боли — его издавал паук. Обрубок шеи источал энергию, текущую и разбрызгивающуюся по полу, словно вода. Жидкость напоминала ихор.

Рядом с великолепным воином из Тысячи Сынов стоял еще один космодесантник самый массивный из шестерых. Каждая часть огромной матово-серой пластины, казалось, была вырезана из магматического магнетита. Края же оказались довольно простыми без отделки. Единственным украшением служили бесчисленные иероглифы, выгравированные на золотых листьях. Они светились на гладкой тусклой поверхности, словно разжигаемые внутренним пламенем. Он походил на зубра, огромной физической силой и самой позой с опущенными плечами и и задиристо поднятой головой. В огромных лапах он держал боевой цеп с длинной рукояткой и шипованным навершием на цепных петлях. Не было никаких сомнений в том, что он был одним из неукротимого IV Легиона, так называемых Железных Воинов.

С тектоническим ревом он принялся размахивать огромным цепом, двумя руками, борясь с граэлями в пределах досягаемости. Попадания оружия рвали, разбивали вдребезги и раздавливали их цветные мыслеформы. Они деформировались, словно смятая плоть, извергая потоки ихора.

Теперь уже заговорил колдун Тысячи Сынов. Он крикнул мэму Мордаунт через все помещение:

— Ты звала нас, Зоя. Ты произнесла имя, и мы откликнулись.

Тот же голос, что и у двери в оружейную — басовитый с глухим эхом. И снова с акцентом, словно он говорил на незнакомом языке. Он назвал ее Зоей. И я поняла, что мэму Мордаунт держала свое имя в секрете, используя имя прикрытия, чтобы не допустить контроля над собой, поскольку наши гости могли влиять на людей с помощью имени.

— Клянусь тебе, Сенефуру из Тизки! — крикнула она в ответ. — Как Зоя Фарнесса клянусь Коллегии, о

Просперин! Защити меня, как и обещал!

— А взамен...

— Ты получишь то, что хотел! Сейчас не самое лучшее время уточнять условия!

А вот и нет. Началась резня, грозившая разнести помещение, а может даже целый этаж в щепки.

— Прикончите их, — прогремел глухой голос воина-мага, когда он давал команду собратьям. Но те не нуждались в подобных инструкциях — война началась в тот момент, когда они появились. Граэли были врагами, и их следовало нейтрализовать в первую очередь. Боевой цеп Железного Воина уже перепачкался кровью-ихором, он отбрасывал граэлей в сторону, но они быстро восстанавливались и начинали атаковать его и ему подобных. Цветные руки мыслеформы потянулись к нему, и там, где они соприкоснулись с броней Астартес, появились обжигающие искры, словно космодесантника ужалили и подстрелили.

— Уреон Танкредо, — взвыл один из Тысячи Сынов. — Захвати добычу!

Мне мало что известно о великих Адептус Астартес. Все мои знания ограничиваются тем, что меня принудили изучить в тайных книгах принадлежащих Мейз Андю. Но я знала, что они разные, и отличаются друг от друга. И тут Железный Воин сражается с Тысячей Сынов бок о бок — да это просто не в какие рамки не влезало.

Даже так называемые легионы-предатели, восставшие против Трона, павшие по вине еретика Луперкаля, редко объединялись. Их личные амбиции и демонические боги были совершенно несовместимы.

Именно поэтому я с долей недоверия наблюдала за третьим, когда по указанию предводителя-мага он прорвался сквозь рукопашный бой, чтобы добраться до мэм Мордаунт и охранять ее.

Пластины его боевой брони были черными с белыми отметинами. Как и у Железного Воина, практически все доспехи были богато расписаны иероглифами и украшены золотом. За исключением бритой головы, нос, рот и нижняя половина лица были скрыты за респиратором, больше напоминавшим ошейник. Гладко выбритую кожу головы, покрывали едва заметные линии схем, а горящие глаза казались старыми, повидавшими слишком много бесконечных войн.

Его звали, как крикнул главный, Танкредо из легиона Железных Рук.

— К стене! — приказал он, бросаясь прямо к нам. Трезубец с лезвиями пронзил граэля, и воин перекинул того через плечо. Мыслеформа размахивала конечностями при падении. Этот торжественный и строгий голос раздавался из крайнего окна помещения с боеприпасами прошлой ночью.

Он заслонил собой мэм Мордаунт, вовсе не обращая внимания ни на меня, ни на Реннера. Как вообще мог лояльный Астартес оказаться с этими остальными?

Такой огромный в сравнении с нами, словно благородный бог. Он выругался и покачнулся, когда багровый граэль ударил его в ребра, оставляя искры от столкновения. Он тут же кольнул в туловище мыслеформы трезубцем. Та издала трескучий вопль, как только рукоятка вырвалась из света вместе с брызгами белой жидкости, после чего граэль упал на четвереньки.

— Я сказал, к стене! — зарычал Танкредо.

— Я тебе союзник, а не пленница... — крикнула мэм Мордаунт в ответ.

Астартес запустил в нее трезубец, приколотивший женщину к стене. Среднее и левое лезвия трезубца находились по обе стороны, их кромки упирались в горло. От ужаса она широко раскрыла глаза. Из-за зубцов с обеих сторон шеи потекла кровь. В любом случае, если бы он промазал, то острое проткнуло бы шею насквозь, и ей бы настал конец. Было ли это демонстрацией его мастерства или бессердечным пренебрежением?

Она врезалась в стену, сбив еще больше зеркал.

— Делай, что велено, Зоя Фарнесса, — прошипел Танкредо. Он произнес это с особой интонацией, словно одни лишь слова были способны удержать женщину на месте наравне с трезубцем. Но нет, они не могли, поскольку в этом имени не было силы.

— Защити и моих друзей, — задыхаясь, произнесла она.

— Сейчас не лучшее время, чтобы уточнять условия, — ответил тот, глумясь над ее словами. Он выдернул трезубец и позволил ей отойти от стены, после чего отскочил и направил оружие на граэля, бросившегося в атаку на него.

— Это ошибка, — сказала мэм Мордаунт то ли нам, то ли самой себе. Она вытерла кровь с шеи тыльной стороной ладони.

— Вовсе нет, — ответила я, — вы забрали у смерти свое время.

— Ага, две минуты или даже одну, — пробормотал Реннер. Он смотрел в сторону окон. Сотни граэлей летели к нам — мерцающее созвездие из цветных точек на фоне черной бури. Удивленные Коллегией, Восемь запросили подкрепление. Я и представить себе не могла, что их так много. Сила гостей, конечно же, повергала в шок, но даже шестеро из них никак не смогли бы противостоять этому эвдемоническому натиску.

Возможно, мэм Мордаунт знала об этом, когда произносила их имя. Возможно, в том и состояла ее дерзкая попытка посеять замешательство, во время которого нам бы удалось убежать. Она не позволила узнать им свое настоящее имя, чтобы они не удерживали ее рядом. Она ожидала, что сможет избавиться от их общества.

Но гости были неумолимы.

К тому моменту природа еще троих воинов проявилась в полной мере — каждый из них оказался таким же страшным, как и их сородичи. В жилой комнате вместе с Сенефуру, Танкредо и диким Железным Воином находился Астартес в доспехах цвета мха под длинной кремовой мантией, перевязанной на талии золотой веревкой. Его облачение было расшито таинственными иероглифами, похожими на те, что сияли на боевом доспехе Танкредо и на отряде Пертурабо. Этот жестокий чемпион, вне всяких сомнений, являлся сыном Льва — примарха первого легиона Темных Ангелов. Он размахивал палаческим мечом настолько большим, что казалось, словно оружие размером с копьё. Рукоятка меча составляла практически половину длины самого оружия. Такое же длинное, ровное, плоское двустороннее лезвие оканчивалось округлым тупым острием.

На террасе за окнами сражались последние двое Астартес. Они кромсали граэлей в зловещем штормовом свете. Доспехи одного из них были исписаны символами блестящего черного цвета и белыми гербами. Черный шлем напоминал морду, больше похожую на клюв огромного ворона. Этот воин

сражался двумя мечами с расцепленными наконечниками, вилки и зазубренные края которых разрушали психомагическую плоть врага. Этот Астартес так же обладал крыльями — полыми огромными крыльями, похожими на крылья Комуса Ноктюрна, но блестяще-черными, как у вороны. Даже издали я могла точно сказать — эти крылья не являлись органической частью воина, как у Комуса. Их породила психомагия, это — эфирные крылья, созданные в пустоте и оперенные в самом варпе. И все же они казались настоящими, они трепетали, подобно живым, словно продолжение широкой спины бойца.

Этот Астартес принадлежал к безмолвному XIX — смертоносной Гвардии Ворона. Лоялист — как и Темный Ангел, и гордый воин Железных Рук — если только старые книги не лгали.

Я услышала, как он заорал резким криком птицы — падальщика. Это он сидел на дымоходе оружейной и пытался его продолбить. Теперь он взмыл в воздух — массивные черные крылья унесли его подальше от террасы в грозное небо, навстречу надвигающимся волнам звезд-граэлей.

Он оставил своего компаньона разбираться с врагами на террасе. Тот тоже оказался крылатым, но крылья являлись алыми яркими костями сияющей психической энергии. Броня блестела и переливалась темными оттенками: темно-синим, черным, имперско-пурпурным, в зависимости от того, с какой стороны падал свет. Теперь он вступил в битву, держа сейнти — древнее парирующее злобное оружие, с которым в прошлом мне было трудно справиться. Оно представляло собой жезл, короткое копье, с острым наконечником с одной стороны и с наконечником-булавой с другой, часть в середине рукояти прикрывала защитная петля. Он крутил этой штуковиной, используя острый конец, чтобы резать и колоть, а конец с булавой — чтобы разламывать все вдребезги. При помощи прикрытой части рукояти он отражал и блокировал любую контратаку. Шлема на нем не было, на изможденном лице читалось выражение радостной жажды. Длинные, седые и взъерошенные волосы, пристальные черные глаза. Я подумала, что передо мной стоит чудовищный Повелитель Ночи, Астартес из VIII легиона, отвергнутый предатель.

Навыки всех шестерых были величественными, но воины стали центром этой яростной борьбы.

Неуклюжий Железный Воин убивал хуже всех, поэтому граэли окружили его. Трое из них напали одновременно, и нахлынувшая волна силы отбросила Астартес на землю.

— Онагр упал! — хищно прорычал Темный Ангел.

— К нему, Анхисус, — ответил Сенефуру, и они вдвоем бросились на граэля, чтобы прикрыть Железного Воина, пока тот не пришел в себя.

— Сейчас, — крикнула нам мэм Мордаунт. Она тут же побежала в коридор из черного железа. Это было как раз то время, когда каждая из противостоящих сторон оказалась смертельно занята. Идеальный момент для бегства.

Женщина использовала оружие на полную мощность, чтобы разнести узловатую сеть выкованной железной паутины и расчистить путь. Выстрелы временно уничтожили еще три мыслеформы граэлей, застрявших в ловушке.

— Вперед! Вперед! — кричала она нам. Реннер уже карабкался по дымящимся, искореженным обломкам металлических конструкций, пробираясь в коридор за ними.

Оглянувшись, я увидела Танкредо, воина Железных Рук, бегущего к мэм Мордаунт. Несмотря на суматоху, он заметил нашу попытку сбежать. Она выстрелила прямо в Астартес, невероятная сила луча

столкнулась с нагрудником и отбросила Танкредо назад. Я повернулась, чтобы последовать за Реннером, но тут же оглянулась вновь, ожидая увидеть мэм Мордаунт за спиной.

Но нет. Ее нигде не было видно. Танкредо вскочил на ноги с трезубцем в руке. Он был взбешен и тоже смотрел по сторонам, чтобы отыскать мэм Мордаунт. Она просто исчезла вместе со своей сумкой. Единственным намеком на то, что она когда-либо находилась в комнате оказалось почерневшее и сгоревшее оружие ксеносов, лежащее на ковре между разбитыми стеклом и сломанными рамами.

Может он каким-то образом ее убил? Или же ксеносский пистолет дал осечку и прикончил ее? Абсолютная тайна. В любом случае, у меня не было времени на догадки, если я хотела выжить.

Спотыкаясь, я выбежала на темную лестничную площадку. Звуки битвы в апартаментах сотрясали пол и стены, даже с потолка над нами сыпалась побелка и пыль.

Перепуганный до смерти Реннер побежал вниз по лестнице, но я успела схватить его за руку и сказать:

— Вверх!

Он посмотрел на меня как сумасшедшую.

— Спускаться — слишком медленная дорога. Поверь, мэм Мордаунт мне рассказала о более быстром и безопасном выходе.

Ах, если бы я могла ей доверять.

Мы все-таки побежали вверх. И уже пробежали два этажа, когда услышали, как кто-то вылетел на площадку, на которой мы недавно стояли. Этим кем-то оказался легионер Железных Рук, охотившийся на нас. Инстинктивно я прижалась спиной к железным перилам и встала между Реннером и десантником внизу.

Мог ли он определить или почувствовать ноль? Смогла ли я прикрыть следы Реннера?

Очевидно, что смогла, поскольку космодесантник начал спускаться вниз по лестнице, громыхая всем телом. Но вдруг воин остановился и посмотрел вверх. Посмотрел прямо на меня.

Он развернулся и начал подниматься, и я услышала, как он вещает по воксу:

— Двое беглецов. Зефир! Ксарбия! Причал на крыше.

В ту же секунду граната, которую я бросила вниз подобно камушку в колодец желаний, ударилась о ступень рядом с Астартес. Это был один из двух предметов из пенала, которые я спрятала в кармане пальто. Мне казалось, что произойдет взрыв, и он разнесет всю лестничную клетку, поэтому толкнула Реннера вперед на грязную площадку и навалилась сверху.

Но нет, взрыв оказался вовсе не таким, как я ожидала. Вместо извергающегося пламени, пространство заполнилось шквалом мягкого света. Мне показалось, что механизм бомбы вышел из строя.

Танкредо, однако, не спешил к нам. Он все еще стоял в двух лестничных проходах от нас и переминался с нижней ступеньки на верхнюю, снова и снова, совершая одно и то же отточенное движение. Он купался в бледном свете этой разорвавшейся гранаты. Я прислушалась.

— Двое беглецов. Зефир! Ксарбия! Причал...

— Двое беглецов. Зефир! Ксарбия! Причал...

— Двое беглецов. Зефир! Ксарбия! Причал...

— Двое беглецов. Зефир! Ксарбия! Причал...

Интонация вообще не поменялась. Граната оказалась не взрывчаткой, а древней стазисной бомбой. Символ на ней, должно быть, указывал на людей-машин с Марса — только они, как намекали книги, имели средства, чтобы производить подобные вещи, но лишь в древние времена.

Эти штуковины при детонации создавали замкнутое стазисное поле, с одним и тем же моментом времени и пространства, повторявшимся до бесконечности. Танкредо продолжал бы делать этот шаг и произносить слова до тех пор, пока зона взрыва не исчезнет.

Мне показалось, что скоро это и произойдет.

Я схватила Реннера за руку, и мы побежали по лестнице к самой вершине древней постройки.

ГЛАВА 24

Трое убийц

Мы бежали отчаянно, словно безумцы. По самым высоким уровням Дома-Колонны, прямо под портом, по таким темным и сырым местам, плохо защищенным от непогоды. Стены покрывала плесень и гниль, а коридоры оказались захламлены грудями мусора и обломков. Мы пробежали через старые машинные залы и кладовые, которые более никто не будут использовать. Мы не сбавляли скорости.

— Думаю, — задыхаясь начал Реннер, — думаю, что тебе нужно вернуть ее.

— Вернуть что? — ответила я.

— Твою жизнь, вернуть, и попросить другую взамен, а то эта никуда не годится. Безумная жизнь, даже сломанная.

— Я ничего не выбирала, чтобы возвращать, — огрызнулась я, замедляясь, чтобы решить, в какую сторону стоит двигаться дальше.

— А кто-нибудь вообще выбрал бы такую жизнь? — спросил он.

Некоторые все-таки выбрали. И я знала это. К примеру, Гидеон или Грегор...

Но сейчас не было времени на его глупости. Мы находились в гниющем лабиринте. Я пыталась вспомнить, что мне говорила мэм Мордаунт.

— Заткнись, — ответила я Реннеру.

Для твоего же удобства предлагаю воспользоваться выходом на крышу, ведущим прямо к порту. Один из грузовых лифтов в ближайшем зале все еще работает, несмотря на его внешний вид. Он доставит тебя к уличным докам на перевале Чилдерик.

— Нужно найти выход на крышу, — сказала я. Реннер махнул рукой, и мы вновь побежали.

Вспомнив слова мэм Мордаунт, я вновь задалась вопросом о том, что с ней случилось? Ее уничтожили или она сбежала? Если сбежала, то как ей это удалось? Меня страшило ее напускное отчаяние, поскольку именно оно и заставило ее призвать гостей, чтобы те спасли ее. И я была уверена в том, что она обратилась к ним просто для того, чтобы спровоцировать жуткую заварушку и сбежать под шумок. Но она шла за нами прямо до двери. Как вообще можно было ускользнуть от атакующего Астартес с Медузы? Никоим рациональным способом. А если у нее был туз в рукаве, почему она не воспользовалась им раньше?

Мне подумалось, что бы она там не предприняла, это оказалось еще более неразумно, чем позвать гостей. Призыв казался последним самоубийственным средством, но, возможно, существовал вариант похуже, нечто невысказанное, чего она все—таки не смогла избежать.

От этой мысли тело задрожало. Где она теперь? И как кому—то удалось вообще покинуть место, из которого нет выхода? Что же такого ужасного она сделала? Во мне теплилась надежда, что она мертва, и ее душа спасена, поскольку мысль о каком—то проклятом варпом решении оказалась слишком пугающей, и мне даже не хотелось об этом думать.

Мы поднялись по обветшалой служебной лестнице, и обнаружили еще одну лестничный пролет, ведущий вверх. На потрескавшейся и облупившейся стене висел информационный указатель Администратума, где перечислялись протоколы безопасности и способы попасть в порт.

Снизу еще доносились звуки боя. Здание содрогалось каждые несколько секунд. Сильные взрывы, слабые взрывы. Через щели в стенах и окна, мимо которых мы бежали, в здания проникали яростные вспышки света, каждая из которых сопровождалась мощной вибрацией, некоторые даже выбрасывали горящие обломки прямо на город. Огромный столб коричневого дыма поднимался от верхнего южного фасада Дома-Колонны. Секретное логово мэм Мордаунт без всяких сомнений пожирал огонь, сейчас распространявшийся на соседние дома. Послышался прерывистый стрекот: глубокое, дрожащее жужжание. Болтерный огонь. Атакующие роем граэлей, гости—астартес пустили в ход дальнобойное оружие.

Конфликт выходил далеко за рамки моих смертных возможностей — этакое столкновение полубогов и сверхъестественных духов. Предсказать исход этой битвы у меня бы не получилось, хоть я и опасалась, что силы Короля в Желтом одержат победу благодаря количеству. Какая—то часть меня желала, чтобы гости выиграли. Мне довелось увидеть, какой урон они могут нанести. В сознании застряли яркие воспоминания об искалеченных и убитых граэлях. Я не смогла забыть багрового граэля, которого Танкредо пронзил копьем прямо перед нами. Я видела, как искореженный враг ползет на четвереньках, как ихор, подобно мокрой овсянке, льется на пол из раны в груди. Не без причины я боялась граэлей, но то существо, даже без лица или черт, которые могли бы передать выражение, очевидно испытывало ужасную боль. Я подумала о хозяине-сосуде, где бы он не находился — он пария, такая же как и я. Неужели он (или она) медленно полз на четвереньках, мучительно умирая от смертельной раны, нанесенной симпатической психомгией? От осознания такой дикой трагедии я поморщилась. Был ли это кто-то, кого я знала, может мой друг или товарищ из Мейз Андю? Если бы я выбрала другую жизнь, то такая судьба постигла бы и меня. Реннер ошибался. Моя жизнь сломанна и безумна, но я никогда не обменяла бы ее из—за страха получить нечто похуже.

В этом, как я думаю, моя философия отличалась от точки зрения мэм Мордаунт, хоть она и воспитала меня согласно своим принципам и видению. Импульсивное отчаяние вам не друг. Есть варианты и

похуже смерти.

Я боялась, что мы остались сами по себе. Мэм Мордаунт ушла, кто знает, куда? И я не могла связаться с Гидеоном ни по сети, ни посредством кулона из призрачной кости. Как только мы взбежали по заброшенной лестнице, я открыла флакончик из-под духов Кары, в надежде, что смогу вновь позвать ангела, но он не пришел. Я задавалась вопросом, будут ли так же колебаться подобные ему, приближаясь к месту, где царит насилие и психомагический гнев.

Однажды он сбежал от Короля: запах граэлей, в таком количества, и смрад разъяренных Астартес — скорее всего он будет держаться подальше от бухты. Я поспешно вернула флакончик обратно в пальто, где тот открылся, и свернувшаяся кровь просочилась на подкладку кармана.

Мы медлили, ведь путь преграждали обереги мэм Мордаунт. Практически на каждой двери и каждом люке красовалась ведьмовская метка. Реннер поспешил к первому же проходу, но я остановила его, как только заметила метку. Я прошла первой, благодаря оберегу, что дала мне мэм Мордаунт, после чего бросила защиту Реннеру, тот надел его и смог последовать за мной. Нам пришлось повторить эту пантомиму несколько раз, что заставило нас передвигаться, как черепахи.

И это дало время им нас найти.

Нас застали врасплох в последнем зале для собраний, как раз напротив большого люка на крыше — он оказался открыт, а за ним виднелось пылающее небо и ржавый пейзаж доков. Мы просились бежать, но нечто приземлилось прямо перед нами.

Повелитель Ночи выпрямился и улыбнулся. Скелетообразные расправленные крылья багрового цвета медленно колыхались, словно развевающийся плащ.

Черные-пречерные глаза уставились прямо на нас — ужасный голодный взгляд.

— Не следовало вам убегать, — произнес он. Ломкий голос, наполненный ледяным шипением, тем самым, которое мне довелось слышать у боковой двери в оружейную. — Вы принадлежите нам. Вы собственность Коллегии. Такова сделка.

— Я никакой сделки не заключала, — меня охватил ужас.

— Твоя хозяйка заключила с нами сделку, — прошипел он. — Где она? На свое имя она не отвечает. Вы расскажете нам, где она прячется.

Реннер все еще держал в руках ксеносский пистолет. Он поднял оружие вверх и выстрелил в монстра.

Или попытался выстрелить. Повелитель Ночи оказался гораздо быстрее любого человеческого рефлекса. Щелчок — и он стал размытым пятном, булава ударила Реннера по руке, выбив пистолет и отправив его высоко в воздух. Я услышала, с каким грохотом Астартес остановился в дальнем углу зала.

Кости руки переломались, и Реннер в агонии упал на колени. Он прижал конечность к груди, зажмурился и застонал от боли.

Повелитель Ночи облизал губы черным заостренным языком и фыркнул.

— Постарайся больше не делать идиотских поступков, — сказал он и крутанул сейнти — снова размытое пятно. Он ловко закинул оружие на правое плечо и опустил левую руку на бедро, растопырив пальцы. Первая позиция или «закрытая охрана», называемая так во всех трактатах о сейнти. Я никогда не могла

делать подобное.

Повелитель Ночи медленно шагнул к нам. Я попыталась помочь Реннеру встать на ноги, не отрывая взгляда от угрожающего Астартес.

— Я тебя не знаю, — начал воин и сделал еще один шаг, но внезапно отпрянул, словно унюхал отвратительную вонь. Он подошел достаточно близко, и моя пустота оказала на него ощутимое воздействие.

— А, нет, знаю, — пробормотал он. — Негодяйка с черной душой. Девушка—пария, выгнавшая нас прошлой ночью.

И сейнти вновь пролетела подобно размытому пятну, острие оружия остановилось прямо у моего горла, словно он хотел ударить меня в подбородок. Седьмая позиция, осторожность и выжидание. Я даже не пошевелилась.

— Ты из Ордо? — спросил он этим хрупким стеклянным голосом. — Из Ордо, девочка?

— А даже если бы, то что? — ответила я. — Не думаю, что ваше братство слушает приказы Ордоса.

— Никоим образом, — лезвие, прижатое к шее, не дрогнуло. — Мне интересно. Интересно с кем ты ходишь, кому служишь и вообще, как оказалась в компании Зои Фарнессы.

И опять это имя. Он уже почти стало для меня забавным. Она их обманула и не оставила крючка, которым можно ее поймать.

— Вы так усердно ее преследуете.

— Она ценна, — он принюхался. — У нее есть информация, весьма ценные секреты об уязвимых местах Орфеонического Тирана. Так что говори свое имя.

— Я твое знаю, — смело ответила я.

— Неужели? — Повелитель Ночи все еще держал наконечник у горла, но левой рукой откинул назад длинные седые волосы, упавшие на лицо. Такие длинные пальцы, словно когти. В черных глазах воина сверкнуло любопытство сороки.

— Я знаю ваше общее имя. Имя, призвавшее вас из воздуха. Знаю и твое.

Шанс пятьдесят на пятьдесят. Я вспомнила, как Танкредо повторял слова в стазисном поле.

— Зефир.

Он разочарованно нахмурился.

— Или Ксарбия. Вообще-то Ксарбия.

Астартес усмехнулся и вернул оружие на плечо в шестнадцатую позицию — отдых.

— Садот Ксарбия, некогда Повелитель Полуночи, — ответил он с теплотой, присущей ледяной глыбе. — Теперь я из Коллегии, — он отвесил шуточный поклон, но оружие все—таки находилось в наносекунде от третьей позиции — атаки.

— Даже представить не могу, почему вы поддерживаете Железную Десятку.

— Думаю, что есть много вещей, которые ты не можешь представить, девочка—пария.

Я помогла Реннеру подняться. Я обняла его, дрожащего от боли, чтобы не дать вновь осесть на колени. Возможно, это и был наш шанс. Мне удалось выудить преимущество.

- Ты отпустишь нас в целостности и сохранности, Садот Ксарбия.

Черные глаза расширились от удивления. Он задрожал от недоумения и тут же разразился смехом, больше походившим на скрежет сосуллек по жести.

— Ты что, серьезно думала, что если у тебя есть имя, то ты имеешь надо мной власть? Власть приказывать мне? — весело спросил он. — Садот Ксарбия не настоящее мое имя. В нем силы нет. Садот Ксарбия — всего лишь имя, что мне дали, как только приняли в Коллегию, и дали посредством обряда.

Я постаралась не выказывать разочарования.

— И эта ваша прекрасная Коллегия может похвастаться только шестью воинами? Всего лишь шестеро жалких ребят?

— Когда—то нас было больше, — прошипел он. — Время, да и война с Тираном взяли свое. Нас осталось немного, но у нас древняя связь. Родившаяся из пепла Исствана.

— И все же... для противоположностей вы весьма необычно сочетаетесь.

— Противоположностей? — он усмехнулся. — Да мы едва можем выносить вонь друг друга! Но все равно мы кровные сыновья, ведь так? Братья—бастарды.

— Но и братья дерутся, — настаивала я. — Бывают и семейные разборки.

— Только не в том случае, когда у братьев есть единая цель, — начал он, — не в том случае, когда тизканское колдовство подчиняет волю тех, кто не желает или...

Он так и не закончил это предложение. Раздался резкий треск костей и Ксарбия отшатнулся в сторону, закувыркавшись по полу. Величественный космодесантник из Гвардии Ворона стоял сзади, опустив один из раздвоенных мечей. Он с презрением смотрел на Повелителя Ночи, сложив огромные вороны крылья за спиной.

— Какой же ты болтун, Ксарбия, — послышался голос из шлема с черным клювом. — Рассказываешь проклятые секреты.

Ксарбия поднялся. Гнев сиял на лице подобно свету маяка. На левой щеке виднелась кровавая рана.

— Не тебе наказывать меня, Зефир, — сплюнул тот и превратился в размытое пятно. Сейнти, продолжение его самого, метнулась острым концом к Ворону, который в свою очередь отбил копьё одним поворотом клинка. Быстрее, чем глаз способен был заметить, эти двое столкнулись.

— Шевели задницей, Лайтберн! — огрызнулась я и побежала вперед, ведя раненого Реннера вниз к открытому люку.

Оглянувшись, я увидела, как двое гостей прекратили ожесточенную драку, как только заметили, что мы сбежали. Он продолжили осыпать друг друга проклятьями, но уже преследуя нас. Я швырнула гранату, молясь, чтобы она смогла запечатать их обоих в стазисный пузырь и задержать хотя бы на минуту.

Граната отскочила и покати́лась по полу навстречу воинам. Оба это увидели и отпрыгнули назад, раскрыв крылья, чтобы улететь подальше.

Граната взорвалась.

Граната, не стазис—бомба.

Взрыв заполнил центральную часть помещения расширяющимся огненным куполом, расколовшим палубу и отправившим ударную волну во всех направлениях. Ксарбию снесло неизвестно куда – я не увидела этого за стеной вырвавшегося пламени. Зефира отбросило в сторону, словно муху, которую прихлопнули в воздухе. Астартес ударился о штабель грузовых контейнеров, смял их и упал, после чего ящики свалились на него.

Хоть мы и находились дальше всех от эпицентра взрыва, но обжигающая волна затронула и нас тоже. Меня буквально вышвырнуло через открытый люк на платформу снаружи. Реннера отфутболило в дверной проем. Он неудачно приземлился на сломанную руку, и очередная вспышка боли пронзила его конечность.

Меня оглушило, но я поднялась.

— Вставай! Вставай! — заорала я и, пошатываясь, попыталась дотянуться до него. Реннер уже стоял на ногах, невзирая на сильную боль. Он поковылял вперед, чтобы догнать меня.

— Стой! — прокричала я в последнюю секунду. Мне удалось увидеть ведьмовские метки на проржавевшем люке. У меня-то был оберег, а у Реннера – нет.

Я отчаянно пыталась снять побрякушку, но та зацепилась за воротник пальто.

Реннер ждал, повторяя мое имя. Позади него, рядом с очагом ревущего пламени, все еще бушевавшего после взрыва гранаты, зашевелились упавшие контейнеры. Зефир выбрался из—под них, разбросав обломки в стороны. Наконец—то амулет поддался, и я бросила его в дверной проем. Мой друг попытался схватить его, задыхаясь от боли в сломанной руке, ощущая неловкость из—за травмы.

В десяти метрах позади Зефир прыгнул на бегу и широко распахнул крылья. Воин взлетел и направился прямо к нам, опускаясь ниже, чтобы атаковать.

— Реннер!

Здоровой рукой он схватил амулет и надел на шею, после чего бросился прямо в люк. Астартес пролетел всего в нескольких сантиметрах от его спины.

Но так и не смог попасть в люк.

Без оберега Зефира из Гвардии Ворона словно остановила в воздухе невидимая сеть. Он закричал в агонии, и его отбросило назад. Символы на задней панели тут же вспыхнули и погасли, а ужасающие вороньи крылья исчезли в мгновение ока. Он рухнул на пол, а мечи с расщепленными наконечниками со звоном разлетелись в стороны. Теперь Астартес лежал неподвижно.

Верфь превратилась в развалины под открытым небом, штормовым черным небом, в которое поднимались клубы дыма от горящего здания и тут же уносились куда—то за порт. По обе стороны стояли краны и буровые вышки, ржавые кости старых машин, разлагающиеся остовы древних кораблей.

Я увидела полуразрушенное хранилище справа — казалось, это и был ближайший выход на крышу. Такой же как, она описывала. Внутри, среди беспорядка и медленного разложения, длившегося десятилетиями, мы обнаружили грузовые лифты. Большие продолговатые клетки со стальными прутьями и сеткой, сделанные для перемещения сыпучих грузов и стоящие внутри железных рам. Клетки внутри клеток, система тяжелых зубчатых колес располагалась под крышей, заслоняя весь потолок. Ни один из лифтов не выглядел пригодным для эксплуатации.

— Выход? — Застонал Реннер, не веря своим глазам.

— Один из них, — ответила я.

Если только она не солгала.

Бегая от лифта к лифту, я искала либо метку, либо номер. Номер оказался у каждого, но на печатных табличках Администратума, большинство из которых оказались либо изуродованными, либо неразборчивыми. Двух лифтов вообще не было, шахты просто вели в никуда. Оборванные кабели свисали, словно мертвые змеи — тревожный признак забвения.

И тут я увидела нужный нам лифт. Прямо посередине. На табличке Администратума на нем раньше был другой номер, но сейчас там красовалось нацарапанное «119». На каркасе и металлических воротах виднелись ведьмовские метки.

— Оберег! — крикнула я. Реннер, все еще прижимая сломанную руку к груди, бросил мне амулет. Схватив оберег, я тут же надела побрякушку и распахнула наружную створку, прутья раздвинулись под скрип оголенного металла. Я раздвинула и внутреннюю створку.

— Реннер! Давай сюда.

Но ему это не удалось. Садот Ксарбия влетел в грузовой отсек и бесшумно, словно бабочка, приземлился прямо между нами. Он не дал Реннеру никакого шанса пробраться ко мне.

Повелитель Ночи развернулся и посмотрел в мою сторону. Крылья затрепетали с шумом, похожим на звук взмахов крыльев мотылька. Красные костяные веера — казалось, словно кровь бьется в капиллярах изнутри. Теперь его лицо покрывали ожоги, а седые волосы были опалены.

— Вы же не собираетесь покинуть нас, не сказав «прощайте», — сказал он и сделал шаг в мою сторону. — Ты в меня бомбой запустила, не думаю, что мы расстанемся друзьями.

Ксарбия лишился сейнти, и теперь воин опустил длинные руки вниз — раздался звук, похожий на щелчки пружинных замков. Стальные когти, каждый из которых — кинжал, вылезли из латных перчаток, превратив пальцы в настоящие лапы.

У меня ничего не осталось. Пистолет все еще находился в кобуре, но в данном случае он не поможет, да и вряд ли я смогла бы сразиться с Астартес, имея при себе лишь меч. В карманах не осталось ничего, кроме протекшего флакончика с кровью и практически пустого мешочка из телячьей кожи.

Поэтому, как только Повелитель Ночи набросился на меня, я выхватила мешочек и попросту вывалила на него все содержимое. Три или четыре оставшихся стеклянных камешка тут же отскочили от лица и нагрудника. Двое из них разлетелись на осколки. Ксарбия отшатнулся назад так, словно я плеснула кислотой ему в лицо. Он булькнул и упал на одно колено. Псайконическое отрицание камней лишило Астартес магических атрибутов и причинило боль. Его опаловая броня больше не переливалась и не

блестела на свету. Огромные красные крылья превратились в ничто. Он задышался от собственной крови, текущей изо рта. В момент, когда я почувствовала этот тошнотворный животный запах, все очарование воина исчезло.

Лицо Реннера побледнело, я запрыгнула в лифт, и он поспешил за мной. Я вновь бросила ему амулет, он надел оберег и зашел внутрь. Ксарбия, стоящий на коленях, сплюнул, вновь подавился кровью и попытался подняться.

Я захлопнула внутренние створки – на внешние уже не хватало времени. Реннер попытался опустить рычаг для подачи энергии. Он слишком долго возился, и я, оттолкнув его в сторону, сделала все сама и тут же услышала гул и жужжание только что включившихся механизмов. После того, как я стукнула по нижней кнопке лифта, та загорелась желтым, а потом и зеленым.

Пауза. И тут лифт—клетка задрожал и начал покачиваться в узком проходе лифтовой шахты. Механизм накренился, шестеренки завертелись, и мы начали снижаться. Стремительный прыжок, от которого сердце в пятки ушло. Я тут же успокоилась, и в последний раз посмотрела на искалеченного сгорбившегося Ксарбию, изрыгающего кровь в позе эмбриона прежде, чем поднимающаяся вверх палуба скрыла воина из виду.

Лифт с грохотом несся по шахте вниз, словно мы спускались напрямик в преисподнюю. Вокруг было темно, и только древний механизм создавал тревожный шум. Каждый этаж мелькал в холодном сумеречном свете. Реннер прислонился к одной из стенок кабины, поскольку едва мог стоять. Он придерживал сломанную руку запястьем другой руки, чтобы защитить изувеченную конечность от любого удара — ее разломали самым ужасным образом. Посмотрев на него, я захотела, как-то его подбодрить.

Послышался звук сильного металлического удара, и весь лифт затрясло. Ксарбия приземлился на крышку кабины. Он смотрел на нас через клетку, раздирая металлические прутья и сетку.

— Достойное прощание, — прошипел воин, и в его черных-пречерных глазах играла жажда убийства. Он начал раздирать и срывать сетку, чтобы добраться до нас.

Я достала «Тронсвасс» и выпустила в Астартес весь магазин. Стрельба внутри шахты просто оглушала. Отработанные латунные гильзы, горячие, словно угли, разбрызгивались в стороны и отскакивали от прутьев и пола. На верхней части клетки остались некоторые пули, застрявшие в крыше лифта. Другим же все—таки удалось достигнуть цели: они оцарапали и пробили броню. Воин взвизгнул и вздрогнул, но теперь я не могла ударить его в лицо. Хихикая, он отчаянно продолжил царапать и пилить верхнюю часть несущегося вниз лифта.

Я продолжала удерживать позицию. Вынула пустой магазин из Кал-40 и быстро вставила запасной, после чего продолжила стрельбу, держа оружие обеими руками, целясь вверх. Я стреляла одиночными выстрелами, перенося вес с ноги на ногу, чтобы найти положение, в котором я смогу попасть прямо в голову Повелителя Ночи. Он пригибался и извивался, проклиная меня все больше с каждым выстрелом, когда патроны пролетали мимо него или расплющивались о броню. Когтистые лапы схватились за крышку клетки, пытаясь отодрать ее.

Я отодвинулась, но не сводила с Астартес глаз, и нашла позицию, при которой смогу попасть прямо в бровь. Когтистым кулаком он пробил крышку клетки и выхватил пистолет, как только я выстрелила, сбив точность прицела. «Тронсвасс» смялся, словно фольга, в кулаке.

Конечно же, я отпустила оружие. Но, тем не менее, держала правую руку поднятой, намереваясь призвать мерцающий меч. Он мгновенно проявился и вонзился в искореженный потолок, заколдованная форма взяла верх над материей. Ксарбия взвизгнул. Лезвие мерцало прямо в его вытянутой руке, а конец вышел из правого наплечника, оставив порез на его щеке и ухе. Теперь у воина остался кровавый шрам, в пару тому, что оставил ему Зефир.

Он извергал яростные ругательства, я бы сказала, даже мрачно непристойные. Ворон пожурил его за разбалтывание секретов, но теперь он делился всеми тайнами, каждой мелкой, кровавой и ужасающей деталью того, как он планировал наказать меня, а затем избавиться от тела. Он вцепился когтями в меня, почти вся правая рука воина находилась в кабине лифта. Я попыталась высвободить меч, но он крепко застрял в непробиваемом керамике наплечника. Моя рука сильно сжимала оружие. Пока он дергался и боролся, я поняла, что на мгновение оторвалась от пола и вишу на рукоятке.

Он вновь замахнулся когтями. Я моргнула, меч исчез, и я тут же упала вниз, оказавшись вне пределов досягаемости Астартес.

Я закричала имя Реннера. При нем все еще был тяжелый штурмовой автомат «Мастофф» — оружие с прилично большим количеством патронов и достаточной проникающей способностью, в отличие от моего пистолета.

Мужчина шатнулся вперед, пытаясь балансировать внутри раскачивающегося и дрожащего лифта, несущегося вниз, и предпринял попытку снять оружие, но одна из рук упорно не слушалась, а ремень и вес оружия запутывали его еще сильнее. Я ухватила за Лайтберна, но не могла снять автомат. Мне таки удалось обернуть ремень так, чтобы автомат оказался перед нами. Реннер схватился за оружие, придерживая ствол левой рукой — правой не суждено было выстрелить. Я прижалась грудью к его спине и пролезла правой рукой к рукоятке. Он поднял ствол вверх, и я нажала на спусковой крючок. Обнявшись, вне досягаемости цепкой лапы-косы Ксарбии, мы начали стрелять в потолок.

Выстрелы оказались оглушительными. Горловой разряд «Мастоффа» создавал ощущение, словно мы находимся внутри парового молота. Дуло подскакивало от коротких вспышек оранжевого огня. Пустые гильзы осыпали лифт, словно град, отскакивая от любой поверхности. Бешеная скорость огня вгрызлась в потолок, пробивая твердые панели и прорываясь сквозь сетку клетки. Ксарбия завыл от боли, как только оглушающий огонь почти в упор задел его несколько раз кряду. Рука внезапно разжала хватку, когда он покатился по движущейся крыше, пытаясь уклониться от огня.

Наши выстрелы попали в одну составляющую механизма. Возможно, в шестеренку или в кабельную опору. Что—то щелкнуло, и кабину повело в сторону. Я и Реннер покатались по наклоненному полу, все еще держась вместе. Теперь, не вписавшись в слишком узкую шахту, летящий вниз лифт, разрушал стены как одним из нижних углов, так и, по ощущениям, одним из верхних. Все происходило под нарастающий визг металла о металл и сопровождалось огромным количеством искр, летящих от точек соприкосновения.

В «Мастоффе» больше не осталось патронов. В этом безумном положении, я и Реннер пытались из всех сил вытащить объемный магазин и заменить его на запасной, находящийся в патронташе. Внезапно сквозь металлический визг я вновь услышала смех Ксарбии. Мне удалось достать магазин и, повернув в руках, я попыталась вставить его в «Мастофф». Реннер же старался удержать оружие в устойчивой позиции.

И тут Ксарбия разорвал искореженный потолок кабины. Возникла дыра, в которую вполне помещалась

вытянутая рука, плечо и кудахчущая голова. Он бросился прямо на нас, когти впились в лица. Места для отступления не было.

Вся кабина дернулась и вновь задрожала. Ксарбия, находившийся в нескольких сантиметрах от нас, успел удивленно посмотреть на нас прежде, чем его вытащили обратно через ту же дыру. Что—то произошло там, над нами, какой-то бешеный хаос движения и насилия. Было отчетливо слышно, как наверху обмениваются ударами, как вес смещается с такой силой, что кабина болтается из стороны в сторону, и, раскачиваясь, царапает другие движущиеся края и углы лифтовой шахты.

И тут в кабину брызнула кровь — сначала к нашим ногам, а потом заливая все остальное. Я отпустила Реннера и сделала шаг вперед, уставившись на потолок, в попытках понять, что происходит.

Разломанное белое перо пролетело через дырку прямо к моему лицу.

Мне удалось увидеть. Садот Ксарбия и Комус НоктюРН сражались на крыше лифта. Они вцепились друг в друга, извиваясь в трансчеловеческом безумии — удвоенная мощь двух Астартес, сражающихся насмерть. Когтями Ксарбия впился в белую плоть ангела, по нему потекла кровь. Комус оторвал огромными руками сломанный наплечник и ударил им Ксарбию несколько раз по голове. Повелитель Ночи вдарил кулаком, отбросив Комуса вбок, прямо в самый главный подъемный механизм. Полетели оторванные перья. Крыша начала гнуться. Ксарбия схватил воина за лицо, растопырив когти и попытался зубами вцепиться ему в горло. Комус схватил Повелителя Ночи за шею и начал душить, после чего стукнул лицом о железную конструкцию подъемника, к которому его и прижал Ксарбия. НоктюРН оттолкнул противника, и Ксарбия врезался в стену шахты. Лифт все еще спускался на бешеной скорости — стены шахты напоминали беговые дорожки из скалобетона. Ксарбия на секунду завис в воздухе, но потом упал лицом вниз на кабину лифта. Кровь струилась сквозь разбитую решетку. Жестокое, как наждак, столкновение со стеной нанесло еще больше урона. Оцарапанная броня раскололась, некоторые ее части вообще оторвались. В мерцающем свете мне удалось разглядеть его лицо, прижатое к сетке — бледную щеку, приплюснутую и покрытую выемками от проволочной решетки, черный-пречерный глаз, смотревший на меня сверху вниз. Я даже не могла сказать, жив он или мертв.

Вряд ли это имело хоть какое—то значение. Балансируя, Комус наклонился над ним, схватил и вновь подбросил вверх. Повелитель Ночи вновь впечатался в несущую мимо нас стену шахты. Обмякшее тело закрутилось, подобно сломанной кукле, и начало вращаться под силой удара, словно колесо. И, когда Ксарбия еще раз повернулся, его рука зацепилась за быстро движущиеся основные кабели лифта, и они вновь заставили тело Астартес крутиться в жестоком и беспомощном сальто, но уже против часовой стрелки. Он вновь впечатался в стены шахты с силой, ломающей все кости, но уже на следующем этаже. Я заметила, как он ударился о скалобетонный выступ этажа и остался там, на выходе из лифтовой шахты. В последний раз мне удалось увидеть ногу и руку, безжизненно свисающие с того места, где он остановился, после чего Повелитель Ночи исчез в темноте над нами.

Заскрипев, лифт понесся дальше. Комус посмотрел на меня сквозь разодранную решетку.

Весь в крови.

— Ты пришел, — крикнула я.

— Я пришел на запах крови.

— О да, сегодня ее предостаточно.

Послышался глухой удар и треск шестеренок. Лифт содрогнулся и затрясся, внезапно замедлившись.

А затем вообще остановился. Снаружи находился какой-то сырой убогий грузовой док, заваленный мусором. Я рывком распахнула внутренние, а потом и внешние створки, и вышла наружу, бросила амулет Реннеру, и обнажила мерцающий меч, наблюдая за тем, как Лайтберн надевает оберег. Наконец-то, прихрамывая, он вышел ко мне. Ангел разорвал сетчатую боковую стенку защитной клетки шахты и спрыгнул на пол рядом со мной.

— Ты можешь полететь? — спросила я.

— Здесь не выйдет, — ответил ангел, оглядываясь по сторонам. — Впереди свет, — продолжил он, хотя я не видела никакого света. — Там выход на улицу.

— Перевал Челдотк, как она и обещала.

Мы повернулись, чтобы помочь Реннеру, и направились к невидимому свету.

ГЛАВА 25

Остерегайся своих желаний

Шел небольшой дождь, уже наступил ранний вечер. Я шла по двору Академии Гекула вместе с Лайтберном. Студентов вокруг было мало. Инцидент в Доме-Колонне, произошедший накануне, поверг город в ужас. Власти ввели комендантские часы и ограничения. Новости пестрили дикими историями о вторжении, войне банд, бунте и несчастных случаях. Но это все — ложь. Я сомневалась в том, что власти знали, из-за чего на самом деле сгорел Дом-Колонна, или кто, если такие вообще были, мог спастись от бедствия и остаться в живых.

Что касается меня, то я знала только троих выживших: себя саму, Лайтберна и ангела. Теперь мы держались подальше от посторонних глаз, даже не рискуя вернуться в безымянный дом на улице Волшебных Врат. С Гидеоном и остальными членами команды связаться не удавалось. Район вокруг Дома-Колонны эвакуировали, а затем оцепили. Улицы кишели арбитрами и городской стражей, велись разговоры о надвигающейся войне.

Камни широкого двора академии блестели от влаги в тусклом свете. Группка студентов поспешила вниз по освещенному лампами портику, чтобы укрыться от дождя. Часы наверху пробили четверть.

Мы вошли через сторожку, и сонный швейцар провел нас в читальный зал наверху. Наше трио никаких подозрений не вызвало — мы привели себя в порядок и прилично оделись. На мне красовалось облегающее платье и длинное пальто, Реннер стоял в отутюженной коричневой форме и шинели — он носил ампула бывшего военного, сопровождающего женщину-академика. Перевязанная правая рука Лайтберна скрывалась под шинелью, а один из рукавов остался пуст. Я сделала все возможное, чтобы продезинфицировать рану, вправить руку и наложить шину, но медик из меня никакой — я лишь знаю основы первой помощи на поле битвы, что входило в программу моего обучения в Когнитэ.

Мы сбежали из Дома-Колонны благодаря «Грузовозу-8», припаркованному на боковой улице на приличном расстоянии от старого порта — это то же транспортное средство, что мы использовали для выполнения миссии. Нам пришлось забрать оттуда все, что мы смогли унести — одежду, аптечку, парочку единиц стрелкового оружия, затем мы просто оставили машину на пустыре за Сторакс-Плейс.

Мы постарались запутать следы, на случай если кто-то следил за нами.

Комус заверил, что никого не было. Он оставался с нами некоторое время, тащился по улицам, облаченный, по моему настоянию, в грязный брезент, который нам удалось найти в Доме-Колонне. Ангел покинул нас, как только мы добрались до транспортного средства. Я все же попросила его держаться рядом, и он кивнул. Улицы Королевы Мэб — не место для такого существа, но он мог наблюдать за нами, укрывшись в пейзажах крыш наверху и оставаясь незамеченным.

Я приняла решение начать с имеющихся у меня зацепок.

— Виолетта, дорогая моя, — сказала мэм Матичек, поднимаясь с места, как только мы вошли в читальный зал. Как всегда, на ней красовалось черное креповое платье и кружевные перчатки, поверх него — фиолетовая мантия и развязанный белый преподавательский галстук.

Она приняла нас в довольно-таки приятной комнате, уютной и со всеми удобствами, уставленной книгами и рукописями, стоявшими или лежавшими на полках, от пола и до потолка. Несколько кожаных клубных кресел со столиками стояли поодаль, а огонь в камине обогревал все помещение. Она зажгла настольные лампы и закрыла ставни, защищаясь от надвигающейся ночи. Запах палочек лхо витал в воздухе. В зале царил та же затхлая, академическая атмосфера, что и во всех остальных помещениях Гекула — самого старого и самого уважаемого учебного заведения города.

— Прощу прощения, мэм, — ответила я, пожимая протянутую мне руку, — за то, что вчера не смогла договориться о нашей встрече.

— И неудивительно, — сардонически ответила она. — Что у вас за дело было в старом порту? Весь город разносит сплетни. Король зашевелился.

— Что, простите?

— Моя дорогая, это старый боевой гимн? Как только беда обрушится на Ангелус, король Офрей шевелится и поднимается из глубин святилища... Ла-дум-ди-да-ди-дум.

— Ах, это.

— Патриотические легенды наполняют нас уверенностью, — ответила она. Ну, меня не наполняют. Но простой народ упивается этим. Сегодня я слышала, как гимн пели около трех раз. Орфей восстанет из вечного покоя и придет, чтобы спасти нас от приближающейся войны, с кем бы ни сражались сейчас. Честно говоря, не думаю, что кто-нибудь вообще помнит, каким был враг в прошлый раз. В любом случае, заброшенное здание сгорело дотла, таинственные взрывы раздавались вокруг, и все решили, что это война, и, что Орфей придет, чтобы нас спасти, как и всегда. Полагаю, это должно остановить беспорядки на улицах. Сегодня ты как-то по-другому выглядишь.

Мэм Матичек опустила руки мне на плечи и оглядела с головы до пят. Казалось, она не столько осуждала, сколько удивлялась. Я определенно не была похожа на Виолетту Флайд, которую женщина видела лишь дважды до этого.

— Мне нравятся твои короткие волосы, — подметила она. — Пальто и напульсник мужские, снять бы тебе их. Я больше ничего не понимаю в современной моде. Последние тридцать лет я ношу платье одного и того же покроя. А волосы когда-то давно были каштановыми. Слишком мокро, чтобы надеть

платье, не так ли?

— Я решила...

— Что у вас с рукой, молодой человек? — спросила она, перебив меня и направляясь к Реннеру, ждавшему меня у двери.

— Ой, да пустяк, ссора, мэм, — пробормотал Реннер.

Мэм Матичек пристально посмотрела на меня.

— Ты под прикрытием, Виолетта? — спросила она. — У тебя что, какие-то неприятности?

— Я не смогла прийти на встречу вчера, — последовал мой мягкий ответ, — но вы были достаточно любезны и дали мне визитку, а также достаточно вежливы, чтобы ответить на сообщение и перенести нашу встречу.

— Просто я беспокоюсь о Фредди, — произнесла она. — Странные дни, да и вчерашние события его встревожили.

— Вы знаете, что произошло в «Поясе» той ночью?

— О, да я слышала, какая-то драка в общественном баре, — ответила она, зажигая палочку лхо в серебряном мундштуке. — Я от этого всего подальше держусь. Хотя слышала, что виновник этого Тимурлин. Вне всяких сомнений, опять напился. Он такой буян. Неудивительно, что с тех пор мы его не видели. А ты была там той ночью?

— Мои телохранители меня вывели, — ответила я. — Драки на публике — неподходящее событие для уважаемой замужней леди. Итак, что там с Фредди? Он тут?

Она кивнула.

— Я убедила его приехать. Ну, мы с Анвенсом это сделали. Идем.

Она отодвинула панельную дверь и провела нас в соседнюю комнату. Помещение освещали камин и лампы, хотя лампы покрывали войлочные ткани, поэтому от них исходило мало света. В комнате стоял длинный полированный стол, несколько стульев и стопки книг. В дальнем углу было расположено огромное эркерное окно с прекрасным старинным астрономическим прицелом, установленным на ступеньке эркера. Ставни оставались открытыми, и пространство за окном окутали сумерки.

Анвенс поднялся со своего места за столом, как только я вошла, и тут же неуклюже поклонился мне, не без ненужной в данном случае формальности. Фредди Дэнс даже не поднялся, вид у него был довольно помятый, он сидел за столом и листал страницы астрального справочника, который я никак не могла расшифровать. Рядом с ним стоял стакан амасека.

— И как он себя чувствует? — спросила я.

— Весьма взволнован, мэм, — ответил Анвенс.

— Как и всегда, — ответила мэм Матичек. — Мы очень беспокоимся за его ментальное здоровье.

— Посмотрю, что можно сделать, — произнесла я, направилась к столу и села рядом с Фредди Дэнсом.

Казалось, что он даже не обратил на меня внимание. Мэм Матичек, Анвенс и Реннер наблюдали за всем

с порога.

— Сэр? — тихо произнесла я, наклоняясь к нему поближе. — Это Виолетта. Вы меня помните?

Дэнс тут же склонил голову набок, повернувшись ко мне ушами, но не глазами.

— Мамзель Флайд, — ответил он тоненьким голоском. — Это шарада. Настоящая головоломка.

— Мне жаль, что мой случайный вопрос вызвал у вас замешательство, сэр.

— Нет, — произнес он. — Нет. Нет, мамзель. Головоломки приветствуются. Отвлекающий маневр. Меня уже давно ничто не отвлекает. Даже ничто хорошее не способно отвлечь. Ваша тетьа умерла. В сто восемнадцать лет.

— Так и есть, сэр.

— Сто восемнадцать, — повторил он, снова склонив голову и перелистывая страницы книги. — Это не тот номер, о котором идет речь. Сто восемнадцать — точное количество трактатов, написанных при жизни святым Корустином по всем вопросам философии, естественным и чудесным...

— Я слышала, что мой вопрос поставил Вас в тупик и стал Вашей навязчивой идеей, сэр. Ваши друзья беспокоятся за вас. Вы не кушаете...

Он поднял руку.

— Знания — пища. Знания кормят нас. Прекрасный праздник фактов и цифр. Я поддерживаю вас, мамзель Флайд. Я рад, что вы пришли. Но я сбит с толку. Нет, вовсе нет. Я все записал.

Он положил руки на открытые страницы звездного атласа и погладил их кончиками пальцев. — Все в моей записной книжке. Видите? — спросил он. Я прикусила губу.

— Вы создали шифр для меня, сэр? Ключ?

— Вы — ключ.

— Разве?

Он откинулся на спинку стула, уставившись вверх слепыми глазами, улыбаясь и вертя головой со стороны в сторону.

— Я только начал, как вы можете заметить из моей записной книжки. Но я не могу создать полный ключ без дополнительной информации и без контекста, понимаете? Только вы можете их предоставить.

— Понимаю, — ответила я, — думаю, что возможно, я смогу вам помочь. Но прежде чем я это сделаю, расскажите мне, что вы поняли к этому моменту. Боюсь, что мне придется быть более конкретной, чтобы не отставать от ваших вычислений. Я не математический гений.

Мне пришлось быть осторожной. Фредди Дэнс мог быть или сумасшедшим гением, или просто сумасшедшим, и мне не хотелось делиться с ним книгой, пока не пойму больше. Кроме того, у меня не было желания раскрывать очевидно тайные договоренности между ним и Анвенсом при свидетелях.

Дэнс осторожно положил жилистую руку на мою ладонь, словно ощутил волнение и хотел меня успокоить.

— Дело не только в математике, дорогое дитя, — здесь замешаны символизм, секреты и множество других вещей.

— Множество других вещей? — переспросила я.

— Да. Я тщательно обдумал это и считаю, что 119 ровным счетом ничего не значит. Вот тут-то и проясняется многое. Все сразу. Это мистический символ в числовой форме. Это гиперсигил. Вы знаете, что это за термин?

— Да, сэр, — осторожно ответила я.

— Тогда Вы знаете больше, чем показываете, мамзель Флайд, — старик, казалось, находился под большим впечатлением. — Гиперсигил или гиперглиф сжимает множество значений в одну концентрированную форму. Связывает множество смыслов в один.

— Сэр, я была бы счастлива понять хотя бы одно значение.

— Ну-с, — рассмеялся он, — трудная задачка, поскольку все эти значения связаны друг с другом. Вам нужен ключ для шифра, но чтобы получился тот, который действительно подойдет — правильный ключ — нужно, так скажем, знать каждую деталь, каждую зарубку. Мы должны решить символ, понимаешь? Позволь мне сделать это для тебя, шаг за шагом. Во-первых, давай рассмотрим простые числа. Простое число — это число, которое больше единицы, и делится только на себя и на единицу. Простые числа обладают неким изысканным шармом для ученых, подобных мне. Они наша навязчивая идея, и да, знаю, я склонен к одержимости больше, чем остальные.

— Почему же они идея-фикс? Что ж, определения простого числа обманчиво просто. Когда вы считаете от единицы, невозможно предсказать, каким оно будет следующее простое число, и по мере их увеличения, все труднее и тяжелее определить, действительно ли это число простое. Простые числа лежат в основе Империи, в некоторой степени они весьма значимы. Перед Темным Веком Технологий, для шифрования, используемого для защиты связи, финансовых транзакций и передачи данных, использовались простые числа в различных вариациях на протяжении тысячелетий. Простые числа в теории позволяют вам кодировать абсолютно все знания во вселенной в одном очень большом числе... Хотя я сам не делал подобного, но прекрасно понимаю, что за этим стоит.

— Вы... все-таки понимаете?

На лице старика засияла улыбка. Хотя он и не способен был меня видеть, но на моем лице не промелькнуло и тени улыбки. Он только что описал процесс кодирования, поразительно схожий с энунцией.

— Дело в том, мамзель, — продолжил он, — что у большинства склонных к математике людей есть инстинкт, способный определить, является ли число простым или нет. И инстинктивно 119 очень похоже на простое число. Необычное количество результатов. Но загвоздка-то в чем. Любая другая комбинация из этих цифр — является простым числом. 911- простое. 191 — простое. 119611 — это комбинация из 119 и его же только наоборот. Успеваете? Но 119, хитрый трикстер — нет. 119 равно 17 умноженное на 7. Понимаете?

— Да, — ответила я.

— Исходя из этого, 119 выглядит, как число великой силы, как часть таинственного братства простых чисел. Но это самый настоящий самозванец. Полупростое число, выдающее себя за простое.

Математическая странность.

— Это так важно?

— Любая странность в области математики важна. А теперь пойдете, пойдете, — он неуверенно поднялся, я тоже поднялась, взяв старика за руку, чтобы придержать и направить, хотя он все равно шел впереди. Мужчина подвел меня к телескопу в оконном проеме и вслепую протянул руки, чтобы найти этот предмет, после чего схватил и начал ласкать телескоп так, словно успокаивал его.

— Мой прицел, — начал он, — я продел практически всю значимую работу благодаря ему. Даже те наблюдения, что привели к позору.

— Вы имеете в виду «О звездах в небе, с эфемеридами»?

— Да, так и есть, — усмехнулся он.

— Сэр, простите, но вы слепы. Как же вам удавалось наблюдать?

— Стекло никогда не врет, — он наклонился, чтобы заглянуть в окуляр. — Я не вижу, условно, больше не вижу. Наблюдения в той моей книге, моей шедевальной работе, уничтожили мое зрение. Это были другие звезды, понимаете? Из другого мира. Но все-таки они проявились здесь.

— И какой же другой мир, что это за место? — я изо всех сил старалась казаться невинной.

— Царство Короля, — ответил Фредди Дэнс.

Много раз, рассказывая эту историю после, я упоминала Короля. Так что, уверена, это имя вам хорошо известно. Но все-таки я чувствую, что должна подчеркнуть его важность. В течение многих месяцев я находилась среди людей, говорящих о его персоне или отсылавших к ней. Но все они являлись агентами Инквизиции, или Когнитэ, или же их посвящали в темные тайны Санкура каким-то другим способом. Мы приняли все, потому что их рассказы убедили нас в этом. И все же, для простых жителей Санкура, даже для таких образованных, как Фредди Дэнс или мэм Матичек, Король в Желтом был не более, чем сказкой, если они вообще слышали о нем.

Но здесь и сейчас передо мной стоял человек может и безумный, но спокойно говорящий о Короле, как о простом факте, и связывавший его имя с множеством нерасшифрованных подсказок.

Думаю, что подкупали его тон, и уверенность в голосе. Фредди Дэнс не был умалишенным, случайно узревшим истину, сведшую его с ума. Мне удалось понять это безумие, и я боялась, что однажды такая судьба ждет и меня, и всех нас, кто стремится к правде. Ответы, как только они появятся, могут оказаться чем-то большим, чем-то, что наш разум не способен вынести.

Поэтому Виолетта Флайд закончилась в момент произнесения этих слов. Кающаяся, начинающий Инквизитор, страстно жаждала показаться и официально взять ситуацию в свои руки. И все же мэм Матичек стояла там, и я остро ощущала то неодобрение и недоумение, с которыми она наблюдала за мной. Мне хотелось защитить и себя, и Фредди, но правда, остававшаяся такой неуловимой для меня, Грегора и Гидеона, казалось, находилась на расстоянии вытянутой руки. И я сделала выбор и тихо спросила:

— Король?

Дэнс продолжил всматриваться в телескоп.

— Так и есть, мамзель, Король в Желтом. Все чаще с годами я обнаруживал, что все равно или поздно приводит к нему.

— А значит звезды, которые вы видели и о которых написали в книге, — осторожно произнесла я, — звезды из другого мира... Может, звезды далекого космоса?

Он выпрямился, на лице появилось задумчивое выражение.

— Так и есть. Так и есть. Моя дорогая, вы тоже загадка, нуждающаяся в разгадке, раз знаете о таких вещах.

— Охотно верю. Значит Ваши наблюдения, сэр. Они лишили Вас зрения... А ваша карьера?

— Им это весьма не понравилось, — отчеканил он, даже не уточнив, кто такие те самые «они». — Ни одному из них. Сказали мне, что я рехнулся, наблюдая небесные своды, коих нет. Но я-то знал настоящую причину. Им попросту не понравилось, что я это все увидел. Не понравилось, что я шпионил за личными небесами Короля.

— Мамзель Флайд, — прошипела мэм Матичек с другого конца комнаты. — Я Вам удивляюсь! Да зачем Вы ему подыгрываете в разговорах об этой чепухе! Боюсь, что Вы слишком перевозбудились...

Я подняла указательный палец, призывая ее к тишине.

— Продолжайте, сэр. Пожалуйста.

— С радостью. Вы видите вот это? — спросил Дэнс и потянулся к моим рукам. Я позволила ему положить их на телескоп. Под основным прицелом находилась древняя механическая клавиатура, с помощью которой можно было заранее задавать координаты и углы.

— Клавиатура. Она там?

— Да, сэр.

— Итак, — произнес он, — я только что упомянул об архаичных технологиях. Я так очарован тем, как выживают старые технологии, а иногда еще и развиваются после того, как их забыли или они устарели. Особенно у нас на Санкуре. Скажите мне, какие значения указаны там, на клавишах сверху.

Я принялась читать.

— Q, W, E, R... так же, как и на остальных клавиатурах.

Дэнс кивнул.

— Да, это расположение ключей продумали так давно, что вас бы это шокировало. Еще до Темной Эры Технологий. Его разработали для печатных машинок, и мы до сих пор пользуемся им, поскольку это удобно и потому, что мы привыкли. Символ на наших вокс-устройствах означающий «конец связи» базируется на старой проводной системе связи. И сигналы бедствия, такие как 999, 911, и 119, что мы используем по сей день, тоже основаны на старой системе телефонии. И по сей день! Комбинация из трех единиц или девяток все равно означает либо «бедствие», либо «чрезвычайное происшествие» во многих аспектах нашей культуры.

— Это значит, — начала я, — 119 может быть древним предупреждающим символом, кодом к сигналу бедствия, отсылкой к практически забытому выражению «чрезвычайное происшествие»?

— Именно, моя дорогая.

— Так вот оно что? Так вот, чем является 119?

— Да, но отчасти, — ответил он. — Как я говорил ранее вам, это всего лишь одно значение знака. Мне кажется, оно важно. Но давайте теперь рассмотрим число в двоичной форме.

— Двоичный код? — я ощутила некое беспокойство. Затрагивало ли это мои подозрения на счет Механикуса?

— Именно, моя дорогая. В двоичном коде 119 равно 1110111. В тот момент, когда я визуализировал двоичный файл, я посмотрел на центральный ноль и воскликнул «око»! Весьма убедительный визуальный паттерн. И, конечно же, у вас могут быть более длинные и короткие версии одного и того же — 5 это 101, 27 равно 11011, 119 равно 1110111, 495 равно 111101111, 2015 равно 11111011111...

— Понятно, — перебила я, — но око? Вы сказали «око».

— Сильная символика, — отметил он, — глаз имеет множество собственных мифо-символических значений, но, конечно, есть одно, столь ужасное, именно то, что имеет самое большое и угрожающее для всего состояния Империиума.

И прежде, чем я успела обдумать эту информацию и задуматься об Оке Ужаса, варпе и Легионах Предателей, преследующих ту самую планету, на которой мы сейчас находились, он вновь продолжил.

— Это двоичный паттерн из единицы, он окружает глаз, представленный нулем, мамзель. Этот паттерн мне до боли напоминает о другом — о теломерах.

— Теломеры? — переспросила я.

— Для вас упрощу, — ответил он, криво усмехнувшись. Когда клетки, из которых состоит ваше тело, делятся — а они это делают постоянно, чтобы появлялись новые — их ДНК так же копируется в новую клетку. Но этот процесс копирования не копирует всю хромосому ДНК — он копирует только окончание. Таким образом, хромосомы имеют множество избыточных последовательностей в конце. Именно они называются теломерами. Каждый раз, когда ваша ДНК копируется, вы теряете теломеру с каждого конца хромосомы. Поэтому с возрастом количество теломер в ваших клетках уменьшается. Это и является частью процесса старения. Если в клетке слишком мало теломер, значит, она разделялась очень много раз, и значит, что в ДНК такой клетке могут быть ошибки расшифровки. Итого, эта клетка больше не может участвовать в репродукции.

— Значит, вы думаете, что 119 это еще и зашифрованная отсылка к генетическим копиям? Таким как клоны и...

— Техногенная инженерия служит фундаментом для Империиума еще со времен доисторических Объединительных Войн. Она поддерживает боевую силу человечества.

А для меня вообще имеет очень личное значение.

Да, это я и хотела сказать, но сдержалась.

— Я изобразил единицы вокруг нуля в виде теломер, — продолжал Дэнс, — и увидел что-то вроде обратного отсчета. Словно мы идем от 32639 до 8127 а потом уже и до 2015 в двоичной форме — число единиц вокруг нуля уменьшается, так же, как я только что сказал. Когда мы выбрасываем последнюю

пару, то переходим от 101 к 0. Конец. Смерть. Возможно, кто-то вел обратный отсчет поколений с помощью этого кода. Может быть, это ваше 119 всего лишь обратный отсчет. Или, может быть, простой способ измерить время или поколения, оставшиеся до какого-то катаклизма или смерти. 119 всего в трех шагах от конца...

На мгновение я отшатнулась и глубоко вздохнула, чтобы сосредоточиться. Кодирование универсального знания — мнимая функция энунции, к которой стремились многие. Я была свидетелем силы, всего лишь части ее, всего одного слова. Грамматика, гримуар, которым можно было описать творение. Кто-то преобразил его и спрятал в числовой форме?

Цифры, как мне всегда говорили, гораздо эффективнее слов.

Мой разум поплыл. Дэнс так ловко соединил процесс кодирования, похожий на энунцию, с идеями древнего бедствия, предупреждения, символа Ока и генетического вырождения, а также обратного отчета. Гидеон сказал, что времени мало, а Вернер Чейз предупредил, что приближается час триумфа Короля в Желтом.

Казалось, я пыталась докопаться до правды практически всю жизнь, пытаюсь отыскать какой-то истинный смысл. И вот он этот смысл, истинное значение, все сразу в целом великом потоке, смысл и истина, да еще и в таком количестве, что это просто могло поглотить меня и смыть прочь. Все это захлестнуло меня.

— Мы можем рассмотреть и другие значения, — весело продолжил Дэнс, не обращая внимания на то, насколько все поразило меня. Прихрамывая, старик вернулся назад к креслу и сделал глоток амасака, после чего сел. — Отдельные цифры в 119. 1 и 9 — квадратные числа. 119 это три квадрата. Два маленьких — 1 на 1, а потом третий, побольше — 3 на 3. Можете это себе представить? Два сына, стоящие по правую руку от отца? Две дочери по правую руку от матери. В нумерологии девять символизирует любовь и самопожертвование. Тем не менее, 11-мифическое число Искарриота, число предательства в древних мировых преданиях. В земных проторелигиях мессианскую фигуру по имени Йешуа предал его одиннадцатый ученик. Но вот это даже любопытно, поскольку это предательство в мифе было необходимо. На самом деле он являлся ничем иным, как предопределенным актом верной жертвы, ибо без предательства божественность мессии не признали бы. Я еще вернусь к этому. Итак, 9 имеет и другие значения, я уверен, вы знаете, мамзель...

— Девять сыновей, что выстояли, и Девять, что обернулись против, — произнесла я, — Девять за Восемь, и Девять против Восьми, все Восемнадцать для сотворения Великого Космоса или его разрушения.

— Ага! А ты знаешь Еретикамерон! — с восторгом воскликнул Дэнс. — Именно. В «Девять» мы видим примархов, и, как и число Искарриота, оно символизирует и жертву, и предательство одновременно. И так, про 19. Оно, как и 11, таинственно. Ибо ходят слухи о том, что бессмертных примархов было двадцать, двадцать сыновей, двое из которых вроде как погибли. Их никогда не называли и упоминали. Некоторые могут считать, что это девятнадцатый и двадцатый. Хотя, на самом деле, если уж смотреть по порядковым номерам, то это второй и одиннадцатый. Говоря начистоту, 19 в формулировке ордена Легиона это номер Коракса из Гвардии Ворона, но оно так же использовалось когда-то в качестве почетного обозначения для первоначального мастера Адептус Кустодес, который во времена темной Ереси негласно приравнивался к примарху. А так же, конечно, великого генерала Милитарума Лександра Чигурина ласково окрестили «Девятнадцатым примархом», после знаменитой победоносной кампании во время Чистки. Но это точно, мамзель, точно, говорю я вам, 19 чаще всего закреплено для обозначения отсутствующих примархов. Любого из них. Это число обозначает потерянного, не

упомянутого, безымянного, не указанного, забытого.

Я присела рядом с ним.

— Так вы верите, сэр, — осторожно спросила я, скрывая страх в голосе, поскольку это было запрещенное сведение из самой опасной области знаний, — что 119 каким-либо зашифрованным способом представляет собой одного из потерянных примархов?

— Моя дорогая, — ответил он, — по разным причинам я убежден в том, что эта гиперсигилла 119 — Король в Желтом, и она дает ключ именно к его личности.

— Пропавший примарх, сэр? Вы это хотите сказать?

— Так и есть, — ответил Фредди Дэнс.

ГЛАВА 26

Конфигурация 6,337,338

— Этого, — произнесла мэм Матичек, — вполне достаточно.

Она подошла ко мне, весьма взволнованная, и практически выдернула из кресла за рукав, после чего отвела в сторону.

— Я надеялась, что ты его успокоишь, — прошептала она так, чтобы Фредди не смог подслушать, хотя мне казалось, что друзья старика совершенно недооценивали остроту его слуха. — Я попросила прийти тебя, чтобы ты его успокоила. Мой друг находится на грани. Но вместо этого ты болтаешь с ним без умолку, и делаешь этим только хуже. Заставляешь его говорить о ереси.

Последние слова мэм Матичек прошипела сквозь стиснутые зубы, практически беззвучно от гнева.

— Думаю, тебе пора.

— Но все это так интересно.

— И что же тут интересного?

— Например то, что Вы знаете, что это ересь. Следовательно, знаете что то, о чем он рассказывает на самом деле опасно, а не простой бред сумасшедшего.

От тревоги она округлила глаза.

— Я ничего не говорила...

— Именно. Вы не говорили, но только что Вы убеждали меня не перевозбуждать его. Вы не подвергали сомнению то, из-за чего он так взбудоражен. Вы даже вопросов не задали, типа «Кто такой этот Король?», как только Фредди заговорил о нем.

— Мне эта сказка известна, — с возмущением ответила она, — мы все знаем эту легенду. Ты не можешь жить в Королеве Мэб и ни разу не услышать эту историю!

Ее взгляд метнулся к Анвенсу, чтобы тот ее поддержал. Длинноногий клерк практически скривился от неловкости.

— Да, все так, — пробормотал он. — Миф, не более.

— Нет, нет, — тут же возразила я. — Вы оба знаете, что дело не только в этом. Я искренне верю, что вы оба беспокоитесь о здоровье Фредди, но вы так же обеспокоены и тем, что он может рассказать.

— Ну, мэм, — ответила мэм Матичек. — Нам все равно, во что там ты веришь. Думаю, что тебе пора идти. Кажется, что ты вообще не тот человек, за которого себя выдаешь. Я приняла тебя за милую молодую леди с легким интересом к эзотерике, но сегодня — о, посмотри на себя — ты едва на нее похожа. Я вижу тебя насквозь и не потерплю этого больше.

— Думаю, что моя подруга сама решит, когда ей пора идти, — вклинился Реннер. Он все еще стоял у двери, но заговорил предупредительным тоном.

— Кто вы вообще такие? — вздрогнув, спросил Анвенс. — Из Магистратума? Из бюро расследований Барона? Нам предъявят обвинения?

— Ничего плохого мы не сделали, Линел, — ответила мэм Матичек. — Просто попытались предоставить некую помощь нашему другу, а вместо этого... — она посмотрела на меня. — Пожалуйста, уходите, пока я не вызвала охрану, чтобы та увела вас отсюда.

— Мой обремененный друг прав, — я сохраняла спокойствие. — Уйду только тогда, когда закончу. У меня нет никаких претензий к вам, мэм, ни к мистеру Анвенсу. Именно поэтому я и объясню вам все, хотя, возможно, это послужит катализатором для еще большего волнения.

Я достала бумажник из кармана пальто, открыла его и положила на стол таким образом, чтобы они оба смогли посмотреть, что там написано. Мэм Матичек и Анвенс смотрели на розетку в безмолвном ужасе.

— Я Биквин. Служу святому Ордосу по приказу Трона. Здесь необходимо ваше сотрудничество, и я отмечу все в отчете.

Анвенс прикрыл рот домиком из двух рук и сделал шаг назад. Мэм Матичек издала тихий стон и осела, словно могла упасть в обморок в любую минуту. Лайтберн помог ей сесть на стул.

— Нам конец, — пробормотала она.

— Нет, — ответила я. — Мне нужно, чтобы вы сотрудничали со мной. И я... сейчас же назначаю вас своими помощниками. Итак, откуда вы знаете о Короле в Желтом?

— Нельзя, — пробормотала мэм Матичек, глядя на розетку, — водиться с такими, как толпа у Ленгмура, или проводить время в компании Озтина Крукли, и при этом ни разу не услышать о Короле. Не узнать, что за глупыми легендами, мифами, сказками, кроется некая истина. Мы встречаемся, выпиваем... мы... говорим о тайных знаниях, магии, до тех пор, пока сами не поверим. Но все это попросту шутки ради, незаконный трепет трансгрессивной беседы.

Она посмотрела на меня.

— За нашу глупость нас всех сожгут?

Я покачала головой.

Она выдохнула.

— Всегда думала, что Озтин обманщик, шарлатан, хвостун и, что он только притворяется, что знает запретное...

— Он шарлатан. Но и он, и Вы, и все в этом городе, в каком-то роде наткнулись на правду. И даже больше, чем Вы думаете. Она лежит между камней, вплетена в улицы вокруг нас. Я ищу эту истину.

Посмотрев на Фредди, я увидела, как он осторожно наполнял бокал из графина, пытаясь направить одну руку другой. Я подошла к нему, взяла стакан и бутылку и налила старику еще амасака.

— Вы Инквизитор? — спросил он.

— Вас это пугает?

— Естественно. Но я чувствую облегчение. Вы воспринимаете меня серьезно. А ведь никто и никогда такого не делал. Надо мной насмехались, меня опозорили и заклеямили безумцем. Но Вы знаете. Вы знаете, что это не так. Наконец-то Вы здесь и можете снять с меня это бремя. Я рад этому. Такому бальзаму, в котором нуждалась моя душа, Эльса, а не твоя забота, хотя я знаю, что ты делала все из лучших побуждений. Эта молодая женщина знает, что я не безумец, и я отвечу на любой вопрос, который мне зададут, поскольку теперь это освободит меня от долгой битвы с собственной душой.

— Как Вы узнали? Как Вы вообще связали все с Королем в Желтом, мистер Дэнс? Я даже не упоминала это имя.

— Да Вам и не нужно было, — ответил старик. — Король реален, он есть во всем, что находится здесь, лежит между камней, вплетен в улицы города, как Вы и сказали. И сейчас Вы говорите, не уходя далеко от темы, мамзель Биквин. Вы сказали «назовите его имя». Как выяснилось, я слеп. Я визуализирую числа, поскольку они важны для меня и всегда были моими верными друзьями, но я так же и слышу их, как слова. Один-один-девять. Вы сказали мне это в Двух Гогах. В этих словах «один-один-девять» я неизбежно рассмотрел и иной путь, который может оценить лишь тот, кто слышит, как говорят цифры.

Он усмехнулся, посмотрев куда-то в сторону.

— Если выразить один-один-девять в виде слов, мэм, это позволит нам рассмотреть алфавитный порядок. Если Вы расположите числа в алфавитном порядке, все числа, записанные, как слова, знаете ли Вы, какое из них будет первым в списке?

Я попыталась собраться с мыслями:

— Расскажите мне.

— Число восемь.

— Восемь? — эхом отозвалась я.

— Восемь, — настоял он. — Восемь становится единицей, потому что это число первое, если учитывать алфавитный порядок. Когда числа упорядочены в виде слов, восьмерка становится единицей. Итак, Восемь, как нам обоим известно, это имя, данное тем, кто служит Королю. Тем, кто убил мэм Тонтелл.

— Значит, и о них вы знаете?

— Исключительно со слухов, — ответила мэм Матичек, став у меня за плечом. — Самая опасная тайна,

никто не говорит о ней, и даже не пытается сделать вид, что знает, но в нашем кругу... — она вздохнула и посмотрела на меня. На ее лице показалась смесь смирения и печали. — Дражайший Фредди не должен произносить это вслух, — она ободряюще похлопала старого астронома по плечу. — Существуют такие вещи, которые даже в нашем тесном кругу мы избегаем и игнорируем, опасаясь ужасного возмездия.

— Восемь убили мэма Тонтелла, — я подтвердила. — Да, это сделали они.

Анвенс тихонько всхлипнул.

— Восемь — весьма значимое число, — ответил Дэнс, — даже более значимое, чем 9 или 19.

— Восемь для ног. Восемь для точек. Восемь потому что это то, что они ели. Восемь потому что символ-метка Заклятого Врага.

Дэнс кивнул.

— Так и это там закодировано тоже, — сказала я. — Спрятано на самом видном месте в числе 119.

— Причем дважды, — ответил Дэнс, — предполагается, возможно, математический процесс. Один в степени одного, показательный, символизирующий восемь в восьмой степени.

— Хаос силе Хаоса?

— Число к которому легкомысленно относиться нельзя.

— Так что на счет девятки? Если 1 и 1 — это восемь и восемь, то каково фонетическое значение девятки? Где место девятки в алфавитном порядке?

— Ну, мамзель Инквизитор. Все зависит от длины списка. Восьмерка всегда стоит первой в этом алфавитном порядке. Но положение девятки варьируется, как и девятнадцати и ста девятнадцати. Нужно знать, сколько позиций в этом списке, чтобы быть уверенными.

— Конечно, — ответила я, чувствуя себя не особо умной в тот момент. — Расположение в алфавитном порядке меняется по мере добавления чисел. Исходя из этого, расположение девятки находится в списке, скажем от одного до ста девятнадцати?

— Слишком мелко мыслите, мэма. 119 это гиперсигилла, предназначенная для расшифровки. Целое число, сто девятнадцать, возможно, слишком очевидно. Тот, кто создал символ, ждет, что мы используем те части, которые сможем понять, чтобы разблокировать остальные. И пара единиц — это константы. Если каждая из них представляет восемь, то их всегда восемь. Их место в списке не меняется. Так что мы можем довериться им. И умножить, как я и предполагал. Восемь в восьмой степени.

— Дает нам в итоге?

— Очень большое число. Шестнадцать миллионов семьсот семьдесят семь тысяч двести шестнадцать. Это необычное число. В двоичном коде выглядит как 1, за которым идут четыре 0. На самом деле, в рядах магосов-математиков, такое число зовется скромным^[4]. Если алфавитный порядок длинный, а я думаю, что оно так и есть, то девять начинается с...

Он на секунду задумался и замолчал.

— На шестимиллионном триста тридцать седьмом или триста тридцать восьмом месте.

— А это имеет какое то значение? — спросила я, стараясь не выдавать, что я смущена скоростью, с которой он произвел эти вычисления в голове.

— Ну, это не простое число, — ответил старик, пожимая плечами. — Кроме этого, я ничего не знаю. Думаю, что мне нужно взглянуть на ваш шифр, мэм. Таинственный текст, ключом к которому является 119. Может быть, я смогу определить значение.

— Я взяла шифр с собой, — я достала из кармана пиджака записную книжку. Дэнс нетерпеливо схватил ее, обвил руками и поднес к носу, чтобы вдохнуть запах.

— Фредди не может читать, дорогая моя, — крикнула мэм Матичек.

— Знаю, — я взглянула на старого астронома, который все еще был очень занят книгой. — Читать Фредди не сможет, но сможет Анвенс.

— Пойдет ли это на пользу? — спросила мэм Матичек.

Я посмотрела на Анвенса.

— Давайте не будем акцентировать внимание на том, как я об этом узнала, но я таки знаю о вашей связи с мистером Дэнсом.

Анвенс нахмурился, глядя на меня, и в его взгляде взгляд переплетался с сомнением.

— Я никому не расскажу, — пообещала я, — но мне действительно нужна ваша помощь, господин Анвенс.

— О чем она? Линел? Что она имеет в виду?

— Линел, — начала я, взглянув на Анвенса, — могу ли я вас так называть, сэр? Линел — ключ к зрению Фредди и так было в течение долгих лет. Не так ли, Линел?

Казалось, Анвенс уже готов броситься к двери.

— Вид D-тета-D, пассивный и исключительный. Тебя ведь никогда не проверяли, да?

Клерк никак не мог заставить себя мне ответить.

— Никто не узнает. Даю вам слово. Слово Ордоса. Вы мне поможете?

Линел прокашлялся. Он делал так, когда дело доходило до подобного, он казался на удивление храбрым или же удивительно преданным другу. Злостным взглядом мэм Матичек поочередно буравила то его, то меня.

— Так и быть, мамзель, — ответил Анвенс.

— Благодарю.

— Как ты поможешь ей? Линел?

Я аккуратно опустила руку на плечо мэм Матичек, чтобы удержать ее, и мы обе стали наблюдать за тем, как Анвенс сел в кресло рядом с Дэнсом. Он разместил длинные ноги настолько удобно для него, насколько позволял стол, достал из кармана пенсне и тут же надел. После чего взял из рук Фредди записную книжку и положил на стол перед собой. Открыв блокнот, Линел осмотрел внутреннюю сторону

обложки.

— Лилиан Чейз. Лилиан Чейз, — практически сразу сказал Дэнс, уставившись в незримую точку. — Там есть Л, там есть Ч вместе. Понимаешь? Л и Ч. Единица и единица, и еще девять, как и сказала несчастная мэм Тонтелл. Голубой. Она говорила и про цвет.

Анвенс уставился на первую страницу замысловатого текста. Она, как и все остальные выглядела просто колонкой из рукописных непостижимых символов. Мне было известно это из-за моей безуспешной попытки с ними разобраться.

— Что происходит? — прошептала мэм Матичек.

— Линел читает для него.

— Заявляю, что вы все безумцы, — ответила она.

— Там все на двоичном языке? — спросила я.

— Нет, — ответил Дэнс, — но это весьма неплохая догадка, мэм.

— Я рада, что вы поняли, почему я спросила. И почему меня шокировали ваши разговоры о двоичных интерпретациях. Я боялась, что это как-то связано с Адептус Механикус.

— Ох, оно и связано с ними.

— Скажите мне пожалуйста, как? И откуда вы об этом узнали?

— Знавал я как-то человека, — ответил он, — он был мне, своего рода, товарищем. Когда-то его как ученого пригласили в университет Петрополиса, на Юстис Майорис, я тогда сам там преподавал Астроматематику. Так давно это было. Нас подружила любовь к числам. Думаю, он восхищался моим умением обращаться с числами, что мне льстило. Он никогда не упоминал об этом, но я предполагаю, что в прошлом у него существовала какая-то связь со Священниками Марса. Возможно, он — отступник, сбежавшим от своей паствы. Не знаю. Я не видел его шестьдесят лет. Как раз в то время, когда мы сдружились, он много расспрашивал меня о двоичной системе исчисления и других кодах, используемых земными машинными системами. Его звали Годмен Стилас.

— Ты о нем никогда не упоминал, Фредди, — подметила мэм Матичек.

— У меня весьма мало причин на то, чтобы вспоминать его, Эльса, — ответил Дэнс. — Это было много лет назад. Да и рядом он находился всего несколько месяцев. Очень скрытный, очень тихий. Очень любознательный, если уж на то пошло. Он рассказал мне о Механикус. Многому меня научил. Так же утверждал, что они использовали бинарный язык для общения, но у них существовал и другой язык. Годмен называл его гексадой. Двоичный код, понимаете ли, немного нагроможден. И наша обычная система счисления «сотни — десятки — единицы» для чисел так же слишком громоздка, потому то ее и нелегко преобразовать в двоичный код, и она неудобно записывается байтами и битами. Для беглости, с точки зрения разумных машин, лучше использовать шестнадцатеричную систему или же язык. Шестнадцатеричный код удобно преобразовывать в двоичный и наоборот. Это весьма хороший компромисс, легко читать и людям, и машинам. Гексада — язык, основанный на шестнадцатеричной форме, используемой Механикусами в более сокровенных и тайных писаниях. Для записи духовных знаний и святых текстов, именно потому что он имеет Омниссианское происхождение, вы понимаете, о чем я? Годмен показал мне, как оно выглядело на письме.

Старик указал на книгу в руках Анвенса.

— Это, мамзель Биквин, ни что иное как гексада. Ваш шифр написан самым сакральным и священным машинным кодом Адептус Механикус.

— Вы всецело уверены, господин Дэнс?

— О, да. Я эти символы знаю. Мало кто, кроме марсианских жрецов, способен на это. Кроме того, там есть некая симметрия. Итак, предположим, что 119 — не десятичное число, а шестнадцатеричное. Ну, а 119 в шестнадцатеричном формате это 281децимальное. И 281 очаровывающе интересно, поскольку для такого математика, как я, сразу очевидно, что это не простое число. Да, так оно и есть! Еще один самозванец. И еще одна часть вашей гиперсигиллы. Сумма цифр 119 равна 11. Сумма цифр 281 тоже равна 11.

— Вы сможете перевести текст? Сможете сделать так, чтобы к нему подошел ключ?

— Это займет некоторое время, — ответил Дэнс, — но я уверен, что смогу. Гексада состоит из нескольких божественных конфигураций. Так Механикус зашифровывает сокровенные проповеди. Нужно знать, в какой конфигурации записана Гексада, думаю, что об этом нам скажет ключ. Единица и Единица, бесспорно, дают нам значение девятки. А вот 9 уже равно 6337338. Я все могу разгадать.

Он повернул голову в нашу сторону.

— Копия Таблиц шестнадцатеричного соответствия Трефвелла намного бы ускорила весь процесс.

— В библиотеке есть копии, — ответила ему мэм Матичек. — Я сейчас же принесу одну из них.

Она поспешила к двери, ведущей в читальный зал и уже достала связку ключей от главной библиотеке из-под мантии.

— Это, безусловно, ускорит всю работу, Эльса, — произнес Дэнс.

— Какую такую работу? — раздался насмешливый голос.

— Вот дерьмо! — воскликнул Реннер. Мэм Матичек открыла дверь в читальный зал.

Озтин Крукли, такой пунцовый и явно раздраженный, стоял прямо за ней, уставившись на нас. Мэм Матичек хотела было закрыть дверь и не впустить его, но Крукли тут же пролез сквозь щель. Я уже видела, как Аулай парит в читальном зале, заглядывая внутрь.

— Что же, прекрасное маленькое собрание, — начал Крукли, окидывая нас всех взглядом. Он сунул руки в карманы вышитого жилета с высоким воротом и выпятил грудь, словно учитель-схоласт, застукавший нарушителей после отбоя. Но я заметила, что он немного покачивается, и почувствовала запах алкоголя, исходящий от пота.

— Очень миленько, уютненько, — неприятно подметил он.

— Это частная беседа, — ответил Реннер.

— К черту эти секреты, — парировал Крукли, с презрением посмотрев на Реннера. — Два Гога вновь открылись. Мы все должны были встретиться там. Мы с Аулаем прождали там два часа, а вас и след простыл. В самом деле! И это мои друзья.

Мне доводилось слышать о Крукли в плохом настроении, даже о пьяном Крукли в плохом настроении. Его очаровательная харизма могла превратиться в острие кинжала, он мог стать грубым и раздражительным, особенно если понимал, что он не пуп земли, хотя, по его мнению, должен им быть.

— Маленькая встреча в кругу друзей, не так ли? — спросил он. — Небольшое randevu приятелей, которые болтают о секретах за моей спиной? Почему меня никто не пригласил? Почему заставили ждать как меня, так и Ауля сидеть в Двух Гогох, как парочку запасных евнухов на оргии?

Он взглянул на меня.

— Ты украла моих друзей, не так ли, мамзель Флайд?

— Это не ее имя, Озтин, — вмешалась мэм Матичек.

— Да плевал я, — он уставился на меня, пытаясь собраться с мыслями. — Я тебя в свой круг приглашаю, маленькая шлюшка, тебя и твоего странноватого муженька. Предлагаю тебе руку кровной дружбы, и так ты поступаешь? Крадешь моих друзей и делаешь из них собственную маленькую свиту?

— Озтин, прекрати, — вновь вмешалась мэм Матичек.

— Я, мать твою, не прекращу, — Крукли направился ко мне.

— Советую вам успокоиться, господин Крукли.

— А я тебе советую... — он замолчал, а затем махнул рукой, поскольку был не в состоянии придумать подходящий и агрессивный ответ. Вместо этого он протиснулся мимо меня, взял стакан Фредди, и залпом выпил содержимое. — Тогда в какие игры ты играешь, а, «Виолетта»? А? А? Что ты обо мне наговорила за моей спиной?

— Выметайтесь, сэр, — ответила я. — Выметайтесь отсюда или заткнитесь.

— Ууууууу! — он притворился, что испугался. — А не то что? А не то что ты мне сделаешь, а? Причинишь мне боль, да? Ты и тот однорукий нинкер, которого ты зовешь спасательным кругом. Ломал я и молодых кобылок покрупнее тебя, золотце мое. Шлепал их за непослушание, и они благодарили меня.

— Озтин! — мэм Матичек практически завизжала. Он посмотрел на нее, и она мигом перевела многозначительный взгляд на розетку на столе.

— Не будь гребаным идиотом, — прошептала она, — иначе на тебя обрушится столько неприятностей, что ты и представить себе не можешь.

Крукли на мгновение качнулся. Он прокашлялся, после чего подошел к столу, уставился на розетку и медленно взял ее в руки.

— Это что, шутка что ли?

— Нет, — ответила я.

— Их... да их можно подделать, — с презрением сказал он.

— Можно, но эта настоящая.

Еще с секунду он смотрел на розетку. Я практически видела, как работает его мозг. Внезапно он

положил ее обратно, словно значок стал слишком тяжелым или горячим и его невозможно было удержать в руках.

— Стул, — скомандовала я.

Реннер подтащил стул к нему как раз вовремя для того, чтобы внезапное падение шатающегося Крукли пришлось прямиком на принесенную мебель. Стул закрипел под его весом. Мужчина посмотрел на огонь в камине и вытер рот тыльной стороной ладони. В дверях стоял Аулай, лицо которого напоминало теперь бледный пергамент.

— Твою ж, — пробормотал Крукли. — Я... То есть... Вот дерьмо-то. Я приговорен? Вы сюда за мной пришли?

— Что? — спросил Реннер.

— Так вот почему ты... Вы увели моих друзей для бесед по душам? Чтобы они дали показания? Компрометирующие счета? Я... я всегда балансировал на грани, я знаю. Я — маг и не делаю из этого секрета. Я знал, что однажды кровавый Ордос постучится, поскольку завидует моей освобожденной мощи, силе воли, и глубоким познаниям, в которые я посвящен. Я думал, что у меня есть еще хотя бы несколько лет. Ах, я бы сделал так много...

— Да не за тобой они пришли, глупый старый козлина, — ответила мэм Матичек.

— Могли бы, — сказал Реннер.

— Да, могли бы. Если только ты не хочешь в кое-чем сознаться.

Крукли стал пунцовым.

— Я много чего натворил, — пробормотал он, — много отвратительного. В... в Херрате, когда демона-симвурги пришли за мной, я им отдал и тело и душу. Стал их игрушкой, отдал плоть в обмен на секреты. Унижение, непристойный разврат...

— Насколько вы были пьяны? — тихо спросила я.

Он замолчал, но потом посмотрел на меня.

— Немного пьян, — признался он, и мэм Матичек фыркнула и рассмеялась, сразу попытавшись прикрыть смех кашлем. Крукли побагровел пуще прежнего.

— Вы все надо мной смеетесь? — спросил он и поднялся. — Это из-за той цифры, мамзель? Цифры с загадкой, которую ты задала старине Фредди. Я слышал об этом. Так вот почему вы пришли к моим друзьям.

— Я пришла из-за книги, написанной Фредди. Той самой, что сделала его слепым и опозорила. Той самой книги, которая заставила всех поверить в то, что Фредди Дэнс безумец. Но это и привело к цифре. Я прошу прощения за то, что злоупотребила вашим гостеприимством...

— Нет, не просишь, — отчеканил Реннер.

Я хмуро посмотрела на Лайтеберна.

— Она чертов Инквизитор, — сказал Реннер Крукли. — И извиняться ей не за что. Она на службе у

Императора. Так что ты просто поблагодаришь ее за то, что она тебе жизнь сохранила, да? И знай, что господин Дэнс, мэм Матичек, и господин Анвенс присягнули служить Ордосу под страхом смерти. Они назначены на службу, чтобы оказывать услуги ученых и лингвистов — чего не сделаешь ради Святой Инквизиции. Так что вы, сэр, и ваш дружок в дверях, не предадите ни их, ни оказанное вам доверие.

Меня тронула ярость, с которой Реннер защищал меня, как и рвение, с которым он сыграл роль.

— Мой коллега прав, Озтин Крукли, — ответила я, — Вы с Аулаем можете считать, что приказ распространяется и на вас. Одно слово, единственное слово кому угодно, и вы сгорите. Я ясно выражаюсь? Вы балабол, Крукли. По крайней мере, не могу сказать того же об Аулае. С этого момента вы должны держать рот так же, как и он. Это не та история, которую вы можете рассказывать друзьям или просто разболтать за бутылкой спитного, чтобы произвести впечатление на какую-то бедную девушку, дабы залезть к ней в трусы. Я надеюсь, что вы меня поняли?

Крукли отчаянно закивал головой.

Я приказала Реннеру отвести Крукли и Аулая обратно в читальный зал, вне пределов слышимости, чтобы они сидели там тихо. Он дал им стаканы с джойликом, и на лице Лайтберна появилось выражение усталого пренебрежения, которое он, казалось, довел до совершенства. Я бы предпочла, чтобы они находились подальше или были трезвы, или то и другое вместе, но все-таки имелся смысл проследить за ними и успокоить алкоголем. Я начала осознавать, что работа Ордоса не черная и белая, и не выражалась в простой борьбе Трона с Хаосом. Существовал где-то посередине серый промежуток, где вечная борьба шла бок о бок с жизнью гражданских, даже такими усугубляющими положение, как Крукли. Я уверена, что опытные инквизиторы, думаю, что даже тот же Грегор, бросились бы вперед не заботясь ни о безопасности людей, ни о их жизнях, во имя всеобщего блага. Если бы он находился с нами, то просто казнил бы негодяев, или упрекнул меня за то, что я этого не сделала? Мне все равно. Защита Трона — защита Империиума, а Империиум — это его граждане. Какая у нас цель, после всех слов и действий, если не защита людей?

И все же, стоя в дверях, наблюдая за Фредди и Анвенсом, ожидая возвращения мэм Матичек из библиотеки Академии, я задавалась вопросом о том, был ли кто-нибудь действительно невиновен. Фредди Дэнс и я пришли к выводу, что все и всё в королеве Мэб, да и вообще в Санкуре, возможно, что и за их пределами, да даже за пределами подсектора Ангелус были лишь частичками планов Желтого Короля. Он есть во всем, что находится здесь, как сказал Фредди.

Я боялась этого сейчас даже больше, чем когда-либо. Задавалась вопросом, являлись ли мы все крошечными винтиками в планах Короля, и всегда ли ими были. То, что мне рассказал Фредди, что показал, разобрав это неразложимое трехзначное число, имело ошеломительный эффект. Как я часто подмечала, я провела, казалось, всю жизнь в поисках истины, пытаюсь разобраться в себе и в окружающем меня мире, и здесь возникло такое захлестнувшее меня чувство, словно окунувшее меня в пруд той истины, такой глубокий, такой холодный, что воды могли застать меня врасплох, и я могла утонуть. Я могла многое увидеть, так внезапно, словно только что обрела ясную и нескончаемую панораму города, где открывался вид на каждую деталь улиц, крыш... Но только потому, что я прыгала с парапета с высокого места и наблюдала за этим всем во время падения на землю.

В числе зашифровано секретное имя Короля в Желтом. И я уверена, что текст книги раскроет его личность, расскажет о нем более подробно и конкретно. И я познаю его, возможно, настолько хорошо, что смогу обрести над ним власть. Он был неким высшим существом, которое во всем остальном низвело меня до микроскопического ничтожества. Но, возможно, его тайна сейчас находилась у меня в руках.

И, хотя эта тайна, какой бы невыразимой или еретической она ни казалась, могла заключаться в том, что он являлся одним из основателей Империиума, мифом во плоти, полубогом, который когда-то помогал наблюдать за созданием человеческой расы

Потерянный примарх.

Думаю, в этом есть смысл. Король в Желтом имел дело с силой варпа и пользовался ей, достигнув такого уровня владения мощью имматериума, что его боялись и выслеживали как лоялисты, так и предатели. Примархи-изменники, павшие очень давно, тоже искусно обращались с варпом. Они склонились пред Хаосом и впали в ересь, из-за чего им пришлось бежать и пребывать в изгнании на протяжении тысячелетий, их имена стерли и приравнивали к непристойной брани.

О двух пропавших примархах из легенд не было известно ничего, не осталось даже имен, ни оплеванных, ни прокливаемых. Насколько же чудовищные преступления они совершили, что информацию о них столь основательно вымарали? Нечто, затмевающее даже геноцидальные грехи самого Гора, ибо имя Луперкаля, считавшегося страшнейшим злом, до сих пор не забыто.

От потерянных даже имен не осталось. Какое ужасное нарушение они совершили, что их, в отличие от проклинутого Гора, даже не называли?

Варп. Дело могло быть лишь в варпе. Они зашли за черту даже дальше, чем Гор, если это вообще возможно, миновали возмездие, дурную славу, смерть и вечное проклятие, потеряли даже личности, стертые за то, что их обладатели являли собой нечто даже более отвратительное, нежели величайший из еретиков.

Неудивительно, что их непроизносимые имена зашифровали.

И пропавшие примархи не погибли. Они не сгнули. Один из них до сих пор обитал в Пыльном Городе за границами реальности. Один из них был там.

Ужасающее мнение. Уверена, что подобное может встревожить и вас, читающих этот доклад постфактум. Наблюдая за тем, как работает Фредди, я чувствовала, как мои руки и ноги дрожат, как звенят нервы, когда все мое естество пыталось рационализировать важность того, над чем мы работали. Мое сердце затрепетало в клетке из ребер, словно мне хотелось вырваться на свободу и убежать как можно дальше от этого места.

И тут я осознала, что трепет в груди исходит не от бешеного бьющегося сердца. Кулон из призрачной кости судорожно дергался, подобно мотыльку, уставшему биться о твердое стекло.

Быстро извинившись, я прошла через читальный зал и вышла в коридор. Вокруг было темно и холодно. Вечером академия закрывалась. Я поспешила сквозь тени к уединенной небольшой нише, что выходила на освещенные лампами каменные ступени, ведущие в главные помещения библиотеки.

— Гидеон?

+Коготь вызывает Кающуюся+.

— Кающаяся отвечает Когтю. Где ты был?

+Коготь вызывает Кающуюся, в безымянных стенах, требую+.

— Забудь о Глоссии. Ты где был все это время?

+Приди сюда, ты знаешь куда+.

— Я занята. У меня сейчас дело необычной важности. Просто так взять и уйти я не...

+Ты должна. Возникли вопросы и с этим нельзя медлить. Мне нужна ты и твои навыки.

— Гидеон, заверяю тебя. Я бы не сомневалась без веской причины...

+ Мне очень жаль, но ты нужна мне здесь.

Я вздохнула:

— Полчаса.

Вернувшись в читальный зал, я подозвала Реннера к двери.

— Мне нужно идти.

Лайтберн приподнял бровь.

— У меня нет выбора. Рейвенор вернулся и вызывает меня. Остайся здесь, Реннер. Присмотри за Фредди... Комус наблюдает за тобой, так что призови его, если понадобится помощь. Свяжись со мной по воксу, если Фредди добьется каких-либо успехов или расскажет что-нибудь новое о тексте.

Он кивнул и проверил вокс-бусину.

— Надолго?

— Не знаю, — призналась я, — думаю, что как только расскажу Гидеону, чем мы тут занимаемся, он захочет прийти. Просто продолжай наблюдать. И если что-нибудь случится, отведи Фредди, Унвенса и мэм Матичек в безопасное место и заляг на дно.

— Например?

— Конспиративная точка в Шортхоллс. И если там окажется небезопасно, воспользуйся своим остроумием. Но используй Шортхоллс только в качестве чрезвычайной ситуации. Регулярно проверяй, я буду искать вас там. Или же пошли за мной Комуса. Просто... Береги эту книгу, как зеницу ока. Да, и приглядывай за Крукли и его дружкой. Не позволяй им вмешиваться в это дело.

— С ними я справлюсь, угощу их выпивкой. Думаю, что скоро они оба уснут.

— Отлично, — ответила я и заглянула в читальный зал. — Где, варп побери, Аулай?

— Вышел отлить и подышать свежим воздухом. Без Крукли он никуда не ходит и поэтому вернется.

Я кивнула и коротко пожала ему руку.

— Будь осторожен.

— И ты.

Я неохотно вышла из помещения и поспешила через всю тихую и мрачную Академию. В сторожке привратника горели лампы, а сам он спал над своим дневником. Снаружи, в синей темноте двора, стучал мелкий дождик. Я шла по уединенным тропинкам, ведущим к воротам, вдыхая запах холодного ночного воздуха и омытых дождем камней.

Впереди, прямо в арке монастыря, покуривая палочку лхо, стоял человек. Он увидел, как я двигаюсь к нему навстречу. Это был Аулай.

— Поднимитесь наверх, пожалуйста, — произнесла я.

Он пожал плечами и кивнул.

— Я думал, что Вы собираетесь все разоблачить, — это была самая длинная фраза, которую он когда-либо мне говорил.

— О чем Вы?

— Не устраивайте цирк, — сказал он. — Перед остальными — милости прошу, но здесь? Я ценю Вашу осмотрительность, но мы можем поговорить начистоту, не так ли?

— Да, конечно, — отреагировала я.

Он что-то достал из кармана пальто.

— Вальтур Аулай, — произнес мужчина, держа розетту так, чтобы на нее падал свет. — Ордо Маллеус.

ГЛАВА 27

С пустым сердцем

Дождливая ночь захлестнула Королеву Мэб.

Город, казалось, грохотал и сотрясался, едва заметно продвигаясь сквозь кромешную тьму и ливень, словно брел в неопределенном направлении, к какому-то неизвестному месту назначения, к тайной судьбе, укрываясь этим дождем, словно плащом. Казалось, что никто так и не узнает, где находится конечный пункт.

Дождевые капли били в маленькое оконце кареты, замирали на мгновение, дрожали и соскальзывали по стеклу вниз. Каждая отражала огни города и сверкала, словно звезда. Целые уникальные созвездия, раньше не встречавшиеся нигде, формировались на стекле и скользили вниз и перестраивались. Бричка загремела, пружина зазвенели, когда она проехала по невидимым булыжникам. Я велела извозчику ехать до Волшебных врат, как можно скорее, и слышала, как тот подгонял лошадей.

Сидя в тишине в карете, я наблюдала за маленькими звездочками на окне. Мне хотелось смотреть на город, проносющийся мимо, но это оказалось невозможным, поскольку за стеклом его не было видно, и я сосредоточила внимание на капельках, прокручивая в голове маршрут: мы двигались от Плаца Гекубы, расположенного во дворах академии, там я поймала экипаж, потом ехали вверх по Холму Антиум, мимо военного мемориала Круг Ипрус, затем вниз по Патерпат Роу, мимо высоток и перекрестка Столла, после выехали на шоссе, ведущее к улице Акремайл. Повозка затряслась, словно детская погремушка, колеса застучали и соприкоснулись с дорогой. Звездные капли продолжали падать на стекло.

Я все обдумывала печальную историю Вальтура Аулая. Она была полна стыда и сожаления. Я представляла себе множество концовок карьеры в Ордо, таких как смерть на службе, отстранение от

должности, становление еретиком — но конец его службы даже для меня стал неприятным сюрпризом. Просто планомерное стирание информации о том, кем он когда-то был.

А он — один из Ордо Маллеус, или, по крайней мере, был им когда-то. Подающий надежды начинающий инквизитор. Вот что он мне рассказал в тени монастырей Академии. Он прибыл в Санкур сорок лет назад, чтобы опознать известного еретика. Это все, что мужчина мне рассказал. Известный еретик. Аулай — и в этой части вынужденной исповеди ему действительно тяжело было признаться — сейчас даже не мог вспомнить имя человека, которого когда-то искал.

Мне стало интересно, помнит ли он свое настоящее имя. Ведь этот человек прибыл в город тайно, серьезным инквизитором Аулаем, приняв облик талантливого гравера, чтобы легко вписаться в богемный круг Королевы Мэб, который сорок лет назад рос и процветал. Он превосходно играл свою роль, погрузившись в образ этой жизни, следуя тому или иному примеру, он выбирал что делать и как использовать определенные таланты, коими он обладал. У него был неподдельный интерес к гравировке, поскольку он обучался этой профессии еще до вербовки в Ордос. Он действительно обладал как интересом, так и чутьем, и с годами преуспел в этой профессии, завоевав признание и комиссионные, что лишь укрепило прикрытие и дало доступ к благородным домам из высшего общества. Там он и связался с распутником Крукли.

И стал самим собой. Прожил эту часть жизни так детально, с таким наслаждением, что каждый элемент настоящего «я» медленно изменялся, подобно тому, как минералы в земле превращают погребенные кости в окаменелости. Полагаю, Аулая соблазнил не порочный варп, как можно было подумать, а развратная и дурманящая жизнь, которой тот себя всецело отдал. Крукли был печально известен из-за своего своенравного поведения. Аулай стал алкоголиком, и после этого каждый день его жизни проходил в дурманящей алкогольной дымке. Он связался с Крукли и его друзьями, окунулся с головой в эзотерическую скрытую жизнь города, общался с герметиками, тайными орденами, закрытыми сообществами, всеми теми, кто жил в пограничных областях городской культуры. Он так давно потерял связь с наставниками, и теми членами конклава, которым должен был слать отчеты.

Аулай сказал мне, что Крукли слишком часто пересекал грань. Из этого рассказа я поняла, что проступки Аулая прекратили в какой-то непостижимый момент быть ... причиной, позволявшей сблизиться с мятежниками, за которыми он охотился, и произошло обратное — смутное знание того, что он занимался «очень важными делами Ордоса» стало оправданием его порочности.

С болью в глазах, Аулай поведал мне, что теперь едва помнит, каким человеком он был когда-то. Моя розетка шокировала его, взбаламутила старый, густой осадок. Вальтур Аулай не боялся, что какие-то тайные еретические мысли будут раскрыты. Он боялся только того, что Ордос наконец-то пришел за ним, чтобы упрекнуть в проступках и отчитать за осквернение клятвенного пути.

А потом и наказать за множество коррупционных преступлений и жалких проступков, что он совершил вследствие этого.

Конечно, я заверила Аулая, что это в мои обязанности не входило. Очень строго сказала, что закрою глаза на его прискорбное поведение, но только если он будет держаться в стороне от расследования. Он не должен вмешиваться, отвлекать меня, и даже заикаться о том, что произошло. Я была уверена, что Реннер и ангел смогут уберечь эту парочку от неприятностей, но так же взяла и с самого Аулая обещание держать Крукли на коротком поводке. Или, как я сказала, я без колебаний сдам бывшего инквизитора властям Ордо, как жалкого и слабого духом рецидивиста, предавшего честь и достоинство службы.

Не из-за тяжких преступлений. Даже не из-за дикой ереси или дьявольских крайностей. Просто из-за простой и жалкой слабости, присущей каждому человеку. И Ордос ликвидирует его.

Из-за той истории у меня упало настроение. И теперь я чувствовала апатию и уныние. Слишком хорошо мне известно, насколько сильно можно погрузиться в образ. В моей жизни было так много подобных прикрытий. Мне доводилось носить разные имена, скрываться за разными лицами, разными историями, иногда в течении нескольких недель, а иногда и нескольких месяцев подряд. Я подсознательно, даже не задумываясь, отзывалась на другое имя. Думаю, что я могла попросту слиться с некоторыми из этих обликов, и никогда больше не проявиться вновь.

Ибо не существовало никакого «я», которое можно было бы показать. Да я и никогда не знала настоящей себя, всегда существовал лишь перечень вопросов, но на них не было ответов. Я практически презирала Аулая за это: он обладал истинной личностью, подлинным «я», и он довольно беспечно потерял все это, так что любой последующий проблеск являлся ничем иным, как постыдным шоком. Он обладал настоящей жизнью, и просто избавился от нее.

Трясаясь от движения экипажа, я убедила себя в том, что истина находится в моих руках. В последние несколько часов, день или два, ситуация начала проясняться, появились ответы, и некоторые из них даже доходили до абсурдного масштаба и значения. Я чувствовала, как приближаюсь к точке пересечения, когда все звезды наконец-то выстраиваются в ряд после стольких лет и образуют закономерность.

Большая часть этой правды, несомненно, касалась именно Короля в Желтом, великой и тайной войны, в которой мы принимали участие. Ответы, которые имели бы значение для многих, возможно даже, для каждого человека в Империи Бога-Императора. Эти ответы могли изменить судьбу целых миров.

Но некоторые из них предназначались лишь мне — эти короткие ответы касались только меня и имели значение лишь для меня. Но и они, как ни странно, казались весьма глубокими. Я едва могла поверить во внезапное чувство свободы, которое испытала, показав розетку Анвенсу и мэм Матичек, произнеся свое настоящее имя вслух. Я сняла маску Виолетты Флайд, да и все остальные маски, которые носила, и открыла правду. Вот кто я — Бета Биквин, слуга Ордоса. Никаких больше масок, никакого притворства.

Это — освобождение. Впервые в моей необычной жизни у меня появилась моя истинная личность.

И настоящая цель. Хотя я и волновалась о том, что случилось с Гидеоном, и что же заставило его срочно призвать меня, я знала, что иду к нему с находками, представляющими реальную ценность. Ценность заключалась в том, что я узнала у мэм Мордаунт, в том, что я видела в Доме-Колонне, и даже в том, что узнала от Фредди Дэнса. Я еще не докопалась до истины, пока нет, но добилась гораздо большего прогресса, чем Гидеон и Грегор за все годы работы над этим делом.

И что за истина это была.

Я наблюдала за звездами-каплями, стекающими по окну. Блики света на стекле. Наконец-то мне удалось разгадать тайну, возможно, зайти достаточно далеко, чтобы увидеть некоторые из тех далеких звезд, тех созвездий, за которыми слепой Фредди наблюдал в телескоп. Иные небеса, иное место, иная реальность, которая, теперь-то я была уверена, являлась более порочной и не менее важной, чем эта, но все-таки оставалась скрытой.

Тогда, кажется, меня и осенила эта мысль. Единственной подсознательной подсказкой являлась крошечная тьма снаружи, фальшивые звезды-капли дождя, грязное стекло. Я подумала о Фредди Дэнсе,

слепом, но все же видящем. Подумала о том, как он приложил незрячие глаза к телескопу и смог увидеть, вопреки всей вероятности, истину, которую никто другой увидеть не смог. И тут же, я вспомнила те слова, что старик сказал мне: «Стекло никогда не лжет».

Я ощутила запал, уверенность, и не могла дождаться момента, когда экипаж прибудет к месту назначения. К тому времени, когда повозка с грохотом остановилась на улице перед безымянным домом в районе Волшебных врат, лошадь фыркала и от нее исходил пар из-за затраченных усилий. В моей руке уже находилась плата за проезд, я была готова выскочить наружу и вбежать в дом.

Мне так хотелось рассказать Гидеону секрет, который я сперва не заметила, но потом мой разум наконец-то показал мне все.

Я вошла через задние ворота и пересекла заросшие сады. Харлон Нейл сидел в темноте на низком парапете, словно его попросили подождать меня. Он поднялся, опустив лазвинтовку, лежавшую у него на коленях.

— Рад видеть тебя в целостности и сохранности, — сказал он.

— Что происходит? Где Вы были все это время?

Он не ответил.

— Проходи, но будь осторожна.

Я нахмурилась, глядя на него.

— Чем вы занимались? Есть какие-то подвижки? Что, варп побери, произошло в Доме-Колонне? — начал он расспрашивать меня, но теперь настала моя очередь не отвечать на прямые вопросы.

Меня переполняло желание поделиться всем, что я узнала, и идеей, которая совсем недавно пришла ко мне в голову, но все-таки я сдержалась, потому что чувствовала себя неловко и неуверенно. Безымянный дом оказался тихим и в нем не горел свет. Меня захлестнуло дурное предчувствие. Казалось, что меня словно заманили в ловушку.

— Все будет указано в моем отчете, Харлон. Он внутри?

— Да, но потерпи, пока он не закончит...

Я прошла мимо него к задней двери.

— Я серьезно, — прорычал он мне вслед, — не перебивай.

И все-таки я пошла дальше, не отвечая на его слова, но мужчина мягко схватил меня за руку, тем самым заставив остановиться.

— Послушай, — Нейл понизил голос, — Бета, просто... просто не реагируй, хорошо? Когда придет момент, просто не реагируй и не делай ничего импульсивного. Понимаешь?

— Не понимаю, о чем ты.

— Поймешь. Пожалуйста, Бета. Если между нами есть хоть некое подобие дружбы, прошу, не надо драмы. Тебе захочется разозлиться. Но умерь пыл, ради Трона. Слишком многое стоит на кону.

Я посмотрела на него, после чего высвободила руку и направилась к двери. Он пошел за мной.

Коридор за дверью был узким, обшитым деревянными панелями. Две светящихся сферы горели слишком низко. Кис стояла в конце коридора, прислонившись к стене и скрестив руки на груди. Она стояла ко мне спиной, я чувствовала, что от нее исходит враждебность.

Я двинулась по проходу, Нейл запер за мной дверь и пошел следом. Кис повернулась и сердито взглянула на меня, когда я проходила мимо.

— Жди здесь, — сказала она.

— Он позвал меня.

— Не будь идиоткой, мы все здесь не просто так.

— Да что с тобой такое?

Она прищурила глаза с вызовом, я чувствовала, что она гневалась вовсе не на меня, а просто была в плохом расположении духа.

— Я думала, что вчера мы находились в плохом положении, теперь я точно знаю, что оно просто препаскудное.

Я прошла мимо и вошла в главный зал. Она даже не попыталась пойти за мной.

В главной гостиной дома горели лампы. Я видела их слабое янтарное свечение через полуоткрытую дверь. Тихие голоса доносились из комнаты. Кара стояла в тени двери, вне потока льющегося света. Она подслушивала и смотрела в щель. По языку ее тела, я поняла, что она обеспокоена.

Моя смелая поступь замедлилась, я подкралась к Каре. Она посмотрела в сторону, увидела меня и коротко, но крепко обняла.

— Рада тебя видеть. А где господин Лайтберн? — прошептала она.

— Занимается кое-какими делами по моему поручению. Что происходит, Кара?

Она кивнула в сторону приоткрытой двери. Я почувствовала некий запах, возможно, пряность, напоминавшую гвоздику или шкуру сала. Практически запах лекарств. Придвинувшись к ней вплотную, я тоже принялась подглядывать.

В большой комнате я увидела Кресло. Рейвенор расположился у камина, на полке которого стояли лампы. Он вел с кем-то беседу, но этот человек — или люди — находился вне поля зрения. Я даже не смогла расслышать, о чем они говорили.

Мне пришлось немного подвинуться, чтобы увидеть больше. Кара схватила меня за руку, чтобы остановить, но я смогла получить более широкий обзор.

Теперь я видела, с кем говорит Гидеон.

Две фигуры, обе стоят и обе высокие.

В тот момент, когда я увидела, кто это, кровь застыла в жилах от страха. Я прекрасно понимала, что когда я увидела их, они смогли увидеть и меня. Один из них повернулся и глянул прямо мне в глаза.

Лицо гостя скрывал шлем, богато украшенное забралом с плюмажем, блестящим в свете лампы, словно морское ушко. Дизайн, черты лица и глаза, смотревшие на меня из глубокой прорези забрала точно не

принадлежали человеку.

Воины-альдари.

Секунда, казалось, растянулась. Я чувствовала, что должна отодвинуться, но не могла. Станный, терпкий запах специй витал вокруг. Я слышала мягкое урчание их дыхательных систем. Кулон из призрачной кости, висящий у меня на шее, отчаянно трепыхался, подобно сердцу крошечного млекопитающего. Тут же пришла в голову мысль о том, что мэм Мордаунт умоляла меня ни при каких обстоятельствах не иметь дела с древними ксеносами, и в данной ситуации, как мне показалось, слова предостережения от Харлона вполне имели смысл. Он предупреждал меня, чтобы я никак на это не реагировала.

Воин, буравивший меня взглядом, что-то произнес, но я ничего не поняла. Его голос напоминал прикосновение проволочной щетки к бархату.

— Это Бета, она одна из моих людей, — ответил им Гидеон. — Она не хотела проявить неуважения, и не собирается вмешиваться.

Я хотела было поклониться и отступить, но альдари вновь заговорил.

— Да, она одна из тех, у кого пустое сердце, — ответил Гидеон. — Мы называем их нулями. Она вас не побеспокоит.

Теперь заговорил второй воин.

— Да, я признаю, ее создал Король, — ответил Гидеон, — но она совсем не предана ему, она верна нам. Я ручаюсь за нее.

Альдари, буравивший меня глазами, сделал шаг навстречу. Его пристальный взгляд не отрывался от меня ни на минуту.

— Граэль, — сказал ксенос.

— Нет, сэр...

— Создана, чтобы стать сосудом для граэля, — он сделал еще шаг навстречу. Ксенос говорил на низком готике, но слова будто не подходили к его речевому аппарату, дыхание придавало им незнакомый акцент.

— Возможно, это была моя судьба, которой мне удалось избежать.

— Вы так похожи, — ответил он.

Я ничего не поняла. Существо-ксенос оказалось не первым, кто сказал нечто подобное, и мне показалось, что в будущем я еще наслушаюсь этой фразы. Но оно имело в виду, что когда-то знало Ализебет Биквин, или, по крайней мере, знало, как она выглядит. И как такое могло быть? Все время появлялись намеки на то, что Гидеон Рейвенор в прошлом имел какие-то дела с альдари. И это подразумевало долгое и сложное взаимодействие.

Воин отвернулся от меня и вновь посмотрел на Рейвенора. Когда он двигался, драгоценные камни-кабошоны, вставленные в жемчужно-белую броню, отражали свет лампы и мерцали подобно звездам. Мне на ум тут же пришли капли дождя на стекле в карете.

Он вновь заговорил, перейдя на непонятный жаргон своей расы.

— Я настоятельно прошу вас дать мне больше времени, — ответил Гидеон. — Месяц...

Второй ксенос перебил инквизитора.

— Прошу об этом, во имя нашего долгого союза и дружбы. Мы многого добились вместе. То, что вы предложили, положило бы конец всему этому. Я не смог смотреть на это сквозь пальцы или доказать преимущества моему начальству. Более того, последствия могли быть катастрофическими для обоих наших видов. Ваши автархи с древнейших времен предостерегали всех, что нельзя позволять Каэле Менша Кхайну направлять Ай`элтерну, ибо этот путь приведет прямо к владениям Иннеада.

Оба альдари быстро заговорили по очереди.

— Я не спорю по поводу степени опасности, — ответил им Гидеон. — Но все еще могут быть менее радикальные способы противодействия. В течение месяца я мог бы...

Сухие, подобно трению проволоки о бархат, слова вновь прервали его.

— Неделю. Очень хорошо. И в этом весь компромисс. Я разочарован. Боюсь, наши отношения не будут прежними после этого, что ж, прискорбно. У вас мало друзей по мою сторону баррикад. Но я верю, что вы не нарушите слово.

Они не ответили. А потом внезапно исчезли.

Я даже вздрогнула, не увидев, как они ушли. Просто исчезли молча.

— Не беспокойтесь, — ответил Гидеон. — Это была проекция. Псайканическое проявление мыслеформ.

— Я могла чувствовать их запах. Все еще могу, — ответила я.

— Их визиты передаются через сенсоры с точностью до мелочей. Технология азуриан...

— Да не это меня беспокоит, — перебив, я повернулась к нему и зашла в комнату. — Это они вас задержали? Вот почему вы бросили меня и поручили завершить дело в Доме-Колонне?

— Да, Бета. Посланники вступили с нами в контакт вскоре после того, как вы направились туда. Никто не отказывается от официальной просьбы от послов древней империи об аудиенции. Особенно, если дела балансируют на грани.

Главный медленно повернулся ко мне лицом.

— Но тебя это тоже не касается.

Строгий совет мэм Мордаунт все еще крутился у меня в голове, но даже несмотря на него, я достаточно была обеспокоена.

— Вы сенешаль ксеносов?

— Сенешаль достаточно громкое слово.

— Какое слово ни скажи, все кажется вам неуместным. Но это противоречит вашему положению и должности.

— Мы уже говорили об этом. Инквизиторы обязаны нарушать правила.

— Был такой разговор, но какому-либо удовлетворительному итогу мы так и не пришли. Из-за того, что Эйзенхорн нарушил закон, Вы за ним гоняетесь. И все же, Вы тоже не без грешка.

— Намекаешь на лицемерие? Бета, решение против Грегора вынес Ордос, а не я.

— И все же Вы покорились и действовали согласно этому решению.

— Во имя более высоких целей...

— Это Вы так утверждаете. Вы сами сказали мне, что погоня за Эйзенхорном была отчасти попыткой вернуть расположение Ордоса. Потому что, очевидно, Вы были в немилости. И, судя по всему, из-за того, что объединились с кем-то по глупости.

— Альдари считаются врагами человеческой расы. Конечно, их цели и амбиции практически не пересекаются с нашими. Но и тут можно найти точки соприкосновения. Их конатус не всегда расходится с нашим, их враги зачастую и наши враги. Еще в начале своей карьеры я столкнулся с посланниками империи, мы стали близки из-за общих интересов. Я не буду отчитываться перед тобой обо всех сделках, но результат принес долгосрочную пользу человечеству. Но все закончилось, и угрозы вернулись. Я не сожалею о посредничестве в этом союзе. И сердечные узы уважения, что мы установили тогда, сохранились и по сей день.

Признаюсь, я ощущала себя так, словно меня предали. Такое чувство, словно верный член семьи закрутил бурный роман.

— Я с ними не сотрудничал уже много лет. Много лет, Бета, и, как ты заметила, Инквизиция весьма негативно относится к подобному — теперь я обязан вести себя безупречно. Но вчера альдари связались со мной...

— На Санкуре все сейчас достигло такого ужасного накала, что даже ксеносам пришлось вмешаться. Да, я тоже много узнала.

— Правда? — казалось, что это его заинтриговало.

— Мне столько рассказали, столько показали.

— Кто? Я хотел бы узнать об этом больше. Чего вы там добились? Понятное дело, все это чревато.

— Я нашла Усебе де Мордаунт и узнала от нее много нового. В определенной степени она была готова сотрудничать. Но нас застали врасплох, и я не знаю, жива она сейчас или мертва. Саур точно мертв. Лайтберн следит за некоторыми важными исследованиями, результаты которых, как полагаю, станут откровением, в то время как я нахожусь тут, поскольку Вы позвали. Я оставила свою работу незаконченной. А Вы оставили меня, чтобы ее завершить. Действительно, все это вышло боком.

— Но у меня не было выбора.

— Думаю, что у Вас всегда есть выбор.

— Альдари связались со мной, когда вы были в пути, — отрезал он, и я даже могла сказать, что немного его разозлила. — Они сделали это из вежливости ко мне, из-за всего, что у нас было. Встреча была срочной, и кроме этого, неразумно отвергать официальное предложение такого рода.

— Значит, Вы оставили меня разбираться со всем самой?

— Я сказал, что ты можешь не продолжать.

— Как и ты.

— Он провел последние полтора дня на аудиенции у послов, — сказала Кара, вошедшая в комнату за мной следом. — Шесть встреч подобных этой. И некоторые из них длились часами.

— Существуют деликатные вопросы, которые не могут подождать, — сказал Гидеон.

— Даже несмотря на то, что ваши люди явно обеспокоены этим взаимодействием? — спросила я, и посмотрела на Кару — она не гневалась, у нее не было такого отвращения к ситуации, как у Кыс, но она точно беспокоилась.

— Эльтахек. Ультве. Ньято. Алайток. Олн-Танн, — сказал Гидеон.

— Язык ксеносов, — огрызнулась я. — Что Вы хотите этим сказать?

— Послы сообщили мне, что их вид становится все более осведомленным о том, что делает Король. За последние несколько лет их опасения возросли до такой степени, что они расценили Короля как Айаник Кэлас, что означает «объект, который подлежит уничтожению». То, что мы могли бы назвать угрозой приоритета Альфа. Они выследили Короля в секторе и начали операции против него. Но они, как мне стало ясно, надеялись, что мы сможем с этим разобраться.

— Почему?

— Потому что угроза исходит от наших территорий, и, следовательно, находится под нашей юрисдикцией. Они не хотели предпринимать действия, которые могли бы поставить под угрозу такой шаткий мир между империями.

— Они не хотят провоцировать открытую войну с Империумом?

— Не хотят.

— Скорее уж, не хотели, — ответила я. — Теперь у них кончилось терпение, не так ли?

— Они считают, что угроза куда страшнее, чем мы думаем, и они подавлены отсутствием прогресса Империума в этом деле. Они считают, что мы сильно недооценили опасность. Таким образом, они чувствуют, что обязаны принять меры, несмотря на опасность войны. Эльтахек. Ультве. Ньято. Алайток. Олн-Танн.

— И опять эти слова...

— Это названия миров-кораблей, Бета. Пять искусственных миров, что в настоящее время движутся к Санкуру. Беспрецедентное объединение сил альдари в мирное время. Они собираются обрушить объединенный гнев на систему.

— Этот мир скоро умрет?

— Да, вся система, скорее всего, будет стерта в порошок. И каким бы ни был результат, каким бы ни был успех санкционированного ими нападения, оно, по всей видимости, вызовет эпоху жестокого и широкомасштабного военного конфликта с альдари.

— Если они пойдут на такой риск, тогда Король в Желтом действительно очень большая угроза, — тихо добавила Кара.

— Они вам неделю дали? — сказала я.

— А я просил месяц...

— А они дали неделю. Похоже, ксеносы не придают большого значения вашему прошлому общению.

— Неделя — выигранный в результате долгих переговоров результат. Они вознамеривались начать развертывание завтра. И, в любом случае, уведомить меня об этом, было весьма вежливо с их стороны...

— Дело не в вежливости, — предположила я.

— Решено, — ответил он. — Все срочное теперь стало необходимым. Все вторичные расследования приостановлены. Мы немедленно выдвигаемся, чтобы приступить к особой цели, чтобы повлиять на вход в царство Короля через Королевскую Дверь.

— Не думаю, что это осуществимо. Я Вам постоянно это повторяла. Не верю, что это осуществимо, и мы после этого выживем.

— Я услышал твое мнение, но решил иначе.

— Сэр, я думаю, что нахожусь на пороге открытия альтернативного способа проникнуть в...

— Порог этот не слишком близок, Бета, — ответил Гидеон. — Забудь. Я высоко ценю твои старания и проделанную работу. Но больше времени для размышлений и расспросов нет.

В этот момент я собиралась ему прямо рассказать о поразительной идее, пришедшей мне в голову по дороге. Но заколебалась. Я не скрывала, что была полна сомнений. И вот я вновь почувствовала, что мое доверие к этому человеку подверглось испытанию. С самого начала он демонстрировал открытость, но существовало также так много мелочей, в которых он не был со мною откровенным. Он поделился моими мыслями без разрешения, отказался от плана и бросил меня на произвол судьбы, не сказав ни слова, ничего не объяснив. Его связь с ксеносами оказалась для меня ударом в спину. Он слишком часто закрывался от меня. Этого, так я думаю, и следовало ожидать. Он был инквизитором, а я всего лишь помощником. И я это прекрасно понимала. Его прерогатива — решать, моя — выполнять приказы. И моя идея требует времени для оценки и проверки, а он не потерпит задержек в будущем.

И все же, я уверена, что он совершает ошибку, а ошибочное суждение навязали ему обстоятельства. Поэтому я перевела дух и рискнула вызвать его гнев. И так, я все равно решила высказать ему все. Но кто-то заговорил за меня.

— Думаю, тебе стоит выслушать ее, Гидеон.

Голос раздался из дверного проема позади меня. Я обернулась.

Там стоял Эйзенхорн.

ГЛАВА 28

Есть безжалостные, а есть они

Я ощутила, как оружие Рейвенора начало перезаряжаться.

Эйзенхорн неопределенно махнул рукой.

— Гидеон, прошу, не стоит, ладно? Я пришел сюда отнюдь не драться.

— По приказу я должен вас задержать, как Экстремис Дьяболус.

— Тогда мне придется уменьшить это расхождение во мнениях.

Пол перед креслом Рейвенора вздулся и на мгновение запузырился, нечто вырвалось наружу, окутанное клубами дыма. Оно развернулось на расплавленных плитах подобно знамени.

Демонхост Черубаэль воплотился перед Рейвенором, цепи тянулись за существом, и пар исходил от упругой плоти.

— Приветик, малыш, — он обратился к Рейвенору, улыбнувшись во весь рот. — Хочешь потягаться со мной?

Двери в дальнем конце комнаты распахнулись, и маленькие щепки отлетели от срезанной щеколды. Громадный темный силуэт Смертника стоял прямо в дверном проеме, он целился из болтера прямо в Рейвенора. Я увидела, как красная точка системы наведения неподвижно остановилась на броне наставника. Паршивый пастуший пес Смертника засеменял к хозяину и остановился рядом, оскалившись и едва слышно, но гулко, зарывчав.

Кара проявила мужество, столкнувшись с этим всем. Она начала двигаться, рукой потянувшись к пистолету в экипировке, но так же быстро остановилась, ощутив затылком дуло другого оружия.

Медея бесшумно вошла следом за Эйзенхорном. В красной перчатке женщина держала игольный пистолет у головы Кары.

— Кара, пожалуйста, никаких резких движений.

Кара сцепила зубы и медленно подняла руки. Медея посмотрела на меня. Я же вообще неподвижно стояла на месте.

— Привет, Бета.

— Я думала, что вы мертвы, — таков был мой ответ не только ей, но и Эйзенхорну. У меня перехватило дыхание, и задрожали руки.

— Сожалею. Мне, правда, очень жаль.

— Тут еще одна, — отрезал Эйзенхорн без какого-либо сожаления в голове. Он отступил в сторону, как только Кыс вышла из холла с таким кровожадным выражением лица, какого я у нее никогда не видела. Пальцы ее рук сплетены на затылке, а Нейл подталкивал ее в спину лазпистолетом.

— Я ее задержал, — доложил мужчина Эйзенхорну и посмотрел на меня мрачным, извиняющимся взглядом.

Вовсе не в альдари дело. Вот о чем он меня предупреждал. Предательство — вот на что он умолял меня не реагировать, поскольку это бы меня разозлило.

И он оказался прав.

— И как то долго? С самого начала?

Нейл, казалось, только собрался мне ответить, но Эйзенхорн его перебил.

— Мы не за этим здесь. Держи свои эмоции в узде. На карту поставлено гораздо больше. И это относится ко всем вам.

Он посмотрел на наставника.

— Гидеон, ты можешь продолжать сопротивляться мне, и я это прекрасно понимаю. Но пойми, твои люди страдают. Так что... Давай поговорим.

— Если ты хотел просто поговорить, то существуют и менее агрессивные способы вести беседу. Да и в прошлом возможностей было достаточно.

— Вообще-то не было, на самом деле, — одежда и ботинки Эйзенхорна оказались потрепанными и запачканными, словно он пережил тяжелые испытания. Мужчина вразвалочку пересек широкую гостиную, и, очевидно не обращая внимания на напряженное противостояние, выдвинул стул из-под углового стола, и сел на него спиной к обшитой панелями стене.

— Знаю я тебя, Гидеон. Слишком хорошо знаю. Мне известно, какие у тебя приказы. И если бы я показал свое лицо, тебе бы пришлось действовать.

— Сейчас ничего не поменялось, — отрезал Рейвенор.

— Да, так и есть, но это более благоприятный момент. Теперь нам нужно работать сообща. Нам вообще нужно было работать вместе с тех пор, как ты появился здесь. Но ты упрямый ублюдок. Поэтому мне пришлось разработать план, в котором мы могли бы сотрудничать за твоей спиной.

— Биквин, — ответил Рейвенор.

— Да, Биквин, — повторил Эйзенхорн. — А, точно, она понятия не имела. И в этом нет ее вины. Я должен был свести ее с тобой именно так, чтобы у тебя не возникло сомнений.

— Чтобы узнать, что мне известно.

— И поделиться тем, что известно мне. У нас у обоих есть и были кусочки головоломки, незавершенные и бесполезные. Но с ее помощью их можно собрать воедино.

— Ты отдала книгу Дэнсу? — спросил он меня.

— Да.

— Что с переводом?

— Будет через несколько часов.

Эйзенхорн снова взглянул на Рейвенора.

— Видишь. Гораздо больше прогресса, чем у каждого из нас за все эти годы. И у тебя есть способ проникнуть внутрь? Знаешь путь в экстатическую сферу?

Рейвенор промолчал.

— Потенциально опасный, — вклинился Нейл. — Не совсем хороший способ. Рискованный для любого смертного.

— У меня есть демонхост и Астартес. Так что я голосую за. Мы должны обсудить стратегию.

— Мы должны? — начал Рейвенор. Его голос стих. Если он обладал хоть каким-то человеческими эмоциями, я уверена, что он бы покачал головой и горько рассмеялся от недоверия.

— Дай-ка я перефразирую. Это мимолетный шанс откинуть в сторону жалкую игру, в которую мы играем, и заняться чем-то действительно важным. Я бы хотел, чтобы вы все были на одной стороне. Кара, Пейшенс... и ты, Гидеон. Так давайте обсудим, как мы можем этого достичь.

Рейвенор снова промолчал. Кара нервно посмотрела на наставника. Кыс буравила взглядом пол.

Эйзенхорн вздохнул. Он посмотрел на Кару.

— Ты можешь его вразумить?

Она покачала головой.

— Трона ради, Свол, — фыркнул Эйзенхорн, — ты же не дура.

— Так и есть, — ответила Кара и посмотрела в глаза Эйзенхорну, а на это мало кому хватало смелости. — Я делаю то, что он велит. Я вижу ценность того, что ты предлагаешь, если твоему слову можно верить. Но я повинуюсь только его приказам. Ничьим больше.

Эйзенхорн нахмурился. Мне стало интересно, был ли он слегка впечатлен. Мужчина переключился на Кыс.

— Полагаю, тебя нет смысла просить?

— Абсолютно никакого.

— Я так и думал.

— Но у меня есть предложение, — внезапно добавила она.

— Какое?

Кыс уставилась на него, медленно разжала пальцы и опустила руки.

— Почему бы тебе не сдохнуть?

Телекинетическая сила отбросила Нейла назад в холл. Лазпистолет крутнулся в воздухе и опустился прямо в руки Кыс, словно она тянула оружие за ниточки. Клинки, словно пули, летели прямо к лицу Эйзенхорна. Но тот даже не пошевелился, спокойно продолжая сидеть на стуле. Свистящие лезвия в самую последнюю секунду сменили курс прямо у лица Эйзенхорна и пронзили панели на стене по обе стороны от его головы. Кыс застыла, ее тело словно что-то сковало, она даже не могла выстрелить из захваченного оружия.

— Нет, — сказал Рейвенор. — Не надо.

Кыс застонала — ее парализовало.

— Не надо, Пейшенс, — повторил Рейвенор. — Точка от прицела Смертника теперь находилась на Кыс. Демонхост схватил ее за горло и уже был готов сжать. Медея вырвала лазпистолет из жесткой хватки Кыс.

— Значит, выбор сделан? — спросил Эйзенхорн у Рейвенора. — Решение принято?

— Если все отойдут от нее. Это всех касается.

Эйзенхорн кинул на наставника пристальный взгляд и кивнул.

Медея опустила пистолет. Черабуэль разочаровано заскулил, отпустил Кыс и подплыл к потолку. Красная точка от лазерного прицела погасла. Смертник убрал оружие.

— Либо на равных, либо вообще никак, — отрезал Рейвенор, освободив Кыс от псайканических тисков, которые он же и применил. Задыхаясь, женщина свалилась на пол.

— Бета, помоги ей, — сказал Рейвенор.

Но я и так собиралась ей помочь. Она попыталась меня оттолкнуть, но была слишком слаба даже для этого. Я усадила Кыс в кресло. Медея убрала оружие в кобуру и вышла в холл за Нейлом.

— Забавно, — вклинилась я, — несмотря на все это, ты так и не поинтересовался моим мнением.

Эйзенхорн посмотрел на меня.

— Что?

— Ты никогда не спрашивал меня о том, чью сторону выберу я.

— Я... — начал он и посмотрел на меня еще более хмуро, словно вопрос совсем сбил его с толку.

— Все это — спектакль?

— Спектакль?..

— Твоя смерть. Ты все инсценировал? Ты знал, что моя надежда проникнуть в команду Гидеона и забрать книгу не сработает, потому что Гидеон видит меня насквозь. Ему нужно было заглянуть в мои мысли, чтобы доверять мне, и тогда он бы узнал всю правду, но если бы я действительно уверилась в том, что ты мертв, то в отчаянии обратилась бы к Рейвернору за помощью, и мне нечего было бы скрывать в таком случае.

— Тебе нужно было пойти к нему с чистыми помыслами. Ты хороший актер. Но завоевать его доверие выше всех твоих возможностей.

— Значит, все — постановка?

— Нет, — ответила Медея. Она вновь появилась в дверном проеме и смотрела на меня с большим сожалением. — Бета, на нас напали. Мы проводили спиритический автосеанс и граэли пришли за нами. Они разрушили Бифрост. Все было правдой.

— Но ты оттуда выбралась.

— Кое-как.

— А потом...

— Потом поняла, что будет уместно, если ты сочтешь нас мертвыми, — ответил Эйзенхорн.

— Уместно?

— Я знала, что ты обратишься к Гидеону. Он оставался твоим единственным вариантом.

— Значит и Харлон тоже ничего не знал? Или, конечно, его разум...

— Он тоже думал, что мы мертвы, — ответила Медея.

— Я связался с ним всего час назад, — произнес Эйзенхорн. — Велел ему быть наготове, открыть и разблокировать для нас этот дом.

— Харлон горевал по тебе. Мысль о твоей смерти фактически его сломила.

— Он достаточно силен, — пренебрежительно сказал Эйзенхорн.

— Он был прав. Харлон сказал, что в целом инквизиторам плевать на верных и близких им людей. Он сказал, что инквизиторы жестоки и безжалостны, и что, в конечном итоге, будут использовать любого для достижения своих целей.

Я посмотрела на Рейвенора и добавила:

— Все инквизиторы.

— И эта концепция стала для тебя сюрпризом, Бета? — спросил Рейвенор.

По губам Эйзенхорна практически зазмеилась улыбка.

— Даже не удивительно, — тихо ответила Медея, — просто всегда не вовремя.

Эйзенхорн взглянул на нее и резко отвернулся. Улыбка исчезла с лица.

— Я не упрекаю, Грегор. Слишком долго я с тобой была. Мы все жестоки, все. Кара, ты можешь помочь мне с Харлоном. Думаю, что у него переломаны ребра.

Кара кивнула.

Я услышала, как Кыс пробормотала: «Хорошо».

Медея подошла к ней. Кыс сгорбилась в кресле, все ее тело дрожало. Шок от того, что внезапно сделал Рейвенор, оставил психо-травму.

— Ты в порядке? — спросила Медея.

— Сойдет.

— Ты очень храбрая, преданная и очень опасная.

— И станет очень мертвой, если снова попытается выкинуть подобное, — произнес Черубаэль.

— Не попытается, — ответил Рейвенор. — У нас сейчас перемирие.

Медея и Кара вышли из комнаты и присоединились к Нейлу.

— Я нахожусь на пороге открытия альтернативного способа проникновения в Пыльный Город. Твои слова, Бета. Грегор сказал, что я должен к ним прислушаться. Я слушаю.

— Не уверена — это просто мысль, которая меня посетила с опозданием, но если я права, то это стало бы вариантом лучше, чем Королевский Створ.

— Продолжай, — произнес Рейвенор.

— Ты сказал, что на Гермоше ты вошел в одну из экстремных реальностей Когнитэ, используя Энунцию.

— Здесь не сработает. Я уже много раз пробовал.

— Поэтому мы и искали постоянную дверь, где бы процесс сработал бы, как ключ. Возможно, Королевский Створ и есть то, что нужно, но я все-таки думаю, что там опасно. Однако полагаю, что могут быть и другие временные двери, то есть те, которые можно призвать или вызвать. Кажется, что я сделала подобное случайно в «Лихорадочной Фуге». Думаю, что Когнитэ знали об этом методе и поэтому могли свободно перемещаться между городами, пока Король им не запретил.

Я увидела, как удивился Эйзенхорн.

— Да, Когнитэ и Король уже не союзники. Он отказался от их услуг, и те бросились в бегство. От одной из них, мне кажется, я научилась этому методу.

— От мэма Мордаунта? — спросил Рейвенор.

— Да, от мэма Мордаунта.

— Что за метод? Что тебе нужно? — спросил Рейвенор.

— Можешь выделить мне час времени, чтобы я убедилась в своей теории? Мне нужно быть уверенной. И я не хотела бы выглядеть идиоткой в глазах кого-либо из вас. Если я ошибаюсь, что тоже вполне возможно, нам придется следовать плану Гидеона и рискнуть проникнуть через Королевский Створ.

— Всего час? — переспросил Эйзенхорн.

— Если возможно. Я знаю, что времени катастрофически мало.

— Что ты имеешь в виду? — спросил Эйзенхорн?

— План Короля, какой бы он там ни был, вот-вот осуществится, — вклинился Рейвенор. — Вопрос нескольких часов или дней. Это я выяснил у перфекты Когнитэ.

— И это еще не все, — добавила я.

— В каком смысле? — прорычал Эйзенхорн.

— В смысле — альдари, — прошипела Кыс.

— Ах, вот чем так воняет, — отозвался Черубаэль, — а я все понять не мог.

— Ты что натворил? — спросил Эйзенхорн Рейвенора.

— Мне нужны были союзники.

— Один у тебя есть, вот же он! — зарычал Эйзенхорн, несколько раз ударив себя в грудь.

— Не пытайся даже на секунду корчить из себя...

Эйзенхорн резко встал и быстро зашагал по комнате, остановившись прямо перед наставником. — Мы теперь союзники только потому, что я разработал план. Но ты мог в любое время протянуть мне руку. В любое время. Я беглец, а ты — охотник. Перемирие — твое решение. О помощи можно было только просить. Ты же знаешь, что я не промолчал бы. Ты прекрасно знаешь, что ответил бы. Но нет, ты позвал своих друзей-ксеносов?

— Мне нужны были союзники. Ордосы сюда не доберутся. Я связался с Древней Империей десять месяцев назад и рассказал им о своих опасениях...

— Нам ты сказал совершенно другое, — прищурившись, отозвалась Кыс.

— Безжалостен, — пробормотала я, — не щадит даже правду.

— Я рассказал им о своих опасениях, и они послали помощь согласно нашему старому договору. Но...

— Но? — переспросил Эйзенхорн.

— Они проявили инициативу, — вновь отозвалась Кыс, поднявшись на ноги. — Они подтверждают оценку угрозы и уже приступили к собственным действиям. И он не может их отозвать.

Кыс посмотрела на Рейвенора с такой же ненавистью в глазах, как и на Эйзенхорна.

— Или можешь?

— У нас неделя, — ответил Рейвенор.

— До чего? — спросил Эйзенхорн.

— Пять миров-кораблей, — ответила я.

— Вот дерьмо, мать твою, — отозвался Черубаэль и подплыл еще ближе к потолку.

— Я не командир альдари. Они действуют согласно их собственному уставу. Для них это тоже угроза.

— Ты ими не командуешь, но ты их позвал и они пришли. Трон Терры, Гидеон. Ты что, ничему не научился у меня?

— Слишком многому.

— Ты всегда был таким самоуверенным маленьким...

Собака начала громко лаять. Из конца комнаты Смертник сказал что-то, чего я не смогла разобрать.

Эйзенхорн кивнул.

— Да, ты прав. Биквин, проверяй свою теорию. Тебе не обязательно здесь находиться, пока мы дискусируем.

— Да и у меня нет никакого желания это лицезреть. Мне не помешала бы помощь Пейшенс.

Казалось, что Кыс удивилась.

— Иди с ней, — приказал Эйзенхорн.

Кыс посмотрела на него с непостижимым выражением лица. Кинетические лезвия вырвались из деревянных панелей, полетели назад к ней и аккуратно закололи ее шиньон. Женщина последовала за мной до двери. Уходя, мы слышали голоса Эйзенхорна и Рейвенора, вступивших в жаркую перепалку.

Нейл неуклюже сидел на стуле с откидной спинкой, пока Кара перевязывала ему ребра.

— Что там опять такое? — спросила Медея.

— Думаю, то же, что и всегда. Я бы лучше туда вообще не совалась какое-то время.

— Прости, Бета. Мне жаль, что я причинила тебе боль. Это притворство...

— Мне тоже очень жаль, — мрачно ответила я.

— Я не знал, — вклинился Нейл, процедив все сквозь стиснутые зубы. Его глаза молили меня. — Я действительно оставался в неведении.

— Отстань от нее, — ответила Кыс. — Для протокола — я нисколько не жалею о том, что причинила тебе боль. Сколько раз ты уже метался туда-сюда?

Он опустил лицо, чтобы не встретиться с ее пристальным взглядом.

— Идем, Кыс.

Я принялась убирать маленькие флакончики и пузырьки с духами, стоявшие перед овальным зеркалом. Мы находились в маленькой комнате наверху, рядом с моей крошечной спальней, где Кара помогала мне подготовиться к выступлению в роли Виолетты Флайд в последний раз.

— Какого рода помощь тебе от меня требуется? — спросила Кыс, наблюдая за мной с порога.

— Мелочи. Мне просто хотелось тебя вытащить оттуда. Я боялась, что если ты задержишься там, то снова попытаешься кого-нибудь убить.

— Хах, — она скорее проговорила это, чем засмеялась по-настоящему. — Я же тебе говорила, что Нейл — слабак. Говорила же. В нем все еще слишком много от еретика

— А я говорила, что ты недооцениваешь то, насколько он предан. Он ни о чем не знал до самого последнего часа.

— И как быстро он метнулся обратно, а? — она щелкнула пальцами. — Он мог бы предупредить Рейвенора. Мог бы предупредить всех. Но нет. Одно слово от старого хозяина, и он разоружил дом, чтобы они смогли пройти.

— Нейл достаточно стар, чтобы понимать ценность сотрудничества. И находится в сложном положении. Он измучен...

— Как и все мы, — презрительно подметила Кыс. — Ты измучена. Кара тоже, и даже Рейвенор измучен. Эйзенхорн разрастается, и вас всех покрывает его тень. И вы все видите, что он притащил с собой? Демона и ублюдка-предателя из Альфа Легиона.

— Сомневаюсь, что у Гидеона руки чисты.

Она вздохнула.

— Я верно служила ему всю мою жизнь, и он все еще меня пугает, — сказала Кис совсем тихо. — А вот альдари-ксеносы.... Трона ради. Думаю, они стоят друг друга. Я прожила эти дни с верой в то, что служу Трону в первую очередь, но потом меня втянули в эту грязь.

— Как и меня. То же я могла бы сказать и о своей жизни. Честности ни у кого не осталось. Те, кем мы восхищаемся либо разочаровывают нас, либо предают. Вопреки нашим самым худшим ожиданиям, правда, которую мы узнаем, может оказаться еще более жестокой и противной.

— Твои слова еще более циничны, чем мои.

Я посмотрела на нее.

— Ты давно обеспокоена тем, что делает Гидеон, не так ли? Ты предана ему, но тебе не нравятся его методы.

— Он использует людей, — ответила Кис, — в прямом смысле этого слова. И из-за той бронированной оболочки, в которой он находится, люди вокруг забывают, что он тоже человек.

Сердитые голоса эхом разносились с первого этажа.

— Ты только послушай, — прорычала Пейшенс. — Друзья и враги в одно и то же время. Каждый из них понимает, что время быстротечно, но они продолжают тратить его на пустые споры о том о сем и о дурацкой истории, не имеющей значения ни для кого, кроме них самих.

— Только я буду тебе верна.

— Что?

— Это то, что ты сказала мне. Когда мы направлялись к Гогам. Меня это так поразило, что я запомнила. Неважно, что происходит, но ты верна... Трону, по крайней мере. Как я. Как, по-своему, Харлон. Кара слишком преданна Гидеону. Медея привязана к Эйзенхорну. И невозможно определить преданность порабощенного демона или альфа-близнеца с его собственными планами.

— Ты о чем? — спросила Кис с любопытством, сделав шаг вперед.

— Я говорю о том, что мы обе — сироты, Пейшенс Кис. Мы не знали настоящих родителей, которых мы бы уважали или которых слушались. У нас у обеих были суррогаты, которые ошибались, и поэтому мы научились за все поступки отвечать прежде всего перед собой.

— Я даже своего настоящего имени не знаю.

— Как и я.

— Итак... как мы будем действовать, неназванная?

— Так же, как и всегда. Мы ищем правду, какой бы противной она ни была. Мы ищем ее во имя Императора. И как только найдем, мы представим ее нашим орущим хозяевам, и, возможно, суровой правды окажется достаточно, чтобы унять их проклятые ссоры, чтобы заставить их встать плечом к плечу и противостоять тьме.

— Чем я могу помочь?

— Можешь помочь мне убрать эти пузырьки и флакончики от зеркала.

Она сделала краткий жест рукой и множество пузырьков и флаконов разом поднялись с туалетного столика. Еще один жест, и все они отлетели в сторону и посыпались на пол в углу комнаты. Некоторые из них разбились, наполнив комнату сильным запахом духов.

— Дальше что?

Я вздохнула.

— Да ничего.

Присев прямо перед зеркалом, я провела руками по раме.

— Ты что-то узнала? — спросила Кыс, стоя у моего плеча и наблюдая за моими действиями. — От Дэнса?

— И от мэм Мордаунт.

— Больше, чем рассказала?

— Хочу быть полностью уверенной. Жизнь во лжи заставила меня неохотно говорить о чем-то, пока я не смогу убедиться, что это правда.

— Насколько... насколько сурова и противна эта правда?

— Король в Желтом может оказаться одним из мифических потерянных примархов.

Я наблюдала за ее реакцией в отражении.

— Трон нас упаси, — прошептала она. — Но ты не совсем уверена в этом?

— Пока нет.

— Так что за игра с зеркалом такая?

— Часть головоломки, — ответила я. — Проход в Пыльный Город. Мэм Мордаунт и Когнитэ... и многие другие используют лорнетты, чтобы шпионить и собирать разведданные. Мы так делали в Мейз Андю.

— Зеркала?

— Зеркала, стекла, линзы. Фредди Дэнс вообще слепой, но все равно через идеальную линзу астрономического телескопа он видел другие звезды. Вот, что меня натолкнуло на эту мысль. С помощью правильно выбранного стекла можно по-настоящему смотреть — не глазами, а разумом. В «Лихорадочной Фуге» я ненадолго попала в Пыльный Город. И не смогла больше повторить этот подвиг снова. Но в ту ночь, когда я провернула тот трюк, я использовала проклятое стекло, и оно открыло мне путь. Стекло не лжет.

— А что ты делаешь сейчас?

— То, о чем Дэнс говорил.

— Зеркала, стекла, линзы, — размышляла она вслух, — ты думаешь, что они откроют правду?

— Больше, чем просто правду. Думаю, некоторые стекла могут больше, чем просто показывать. Они могут открыть проход. Думаю, что этот метод мы не рассматривали вообще.

Казалось, что мои слова впечатлили Кыс.

— Стекло может обладать подобными свойствами, — признала она. Проклятое стекло. Закаленное варпом. Как флекты.

— Ты и о них знаешь?

— Да, у меня был опыт.

— Я нашла мэм Мордаунт в Доме-Колонне. У нее там много лорнетов, целая коллекция. Именно через них она следила и получала информацию. На нас напали, и в самый разгар противостояния она исчезла. Сначала я подумала, что она мертва. Что ее расщепило на атомы. Но теперь мне кажется, что она сбежала, используя известный ей способ.

— Сбежала через зеркало?

Я кивнула.

— Почему ты так думаешь?

— Она говорила, что у нее есть два способа уйти, и один из них она не хотела использовать. Но я думаю, что в конце концов ей пришлось. Ее жизни угрожали. Если у нее и был способ сбежать оттуда, то почему она боялась им воспользоваться?

— Потому что знала, куда он приведет?

— Потому что знала, куда он приведет. У нее получилось пройти сквозь зеркальную дверь и покинуть Дом-Колонну, но сбежать она могла только в Пыльный Город. Король отрекся от Когнитэ и стремится всех их уничтожить, так что Пыльный Город — последнее место, куда она хотела бы попасть.

— Во всех отношениях последнее место.

В отчаянии я откинулась на спинку стула.

— В чем дело? — спросила Кыс.

— Стекло вообще не подходит. Я разбираюсь в этом, и такое зеркало не работает. Боюсь, что это просто обычное зеркало, оно никак не реагирует.

— Для такого понадобится... особенное? То, что было создано специально для перехода?

Я поднялась.

— Именно. Мне кажется, что я знаю, где можно найти такое зеркало.

Мы спустились вниз. В доме наконец-то воцарилась тишина, споры утихли.

Никаких признаков демона или Смертника не было. Через боковую дверь мне удалось увидеть Кару, сидевшую молча и наблюдавшую за Нейлом. Он свернулся калачиком на диване и крепко спал. Кара нас не увидела. Вместе с Кыс я спустилась в гостиную. Мы расскажем им все, что нам известно. И я надеялась, что этого окажется достаточно.

В гостиной Эйзенхорн все еще стоял лицом к Рейвенору. Оба замерли и молчали, словно какая-то божественная сила превратила их в статуи. Я заметила иней, блестящий на ковре и на поверхностях

мебели, и направилась к Эйзенхорну.

— Не мешайте им.

Медея стояла в холле позади нас.

— Не стоит, — посоветовала она. — Они все еще продолжают злобно спорить, но уже на пси-уровне.

— Все еще ссорятся? — переспросила я.

— Причем очень яростно.

— Вот идиоты, — подметила Кыс.

— У них много дел, требующих решения, — печально продолжила Медея. — Целые жизни дружбы, вражды, разрушенного доверия, воображаемых и реальных преступлений. Они не могут работать в команде, пока не выяснят все.

— Да идиоты они, — вновь заключила Кыс.

— И они никогда не решат эти проблемы даже за сто лет, — подметила я. — Потому что слишком похожи и слишком разные в одно и то же время. Один связан кодексом долга, а другой высшим призванием, один верный Трону, но неразумный, а второй — еретик, но верный.

— Да. И оба — идиоты, — вновь повторила Кыс. — Им не хватает доверия во всех их планах. Они никому не доверяют, даже самим себе, и не признаются в своих проступках. Вот что Ордос делает с людьми. Они не могут довериться друг другу и никогда не смогут. Они никогда не перестанут ссориться.

— И что еще более важно, они тратят общее время впустую.

— Знаю, — ответила Медея.

Я развернулась к ней.

— Ты их не остановишь?

— По правде говоря, я даже не осмелюсь этого сделать.

— Тогда, когда они прекратят — если прекратят — скажи им, что мы с Кыс отправились на задание. Мы задержимся.

— Какое задание, Бета?

— Важное. Передай им. Скажи, чтобы они срочно связались с нами, если мы не вернемся к тому времени, когда они прекратят эту... эту...эту бессмыслицу.

— Ты уходишь из дома? — удивленно спросила Медея.

— Да.

Выражение ее лица стало суровым.

— Я не могу этого допустить, Бета. Я запрещаю покидать дом.

— Медея. Я говорю с величайшей преданностью, но ты мне не мать, чтобы что-то запрещать.

Мы покинули дом через черный вход, заросший кустарниками. Дождь прекратился, и на небе появились звезды.

— Куда идем? — спросила Кыс.

— Холм в районе Высоких врат.

— Тогда пойдем через переулки. Так быстрее.

Мы спустились в тень пешеходной части переулка и практически сразу заметили кого-то позади нас.

Пес зарычал. Как и всегда, его хозяин казался едва заметным куском тьмы, если не считать жужжания визора и движений янтарного курсора в его оптической панели.

— Смертник, — сказала я и почувствовала, как напряглась Кыс, ее телекинетическая сила ожила.

Пес вновь зарычал. Бета.

— Да, имена друг друга мы знаем. Но я не думаю, что твоему прекрасному питомцу нужно говорить за тебя.

Визор зажужжал.

— Тебя послали, чтобы нас остановить? Чтобы помешать нам уйти?

Смертник поднял руку и снял потрепанный шлем. Лицо оказалось простым, и даже привлекательным, благородным, совершенно не вязавшимся с грубым обликом. Его все еще скрывали тени. Мне казалось, что тени будут скрывать его лицо даже среди бела дня.

— Мне поручено следить за задним двором, — сказал он. — И не пропускать незваных гостей. Вы — незваные гости?

— Как мы можем быть незваными гостями? Мы вообще уходим, а не заходим внутрь.

— Тогда вы не в моей компетенции, Бета.

— Спасибо, — ответила я. — Рада снова тебя увидеть сегодня.

Он зашагал прочь, прошел мимо нас вниз, старый пес бежал рядом с ним.

— Я была уверена, что его послали, чтобы остановить нас, — начала Кыс. — А почему он все-таки этого не сделал?

— Может и послали. Кто знает, какой программе он на самом деле следует.

— Потому что он из шайки Эйзенхорна?

Я покачала головой.

— Потому, что он — Альфарий.

Всего лишь через час с хвостиком быстрой ходьбы, когда на дворе стояла уже глубокая ночь, мы добрались до холма Хайгейт и прошли по каменной мостовой одного из переулков Хайгейт. Над нами, глядя на пустоши великого Сандерленда, возвышались руины Мейз Андю.

В последний раз, когда я и Кыс были там вместе, в самый последний раз, когда мы были там, мы пытались убить друг друга.

И я думала, что мне это удалось.

ГЛАВА 29

Заклученная в Доме Божьем

— Реннер? Реннер?

Никакого ответа на протяжении секунды. И тут вокс-бусина затрещала.

— Слушаю. Где ты?

— Занимаюсь делом. Просто проверяю тебя. Вы в безопасности? Как там все проходит?

— Мы в безопасности, — раздался глухой и дребезжащий голос Лайтберна. — Мы там же, где и были. Старик занимается дешифровкой. Думаю, он делает успехи.

— Перевод?

— Практически готов. Дэнс устал, но продолжает работать в том же духе.

— Будь на связи. Свяжись со мной, как только он наткнется на что-нибудь стоящее.

Я отключилась и прошла через разрушающуюся арку, оставляя позади одну пустую разрушенную комнату за другой. Кыс стояла на месте и ждала меня, под ногами у нее валялась разбитая черепица.

— Где искать-то будем?

— В глубине. Это всего лишь пристройки. Если, конечно, там что-нибудь осталось. Ваш набег жестоко поиздевался над этим старым местом.

— Да и погода последних месяцев приложила руку, — ответила Кыс.

«Это старое место», конечно же, было тем зданием, где я провела большую часть своего детства, даже больше — всю свою жизнь. Мейз Андю, называемый перспективной схойлой для Инквизиторов, на самом деле являлся учреждением Когнитэ, которое они использовали для выращивания и обучения своих изделий.

Таких, как я. Нулей с черными душами.

Если вы никогда не учились там, и никогда не посещали район Высоких врат, знайте, что фасад здания смотрит на пыльный северо-восток, на самую верхушку холма в Высоких вратах, и с той стороны строение всегда окрашено серым осадком Сандерленда. Даже когда я училась здесь, некоторые части района уже не были пригодны для жизни. Теперь, даже больше чем когда-либо до этого, постройка напоминала разбитую скорлупу, груды обломков, открытую всем стихиям.

Здание примыкало к детскому дому и сколе Орбус, духовной школе дополнительного образования.

Сиротский приют смотрел на запад и север, противостоя — со своего расположения на краю утеса в Высоких вратах — черной угрозе гор. Теперь он уже закрыт — и закрылся, как я думаю, после налета Ордо.

Строения когда-то опирались друг на друга, чтобы выстоять — каменная гряда на каменную гряду. В те времена они едва ли отличались друг от друга, но теперь Мейз Андю был практически разрушен. Когда мы с Кыс пробирались сквозь обломки, я взглянула вверх и в моей памяти всплыли давно исчезнувшие этажи и лестницы. Теперь пустое пространство оказалось там, где когда-то была моя комната, комнаты Юдики, Фарии, Корлама...

Гардеробная, трапезный зал, уборные — все это тоже исчезло, но какая-то часть все-таки уцелела: останки учительской и библиотеки. Я надеялась, что уцелела и мансарда.

Мы пробрались через края, принадлежавшие наставнику Сауру. Краями мы назвали отдаленные и слишком сильно разрушенные части Мейз Андю, расположенные вдоль восточного крыла, где проходили физические тренировки и боевые практики. Дождевая вода стекала с разбитых крыш. Ночной ветерок врвался в пустые дверные проемы и грязные окна, играясь с мусором, проникшим внутрь, чтобы загрязнить усыпанные щебнем полы.

Кыс повела меня в большое помещение, которое когда-то защищенное от непогоды и хорошо освещенное. Мы называли его тренировочной. Там все еще остались огражденные круги для спарринга, уже наполовину погребенные в упавшем сверху шифере. Слева стояли тренировочные манекены — печальные призраки в сумерках — а рядом находился ряд колышков, на которых когда-то висели щиты. Справа лежали разбитые обломки двух спарринг-машин.

— Здесь вы тренировались? — спросила Кыс.

Я кивнула.

— Саур обучал меня здесь. И именно здесь он убил Вориета.

— Он стал нашим ключом. Он нашел Эйзенхорна, привел нас к нему. Если бы не Вориет, нас бы здесь не было.

— Но смерти за свои деяния он не заслужил.

— Никто не заслужил.

Думаю, что Мейз Андю долгое время был театром — в зале виднелись следы арочной сцены и другие свидетельства несостоявшегося театрального прошлого. Но, как и все театральное ремесло, здание вокруг знавало множество и других ответвлений.

Кажется, первоначально оно задумывалось, как место поклонения.

Будучи ребенком и ученицей, я догадывалась об этом по названию «Мейз Андю». После изучения текстов старых работ с Древней Терры, лежавших в хранилищах библиотеки, у меня появилось некое представление о Старой Франкии. Однажды я рассказала наставнику Мурлису, ученому и библиотекарю в мои времена, что «Мейз Андю» легко может оказаться искажением старой франкской фразы «*maison dieu*», что в переводе означает «Дом Божий».

Он тогда улыбнулся, поразмыслив об этом, и кивнул.

После чего сказал: «Воистину, никакого лабиринта тут нет, Бета».

Теперь я все понимала. Там действительно был лабиринт, и в большей мере — извилистый путь моей жизни. По крайней мере, я все еще жива. Мурли, как и многие из наставников, сейчас мертвы.

— Нам нужно найти проход ко второму этажу, если он все еще на месте. Идем, — сказала я Кис.

Именно там учеников и готовили к выполнению их обязанностей. Частями подготовки становились наблюдение и чтение жизней тех, кого мы собирались обмануть.

Для этой цели наставники держали контрольные лорнетты.

Мы нашли лестницу, у которой не было каждой третьей или четвертой ступеньки, и поднялись наверх. Казалось, неустойчивый фасад закрипел и задрезжал у нас под ногами. Прислонившись к стене, Кис мрачно посмотрела на меня.

— Уверена, что стекло осталось целым?

Я не была в этом уверена вообще.

Пол без предупреждений рухнул вниз, с треском рассыпавшись в пыль и щебень.

Кис силой мысли подхватила меня при падении, и теперь я парила над дырой, ведущей в черный подвал. Она повела меня на относительно безопасную лестницу.

— Ты можешь вообще упасть и разбиться насмерть, — сказала Кис.

Мы уже почти взобрались наверх, когда наши подвески из призрачной кости начали вибрировать.

— Он вызывает нас. Узнал, что мы ушли.

— Он может подождать, — ответила я.

Мы сняли подвески и оставили их на лестнице, где могли бы позже вновь отыскать их и забрать. Кис, казалось, осталась довольна, поскольку освободилась от Гидеона.

— Если он знает, что мы ушли, значит, наконец-то закончил свою чертову перепалку.

— Следовательно, они пришли к некоему консенсусу.

— Или Эйзенхорн мертв, — произнесла Кис.

— Нет.

— Откуда ты знаешь?

Я указала на дорогу.

Мы шли по коридору верхнего этажа, в конце которого находилась комната. Крышу снесло ветром, но остались стропила, напоминавшие кости грудной клетки. Впереди в ночном воздухе парил силуэт.

— Он его послал, — сказала я.

Черубаэль залетел в коридор подобно потерявшемуся воздушному змею.

— Малышки, вы убежали. Он очень сердит из-за этого. Они оба сердиты.

— И тебя послали за нами? — спросила я.

Демон пожал плечами, покачиваясь на ветру.

— Он настоял, чтобы я пошел. Мне все равно, чем вы тут занимаетесь, но он настоял. Я думаю, что ты его заинтересовала. Что он задается вопросом о том, чем ты тут занимаешься, задается вопросом, может ли он тебе доверять. Ты ведь не задумала ничего дурного?

— Конечно же нет, демон.

— Так бы ты и ответила, если б задумала. Сужу по себе.

— Я выполняю его поручение.

— Да? Или все-таки выполняешь поручение Когнитэ, создавших тебя? Поручение, которое выполняла все это время?

— Мы должны закончить то, ради чего сюда пришли, — вклинилась Кыс.

— Нет, малышки, вы возвращаетесь со мной. Меня за вами послали и точка.

Кыс опустила голову и расставила ноги немного шире, кинжалы выскочили из волос, и, вспыхнув, зависли по обе стороны от нее.

— Мы должны закончить то, ради чего сюда пришли, — повторила она.

Черубаэль весело фыркнул и залился таким сильным смехом на почве неугомонного веселья, что я подумала, что его плоть вот-вот лопнет. Раздирающий тело смех раскачивал его из стороны в сторону в воздухе. Звук демонического веселья оказался совершенно неприятным — этот маниакальный хохот мне едва ли хотелось услышать снова.

— Просто прелестно, малышка, — хихикал он, по чуть-чуть приходя в себя. — Так смешно. Ты? Хочешь потягаться со мной? Ты этого не сделаешь.

— Кыс сделает, — ответила я. — Она не должна это делать. Она проиграет. А я этого не хочу.

— Так и не надо, — ответил демон. Улыбка пропала с его лица. — Я слишком привязался к тебе, Бета. Мне бы не хотелось причинить тебе боль.

— Думаю, что это ложь.

После тех слов он выглядел так, словно я его оскорбила.

— Это не ложь, — Черубаэль прижал когтистую руку к груди, словно обиделся. — Я привязался к тебе.

— В каком-то смысле, мне кажется, что ты привязался ко мне весьма диковинным образом, что вполне в твоём стиле. Ложь — другая часть твоего предложения. Я думаю, ты хочешь причинить мне боль.

— О, да, я с удовольствием сделал бы тебе больно, — произнес он с настораживающим наслаждением. — Вам обоим. И растянул бы процесс. Но мне приказано просто привести вас обратно, а не искалечить. Хотя, в любом случае, если вы будете отбиваться и сопротивляться, травмы неизбежны.

— Лети к нему и скажи, что мы скоро вернемся. Мы здесь еще не закончили.

— Я демонхост, малышка. Меня не волнуют детали. Я — душа, закованная в цепи раба. Мне дали инструкцию, и я четко следую приказам. Не могу оспорить их. Я должен вернуться с вами. Вы идете со мной или нет?

— Нет, — ответила Кыс, и ее клинки дрогнули в воздухе.

Демон улыбнулся.

— Что ж, — произнес Черубаэль, предприняв ленивую попытку скрыть свое ликование.

— Ты не хочешь драки, демон, — сказала я.

— Почему это? — спросил он.

Я схватила один из клинков Кыс правой рукой и молниеносно вонзила острие в левую ладонь. Капли крови пролились на пол, их унес ночной ветер.

— Потому что драться ты будешь не с нами.

Издав вопль, демон бросился прямо на нас, широко раскрыв руки, чтобы схватить нас и заключить в объятия.

Кыс толкнула меня влево кинетической силой, попросту отбросив в сторону, сразу после того, как сделала невероятно высокое сальто над атакующим демоном.

Я распласталась на земле. Черубаэль пролетел мимо меня и обрыва в руинах, затем развернулся в воздухе, чтобы спикировать вниз. Кыс, все еще находясь в воздухе, зацепилась за стропила, крутнулась на них, как гимнастка на асимметричных брусьях, и приземлилась на ноги на половицы коридора. Все задрожало и заскрипело.

Кыс стояла лицом к атакующему демону. Я попыталась отползти в сторону. Женщина присела на корточки, вытянув руки перед собой, сложив ладони ковшом — одна рука под другой. Клинки пролетели по обе стороны от нее и вонзились в грудь демона.

Извиваясь в воздухе, он издал яростный вопль и выдернул лезвия из тела. Липкий черный ихор, текстура моих снов, сочился с шипов.

Он снова бросился на нас.

Я призвала мерцающий меч. Если бы только мне удалось рассчитать время для атаки...

Он так быстр.

И демонхост уже находился в дюйме от меня, когда Комус схватил его и пробил им стену, ударил о кусок карниза, затем выбросил через разрушенную крышу схолама Орбус. Ангел явился подобно грому среди ясного неба.

Они оба упали в ночь, ангел и демон, свет и тьма, сцепились в дикой схватке, оба ревели, кусали и истязали друг друга. Каждый был таким же ужасным, как и его противник. Они упали вместе и пробили крышу схолама под нами. Мы чувствовали, что они продолжают драться, но уже вне поля нашего зрения: плитка трещала, стены дрожали, и внезапно вырывались брызги измельченного кирпича и

скалобетона. Мы слышали звуки ударов нечеловеческой силы, демон визжал от боли и удовольствия.

— С тобой все в порядке? — спросила я у Кыс.

Она кивнула.

— Тогда поторопись, пока у нас есть возможность.

Взяв себя в руки, я поспешила наверх.

— Они... друг друга уничтожат? — спросила Кыс, оглядываясь назад.

— Вполне возможно. Мне кажется, что Черубаэль может выиграть, но Комус на редкость рассвирепел. Он в ярости. Жажда. Думаю, что его создали именно для борьбы с демонами.

— Ты вызвала его... и послала на почти верную смерть, чтобы защититься?

— Он сражается за Бога-Императора, а не за меня. Но да, я так и сделала.

Она приподняла брови.

— Знаю, — печально ответила я. — У меня уже есть задатки истинного инквизитора, не так ли?

Не знаю, как, но зеркало пережило гибель всего Мейз Андю.

Оно упало с подставки и лежало в пыли и грязи с огромной поперечной трещиной.

— Изумительно, — сказала Кыс.

— Это стекло для лорнетов. Возможно, более прочное, чем обычное стекло. Давай не будем испытывать удачу.

— И сколько же удачи может принести нам разбитое зеркало?

Мы подняли его и поставили вертикально, чтобы прислонить к изъеденной дождем кирпичной стене. Выпало несколько осколков посеребренного стекла.

Я уставилась в зеркало. Призрак моего лица, такой мокрый и грязный от дождя, оглянулся. За прошедшие годы я столько раз видела себя на этой поверхности. Так много версий меня самой, так много других жизней.

Вопли демона доносились снизу.

— Сработает?

— По крайней мере, я знаю, как проверить. Минутку.

— А если сработает? — спросила она.

— Ты серьезно сейчас об этом спрашиваешь?

— Забудь. Как мы вообще узнаем, сработает ли оно?

— Легко.

Она не ответила, поскольку все сработало, и ее здесь больше не было.

Точнее, там больше не было меня.

ГЛАВА 30

Я очутилась во дворце Таумейзин

Я не почувствовала, как вокруг все изменилось, как я перенеслась совсем в другое место, в другую реальность. Глубоко вдохнув еще в холодной сырой тьме лабиринтов Мейз Андю, я выдохнула в месте, куда проникал солнечный свет.

Я все еще вглядывалась в простое зеркало квадратной формы, поверхность которого была изготовлена с невероятной аккуратностью. Оно висело на стене из полированной янтарной плитки. Я прекрасно видела свое отражение: грязь на щеках, капли дождя Королевы Мэб в волосах, удивленное лицо. А вот комната позади была выложена плиткой от пола до потолка. Я развернулась, чтобы оглядеться. Простое квадратное помещение, где на всех стенах мерцала янтарная плитка. Ботинки оставляли грязные пятна на идеальном полу. Я даже представить себе не могла, как все вокруг спроектировали: никакого раствора, никакого цемента — мне и листа бумаги не удалось бы просунуть в щели между мерцающими плитками. Потолок надо мной был куполообразным, и плитка точь-в-точь повторяла изгиб до соединения сводов на вершине, без каких-либо трещин и неровностей. Существовал всего один выход из комнаты — сводчатый проход, выходящий на стену, где и висело зеркало. Казалось, что целую комнату отвели специально под него.

— Пейшенс? — я тихо позвала Кыс, но ответа не последовало. Я нажала на микро-бусину, но связи не было. Тогда я направилась к арке.

За ней находился длинный коридор с рядами гладких черных колон, стены выложены той же мерцающей плиткой. Если это и есть Пыльный Город, то выглядел он вовсе не так, как я себе представляла. Все вокруг казалось стерильно чистым.

Теплый воздух. Яркий солнечный свет проникал сквозь арки с колоннами, отбрасывая длинные и четкие тени на пол, словно это были выделенные курсивом цифры на циферблате часов. Свет казался весьма странным. Таким чистым, горячим и точно направленным.

Янтарная плитка в коридоре сохраняла богатое внутреннее тепло и мерцала там, где на нее попадали яркие солнечные лучи. Я посмотрела на плитки рядом со мной — снова идеальные. Подойдя поближе, я увидела, что на каждой есть крошечная отметина — узор, выгравированный аккуратными тонкими линиями. Орнамент в форме цифры «8», снова и снова, и каждая из восьмерок была не больше кончика карандаша. Но цифры выстроились по бокам, образуя связки или цепочки. И оказалось, что это никакие не восьмерки. Лемнискаты — геометрические символы бесконечности, безграничные апейроны, кусающие хвосты двойные круги уробороса.

Шаг назад.

Я не слышала ничего, но создавалось ощущение, что где-то играет музыка, или, по крайней мере, отдается едва слышимая гармоническая вибрация. В воздухе витал аромат духов, но потом я осознала, что это мой запах. Меня облила духами Кары Кыс, когда отбросила пузырьки в сторону, помогая очистить зеркало в безмянном доме. Запах был едва уловимым, но казался таким сильным только потому, что в этом месте вообще ничем не пахло.

Место. Дворец. Огромных размеров. Мне казалось, что я нахожусь в маленькой части чего-то колоссального. Я продолжила свой путь, но остановилась, осознав, что в моей голове крутится слово, которого раньше там не было. Слово на запрещенной энунции, забытое мной уже в момент произнесения. И внезапно я вспомнила его здесь... Мне показалось, что это является одним из доказательств того, что я нахожусь в экстимном пространстве.

Я двинулась дальше. Сквозь арки мне удалось разглядеть город внизу, и я застыла как вкопанная. Огромный город с башнями и куполами, сверкающими серым и белым, сталью и корундом, некоторые из них увенчивали гребни и шпили из сияющего аурамита и орихалка. Город был заключен в кольцо из прочных стен для обороны, таких же величественных, как и башни. Абсолютно черное небо резко контрастировало с ярко освещенным городом. Я даже выглянула из-за угольной колонны, и посмотрела вверх. Мельком увидела там солнце — источник сверкающего света. Но солнцем оно едва ли являлось — это была сверхмассивная звезда иной системы. Ее окружала тьма, и она светилась сверхъестественной белизной. В сияющем ореоле мерцали и другие звезды в бесконечном пейзаже незнакомых узоров и причудливых созвездий, которые, я была полностью уверена, Фредди Дэнс сразу бы узнал. Они казались такими близкими, подобно призракам в вечной тьме, и я увидела очертания и полумесяцы первых экзопланет, некоторые из них, огромные и неподвластные времени, оставались непостижимыми в личных небесах Короля.

Я попыталась дышать ровно. Насколько огромен этот дворец, насколько огромен город? Сто лье в диаметре? Тысяча? Могучие стены казались такими далекими, но я все же могла их отчетливо видеть. Видеть, точно так же, как и бесчисленные звезды, поскольку воздух был чистым, без единого следа загрязнений.

Там было совершенно пусто.

Пустота казалась воистину жуткой. Я немного побродила по янтарным залам, нашла широкую лестницу из полированного мрамора и поднялась по ней наверх. И тут очутилась еще выше, выйдя прямо к неумолимому звездному свету на огромную платформу из белого камня, вдоль которой стояли громадные алебастровые статуи, и каждая представляла собой крылатого человека благородных кровей.

Мастер сотворил каждую статую похожей на Комуса Ноктюрна.

Мне показалось, что я нахожусь на самой высокой точке во дворце, но платформа, по габаритам как вся Королева Мэб, оказалась просто подножием огромных башен, паривших надо мной. Они выделялись на фоне общей черноты из-за того, что были высечены из сияющего эфирцита. От любого взгляда вверх при попытке понять высоту у меня кружилась голова.

Я отвернулась и вновь посмотрела на город внизу. Теперь у меня больше преимуществ. Оказалось, возможным рассмотреть весь план города. Витки спирали плавно изгибались, подчиняясь как макро, так и микросхеме универсальной гармонии золотого — или божественного — сечения. Улицы казались извилистыми, словно спиральные камеры раковины наутилуса. Что это за место, и какой разум его сотворил?

Отсюда я видела даже то, что находилось за дальними стенами — белоснежную береговую линию, пляж, возможно в километр глубиной и шириной, уходящий к самому горизонту. А за ним простирался океан, такой бескрайний и темный под усыпанным звездами черным небом и бесконечно плещущийся о белоснежную береговую линию. Даже несмотря на расстояние, я могла слышать звук раскатистых всплесков волн. Показалось, что я даже слышала стук и позвякивание ракушек и гальки, гонимых

волнами.

Этот звук я слышала и рядом с океаном внизу. Я практически уверена в том, что это другая сторона того же моря, дальний берег того же водохранилища, которое мне довелось увидеть через щель в Королевском Створе. Этот океан нельзя пересечь и переплыть, но даже если бы можно было, то все равно придется столкнуться с непреодолимыми стенами города. Рейвенор ошибался, впрочем, как и Эйзенхорн. Смертным не проникнуть в это место с помощью Королевского Створа. Они даже не догадывались о масштабе всего этого.

И никакое это не море. Город — огромный, сияющий остров, а море вокруг — имматериум, спокойный и величественный, но такой же бесконечный и абсолютный, как тот узор апейрона на янтарных плитках. Я понятия не имела, почему великие эмпирики не смыли меня с того места, где я стояла.

Что же Комус сделал, чтобы пересечь все это...

Я продолжила идти по платформе, чтобы обогнуть основание огромных башен и полюбоваться видом с другой стороны, но я все еще не оценила масштаб. То, что казалось пятиминутной прогулкой, заняло гораздо больше времени. За пять минут мне едва удалось пересечь малую часть платформы. И тут я осознала, насколько огромными были эти циклопические башни, насколько колоссальны стены за ними, насколько огромен белоснежный берег и бесконечно море за ним. Солнечный свет, звездный свет были жгучими настолько, что не отбрасывали теней. Я чувствовала слабый жар, но кожа на щеке начала сгорать. Не существовало ни атмосферного слоя, ни неба, но ничто не давало воздуху, которым я дышала, вырваться в пустоту наверху.

Несмотря ни на что, я продолжала идти, и мои еле слышные шаги оказались единственным звуком — впрочем, и я была слишком маленькой для этого места. Всякий раз, как я останавливалась и оборачивалась, чтобы посмотреть на город, башни незаметно подстраивались так, словно их притягивал объектив камеры. Меня заинтересовало то, как они обращают лицевые стороны к гигантской звезде на небе подобно цветам, поворачивающим головки к солнцу. Дважды мне удалось заметить птиц далеко над океанским берегом — белые точки, парящие в черном небе.

Не птицы — и я прекрасно это понимала.

И мне стало страшно. Это место оказалось чудом, таким величественным, что балансировало на грани ужаса.

Моя прогулка заняла чуть больше времени, чем планировалось, и мои ноги сильно болели, но я уже находилась у основания башни и прислонилась к теплому белому эфирциту, чтобы перевести дух. И тут я увидела раскинувшийся город, еще недавно сокрытый от моего взора. Я увидела то, что наполняло черные небеса, то, что загораживали собой высокие башни.

Зловещий шрам разрезал черноту по диагонали. Космическое явление, сморщенный вихрь деформированного звездного света, пронизанный алыми и розовыми языками пламени. Даже больше, чем эта гигантская звезда. Огромная дыра шириной в световые годы, практически галактическая рана. Она доминировала над чашей пространства, над всем психокосмосом. Спирали крошенных звезд — ярких, как хлопья льда, сырых, как пепел, медленно падали в зияющую бездну флуоресцентного газа туманности и налитого кровью света. Они замерли в небе, и их падение было бесконечным процессом длиною в вечность. Казалось, что этот шрам просто смотрел на город сверху вниз, словно горящий, обезображенный глаз. И тут я ощутила первобытный ужас, потому что это оказалось именно тем, чем оно и являлось.

Окулярис Террибус. Око Ужаса.

Под исходящим от него цепенящим ужасом, далеко-далеко бушевала война. С дальних стен города, с башен и укреплений, превосходивших по размерам величайшие соборы, в самое небо устремлялись стрелы и копья электрокорпорального света, а в ответ прилетали красные лучи из крошечной тьмы под ярким светом Ока. Яркие вспышки, дрожащие и пульсирующие за горизонтом, появлялись и пропадали — они говорили о масштабном разрушении, уничтожении чего-то за пределами моего поля зрения. Я не слышала ничего, даже тихого рева. Сотрясающие мир, разрушающие города взрывы жгучих бомбардировок, а я даже не могла ничего услышать.

Но видела, как летели ангелы — далекие точки, напоминавшие снежинки на ветру, как они поднимались с дальних зубчатых стен строями в тысячу душ и улетали во тьму. Видела золотые баржи и отполированные боевые корабли, безмолвно и непостижимо застывшие во тьме на городом. Они уже приготовились к посадке. Один пролетел у меня над головой, пока я наблюдала за всем происходящим. Не знаю, откуда он взялся, но тень пересекла и меня и башню, к основанию которой я прислонилась. Устремив взгляд вверх, я увидела его золотые очертания, детали обшивки, флероны, орудийные порты и двигатели, увидела, как медленно развеваются знамена, заметила мачты передних лэнсов, трубопроводы и воздуховоды гигантского кия.

Все было золотым. Он пролетал над моей головой медленно и совершенно бесшумно. Я проводила его взглядом и сползла по стене, пока не осела на землю, все так же продолжая смотреть вслед кораблю, пока тот не стал одной из бесчисленного множества точек над мерцающими стенами.

И чего я только ждала от этого места? Что это будет прогнивший отголосок Королевы Мэб. Разрушенная реликвия, задыхающаяся в пыльной пустыне. Мистическое логово, в котором хитрый Король, скрывшись от реального мира, строит козни и вынашивает планы.

Но такого я не ожидала.

Никогда.

Мы много фантазировали, но даже наши фантазии не могли зайти так далеко — смешно, на самом деле. Это пространство находилось за пределами всего — царство абсолютного метафизического совершенства и атомарно точной инженерии, ограничивающей и использующей сам эфир вокруг в качестве барьера. Неудивительно, что все, кто слышал о нем, так боялись этого места. Неудивительно, что воины всех лагерей — как предатели, так и лоялисты — и даже военачальники других рас сломя голову стремились в Санкур. Царство Орфея было либо угрозой всему сущему, либо ответом на все молитвы. Короля нужно либо остановить, либо присоединиться к нему только из страха оказаться на противоположной стороне, потому что та уже проиграла битву.

Думаю, в тот момент я, возможно, потеряла голову.

Когда я вновь осознала происходящее, то поняла, что нахожусь во дворце. Думаю, что неосознанно в ментальном оцепенении я прошла весь обратный путь через платформу, спустилась по лестнице и очутилась в янтарном коридоре. Я понятия не имела, к слову, был ли это самый первый янтарный коридор. Все плитки выглядели одинаково. Но я все еще слышала тихое шипение эмпирического океана, омывающего далекий берег.

Теперь я сидела у основания колонны, уставшая и ошеломленная. Янтарные плитки подо мной нагрел звездный свет. Я плакала, мои руки дрожали. И я не имела ни малейшего понятия, сколько времени тут

провела.

— Все будет хорошо, — вдруг произнес голос.

Посмотрев вверх, я увидела молодого человека с обеспокоенным лицом. Он пытался меня утешить. Он облачен в строгую белую униформу, напоминающую церемониальную одежду Имперского Боевого Флота с роскошной синей мантией, отороченной аурамитовой нитью. На груди, воротнике и рукавах туники золотом был вышит повторяющийся символ лемниската. Я заметила сложные татуировки на горле, и сбоку у самого основания черепа.

И я знала его лицо.

— Юдика?

— Меня зовут не так.

— Но у Вас его лицо.

Он рассмеялся, словно говоря мне: «Конечно!». Парень помог мне подняться, и я мельком заметила, что у него такая же манжета, как и у меня, только золотая. Он такой же нуль.

— Ты новенькая? — спросил Не-Юдика.

— Да.

— Мы тебя случайно нашли. Другие отправились за помощью. Значит, ты здесь совсем недавно?

— Да.

— Неудивительно, что ты в таком состоянии, — торжественно произнес он. — Тебя должны были встретить, но ничего подобного не запланировано. Вид дворца может вызвать потрясение у тех, кто не слышал о нем.

— Дворец...

— Таумейзин. Дворец Таумейзин.

— Его так называют?

— Кого — его? — нахмурился парень. В голосе слышалось легкое, но отчетливое потрескивание, похожее на потрескивание вокс-помехи. — Тебе нужна вода и хороший отдых. Ты явно измотана. Так же, как и я, когда впервые попал сюда, но меня приняли и позаботились обо мне. Ты бродила здесь одна?

Я кивнула.

— Трон сохрани! — воскликнул он. — Даже удивительно, что ты с ума не сошла. Здесь самым первым делом надо пройти акклиматизацию. Нейроанатомическое лечение. Тебя должны были доставить в адитум для инициатической обработки.

— Таумейзин...

— Да-да.

— Это не имя?

— Название этого места. Вот это Пыль. Это все, чем мы все здесь являемся. Этот дворец ограничивает Море Душ. Оно управляет Пандемониумом. Тебе об этом говорили.

— Нет.

— Никто тебе не рассказал? — спросил Не-Юдика. — Как тебя вообще отправили в Пыль, не предупредив об этом?

— Я уже ни в чем не уверена.

— Это Дворец Таумейзин. Таумейзин означает ошеломление, поскольку тут все начинается с этого. Так говорится в самой ранней философии Эленики, ибо именно ошеломление перед загадкой и приводит нас к знанию. Неужели тебя этому не обучили?

— Знание? — у меня сильно кружилась голова.

— Знание превращается в силу, — медленно, но легко сказал он, словно это был припев, который я должна знать и повторить за ним.

Он нахмурился и стал беспокоено меня изучать.

— Кто ты? — Не-Юдика смотрел на одежду, рассматривал грязь на моих руках и лице, землю, засохшую на ботинках.

— Новенькая.

— Как тебя зовут? — его тон изменился, стал настороженным и осторожным. Он все еще поддерживал меня, но уже убрал руки.

Я попыталась собраться с мыслями.

— Виолетта.

— И что за имя такое?

— Кающаяся, — ответила я быстро.

— Все мы раскаиваемся перед Королем.

— Король?

— Да, тебя нужно будет к нему отвести, — и снова я услышала вокс-треск. — Сначала тебя осмотрят Хранители, а потом отправят к нему. Ты... Ты либо вообще ошиблась дверью, либо не та, за кого себя выдаешь.

— И кто же я по-твоему?

Он подозрительно уставился на меня.

— Выглядишь, как незванный гость. Словно тебе здесь не место, словно тебя не создали для этого. Выглядишь так, словно пришла сюда по ошибке.

— У меня была причина сюда прийти.

— Ты не такая, как все. Незванный гость.

Я уже хотела возразить, но услышала звук шагов. По коридору шли трое — трое людей, похожих на Не-Юдику. Две женщины и один мужчина с обритыми догола головами. Такие же белые униформы, такие же мантии с золотой каймой, как и у него. Одна из женщин была облачена в синюю мантию, как и Не-Юдика, вторая носила насыщенно-красную, как кошениль, а мужчина — бледно-зеленую, цвета полыни.

— С ней все в порядке? — спросил один из них. — Ей лучше?

— Не знаю, что с ней делать.

— Помощь уже близко, — ответил парень в зеленой мантии, — кустодии.

Я взглянула на него. Да, на нем зеленая мантия, но гораздо больше меня волновало, что и у него лицо Юдики Сола. Отличался так же и узор татуировок на шее. Двое Не-Юдик уставились на меня. Я отходила назад, пока не врезалась в колонну позади.

— Что с ней не так? — спросила одна из девушек. В ее голосе слышались более отчетливые помехи. Ее лицо... Лицо Фарии, которая, как и Юдика, училась вместе со мной в Лабиринте.

— Фария? — переспросила я.

Она нахмурилась.

— Почему она так зовет меня? Думаю, ты прав. Кажется, что с ней что-то не так.

— Именно, — отозвался Юдика в зеленой мантии. — Посмотри на ее одежду. Ей точно здесь не место.

— Не думаю, — ответила одна из девушек, — она принадлежит этому месту. Посмотри на ее лицо.

Я перевела взгляд на нее — на ее лицо, и лицо этой девушки в кошенильно-красной мантии оказалось...

Моим.

Это все равно, что смотреть в зеркало. Только вот голова обрита, и татуировки покрывали шею и затылок. Но лицо было моим.

— Она одна из нас. Посмотри на нее. Слишком длинные волосы, и она вся в грязи. Но посмотри на нее. Геном Ализебет. Такой же, как и у меня, понимаешь?

— Так я и подумал, — ответил Юдика в голубом. — Но она ведет себя странно и не прошла посвящение. Не нравится мне все это.

— Тише! Ты что не видишь, она просто напугана, — ответила другая я. — Тебе страшно? Не бойся. Мы с тобой похожи.

— Даже слишком похожи, — прошептала я.

— Все в полном порядке. Мы все братья и сестры по геному Ализебет. Сестры. Сделаны из той же пыли, — она улыбнулась моей улыбкой и потянулась ко мне. Одна лишь мысль о ее прикосновении была мне противна.

— Пожалуйста, не трогай меня.

— Все в порядке, — настаивала она тихим и добрым тоном, но помехи в голосе никуда не делись.

— Не трогай! — зарычала я, оттолкнув ее руки.

Все больше молодых людей в разноцветных мантиях и белой униформы бежали по янтарию прямо к нам. Еще больше Юдик. Фариев. И даже четыре Корлама.

И, по крайней мере, три из них носили мое лицо.

— Пожалуйста, — пробормотала я, — не подходите ко мне. Держитесь от меня подальше.

— Где кустодии? — Не-Юдика в зеленой мантии спросил у новоприбывших. Ее нужно заключить под стражу.

— Я могу успокоить ее, — сказала ему другая я в кошенильно-красной мантии. Она все еще смотрела на меня и улыбалась.

Мерцающий меч появился в моей руке, и все они резко отступили назад.

— Она весьма хорошо вооружена, — подметила Не-Фария.

— Кустодии! — крикнул Не-Юдика в синей мантии.

— Она не причинит нам вреда, — настаивала другая я. — Ты же этого не сделаешь, правда? Ты же не ранишь меня, как и себя?

Она шагнула ко мне. И я занесла меч, но другая я оказалась права — я не смогла заставить себя ударить ее.

И вместо этого я произнесла слово.

ГЛАВА 31

Названный

Мир взорвался. Слово взорвалось. Слово взорвало мир.

Не знаю.

Меня отбросило назад с такой силой, словно меня ударил осадной таран. Я вылетела в ливне битого стекла и сильно ударилась об пол. Вокруг оказалось сыро и холодно.

— Биквин? — испугано спросила Кыс.

Я сглотнула, поскольку не могла говорить, но ощутила, как слово обожгло мой рот и губы. Теперь я лежала на спине в одной из мансард Мейз Андю. Знакомые звезды рассыпались по небу. Капли дождя падали мне на лицо.

Я села. Осколки стекла скользнули вниз и со звоном упали на пол. Лицом я стояла к зеркалу для спиритических сеансов. Теперь там осталась только старая, разбитая рама без стекла. Осколки зеркала были и на мне, и на полу вокруг меня.

Кыс подползла ближе.

— Что за хрень? — спросила она, пытаясь помочь мне и утешить меня, но выходило у нее, прямо скажем, так себе.

— Долго? — пробормотала я.

— Что?

— Меня долго не было?

— Минут пять.

— А потом?

— Ты вернулась. Появилась из зазеркалья спиной вперед. Вылетела, словно тебя отбросили. Зеркало разбилось, рама осталась. Как какой-то хреновый карнавальный трюк.

Я кивнула.

— Помогли мне встать.

Она подняла меня на ноги руками и подтолкнула телекинетической силой. Я покачнулась. Кыс дала мне опереться на плечо и повернула мое лицо пальцами так, чтобы мой взгляд был направлен ей в глаза.

— Куда ты ходила? — спросила она.

— Туда. В Город.

— В Пыльный Город?

— Название совершенно не подходит для этого места.

— Что ты видела там?

— Все.

Она отпустила меня, но у меня плохо получалось стоять без посторонней помощи.

— Я нашла себя же в Пыльном Городе.

— И?

— Нет, Пейшенс, я нашла себя.

— Ну, я рада за тебя, — усмехнулась она.

— Нет причин для радости. Мы должны вернуться. Мы должны вернуться к Грегору и Гидеону. Поможешь?

— Да, но ты мне ничего не скажешь?

— Я тебе все расскажу. Дай мне дух перевести. И им все расскажу. Они совершили ужасную ошибку. Это намного хуже, чем они думали. Он построил свою империю. Он контролирует реальность. Он сковал сами эмпиреи. Он правит Пандемониумом.

Кыс посмотрела на меня, словно я брежу.

— Ты о Короле? О Короле в Желтом?

Я кивнула.

— Ты знаешь кто он? Один из потерянных сыновей? Как его зовут?

— Не знаю. Но мы глупы, если думаем, что сможем с ним сразиться. Он не какой-нибудь военачальник-еретик. Он...

И тут я ощутила, как мой голос утихает.

— Что? Что он?

— У меня даже нет слов, чтобы описать.

— Но ты смогла войти туда сквозь зеркало для спиритических сеансов?

Я вновь кивнула.

— Что ж, — ответила Кыс. — Тогда у нас есть хоть какая-то зацепка. Путь внутрь. Гидеон и Рейвенор тебя за это поблагодарят.

— Не думаю. После того, как расскажу все, не будет никаких благодарностей.

Нам потребовалось немного времени, чтобы спуститься по руинам Мейз Андю. Мое тело ныло, я устала, раны и порезы покрывали кожу, меня шатало со стороны в сторону. Все вокруг казалось таким серым и тусклым, грязным и старым, и вдобавок мрачным.

К тому времени, как мы добрались до переулка в низине района Высоких врат, они уже ждали нас. Стояли на улице, при параде, словно неблагополучная семья отшельников, без особого желания собравшаяся для групповой фотографии. Эйзенхорн — уставший и угрюмый, с фиолетовым светом, вырывающимся из глаз, а рядом с ним зловеще ожидающий Наставник. Кара, Медея, Смертник стояли по бокам от них. Кара держала руки в карманах, продолжая насторожено смотреть на меня. Медея сложила руки в красных перчатках перед собой, лицо не выражало никаких эмоций. Капюшон скрывал лицо Смертника, но собака, тем не менее, лежала у его ног. Нейл напряженно ждал неподалеку, сгорбившись от боли.

Ни демона, ни ангела не было видно.

— Объяснись, — начал Эйхенхорн. — Ты проигнорировала нас.

— Да она сделала за вас всю работу, — сказала, даже скорее прорычала Кыс. — Нашла вход внутрь. Дверь в Пыльный Город. И она сможет вновь ее открыть. Так что поубавь свой пыл и поблагодари ее, еретик.

— Следи за тоном, Пейшенс, — сказал Рейвенор.

— И не подумай.

— Мы пришли к соглашению, — все-таки продолжил Рейвенор. — У нас перемирие, чтобы вы смогли работать вместе. И поэтому ты проявишь уважение к Грегору.

— Нет, — ответила Кыс.

— Мы пришли к соглашению...

— Да рада я за вас.

Я положила свою ладонь на руку Кыс.

— Остановись, — прошептала я.

— Так ты нашла вход, Бета? — спросила Медея.

На ней был строгий черный костюм с высоким воротом, словно она собиралась на похороны, с чем резко контрастировал красный цвет ее перчаток.

— Да.

— И Короля? — спросила Кара. — Что с Королем?

Я начала говорить. Мне хотелось снять с себя это бремя и рассказать все детально, так же, как я сделала это здесь, в повествовании. Но голоса в моей голове, шепот, шипящий и царапающий мои уши мешал мне сосредоточиться. Треск, покалывание...

И тут я поняла, что это микро-бусина. Жестяной голос Реннера Лайтберна. Он снова и снова звал меня по имени, словно меня было больше, чем одна, и всех нужно поприветствовать.

— Погодите, — сказала я своим и подняла руку, чтобы заставить их помолчать, пока настраиваю бусину. Эйзенхорн нахмурился.

— Лайтберн? — спросила я.

— Какого хрена ты не отвечаешь? Я все зову тебя.

— Ну теперь ответила же. В чем дело? У тебя есть новости?

— Старик закончил перевод. По крайней мере, часть. Начало. Книга — это имя. Целая чертова книга. Единственное имя написано в этой хреновине с кодом Гексады длиной в тысячи символов. Что...

Он резко замолчал. И я услышала приглушенные голоса вдали.

— Реннер? — позвала я.

Он вновь отозвался.

— Так. Фредди говорит о миллионах символов. Я не прав. Он хотел, чтобы я говорил все очень точно. Он дал мне реальные цифры, но я исказил их.

— Реннер, просто скажи мне уже!

— Это настоящее имя Короля в Желтом. Он уверен. Вот что это за книга. Я могу дать только начало, отрывок, который он уже перевел.

— Давай.

— Погоди. Я тут записал.

Я посмотрела на Эйзенхорна, пока ждала.

— У нас есть его имя, — произнесла я.

Он стиснул зубы и взглянул на Рейвенора. Как и я, они оба ожидали худшего. Имя потерянного сына-примарха. Имя демона. Имя бога. Имя Императора Всевышнего, чье истинное имя может разорвать реальность в клочья и повелевать космосом.

Голос Лайтберна вновь заговорил.

— Да, все здесь. Бета, оно начинается так...

Я послушала. Кивнула и повернулась к своим:

— Имя Короля в Желтом — Константин Вальдор.

1. Maze Undue — Лабиринт Непроходимый.
2. В оригинале присутствует такой термин, как «waring», обозначающий процесс, когда Рейвенор берет под контроль тело своего оперативника. В официальных переводах он переведен как «надевать/носить» кого-то. В этой книге выбран вариант «беречь/оберегать».
3. Камя — род геммы, резного полудрагоценного камня с выпуклым рельефным изображением, в отличие от инталий, резных камней с углублённым изображением.
4. Скромные числа (humble numbers) — это числа, которые делятся на 2, 3, 5 или 7 и не имеют других делителей.

Источник — [https://wiki.warpfrog.wtf/index.php?title=Кающаяся / _Penitent_ \(роман\)&oldid=17964](https://wiki.warpfrog.wtf/index.php?title=Кающаяся/_Penitent_(роман)&oldid=17964)

Эта страница в последний раз была отредактирована 26 октября 2021 в 06:11.